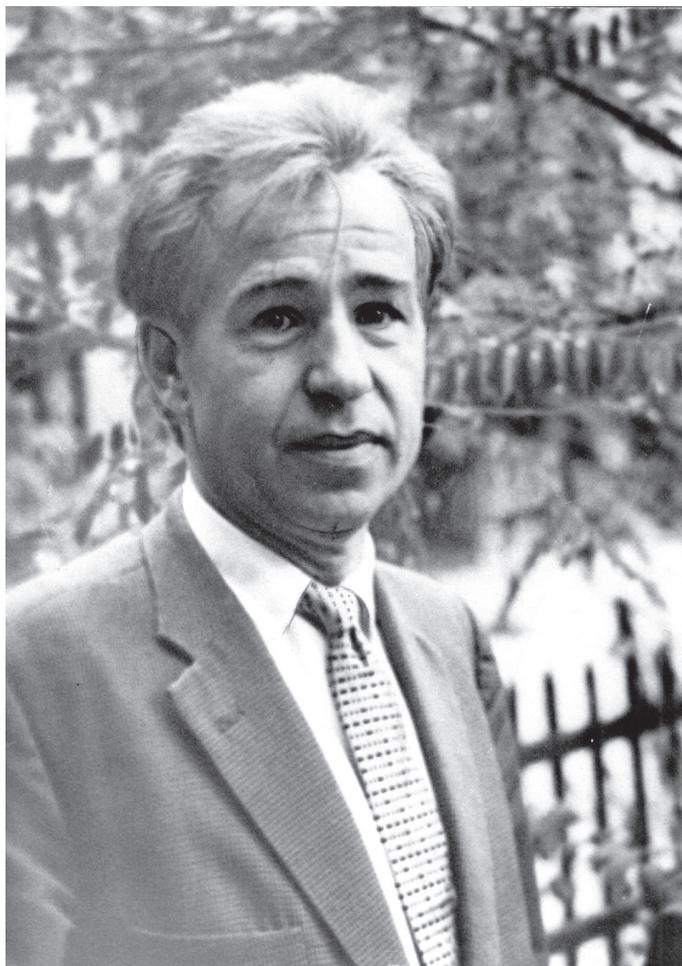

100-летию со дня рождения
Василия Дмитриевича Фёдорова
посвящается

К России
Я был с тобой
В твоём
Давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть с тобой.
В. Фёдоров

Жил на Земле поэт – Василий Фёдоров.
Радовался...страдал...работал...
Мечтал об отклике, об отзвуке своей душе.
Хотел быть понят своей страной.
Оставил сердце своё – людям...

Тамара МАХАЛОВА

ТОЛЬКО
СВЕТ И СЛОВО

О поэте Василии Фёдорове
Воспоминания
Статьи

Кемеровское отделение
Союза писателей России
Кемерово
2018

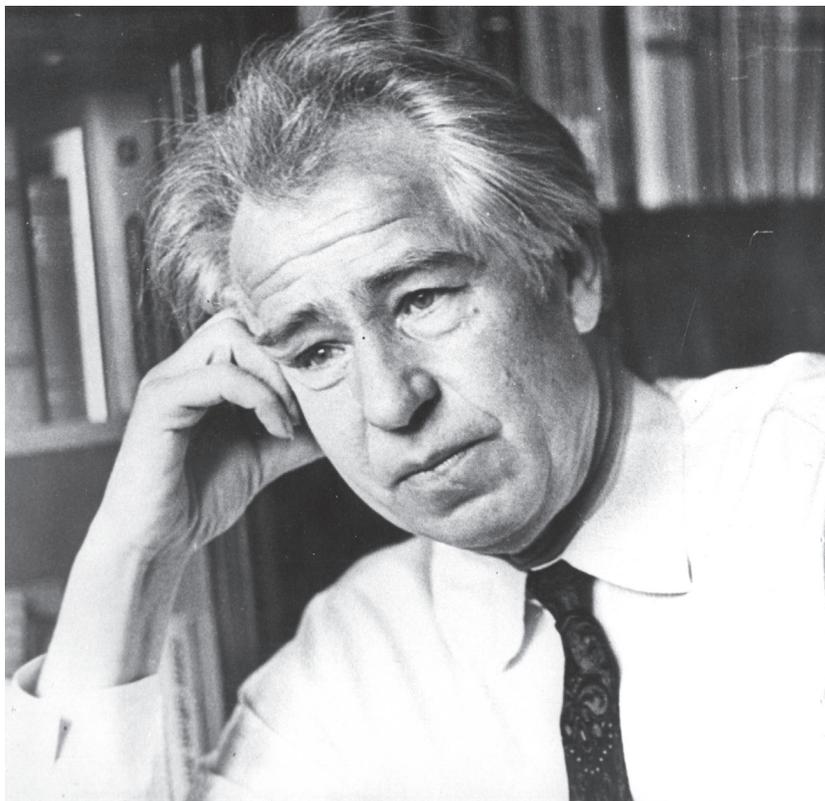
ПОЭЗИЕЙ ПРИПИСАННЫЙ К ВЕКАМ

* * *

*Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени -
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.*

*Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что всё несовершенство мира
Лежит на совести его.*

В. Фёдоров

*Мне с жизнью моею
Была вручена
Святая трагедия века.*

ПОЭТА ДАЛА МИРУ – РОССИЯ

6

Василий Фёдоров...

Продолжая лучшие традиции русской и мировой литературы, он говорил с современниками философски мудрым, граждански страстным языком своих произведений. Отмеченный печатью высокого таланта и душевной щедростью, он поднимал коренные вопросы современности.

Поэта дала миру Россия. Она взрастила его своим могучим духом. Неоглядным простором своим воспитала в нём умение видеть за далью даль. Музыкаю ветра и метели, журчанием рек и родников своих пробудила в нём поэтический дар. Она вложила в него доброе сердце, нежную душу и высокий талант..

...Текут года. Свершаются события. Я обращаюсь к творчеству Поэта и погружаюсь в мир высоких чувств и поисков духовных. Ищу ответ. Чтобы понять себя и мир вокруг. И нас в нём. Чтобы, хотя б на миг, утишить боль души за себя и за народ мой, брошенный в водоворот глобальной перестройки.

Ищу ответ... И припадаю вновь к истоку силы и красоты душевной. А что ценил поэт? На чём он строил жизнь души своей, чтоб миру дать прекрасные творения? Уж точно я не ошибусь, поняв, что это:

Совесьть, Красота, и Справедливость, и Мужество.

Мужество не изменять Родине, Народу, Призванию.

Мужество быть честным в мыслях, в делах, в творчестве.

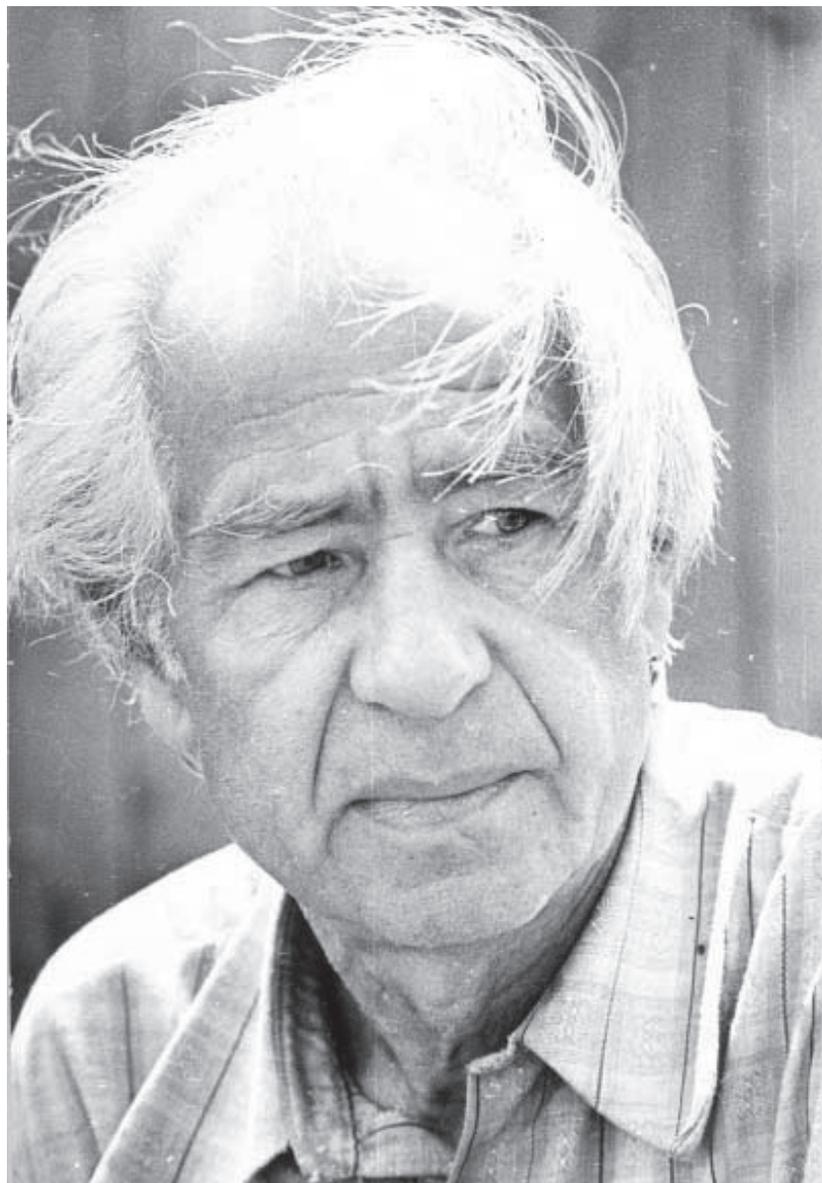
Мужество говорить то, что думается.

Мужество сохранять в душе ответственность.

Не только за своё слово и дело.

Но – Ответственность за свой народ.

И даже – за Планету нашу.

ЗЕМНАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера,
И мировые потрясения,
И горе одного двора.

В.Фёдоров

На сибирской земле рос большой русский поэт.

Формировался его характер... талант... личность...

Как могучее дерево кедр, крепко растающее корнями в недра,
чтобы взметнуть ввысь животворный зеленый факел кроны.

Как могучая река Томь, берущая начало в таёжных родниках,
чтобы нести воды свои через пороги и плёсы – к океану...

Откуда в поэте острое чувство ответственности? Откуда величайшая требовательность к себе?

Откуда стремление к Красоте и желание выразить её в слове?

Думается мне: всё дело в эпохе, в сочетании обстоятельств в Отечестве и в семье – обстоятельствах объективных и субъективных. Жизнь страны и жизнь семьи – ведь это формирует личность.

«Не удивляйся, что умрёшь. Дивись тому, что ты живёшь. Дивись тому, что к сердцу близко однажды ночью голубой горячая упала искра и стала на Земле тобой». Сто лет назад, в мае 1917 года, это произошло и в Кемерове – одном из русских городков в деревянном домике на улочке, протянувшейся вдоль сибирской реки Томь.

Россия... Май 1917 года...

Первые десятилетия нового столетия выдались для страны очень тяжёлыми. Две войны. Одна – с востока, Русско-японская, другая – с запада, Первая мировая. Обе для Родины нашей – с тяжкими последствиями. А тут ещё в феврале-марте 1917-го свергнут император России. Нарушен космический закон иерархии. Огромная страна, протянувшаяся на целый континент, оказалась в руках Временного правительства. Стремящиеся верховодить в нём

странные люди и партийки дрались меж собою за власть, преследуя корыстные цели.

Не решает оно и главную жизненную проблему крестьянства – о земле. Десятилетие проводимая т.н. «столыпинская реформа», основанная на римском праве (частная собственность – превыше всего, независимо от способа приобретения), остро противоречила вековым устоям, коренному нравственному чувству справедливости русского крестьянства, которое признавало частной собственностью (в первую очередь – на землю) только ту, что создана не покупкой, а трудом собственника: это по-божески, это справедливо.

И в стране... Хаос... Распад государственности... Тревога... Неясное будущее...

Но... крестьяне, по вечной своей ответственности, ещё должны и землю пахать, сеять в русскую землю золотое хлебное зерно... А ведь на Первую мировую (август 1914г.-11 ноября 1918г.) мобилизованы миллионы мужчин, в основном из крестьянства...

Россия – как огромный корабль без капитана в бушующем мировом океане. За его штурвал хватаются жадные до власти... Россию бросает в стороны, мотается она без курса, без направления.

Нарастают новые грозные события. Сколачивается блок из государств для захвата «корабля» под именем «Россия». Чтобы управлять им в своих интересах, вести его не в гавань народных чаяний – справедливости, а в гавань колониализма.

О, у этих государств был уже подобный мировой опыт превращения многих стран в своих рабов. Был не только опыт, но и вооружённая сила, хитроумные технологии. И жажда наживы осталась. А тут Россия – такой лакомый и долгожданный кусок. Не получилось в прошлом у многих... (Не прошло и ста лет, как ныне, в новом, третьем, тысячелетии человечество вступило в новую форму борьбы за власть – власть над отцифрованным сознанием человека.)

Россия зажата в тисках и с запада и с востока; многие государства поглядывают на неё отнюдь не с дружескими чувствами. Хорошо ещё, что у России хоть с севера защита – Ледовитый океан.

А «корабль» Россия, миновав весну и лето 1917-го, всё ещё в штормовом океане, без управления, без направления, без цели. Нет у страны в этот момент союзников. Неоткуда ждать ей помощи. А за штурвал всё хватаются и хватаются жадные до власти ...

В стране – безвластие. Народу нашему главное – сохранить независимость, да детишек вырастить, да урожай собрать. Ответственность. И в душе, и в сердце – боль за происходящее, тревога за будущее. И так от Балтии до Тихого океана.

Народ молится Всевышнему, взывает о помощи, о том, чтобы послал Господь спасение России. Иначе разорвет её на части.

Прошло с момента февральско-мартовкого переворота девять месяцев. И выношенная народом идея справедливости проявилась. Партия большевиков взяла «штурвал» России в свои руки и указала декретами долгожданное народом направление: «Мир – народам!» «Земля – крестьянам!» «Фабрики и заводы – рабочим!», «Власть – Советам!».

Шторм в мировом океане не утихал, угрозы нарастали, началась организованная империалистическими кругами Антанты антисоветская интервенция (1918 – 1920гг.)... Но Россия, преодолевая девятые валы внешней и внутренней агрессии, невзирая ни на что, стала двигаться в желанном народом направлении. Тяжело... тревожно... преодолевая...надеясь...напрягаясь всеми своими духовными и физическими силами...

А Божья искра, упавшая майской голубой ночью семнадцатого года на Землю, родилась тоже через девять месяцев – Василием, девятым ребёнком в трудовой и дружной семье каменщика Дмитрия Харитоновича Фёдорова и Ульяны Наумовны Кирилловой. В бревенчатом домике Кемерова, сибирского города, на тихой улице, позже названной именем героического строителя новой, справедливой, жизни – именем Николая Островского.

Беды, надежды, мытарства, горечь и отчаяние народа этого времени впитал младенец под сердцем славянки, а позже – в отрочестве, юности и вообще жизнью своею разделял он с народом свою судьбу.

Сердце его, приобщённое с детства к сердцу народному, помогло ему не только распознать призвание, предназначение, но и создать классические произведения.

Вот откуда его острое чувство ответственности.

Вот откуда его требовательность к себе.

Вот откуда его страстное желание для Родины и Справедливости и Красоты – как Гармонии во всём.

Вот откуда его с л о в о, несущее с в е т для Отчизны.

И вот почему в название книги я взяла такие слова поэта – «Только свет и слово».

Для Земного воплощения человека, считается, важны два фактора: момент его зачатия и момент и место рождения. На момент рождения Василия Фёдорова пришлось многое.

Это первый месяц смены общественно-политического уклада в стране. Это введение нового календарного стиля. Это и массовый призыв в новую, Красную, армию граждан и воинов бывшей царской армии (я заглядываю в военный документ моего папы, выданный Московским РВК г. Ленинграда, и вижу исторический срез событий тех времён: 15 января 1915г.- зачислен стрелком в состав 171-го Кобринского полка 43-ей дивизии 9-ой армии; прошёл румынский фронт; 1918г., февраль – зачислен в Первый Советский полк уже Красной Армии; пройдя дорогами Гражданской войны, охранял затем ярославские пороховые склады, когда там готовилось белогвардейское восстание против Советской власти)... Вот типичная судьба многих и многих тысяч русских людей в эти годы.

И потери. Не только территориальные, не только финансовой независимости, главное, людские: русских солдат и гражданских ...

Война... интервенция... Гражданская война, начало которой официально приходится на первый месяц жизни Василия Фёдоро-

ва, на март 1918 года... гибель людей... разорение сёл и городов... Всё перевернулось в нашей России-матушке...

Смотрите, дорогой читатель: и девять месяцев перед рождением Василия Фёдорова – грозные судьбоносные для страны и в момент его рождения, первых лет жизни – важнейшие для народа и каждого в нём человека события. Безусловно, общее состояние общества не могло не сказаться на ребёнке – чрезвычайно острым ощущением своей принадлежности к народу и высокой требовательностью к себе.

Теперь о дате рождения Василия Дмитриевича. Всё чаще встречается в печати безапелляционное утверждение её 23 февраля. Да, он праздновал в этот день, приобщив его к Дню Красной (Советской) Армии. А когда родился? в какой день? Тут всё сложнее. Так как это важно, остановлюсь на этом подробнее.

Как вы знаете, совсем не случайно, например, в Древнем Египте при вступлении фараона в управление страной жрецы требовали от него только две клятвы и неукоснительного потом их исполнения: не менять ничего в алфавите государственного языка и не вмешиваться в календарь, время.

Астрономически не обоснованное вмешательство в календарь и волонтаристские изменения или сокращения в алфавите могут повлиять на состояние народа и положение страны.

И одновременно дают власть над народом. А этого так хочется управителям – властвовать. И хорошо, если в интересах народа – тогда власть истинно народная. И такой управитель поостережётся от вмешательства в эти два столпа народной жизни.

А если иное, если корысть движет... Вы прекрасно знаете, уважаемый читатель, массу подобных фактов из всемирной истории. И нашей – тоже. То сокращают алфавит (слава богу, вернули нам букву ё; вот бы ещё вернуть и буквы «ъ», «і» да узаконили бы невмешательство в корень слова). То меняют зимнее-летнее время. То сокращают без астрономического и географического на то основания временные пояса Земли (обоснованное ещё авестийскими

астрономами местоположение этой оси координат; пока что остаётся утверждённый в 1884 году нулевым меридиан в Гринвиче)...

Были и другие абсурдные (корыстные?) решения. В наше, новейшее, время подобных фактов масса. Что это? Не попытка ли властвовать не во благо народа? А почему это мы в таких случаях безмолствуем? Не противимся вмешательству в сакральные основы народной жизни? Простите, дорогой мой читатель, за это отступление. Мне хотелось не только подчеркнуть необходимость осторожности в обращении с датами. Но ещё и потому, что на эти темы иногда беседовали с Фёдоровыми. Ведь все мы знаем, что сакральное значение дат важно не только для страны, но и для каждого человека.

1917-1918 годы. В России произошли поистине тектонические сдвиги во всех сферах жизни – страны и каждой семьи.

Точная дата рождения В.Д.Фёдорова затерялась во времени. Вот что ответил мне Василий Дмитриевич во время съёмки телефильма «Здесь отчий дом» летом 1980 года:

«- Я спрашивал у мамы. Она не назвала точную дату, но поведала, что точный день назвать не может, так как в это время вводился новый стиль календаря... Хотя помнит, что родился я между 23 февраля и 8 марта, только вот запомнила: по какому стилю? Делал я запросы в разные организации. Получил ответы, в которых одна и та же дата давалась в разных стилях».

(Здесь и далее привожу точные слова Василия Дмитриевича по записям тех лет, их делала для постоянных телепередач с Фёдоровыми; эти слова поэта звучали и в утраченных потом на телестудии кадрах фильма.) В 1998 году, готовя публикацию к 80-летию поэта, обратилась в областной архив Кемеровской области и получила справку. В ней запись: рождение 23 февраля, крещение 25 февраля. А по какому стилю? Я склоняюсь к тому, что 23 февраля дано в записи по новому стилю. Но...если по старому, то тогда день рождения приходится в переводе на новый стиль – на 7 марта (или на 6 марта, если тот год был високосным.)

Счёт родившихся.			Мѣсяцъ и день			Имена родившихся	Вѣсь, пола, Счётство и фамилія родителей, и како́и въроисповѣданія.
Мѣсяца	д.ч.д.	Числа	Роман.	Грм.	Иерус.		
56	"	"	Февраль 25	25		Васем. 16 Фёдоровъ 1/14.914	Помеховъ и Урза, Сурдани-евои, Варсиди, дровни, Марс-евои, Сурдани, Билитри, Са-рашюнов, Федоръ, закъна Меча, со Сидкиль, Кауриша, ево, Краваговинои.

Вѣсь, пола, Счётство и фамилія воспитанниковъ.	Кто совершилъ таинство крещенія.	Ръкоприкладство гена-челъ записи по жданію.
Вра. Мухомилъ, Фроидманъ, Фри. Волесановъ, Васильевъ	Сидкиль Феликсъ 28 Фев 29 в. мѣрв. Св.с. мѣрв. Федоръ заведе Мух	Ю

Запись в метрической книге о рождении и крещении В.Фёдорова

Обращаясь к времени рождения В.Фёдорова, хочу напомнить читателю причину введения нового стиля в русском календаре. Как вы знаете, она была обоснована: в своё время Пётр I ввёл юлианский календарь, из-за чего к XX столетию календарь России отставал на 13 суток от календаря Европы, перешедшей ранее на астрономически более точный григорианский календарь. Чтобы сократить этот разрыв, Совет народных комиссаров своим декретом в феврале (надо же! как раз в месяц рождения поэта) 1918 года осуществил в России этот переход на григорианский календарь, так называемый «новый стиль».

И, конечно, первые недели, а может, и месяцы, народ не мог мгновенно, по декрету перейти на новое летоисчисление. Понятно, что нужно было время, чтобы привыкнуть.

Важно ещё одно обстоятельство, которое поэт отмечает в статье 1973 года «О себе и близких»: «...календарная поправка была внесена...когда в Сибири орудовали Колчак и Гайда, которые советских установлений, разумеется, не признавали. Одним словом, впредь до выяснения имею два праздника / 23 февраля и 8 марта – Т.М./ и промежутки между ними».

Тогда, на съёмках, Василий Дмитриевич добавил, что «...мама, отвечая мне, упомянула о том, что назван я в честь Василия-капельника». Мне подумалось, а может быть, он был рождён в этот, Василия-капельника, день?

Заглянула я в русский земледельческий календарь: этот день всегда приходится на 13 марта по новому стилю (северные народы отмечали 20 марта н.с.).

К слову, на Руси к двадцатому столетию сложилась православная традиция отмечать не день рождения, а день крещения младенца, то есть день наречения младенца именем... – традиция отмечать именины. Бывало, семья впоследствии помнила не день рождения, а день крещения. Иногда, заглянув в святцы, нарекали именем святого, день которого приходился на день рождения ребёнка, или именем святого из последующих ближайших дней. Но совершенно твёрдо поэт заявляет в «Моих метаморфозах», что крестили его в день Василия-капельника. А это: если по н.с. – 13 марта, по ст.с. – 1 марта. Думается, что тут поэт ошибается: запись в метрической книге чётко обозначила крещение на 25 февраля.

Действительно, дата рождения поэта, в прямом смысле слова – затерялась во времени; я бы сказала – в о в р е м е н а х.

Поэт не знал своего дня рождения и решил отмечать его в День Советской Армии (ныне – День защитника Отечества).

Штрихи родословной

Многое о предках поэта мы найдём не только в его стихах и поэмах, но и в статьях. Особенно подробно он рассказывает в статье «О себе и близких». Но как важны нам биографические штрихи родословной поэта, зафиксированные его родными. Здесь я привожу дословный текст его старшей сестры.

В июне 1986 года при встрече в Марьевке с сестрой Василия Дмитриевича – Зинаидой Дмитриевной Алянчиковой – я попросила её нарисовать родовое древо Фёдоровых (что она сразу же и сделала), а по возвращении домой – написать родословную Фёдоровых. Вот что она сообщила мне в 1989 г. в письме из Хабаровска.

18 июля 1935г., Красноярск. Семья Фёдоровых. Слева направо, 1-й ряд: Нина Павловна Гудкова (Васильева в девичестве), Татьяна Петровна Фёдорова; 2-й ряд: Иван Дмитриевич Фёдоров, Ульяна Наумовна Фёдорова, Василий Дмитриевич Фёдоров; 3-й ряд: первый муж Зинаиды Дмитриевны, погиб в Великую Отечественную; жена Петра Дмитриевича Фёдорова - Тамара; Татьяна Дмитриевна Фёдорова; Зинаида Дмитриевна Фёдорова.

Коротко о наших предках

Наша родословная со стороны отца исходит от прадеда Леонтия Анисимова. У него были две дочери и сын Тимофей. Одна из дочерей за Фёдора Харитона вышла замуж, о нём в Марьевке почти ничего неизвестно, кроме того, что он ещё молодым уехал на золотые прииски, оставив жену и двух детей: нашего отца Дмитрия и дочь Матрёну. Вскоре наша бабушка умирает и остаются дети сиротами, которых взял на воспитание брат бабушки Тимофей. Так в большой семье деда Леонтия и дяди Тимофея выросли наш отец и тётя Мотя. В семье к тому времени было восемнадцать человек. Отец и тётя (в этой семье) жили до взрослых лет.

Отец женился и привёл жену, нашу маму, в дом дяди, а тётя Мотя уехала в Томск, где вышла замуж и прожила там до старости, имея 5 детей: трёх сыновей и двух дочерей, умерла в войну 1941 – 1945гг. Дед Харитон вроде был кузнецом, очень весёлый, здоровый, видимо, был приезжий, так как с его стороны родственников не было. Было в Марьевке две семьи Фёдоровых, но это были или дальние родственники или однофамильцы.

Дмитрий Харитонович Фёдоров

Родился примерно в 1880 году, работал у дяди в сельском хозяйстве на ст. Яя, строил железную дорогу, был высок, красив, носил бороду, волосы светлые, шутник, не унывал, всегда говорил: «У меня один рубль и тот ребром. «Женился он на Ульяне Наумовне где-то в 1900 году, а в 1901-ом родился старший брат Андрей, а в 1905 г. – второй сын Пётр. Недолго они жили в Марьевке, в 1907 году в Анжеро-Судженске родилась старшая сестра Татьяна. В Анжерке, или как раньше говорили – на Шахте, отец работал на разных работах у владельца шахт Михельсона, немца . Работал в забое и на поверхности. Всегда имел лошадь, так как хозяин принимал на работу только со своей лошадью, с этого времени отец очень привязан был к этому животному; и всю жизнь у него была лошадь. Дети ходили в школу, старший брат в 15 лет работал учётчиком на шахте, потом волостным писарем, это уже при

советской власти. Когда пришли белые и Колчак, отец выехал в Кемерово, ехал он со старшими сыновьями на лошади, а мама с малыши ехала на поезде.

В Кемерово в 1918 году родился брат Василий. Жизнь была очень трудная: много детей, и мать уговорила отца поехать в Марьевку. В деревне мы поселились под горой в чьей-то избе возле озера, а может, купили, точно не могу сказать. Были лошадь и нетель Клашка, привезённые из Кемерово, давала по тридцать литров молока, так благодаря ей мы и прожили, хотя и трудно, но не ходили в батраки и не побирались. А когда приехали, то богатенькие говорили, что у Митьки Лёхинова (так звали по – уличному) будет пять пастухов и три няньки, но этого не было: наша большая семья достойно выдержала этот трудный год. Помню, что мы сразу же по приезде посеяли 3 десятины пшеницы и 1 десятину ржи, посадили картофель, накапывали его полное подполье, хватало до свежей. Как (!) ждали созревания хлеба! Поспела первая рожь, ещё не совсем вызрела, и хлеб был красноватый, но это был х л е б. Хотя у нас было много родни, вполне обеспеченной, мы толкли в ступе овёс и делали лепёшки, правда, в них были колючки, но ничего – пережили.

В 1922 году отец снова решил поехать в Анжерку: мятежная натура тянулась к рабочему классу, там были у него друзья шахтёры. Помню, я даже в четвёртом классе жила у его друга Антона, так как в Марьевке была всего трёхклассная школа.

Помню отца с рыжеватой бородой, высокий, ему было всего 39 лет. Мы пошли с Васей и Кешей провожать, дошли до горы, поцеловал он нас, и мы его больше не видели.

Мама осталась беременна одиннадцатым дитём, и в 1923 году родился брат Гриша.

Отец особенно любил младшего братишку Кешу, он был красавец ребёнок, очень развитый, в шесть лет он уже читал, умел разобрать и собрать ружьё и пел песню: «И папаши и мамаша дома нету...». Отец смеялся и восхищался им. Кеша был копией отца.

Умер отец, старшим из мужчин остался Пётр, ему было 17 лет, он стал хозяином в доме, был комсомольцем. И вот один коммунист по сходной цене, в рассрочку под будущий урожай продал нам дом. И уже стали жить не под горой, а в деревне, по соседству с маминым дядей Фёдором.

Старший брат Андрей в Марьевке не жил, его сразу в восемнадцатом году отправили учиться в Томскую совпартишколу. Стали жить сравнительно хорошо, в пределах возможного, как вся страна. Сеяли хлеб, была лошадь, но не было плуга, нам родственники даже на ночь не дали плуг вспахать землю, боялись, что сломаем (это из разговоров о том времени). Помню: Петя посадит нас на телегу, по обе стороны человек по 4, и поедет на паашню. Как было хорошо тогда нам! Петя любил песни, особенно украинские, как, например «Во субботу, день ненастный...», русские – «По диким степям Забайкалья...», много других.

Сеяли лён, мочили его, сушили, мяли, делали кудель, пряли, и мама ткала, правда, мало, в основном с рисунком для скатерти. У мамы было от бабушки много юбок по 14 аршин, она из них шила нам платья, которые получались очень красивыми. Никто у нас в семье не ругался, братишки не курили и не устраивали гулянки. Брат был секретарём комсомольской организации, дежурил в сельсовете, однажды с дежурства очень рано он пришёл домой, а мороз был страшный, сказал: «Мама, Ленин умер». Мама как заплачет: «Что теперь будет с нами?» – «Не плачь, остались верные товарищи. Всё будет по-старому, как жили раньше».

Вскоре Петю взяли в Анжерку на комсомольскую работу, а потом он уехал в Томск, работал секретарём окружкома комсомола. В эти же годы там брат Андрей после окончания совпартишколы работал секретарём окружкома партии. Стали они нам помогать, и мы уже стали жить лучше, было у нас две коровы, куры. Поехали учиться в Томск: брат Иван – в педтехникум, я – в зооветеринарный, сестра Тоня – на рабфак, а сестра Татьяна работала в Анжерке в бюро жалоб. В дальнейшем Андрей работал секре-

тарём Крайсовпрофа Восточно- Сибирского края. Пётр окончил комвуз в Москве, работал начальником политотдела в Красноярском крае, Назаровской МТС, первым секретарём Козульского райкома партии, умер в 1935 году, похоронен в Красноярске, там и сейчас (1986г- Т.М.) живут его жена и дочь поэтесса Аида Фёдорова.

По материнской линии

Прадед Осип Кириллов. Где родился – нет сведений, но известно, что у него было три сына: Леонтий, Наум. Фёдор. Наша родословная пошла от Наума Осиповича, родился он (по неточным источникам) в Марьевке. Бабушка, рано овдовев, умерла двадцати трёх лет, оставив сиротами двух детей: нашу маму Ульяну Наумовну и сына Василия Наумовича. Дед уехал в Томск, прожил там до старости, работал в извозе, вместе с братом Фёдором

*Фёдоровы перед войной. 1-й ряд слева: Василий, Татьяна, Иван.
Во 2-м ряду: Иннокентий и жена Ивана Людмила.*

гонял ямщину в Иркутск за чаем. Потом был извозчиком, с лоша-
дью не расставался, работал всю жизнь. К старости он пере-
ехал в Марьевку к брату Фёдору, работал на пасеке, в пожар он,
разгорячённый, напился холодной воды и умер. Дедушка Наум был
культурным старцем, одевался по-городскому, женился вторично
уже в сорок лет на порядочной женищине, жили они дружно, после
смерти деда его вдова вернулась в Томск, жила у тётки Матрены
Харитоновны (сестре отца).

Ульяна Наумовна Кириллова (Фёдорова) родилась в 1881 году в
Марьевке, мать её Анна (отчество неизвестно) умерла 23-х лет,
оставив двух детей: маму и дядю Василия. Дядю усыновили де-
душка Фёдор и бабушка Афимья. Мама воспитывалась у бабушки.
Бабушка заставляла с пяти лет пряхть. Ещё темно, она зажжёт
лучину и будит: «Уля, вставай пряхть». А пряли нитку очень тон-

1933 г., пятнадцатилетний поэт работает
помощником бригадира в колхозе

кую, для иголки. В 16 лет мама тоже уехала в Томск, работала на разных работах: уборщицей у богачей, на шерстобитной фабрике. Когда стала совсем взрослой, вернулась в Марьевку и вышла замуж за отца. Хотя её сватали и богатенькие, но она предпочла отца, он был сирота, и она его жалела с самого детства, росли они в одной деревне и были почти ровесниками. Затем они уехали в Анжерку.

Мама, хотя и была неграмотная, но очень развита, умела убедить, держала себя строго и нас не распускала, дисциплина у нас была отличная, хотя мама нас никогда не наказывала физически. Она была делегаткой, заседателем в нарсуде, но при росписи ставила крест, а учиться фамилию писать не хотела. Но говорила: «Если бы я была грамотная, то стала бы артисткой или министром». Когда в 1938 году Ежова поставили министром МВД и все говорили: вот Ежов зажмёт в ежовые рукавицы, - она мне сказала: смотрите, чтобы он вас всех не зажал. Да, много у неё было суждений правильных и предвиденных.

А как она предчувствовала во снах, что к чему. Утром скажет: «Ваня, запрягай лошадь, поезжай на станцию». – «А что, есть телеграмма?» – «Езжай». Приехал Ваня на станцию, и действительно: приехала сестра Тоня. В молодости мама пела песни, обладала хорошим голосом, даже в возрасте пела с нами песни. Любила ходить в театр в Новосибирске, в оперный театр ходила несколько раз на «Евгения Онегина» и всё жалела Татьяну Ларину. Очень много рассказывала об отце историй, но никогда в её словах не было ни упрёка, ни злости, всё как бы с юмором.

Где-то на станции Яя живёт Дмитрий Леонтьевич Кириллов. Это внук прадеда Осипа, собираемся с двоюродной сестрой Марией Васильевной кое-что узнать у него о наших близких.

Вот коротко о наших предках. Извините, написала, как могла. Можно много написать интересных историй, возможно, соберусь с силами и напишу для потомков.

С приветом. Август 1989 г. Алянчикова Зинаида.
г. Хабаровск».

* * *

*На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших сёлах.*

*Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблёскивает снежная равнина.*

*Отбушевав,
Снега притихли – спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.*

*Сместилось всё
В сознании моём:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своём
Шагаю за скрипучими санями.*

*Вновь мёрзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега,
Я их люблю,
За что – и сам не знаю.*

В.Фёдоров

«На родине моей»

Я в семье сибирской вырос
Коренным сибиряком...

В. Фёдоров

Родился поэт в Кемерове, а вырос – в Марьевке.

В Марьевке рождались первые дети Дмитрия и Ульяны Фёдоровых, потом семья переехала в Анжерку на шахты Михельсона, здесь в семье появились ещё шестеро ребятишек. Василий Фёдоров родился девятым ребёнком, когда семья поселилась уже в Кемерове, расположенном по обоим берегам среднего течения реки Томь.

– А где тогда жила ваша семья? – спросила я однажды Василия Дмитриевича. После записи передачи на Кемеровской телестудии мы с ним шли по улице Весенней, возвращаясь к Ларисе Фёдоровне в обкомовскую гостиницу в доме на Притомской набережной, 1А (на третьем этаже, как раз над музеем военной истории).

– А вот сейчас подойдём поближе, и я покажу.

Перешли улицу Николая Островского, и Василий Дмитриевич указал на то место, где сейчас здание «скорой помощи».

В письме от 7 ноября 1984 года Лариса Фёдоровна пишет мне о Кемерове и месте рождения Василия Дмитриевича: «Мне хорошо в этом городе, где когда-то появился на свет мой будущий наречённый... и что же я не спросила Ульяну Наумовну: то ли она его в баньке произвела, то ли по-городскому... в роддоме...».

Я думаю, что в роддоме, так как Фёдоровы жили рядом с больницей. И улица-то тогда называлась Больничной.

Город Кемерово. Заглядываю в «Географический словарь Кузбасса» (А.А. Мартынов, «От Абы до Яи»; издан в 1970 году Кемеровским книжным издательством). В нём сообщается, что возрос город из двух поселений: Щеглово, основанное в 1760 году, и Кемерово, основанное в 1836-ом. К 1911 году в с. Щеглово проживало 1260 человек, был кожевенный завод, паровая мельница, магазины, пароходная пристань, церковь, сельское училище, волостное управление... железная дорога, начал строиться коксохимзавод...

9 мая 1918 г. село Щеглово получило статус города и наименование «Щегловск», а с 1932 года называется уже по имени второго поселения – «Кемерово».

Когда по приезде в Кемерово я поинтересовалась его историей, стала недоумевать: почему возраст его считают с 1918 года? Неужели потому, что в этот момент его переименовали в «город»? Странно. Если я не ошибаюсь, ведь вся мировая история исчисляет возраст поселения (и городов в том числе) с обнаружения любого артефакта, будь то упоминание в летописи, или археологическая находка, или...ест. Большинство городов мира начинались когда-то с малого: заимки, хутора...деревеньки... И Москва в том числе.

А Кемерово? Как видим, в печати зафиксирована ранняя дата его существования – 1760г. Почему же сейчас, когда пишу, в эти дни 2013 года, отмечается его 95-летие? Ведь фактически Кемерову уже 253 года! Может, и того больше. А в год 100-летия В.Д.Фёдорова городу исполнится 258 лет – как минимум!

А вот здесь, мой уважаемый читатель, я сделаю в эту рукопись добавку уже из 2016 года: когда я в этом году посетила «Гранд-макет «Россия» в Петербурге, то выписала представленные там данные по городам Кузбасса. По Кемерову: «г.Кемерово Кемеровской области... Основан в 1701 году. Население 544 006 человек». Правда, я не смогла не только узнать там что-либо об и с т о ч н и к а х фактического материала к этому проекту, но и, за неимением времени, уточнить в петербургских архивах представленные там даты. Но мне верится, что указание на 1701 год имеет документальную основу. Возможно, существует где-то артефакт и более ранней датировки города.

Кстати сказать, на юге Западной Сибири, на территории нынешнего Кузбасса, более двух тысяч лет назад в оседлых поселениях из рубленых домов жили племена людей европеоидного типа: высокие, русые, голубо- и зеленоглазые...кузнецы, металлурги, скотоводы, земледельцы (землю обрабатывали бронзовыми мотыгами), археологические и наскальные артефакты фиксируют высо-

кого уровня их культуру. Динлины... Это они вступили в борьбу с хуннскими каганами. О них я сама-то впервые узнала, когда в конце 1970-ых годов прочла в издательстве заявку по этой теме этнографа и археолога Р.В. Николаева. Тема мне увиделась очень интересной и, главное, нужной. Но она уже сама по себе, как поведал мне Роман Викторович, стала причиной отказа его заявки в московских и красноярском издательствах из-за того, что многие сведения исходили из летописей Китая, который в то время активно претендовал на наши территории. Пришлось мне как редактору (для прохождения темы в Комитете по печати России) найти солидных защитников кетской гипотезы, главное – договориться о научном рецензировании рукописи с доктором исторических наук М.П. Грязновым из Ленинграда; автору же предложила на основе археологических и этнических данных создать историческую повесть от молодых лет героя до превращения его в вождя, способного объединить племена для отпора хуннам, Необходимым виделось и научное предисловие. В 1982-м книга – «Роман Николаев. «Алакет из рода Быка», историческая повесть» – вышла в свет; затем неоднократно переиздавалась огромными тиражами.

Ну и второе «кстати» для заинтересующегося читателя. Репринтное издание 1894г. – «В.М.Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни...». На основе сходства археологических данных сибирских курганов и артефактов великорусских, пермских, болгарских... учёный доказывает, что исконной родиной славян была Сибирь; говорит о важности знания истинного «географического жребия» их праотцов.

В любом случае, поэт Василий Фёдоров родился в городе с большой вековой историей. Как и писатель Владимир Чивилихин, родившийся в другом городе Кузбасса – Мариинске.

Однажды, попав в Мариинск на День города, весьма удивлялась его, города, юному возрасту. Везде были плакаты и уличные «растяжки» с цифрой менее ста лет. Почему?! Живя за тысячи вёрст от Мариинска, я знала о том, что политические ссыльные (декабристы

в том числе; а это – первая треть 19-го века) обязаны были, отправляясь далее к месту поселения, оставить в мариинской тюрьме все, кроме одной, взятые с собой книги; за многие годы там собралась уникальная библиотека (где, кстати, она сейчас?). На мой недоумённый вопрос насчёт возраста города власть предержавшие ничего не смогли ответить.

Хотя даже в изданном почти полвека назад в Кузбассе географическом словаре указано, что Мариинск (как село Кийское) уже существовал в первой половине 18-го века, в 1856 году преобразован в город Кийский, в 1857-ом переименован в Мариинск.

В начале 2016 года узнаю из печати, что Мариинск «готовится отметить своё 160-летие». Слава богу! – думаю. – Уже ближе к истине. Хотя...ведь географический словарь уже даёт основание для более давней даты. К тому же, фактически опубликован более солидный его возраст, приближающийся к 400-летию (г. Мариинск, 56 06 13 с.ш. 46 45 00 в.ш., основан в 1620 году; население 40 287 человек). Как и третий город Кемеровской области – Новокузнецк (53 45 00 с.ш. 87 07 00 в.д.; основан в 1618 г., население 550 213 человек), которому 400 лет – в 2018 г.

Старейшие города! Почему укорачиваем свою историю? Зачем обрубить корни родовые? исторические? этнические? Мой уважаемый читатель, наверное, вы и сами не раз удивлялись этому сибирскому феномену.

Отступление это привожу, поскольку оно касается биографий двух известных сибиряков В.Д.Фёдорова, В.А.Чивилихина и гениального Ф.М.Достоевского.

...И мы живём, уже забывши,
Трудами тех, кого уж нет.
Так от звезды, давно погибшей,
Ещё идёт к нам тёплый свет.

В.Фёдоров

*«Марьевка моя, моё убежище...»**

1918– 1919гг.

Тревожные и голодные годы.

Почти ничего не строили. Как было каменщику Дмитрию Фёдорову прокормить свою многодетную семью? Надо перебираться в деревню к земле-кормилице, к родным.

Если глянуть на карту Сибири, можно увидеть: в самой сердцеvine её – Кемеровская область, на севере области – Яйский район, в нём севернее на четырнадцать километров Марьевка.

И по отцовской и материнской линиям корни родословной поэта – в этой деревеньке, а если глубже, далее в века – в Поволжье.

История Марьевки сходна с историей большинства сибирских сёл. Считается, что на берегах Яи, поросших дремучими лесами, первые русские избы появились примерно в середине 17-го века; возможно, значительно раньше... Интенсивно эта местность заселялась после войны 1812-го года русскими крестьянами, ссыльными, беглыми крепостными.

Поселенцы занимались охотой, рыболовством, позже – скотоводством. Тяжело давался и хлебушек, потом и кровью приходилось отвоёвывать у леса каждую пядь земли: рубили, выжигали, корчевали, деревянной сохой вспахивали вековую залежь. Так же возникла и Марьевка**.

Тот конец деревни, где поселилось больше украинцев, стали называть «Хохловкой», остальная часть поселения называлась «Деревней». Под горой ближе к воде лепились баньки. В 1911 году в Марьевке было 150 дворов, 672 жителя, небольшая школа, крестьянская память сберегла имя первой марьевской учительницы: Аграфена Петровна.

* Эту строчку «Марьевка моя, моё убежище...» – рукописный автограф поэта – я нашла в 1998 году в записной книжке В.Д.Фёдорова в Москве.

** Статистические данные о Марьевке на 1968 год: 500 жителей, 147 хозяйств, восьмилетняя школа, клуб, библиотека, медпункт, сельсовет и центральная усадьба совхоза «Марьевский».

Перелистывая записные книжки поэта, читаю его запись от 26 апреля 1945 года о его первой учительнице: «Я часто с любовью вспоминаю свою первую учительницу Варвару Леонтьевну. Она меня поставила на истинный путь. Одно время я сильно скользил по наклонной плоскости и был на краю пропасти. Она научила меня горячо любить свою родину и презирать врагов. До сих пор у меня не было таких товарищей, которые были бы одинаковых со мной взглядов... настоящих товарищей».

Но это – отступление, оно наводит на мысль-надежду, что марьевцы смогут восстановить фамилию первой учительницы поэта, а возможно, и всей плеяды учителей этой замечательной школы.

И всё – чудо!

Всегда, приезжая в Кемерово, поэт всей душой и помыслами стремился в Марьевку.

Марьевка Яйского района Кемеровской области.

С юга на север района протекает река Яя, принимая в себя воды речек Золотой Китат, Алчедат, Бекет... Бекет?.. Но ведь, по рассказам жителей Сросток, первоначально так именовалась русифицированная потом в Пикет гора на родине Василия Шукшина. Не сказываются ли здесь этнические связи этих двух мест, давших миру талантливых сынов своих?..

Выезжая из Кемерово в Марьевку, поэт всегда старался обойтись без провожатых. Видимо, хотелось ему остаться наедине с воспоминаниями детства и юности. Это его состояние начинало особенно чувствоваться, когда машина выезжала на дорогу, ведущую из Яи в Марьевку.

Вот промелькнули поля и перелески, показались вдали родные места, каким-то лёгким, особым жестом Василий Дмитриевич направляет светлую кепочку на голове; взглядываясь, поворачивается вправо...одна, последняя верста...и рощица уже видна...блеснёт кувшинками Кайдор...просветится реченька Яя...словно сквозь

сон покажется грустный до сих пор силуэт деревеньки... просветлеет взор на родничке под горою.

Невдалеке от этого родничка и поселилась семья Фёдоровых в тот первый год жизни поэта. Было здесь всего четыре домика подгоринских бедняков.

Марьевка стоит «на высоком берегу древнего русла. Под нею озеро, окаймлённое зарослями черёмухи и калины, за озером – заливные луга, устланные цветами, за лугами – быстрая пескарёвая река с белёсой гладью, с береговыми скулами выгибов, за рекой зелёный лес с тёмными пиками кедров и далёкий туман... В солнечный день за ним далёким-далёким амфитеатром поднимаются новые леса и перелески

Осенью, когда созреют хлеба, на закате они особенно красивы. На всём уже лежит тень, а этот приподнятый окоём на десятки вёрст полукруга всё ещё светится и отливает золотом.

Когда всё это однажды единым махом открылось моему взору, я онемел от изумления и полюбил на всю жизнь...

Помню, брат Андрей повёл нас к озеру купаться. Заставив меня держаться за плечи, поплыл со мной на середину. Небо было синее в лёгких облачках, вода была тоже синяя и бездонная, как небо. И там, в глубине, плыли такие же облака. А вода была тёплая и лёгкая, подобно тихому ветерку. И мне казалось, что плыли мы между двумя небесами – в бесконечности, и когда возвращались к берегу, он стал вроде бы совсем другим, каким-то сказочно-странным. И всё – чудо!

Ах, как мы недооцениваем всего того, что с нами происходит в детстве! Сколько раз в минуты душевной придавленности приходило ко мне вот это спасительное сказочно-странное видение мира, вещей привычных и надоевших. В такие моменты как бы рождаешься заново, возвращаешь себе изначальную жажду жизни и деятельности», – напишет поэт впоследствии, определяя значение этой земли в своей судьбе и подходя к мысли о том, что «поэтому надо делаться в детстве».

На Назаркиной горе. 1982 г., с Николаем Карловичем Поддубным

Первые самые яркие впечатления.

Первые чувства – радостные и горькие.

Поэзия мира и природы. Чудо жизни. Красота.

Всё это открылось взору и душе ребёнка здесь, в Марьевке, и определило его жизненное дело.

Марьевское детство его пришлось на горячие годы Гражданской войны. Не менее бурной была общественная жизнь и в после-

дующее мирное время. Первым секретарём комсомольской ячейки был старший брат Пётр, затем комсомольскими вожаками перебывали все братья и сёстры Фёдоровы.

А жилось семье тяжело. Умер от тифа глава семьи Дмитрий Харитонович (Д.Х. Фёдоров: 1880-1923гг., похоронен в Анжеро-Судженске).

– Василий Дмитриевич, а запомнили вы самую последнюю встречу с отцом?...где?...когда? – спросила я поэта на съёмках телефильма «Здесь отчий дом» летом 1980 года в Марьевке.

– А вот сейчас покажу. Давайте-ка спустимся к моему родничку.

Пока спускались к родничку, Василий Дмитриевич задумчиво всё поглядывал да поглядывал направо, на луг, где когда-то, я знала, стоял подгоринский дом Фёдоровых. Наверное, вспоминая, Василий Дмитриевич невольно и подошёл не к роднику, что был налево, а направо, на пепелище того, последнего, отцовского дома.

Остановились. Помолчали... Мне подумалось: не стоим ли мы на том, давнем, крыльчке?

Василий Дмитриевич закурил, глядя в землю; потом обвёл каким-то отрешённым взглядом кустарники, за которыми Яя... Кайдор...родничок...

Был тихий бессолнечный день, почти безветренный, только где-то далеко-далеко скрипел коростель...

Василий Дмитриевич вздохнул:

– Отец... Хорошо помню... Лет пять мне уже было...да, лет пять... Отец идёт рядом с лошастью, запряжённой в телегу, поднимается в гору...

Мы смотрим на дорогу, которая снизу, от лугов, от озера, огибая чуть-чуть Назаркину гору, ведёт в деревню...деревню тех далёких лет, когда семья осталась без кормильца.

Спасала семью, конечно, её сплоченность: дружно, все вместе работали и в поле и по дому, вместе сочиняли стихи и частушки. Мама, Ульяна Наумовна, лечила ребятшек травами, заговорами да народными песнями, знала она их во множестве, любила рас-

сказывать и сны свои, истолковывая их по-своему и предугадывая будущие семейные события. Не здесь ли истоки «Снов поэта» – классически прекрасных новелл? И не случайно, конечно, сюжетно и написанием они связаны Свет-Марьевкой.

«Моя любовь к природе, а может, и к поэзии, – говорил Василий Дмитриевич, – началась с той минуты, когда меня впервые привели на край горы, с которой единым махом я увидел и гладь озера и заозёрный луг, а за лугом речку, а за речкой лес, а за лесом дальний синий туман.

Детству и отрочеству я обязан многими впечатлениями, которые в моей жизни имели потом большое значение. Впрочем, такого понятия, как отрочество, у нас в деревне вовсе не было! Из детства мы, деревенские мальчишки, перескакивали прямо в юность, а до скачка успевали пройти добрую школу труда. Мне довелось боронить, пахать, вить верёвки, работать колхозным водовозом, учётчиком МТФ, младшим счетоводом, кассиром колхоза, помощником бригадира и даже золотоискателем...».

Большое влияние на формирование личности в то время оказывал комсомол – Коммунистический союз молодёжи. Идея справедливого устройства мира, активной жизненной позиции, совести пришлось в те годы по душе большинству молодых. Вот как вспоминает о создании в 1918 году первой ячейки комсомола в Марьевке Анна Андреевна Степанова 1905года рождения:

«В нашу комсомольскую ячейку тогда входило несколько человек. В разные годы в ней состояли: Фёдоров Пётр, Сергеева Василиса, Ионова Екатерина, Фёдорова Татьяна, Фёдорова Антонина... Секретарём был Васильев. Собирались в избе-читальне, проводили там диспуты, собрания, просто беседы, часто ставили для детей и взрослых маленькие спектакли и концерты.

Нам особенно было тяжело, когда в деревню, бывало, нагрянут белогвардейцы. Они многих арестовывали и убивали, особенно тех, кто читает и распространяет политическую литературу, помогает партизанам-большевикам. Большевики были и в нашей дерев-

не: Сергеев Иван, Матвеев Яков, а Егорова Иосифа белогвардейцы забрали сразу же.

Мы белогвардейцев боялись, но продолжали помогать партизанам, носили им еду, воду, перевязывали раненых. Мы верили в будущую хорошую жизнь. Шли годы, росла и крепла наша комсомольская организация, в колхозы прислали трактора. Комсомольцы первыми начали осваивать новую технику. Первыми трактористами были Григорьев И., Матвеев И., Филиппов Г., Якунин В., Петров В... Потом осваивали комбайны, новые автомашины... В деревне появляться стало много новых срубов».

В это время стал комсомольцем уже и младший семьи Фёдоровых – Василий. Вот как он сам рассказывает о том времени и комсомоле в письме землякам.

Уважаемые комсомольцы!

Дорогие односельчане-комсомольцы!

Спасибо за интерес, который вы проявили к моему комсомольскому прошлому.

Прежде всего, вы явно преувеличиваете мой возраст, считая меня одним из первых комсомольцев Марьевки. Посудите сами, скоро комсомолу страны исполняется 60 лет – ровно столько, два месяца назад исполнилось мне. Скорее всего, меня можно назвать одним из первых марьевских пионеров, а первыми комсомольцами деревни были мои братья и сёстры – Андрей, Пётр, Татьяна, Антонида /так!- Т.М./ . Я же был комсомольцем второго призыва, с 1931 года, когда учился в Жарковской школе / школа комсомольской молодёжи в Яе – Т.М. /. Теперь даже самому удивительно, что вступил так рано – в 13 лет. Через год меня избрали секретарём комсомольской организации коммуны «Горняк», бывшей тогда в нашем нынешнем райцентре.

В 1932 году я вернулся в Марьевку и начал работать в колхозе «Искра» – сначала на полевых работах, а потом помощником бригадира Антона Михайловича Якунина, которого вы, вероятно, успели запомнить. В нашем колхозе сразу же был избран комсоргом.

Сразу всего не вспомнишь, чем занимались комсомольцы деревни, но память до сегодняшнего дня ярко хранит наше участие в отдельных общественных, клубно-культурных мероприятиях. Особенно запомнились спортивные соревнования, которые мы проводили на Малых Лужках. Там мы устроили что-то вроде стадиона с футбольным полем, с игровыми площадками и беговым кругом. Сам я бегал очень плохо, но как комсорг во всем принимал активное участие. А бегал я плохо потому, что мне 15-летнему трудно было угнаться за более взрослыми.

Вот этот старый деревенский клуб, который и сейчас стоит и действует, строился в те годы по инициативе комсомольцев. В прошлом он был, конечно, заметным явлением в культурной жизни деревни. Этот разговор можно отложить до встречи в Марьевке.

До встречи. Ваш земляк Василий Федоров».

Работа в комсомоле, безусловно, усиливала природное чувство ответственности, присущее многодетной семье Фёдоровых.

л. Стародумов Ден. Цветков Василий Федоров. 1941г.

Справа налево: Василий Фёдоров, Денис Цветков, Василий Стародумов, Иркутск, 1941г.

**«УДИВЛЯТЬСЯ – МАЛО.
НАДО ВИДЕТЬ. НАДО СЕРДЦЕМ
ЧУВСТВОВАТЬ И ЗНАТЬ...»**

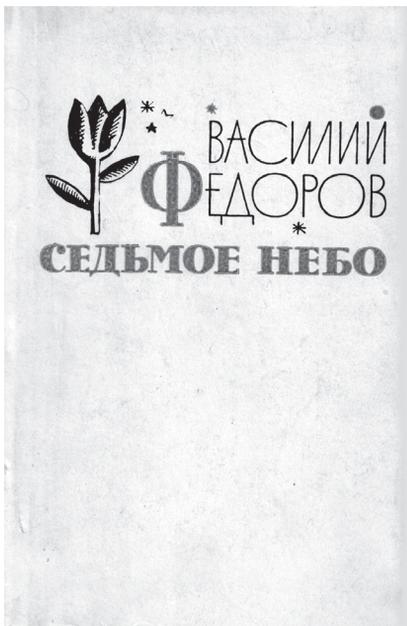
Пришло время учиться дальше. Василий Фёдоров выбирает новосибирский авиатехникум... работает на иркутском авиазаводе мастером экспериментального цеха, пишет стихи, играет в спектаклях драмкружка... Знакомятся с его стихами работники заводской многотиражки Василий Стародумов и Денис Цветков.

Одновременно выковывался характер поэта, писалась биография души: «Однажды я натолкнулся на какой-то «учёный» труд, в котором говорилось, что талантливыми бывают только первые дети. Это меня уязвило. Я не мог признать своей обречённости и повёл многолетний спор с этой капитулянтской теорией...».

И хотя рождение поэта – тайна, «мне кажется, в больших семьях, вместивших разные характеры, разные сферы жизни, в семьях, остро переживших социальные переломы, рождение поэта – явление закономерное. Должна же на чьей-то душе оседать семейная соль».

Смотрите, уважаемый читатель, В.Фёдоров убеждённо связывает рождение поэтов с социальными катаклизмами в обществе, а уж на долю нашего народа пришились ой какие тяжёлые годы в первой трети XX-го века... да и потом тоже... да и всегда.

В одной из записных книжек Василия Дмитриевича, любезно предоставленной мне внучкой Ларисы Фёдоровны Марьяной, я нашла его запись: «Первое стихотворение я написал в шесть лет на полатах и только в 22 года встретил живого поэта, печатающегося поэта, которому понравились мои стихи. А.Герман свела меня с Е. Стюарт, а потом – А. Смердов». В письме от 26 марта 1984 года Лариса Фёдоровна пишет мне о том, что во время видеозаписи телепередачи с Василием Дмитриевичем 26 марта 1984 года на даче в Мичуринце «...пошли в другую комнату... записывать высказывания В.Д. о его учителе поэзии Вас. Вас. Кашине».

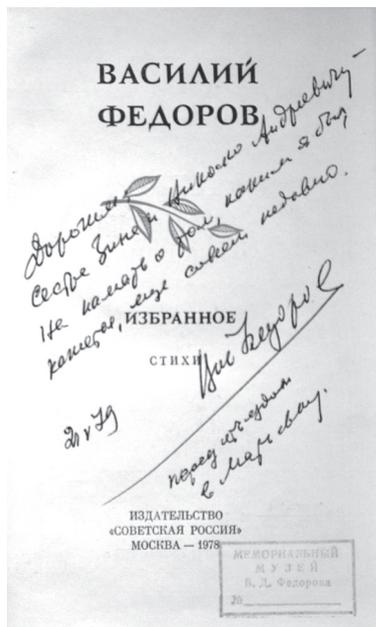

Для меня это – единственное упоминание о Кашине как о его учителе поэзии.

...Первые шаги по земле...первые литературные шаги – судьба определила им сибирский край. Неизменным оставалась для Василия Фёдорова всегда – поэзия.

Первое опубликованное стихотворение – «К матери» – в иркутской областной газете «Советская молодёжь», 18 января 1940 г., – принёс в редакцию Денис Цветков без ведома автора.

И вот случайно (не случайно?!) попал мне в руки из личного архива Фёдоровых лист публикации, в которой в колонтитуле – «Иван Кузнецов», а в тексте: «Стихотворение «К матери» – самая первая публикация Василия Фёдорова... Потом...стараниями Вас. Стародумова в многотиражке (это было 25 июля 1940 года)...напечатано стих. Фёдорова «Надо видеть».

А первая строка этого стихотворения такая:

«Удивляться – мало. Надо видеть. Надо сердцем чувствовать и знать. Если ты умеешь ненавидеть, научись любить и побеждать».

Затем, после Иркутска, В.Фёдоров работал технологом на авиазаводе имени В. П. Чкалова в Новосибирске, жил вместе с братом Иваном и другими родственниками в девятиметровой комнате коммунальной квартиры. Заочно учился в Литературном институте имени М. Горького.

Первая книжная публикация – в коллективном сборнике «Родина», 1944 г., Новосибирск. Перевёлся в Москву на очное отделение Литинститута, одновременно работал корреспондентом газет и журналов. В Москве же – любовь и обручение на всю жизнь с однокурсницей Ларисой Фёдоровной Быковой. Знакомы были с 1947 года, поженились в 1949 году. Окончили институт в 1950 году.

К 1953 году В. Фёдоров – автор повестей «Зрелость» (1953 г.) и «Добровольцы» (1955 г.). В 1955-ом выходят вторая и третья его книги, но уже поэтические: «Лесные родники» и «Марьевская летопись».

1958г. – книги «Дикий мёд» и «Белая роща».

С третьей книгой поэта связано значительное событие его душевно-духовной жизни. Вспоминает Лариса Фёдоровна:

«Марьевскую летопись» он упорно продолжал дописывать. Пусть она не по душе руководителю семинара, пусть в ней не разобрались ещё его друзья и товарищи... поэму о Марьевке он должен сделать! А мне говорил:

«Понимаешь, я её обещал самой Марьевке. Был как-то на лугах и поклялся перед рекою. А если дал клятву на Марьевской земле, как же я могу её не выполнить?!»

Поэт много работает, полностью посвящая свою жизнь творчеству. 1969 год был отмечен важным событием: две книги В.Фёдорова удостоены Государственной премии РСФСР имени М.Горького – «Седьмое небо» (1966г.) и «Третьи петухи» (1968г.)

И хотя уже много поэтом создано и опубликовано, душа и мысли его полны новыми замыслами. В связи с награждением «Литературная Россия» публикует 10 января 1969 года интервью с лауреатом, в котором он говорит о своих планах и чувствах, главное из которых – чувство долга и ответственности, а ещё в этом интервью Василий Дмитриевич размышляет о тайне стихосложения (приво-жу в сокращении):

«В новый год вступил я с долгами. Но они не тяжелы – радостны для меня. Ведь это мой труд.

Признаюсь, не поспеваю за своими замыслами. Не осуществлены старые, такие, как поэма «Аввакум», а уже зреют новые. В минувшем году я побывал в родной Марьевке, где впервые мне встретилась муза. И на этот раз она внушила новую поэму, которую условно можно назвать «Братья и сёстры». Это продолжение той семейной хроники, которая начата мной в поэме «Золотая жила».

Но уже на новом этапе – от времён Революции до наших дней. Она даст возможность рисовать характеры, размышлять о времени. Труд предстоит большой. Не в один год справиться с ним. Буду чаще и дольше бывать в Марьевке....

Готовлю я также книгу размышлений о поэзии, о творчестве. Думаю, что такая работа будет полезной и для меня самого, и для других. Тайна стихосложения мне напоминает тайну появления на свет стрекозы. На озёрное дно брошена личинка, как на дно памяти брошено зерно замысла. До поры до времени она живёт на дне озера, становясь существом, имеющим глаза, умеющим ползать, таящим под монашеской одеждой праздничные крылья. В свой срок это существо поднимается по стеблю к солнцу, и здесь совершается тайна рождения красоты: стрекоза освобождает свои крылья, замирает на ветру, трепещет и летит... Как часто мы за поэзию принимаем наши поэтические существа, умеющие только ползать. А у поэзии должны быть крылья. Вероятно, займусь также исследованием жанра поэмы. Она требует замысла, поэтической логики, психологических связей, не говоря уже о сюжете и композиции.

Высокая награда повышает ответственность. Но одного чувства ответственности мало. Нужна работа. Она всё скажет».

И работа его всё сказала: вышли в свет новые замечательные стихи, новые поэмы (поэма «Женитьба Дон-Жуана», 1977г., отмечена Государственной премией СССР, 1979г.), терцины, «Сны поэта»... Прижизненное Собрание его сочинений вышло в 1975 году в издательстве «Молодая гвардия»).

В.Д. Фёдоров награжден орденами и медалями, среди них два ордена Трудового Красного Знамени (28 октября 1967 г.; 2 июля 1971 г.) и орден Октябрьской Революции (23 марта 1976г.)

В марте 1987 года издательство «Современник» сдаёт в набор, а в декабре 1989 года завершает выпуск в свет первого посмертного собрания его сочинений в пяти томах – составление Л.Ф.Фёдоровой, под общей редакцией Ю.Л.Прокушева. В него вошли не только последние стихотворения поэта, но и терцины и

«Сны поэта», над которыми он продолжал работать до последних своих земных дней.

Василий Фёдоров клятву Родине выполнил, создав классические произведения, высоко оцененные народом и государством.

Именно годы детства и юности, трудные и окрылённые, сильное поэтическое влияние матери, вся родная природа и земля эта определили личность поэта, его творчество и даже подсказали форму некоторых его произведений. Доказательство последнего – запись самого Василия Дмитриевича о замысле поэмы «Женитьба Дон-Жуана»: «Как-то в своей деревне Марьевке, бегло знакомый с октавой и спенсеровской строкой «Чайльд Гарольда», не имея их под рукой, я начал сочинять что-то шутовское, будучи уверенным, что пользуюсь одной из этих классических строф. К моему позднему удивлению, моя «октава» оказалась строфой, которая пока мне не встречалась в русской поэзии, а главное – она пришлась к моему двору, к замыслу, внеся в него некие мечтания моей ранней юности, объёмная форма строфы открыла мне возможность поэмы». Да и писалась поэма большей частью в Марьевке, но уже в семидесятые.

Мария Васильевна Арышева, Нина Павловна Гудкова

ВСТРЕЧА С ЗЕМЛЯКАМИ

Он любил жизнь, ненавидел войну, зло,
жестокость.

Л. Фёдорова о поэте

Приезжая в Кемерово уже известным поэтом, Василий Дмитриевич с женой в последние годы останавливался в гостинице «Кузбасс» (ул. Весенняя, 20). Заходил (редко) в Кемеровскую писательскую организацию на проспекте Советском, 40; любил вечерами пройтись по Притомской набережной; бывал в библиотеке имени Н.В. Гоголя на улице Весенней, 7; выступал с чтением стихов в магазине «Книжный мир» на улице С.М. Кирова, 39; в редакции газеты «Кузбасс», она ещё размещалась в нынешнем Доме актёра.

Несколько раз заходил в здание Дома печати на улице Ноградской, 5 – в книжное издательство, а также в облбиколлектор, чтобы отобрать книги в подарок марьевской школе.

Бывал на Кемеровской телестудии (ул. Телецентр, 1), когда записывались его передачи; в один из приездов, интересуясь капом, посетил на улице Дзержинского мастерскую замечательного мастера резьбы по дереву Бориса Заложных и его квартиру невдалеке.

В июле 1979 года впервые побывал в Горной Шории, пожил несколько дней в Усть-Кабырзе. Тяжёлые дни болезни он провёл в кардеологическом и хирургическом отделениях областной больницы №1 на проспекте Октябрьском, д.22. Осенью 1982 года реабилитировался в профилактории «Сосновый бор» под Кемеровом; приезжал к нам на дачу в Журавли и, конечно, много раз вместе с Ларисой Фёдоровной бывал в нашей квартире в Кемерове на ул. Орджоникидзе, 3.

Летом 1980 года общественность области чествовала своего талантливого земляка, лауреата Государственных премий России и Советского Союза. В филармонии (пр. Советский, 68) состоялся большой авторский вечер.

Высокий, седой, он читал в этот вечер вдохновенно и страстно «С тобой, Россия!», «Пророчество», «Совесь»...

Совість – главное в каждом человеке. «Совість» В.Фёдорова – одно из самых сильных произведений русской поэзии. Оно само и страстное авторское исполнение его наиболее точно передавали душевную боль за человека, родину, природу. И полнейшую искренность, бескорыстие натуры, но одновременно и сложность и принципиальность. Отважная душа поэта рождает отважную душу его поэзии.

На этом вечере для меня облик поэта на сцене сливался с обликом Бетховена в его поэме:

«...Пришли к нему на гордое служенье апостолы Добра и Красоты. Его творенье со злом за счастье начало боренье, за чистоту, за красоту страстей, с жестокостью, с пороками людей. И вот уже, испытывая жажду Добра, Любви, красивой и большой, томилась люди, и тянулся каждый за просветлевшею своей душой. Недоброе и пагубное руша, в борении не становясь грубей, он вскидывал спасённые им души и в зал бросал, как белых голубей».

ПОЭТ – ЭТО НЕРВНЫЙ ЦЕНТР МИРА

При чрезвычайном разнообразии тематики произведений поэта и прозаика В.Фёдорова: от ранней повести «Добровольцы» и первых стихов до вершинных поэм («Проданная Венера», «Бетховен», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана...»), до «Снов поэта», ставших русской классикой, – сквозными всегда оставались для него три темы: человек в современном мире, красота в разных её аспектах, природа. Ещё в те времена, когда всюду пропагандировали покорение природы (нечего ждать милостей от природы – взять их от неё!), даже проектировали повороты рек на сто восемьдесят градусов (!), ещё тогда, предвидя нынешнюю трагедию, прямо на неё указывая, Фёдоров писал:

«Упадёт ли ствол ли, ветви ли, сердцем вздрогну я. Боже мой, когда в свидетели позовёшь меня?», «Природа и сама стремится к совершенству, не мучайте её, а помогайте ей».

Доискиваясь «до самых главных истин» в размышлениях своих об этой трагедии, он уходил в глубь истории и сопрягал их с обычаями праславян. Вспоминается разговор с Василием Дмитриевичем в семидесятые годы, когда на видеозаписи телепередачи мы беседовали с ним о поэзии молодых, Кузбассе, Марьевке, о его далёких предках с Волги...

Беседа потом естественно продолжилась его размышлением о древнейшей культуре славян, их отношении к природе. Не помню, что послужило толчком к этому разговору, возможно даже, очень жаркий и особенно душный, загазованный день этот (не тогда ли поэт написал «ужо тебе, химический полезный комбинат!»?).

Василий Дмитриевич говорил о том, что вот, мол, всё думаю: было бы у нас сейчас такое варварское отношение к природе, если бы сохранили обычаи праславян? Древние славянские боги имели отношение к наиболее общим природным явлениям: Стрибог – к Ветру, Дажьбог – к Солнцу, Сварог – Огню, Перун – Грозе, Молнии...

Этот разговор так крепко засел во мне, что ещё долго думалось: да, действительно, когда-то на Руси, не так уж и давно, всего лишь несколько столетий назад, мы, славяне, поклонялись той матери-природе, что вырастила нас и воспитала, обожали Солнце, Дерево, Цветок, воспитывали сына или дочку не только в уважении к природе – в любви к ней истинной... И было это всё в гармонии с душою и природой. Не тогда ль сказала вся талантливость народа, его предвидение и мудрость, прозорливость – в будущее, закрытое от нас напастью века: атомным кошмаром, разладом в душах человечьих. Не пора ль вернуться нам к обычаям тем древним и сделать вновь такое отношение к Природе единственным для всех землян?!

Эти три понятия – природа, человек, красота – умел поэт соединить в их взаимосвязи единою, короткою, но ёмкою строфой, к примеру, такой:

* * *

*Ещё в глазах белым-бело...
По северу кочуя,
Я видел лебеда крыло,
Я видел лебеда крыло -
Им подметали в чуме.*

Всегда, во все времена он не боялся на всю страну высказать свои «крамольные» мысли:

* * *

*Отдам народу сердце, руки,
Но только пусть не говорят,
Что я слуга народа, -
Слуги всегда с хозяином хитрят.*

Произнесённое им с высокой трибуны Колонного зала Дома союзов в Москве, это четверостишие мгновенно припечатало к позорному столбу недопустимую барственность жизненной позиции многих депутатов и сразу же сняло с употребления (до сих пор!) широко и постоянно используемый тогда лозунг «Депутат – слуга народа». И хотя лозунг этот давно снят, строки поэта о депутатах шестидесятых годов прошлого века стали ещё актуальнее в нынешнем, двадцать первом столетии.

А как давно (!) опубликованы строки «коровники кирпичные, а клубик деревянный» – задолго до выдвижения на первый план социальных задач общества.

А стихотворение «Бюрократ и демократ»?.. До 1984 года. Как и «Високосный год», «Нас грешник учит больше, чем святой...», «Говорят, что красоты не стало...». И... «Пророчество»:

«О, человечество, куда ты, куда ты, милое, идёшь?.. Утраты восполняя скудно, ты истребляешь безрассудно природы вековой посея /.../Твой самый добрый из пророков, я жить и мыслить устаю».

Или «Не зову тебя, мрачный финал. Боль и грусть мне давно надоели. Может, это не грусть, а сигнал о невзгодах в Земной колыбели?»

А стихотворение «О Русь моя!..»? Написано до 1961 года. И опубликовано: «О Русь моя... Огонь и дым, законы вкривь и вкось. О, сколько именем твоим страдальческим клялось! От Мономаховой зари тобой – сочти пойдя – клялись цари и лжецари, вожди и лжевожди. Ручьи кровавые лились, потоки слов лились, все, все – и левые клялись, и правые клялись. Быть справедливой властью клялась, не своевольничать в приказе. О, скольких возвышала власть, о, скольких разрушала власть и опрокидывала наземь... Народ, извечный, как земля, кто б ни играл судьбой, все вековые векселя оплачены тобой...».

Согласитесь, не о горьких ли наших 1990-ых годах пророчески сказано это задолго, за много-много лет?!

Василий Фёдоров как настоящий поэт был предельно гласным и социально активным все четыре десятилетия своего творчества.

Поистине, поэт – это нервный центр мира...

Творчество... И одновременно нелёгкие обязанности секретаря правления Союза писателей РСФСР, члена редакционных советов издательств «Современник», «Советская Россия», Гослитиздат. И другие общественные обязательства.

Время шло, и вот уже из семиметровой коммунальной комнатки поэт с семьёй перебирается в тринадцатиметровую комнату, а затем и в отдельную квартиру, много публикуется, всё вроде ладится, но взглянет в окно – видит широкий шумный московский проспект и домов громадьё, выйдет к реке, а Москва-река закована, зажата асфальтом. Щемяще колыхнёт сердце тоской по Яереченьке, привидится родная деревенька... И вновь всё это заслонится нагромождением каменных домов.

Но всё равно в стороне восходящего солнца зелёной филигранью красуется-вспоминается могучий кедр... Не потому ли, не в тоске ли по родной сторонке возил с собою, пересаживал в новые сады свои Василий Дмитриевич сибирский кедр, пока не укрепился он, не вымахал в высоту у летнего домика поэта на хуторе Гаврилов, что всего в полчаса езды от квартиры Фёдоровых на

Кутузовском проспекте. Вот и стоят они рядом на давнем фото – кедр и поэт, один – в зелёном наряде своём, другой – в телогреечке: то ли сын с отцом, то ли отец с сыном.

Потому-то каждый год неизменно возвращался поэт на родину, останавливался у своей сестры Марии Васильевны Арышевой. Её отец Василий Наумович Кириллов и мать поэта – родные брат и сестра. Мария Васильевна родилась в Марьевке, всю свою жизнь и судьбу разделила с родной деревней, в пятнадцать лет в трудное для страны и колхоза военное время пошла работать трактористкой – на долгие и тяжёлые шесть лет. Честно, с полной отдачей сил выполняла и потом разные колхозные работы.

В её домик с синими ставнями приезжал брат Василий. Но и потом, когда у него появился уже свой дом на Назаркиной горе, они встречались, но чаще уже сестра навещала брата. Ему нравилось доброе и требовательное отношение Марии к людям, незаурядный ум, характер, её образная русская речь.

Однако вернёмся в домик с синими ставнями...

– А где стоял дом Фёдоровых, что купил Пётр после смерти отца в 1923 году? – спрашиваю Марию Васильевну.

Она наклоняется к низенькому оконцу:

– Вот смотри влево, вдаль. Видишь? – говорит она и показывает влево, на край деревни, который тогда, в 20-ых годах, назывался Забегаловкой.

Заходящие лучи солнца слепят глаза и помогают воображению представить тот дом, «волею судьбы оказавшийся, – как писал поэт, – рядом с домом дедушки Фёдора и маминоного брата Василия. Очень много дал мне наш переезд на гору. Это случилось в голодный 1923 год. Отец умер от тифа, старшим в семье стал семнадцатилетний брат Пётр. Покупка дома ошеломила всех. Ещё бы... Целая куча полуголодных ребятишек, а тут вдруг – дом! Хотя не в самой деревне, а в боковой Забегаловке, но всё же на горе... Секрет был прост: в деревне начались новые отношения. Бывший партизан, секретарь партячейки Андрей Ионов предложил Петру:

– С богатенького взял бы как надо, а вот с Петьки возьму недорого. Шестьдесят пудов пшеницы в течение трёх лет.

Условия были неслыханно лёгкими... До сих пор в наших семейных святцах его имя на одном из первых мест».

Давно уж нет старого дома на Подгоринке, нет и в Забегаловке, сгорел и Марии Васильевны домик с синими ставнями, но стоит в Марьевке на Назаркиной горе новый дом Фёдоровых. Дом на солнечной горе...

ПОЭЗИЯ – В ЖИЗНИ. ЖИЗНЬ – В ПОЭЗИИ

«Я давно мечтал в такой поре справиться дом на солнечной горе... А ещё, мечтаний не тая, пригорюнить баньку у ручья...».

Когда же это могло осуществиться? Когда же супруги Фёдоровы стали приезжать в свой дом в Марьевке? Вот строки Василия Дмитриевича из его записной книжки:

Поезд замер и бросил ключ свой.

Я шутливо сказал жене:

«Мы приехали, Ваше Лиричество,

Чемоданчик / Т.М.: «дозвольте» заменено на/ доверьте мне.

Этими строками Василий Дмитриевич фиксирует приезд на станцию Яя в 1969 году. Дома на горе ещё не было.

Вспоминая то время, Лариса Фёдоровна рассказывает, как однажды директор Марьевского совхоза Салехов пригласил Фёдоровых «на архиерейскую уху на берег Яя». И вот во время «лугового застолья» предложил поэту построить для него дом.

– Только за мой счёт, – дважды непрекословно повторил Василий Дмитриевич. И, взглянув на гору над Кайдором, назвал Назаркину гору, сказав при этом, что там когда-то жил его родственник Назар / см. «Золотую жилу» – Т.М./ . Недоумение присутствующих вызвало слово «Кайдор». Поэт пояснил, что так он сам назвал безымянную старицу Яя под Назаркиной горой.

Мне этот рассказ Ларисы Фёдоровны интересен сакральным моментом: задолго до постройки дома поэт дал наименование двум стихиям этого места: земле и воде. По сути – окрестил. Идея дома стала здесь жить и материализоваться.

Говорят, что до революции 1917 года марьевцы собирались построить на этой горе церковь, уж очень хорошо это место: высокое, светлое, открываются с него сибирские дали, обвевают его буйные ветры, хорошо дышится здесь, далеко видится здесь...

Планировали сельчане церковь, да так и не построили.

Теперь уже супруги Фёдоровы приезжали в свой дом, построенный по замыслу поэта.

Ступаешь на крылечко в три ступеньки, проходишь терраску, попадаешь в прихожую, здесь же рукомойник, стенка печи, налево вход в комнатку с диваном, письменным столиком и книжной полкой, далее – комната Василия Дмитриевича: в ней от входа налево книжная полка, под нею часть дерева с капом, перед окном письменный стол, за которым в последние годы писались страницы «Женитьбы Дон-Жуана», «Снов поэта», терцин... Перед вторым окном, с видом на Подгоринку, маленький столик; справа кровать, на стене над ней полотенце и ножовка. Ближе к двери – печечка.

Окно перед письменным столом, по желанию поэта, – на Кайдор, Яю, заречные дали. На столе старенькая пишущая машинка,

стопка чистой бумаги, авторучки, свеча. Подоконники и оконные рамы специально не крашены.

Особенно радовался Василий Дмитриевич тому, что стены обиты кедровыми рейками, радовался цвету их и смолистому запаху.

– Видно дерево, его естество, – ласково трогая левой рукой стену, говорил поэт под весёлый треск топящейся печечки справа от двери в комнату, – и вот, смотрите: с каждым годом кедровые наши стенки меняют цвет, он становится колоритнее. Нам с Ларой нравится.

...За окном заходящее солнце окрашивало дали закатным бронзовым светом.

Говорили о Марьевке, деревьях, капе, о предстоящей завтра съёмке телефильма. Мы с Ларисой Фёдоровной почувствовали в его жестах, интонации словно бы прощальные нотки. Помолчали... Шёл 1980 год.

От входа из террасы в дом направо кухня-столовая с большим столом и широкой лавкой. За ним частенько умещалось более десятка гостей. Далее, через столовую, комната Ларисы Фёдоровны, жены и верного друга Василия Дмитриевича, прошедшего рядом с ним тридцать семь лет – со времени совместной учёбы в Литературном институте и до последних дней поэта.

Ранней весной, ещё до приезда их на гору, Мария Васильевна, бывало, вскапывала мини-огород в две-три коротенькие грядки, бросала в землю семена, чтобы к приезду родных, обычно в конце мая, была здесь зелень к столу.

В доме на горе Василию Дмитриевичу нравилось, но терраску он хотел перестроить: прорубить окно в западной стене, а стену на Кайдор сделать овальной, застеклённой, выдвинутой в сторону плетня – «фонариком», как говорил он, набрасывая чертёж / листок с ним был где-то у нас в архиве – Т.М./.

Построил он на горе и баню с примкнувшим к ней сарайчиком для мотоцикла «Урал» – по имени «Пегас».

Почти всегда, когда мы (уверена, и другие) приезжали к Фё-

доровым, Василий Дмитриевич начинал собираться на родник за ключевой водицей, даже несмотря на проливной дождь (бывало и такое). Приехавшие мужчины тотчас пробовали ринуться к роднику, но Василий Дмитриевич твёрдо пресекал это желание, говоря:

– Я хозяин и должен сам привезти воду.

Погрузив на сиденье мотоцикла большой бидон и канистру, он ехал к роднику за студёной ключевой водой и с особым удовольствием предлагал потом гостям её отведать.

«Звонит... звонит... звонит... игрун серебряный, родник меня роднит с родимою природой. /.../ Как мило, как легко, как радостно с нехмурым общаться с родником, как с творческой натурой. /.../ Хоть труд и небольшой, но, лик его очистив, добрался я душой до самых главных истин...».

На утренней зорьке любил поэт побродить в берёзовой рощице. Знал он, что подарит она ему первые грибки. Был у него ещё и другой интерес к ней: доверила она ему одну из своих тайн – рождение берёзового капа, «так называют в черноте берёз бог весть с чего явившийся нарост...».

Поэт и в дереве видел жизненную, творческую суть, которую он всегда пытливо и напряжённо пытался рассмотреть в людях и явлениях. Однажды, увидев, как мужчины хотят распилить на дрова два бревна с богатырскими капами, спас их от распиловки и доставил к дому. Один кап «прописался» в комнате поэта слева от письменного стола на полу; другой – огромный – при подходе к дому справа от крыльца. Облокотясь на него, Василий Дмитриевич поглаживал кап и мечтал всерьёз попробовать свои силы в резьбе по дереву, даже подумывал о подходящем инструменте.

Бывая уже в новом веке в Марьевке, я с грустью замечала, как старится спасённый поэтом когда-то от распиловки сибирский кряж. А приехав осенью 2012 года в Марьевку, обнаружила его отсутствие. Жаль, что не сохранили...

Марьевка стала родной и для жены поэта, тоже сибирячки по рождению. И это воодушевляло Василия Дмитриевича, недаром

он писал в стихотворении, посвящённом жене: «...И рад я, что тебя привёз к земле первично-личной: первичных дел, первичных слёз и радостей первичных».

Марьевка так же глубоко вошла в её творчество – особым душевным настроем, героями, речью. Её книга «Во днях Марии» рождена Марьевкой, а уж о стихах и говорить нечего, во время ежегодных с нею передач на Кемеровской телестудии она читала всё новые и новые стихи по марьевским мотивам.

Была в этом доме Лариса Фёдоровна и хорошей гостеприимной хозяйкой, заботливо создающей для поэта творческую атмосферу. А вернее сказать, сама постоянно в ней живущая. Не только здесь, но и везде я замечала: в аэропорту ли, в гостинице, в гостях, в машине по дороге в Марьевку, в поездке в Горную Шорию, – словом, везде и всегда была у супругов Фёдоровых постоянная взаимная поэтическая настроенность: ловились строки, из которых потом вырастали стихи. Схваченные как бы на лету, строки эти тут же записывались Ларисой Фёдоровной. И очень, очень жаль, что великолепно снятые с нею кадры (даже с ночным синхронном) телефильма «Здесь отчий дом», 1980 г., «сварили на телестудии вместе с почти всей плёнкой при проявлении», как сказал мне режиссёр Николай Ставцев.. А существующие сейчас фрагменты того фильма – это уже второй «заход» нашей съёмочной группы, когда Лариса Фёдоровна уже уехала из Марьевки на свою родину в Тюмень и повторная съёмка с нею не осуществилась.

И всё-таки Кемеровской телестудии мы и наши потомки глубоко благодарны за то, что остались в памяти народа «живые» кадры с поэтом. (Эти строки были написаны несколько лет назад, а сейчас горько сообщить об утрате бесценных кадров, и я молю время, чтобы копии их в Марьевском музее не осыпались до перевода их «на цифру». А это по непонятной причине затягивается.)

Фото, конечно, надёжнее и сохранный. Перебираю их...приглашаю вас, мой читатель, взглянуть на них. Да, Назаркина гора жила не только одной поэзией: хозяйева её умели органично сопрягать

поэзию с необходимыми повседневными заботами. На фото поэт правит косу. Особое удовольствие, наверное, доставляла ему возможность скосить траву вокруг дома, поставить стожок. И написались строчки:

«Душа томилась по живой природе. Скосил траву я в нашем огороде, сметал стожишко. На ольховый стяж ворона села – и уже пейзаж!».

Интересно, что ворона действительно часто встречала гостей, сидя на стожке. И когда уже Василия Дмитриевича не стало, а приезжала в Марьевку только одна Лариса Фёдоровна.

БЫЛА У ПОЭТА ОСОБАЯ ВЕРА В ЭТУ ЗЕМЛЮ

Каждую весну ему верилось: вот приеду в Свет-Марьевку, попью водицы из родника, поем черемши – и все болести как рукой снимет. Эта вера в целительные силы родной Сибири особенно подтвердилась в 1982 году. В середине мая он ещё лежал в Боткинской больнице Москвы в предынфарктном состоянии, но рвался в Сибирь, как будто знал, что будет в этот високосный год находиться на грани жизни и смерти и только родина спасёт его. Нет-нет, да вспоминалось ему предсказанное в юности цыганкой.

... Две внутриполостные операции, инфаркт – и всё это в короткий срок. Уезжая выздоровевшим, Василий Дмитриевич повторил:

– Хотя я родился в Кемерове, но родиной привык считать Марьевку, там вырос, а вот за эти месяцы, потеряв бока на койке в больнице Кемерова, понял, ощутил, что и Кемерово моя родина.

Не случайно, видать, звали его в детстве Батей Кемеровским, как вспоминает он сам в новелле «Мои метаморфозы»: «... из-за седины какого-то кемеровского попа, крестившего меня в день Василия-капельника». Да, здесь, на родине, построил поэт свой дом, посадил деревья... здесь, на ступеньках крыльца, он любил сидеть при закатном солнце... опершись о прясло, задумчиво смотреть на озеро, на пойменные луга, в неоглядные сибирские дали.

Родная земля, отчий дом питали творчески, укрепляли физически своего верного сына, спасали его от гибели, даровав возможность создать ещё несколько классических произведений. Меньше двух лет оставалось до трагического апреля 1984 года, когда Василий Дмитриевич оказался под угрозой смерти. Судьба послала в нужный момент и в необходимое место двух его спасителей: секретаря по идеологии Кемеровского обкома партии Петра Михайловича Дорофеева и хирурга, директора хирургической клиники, профессора Теодора Израилевича Шраера. А помогли в дальнейшем выздоровлении медработники хирургического и кардиологического отделений Кемеровской областной клинической больницы №1, пр. Октябрьский, 22.

После грозного 1982-го всё чаще в беседах и творчестве Василия Дмитриевича появляется предчувствие приближающегося ухода из жизни. Это ощущается и в кадрах телефильма Центрального телевидения Советского Союза, в котором Василий Дмитриевич за 23 дня до кончины беседует со своим верным другом и коллегой по писательскому цеху Юрием Львовичем Прокушевым – у камина на даче.

И совсем провидчески прозвучали его слова в апреле 1984 года в квартире на Кутузовском проспекте, когда он накануне отъезда в Ессентуки отказался присоединиться к собравшимся проводить его родным, сославшись на то, что:

*Я уже не с вами,
Я уже не тут,
Я там,
Где птицы райские поют.*

19 апреля 1984 года перестало биться Земное Сердце Поэта.

Родная земля, отчий край питали творчески, обновляли и укрепляли физически своего верного сына. Здесь он задумал и написал многие свои произведения, ставшие частью нашего национального достояния, вошедшие в сокровищницу не только русского, но и мирового искусства. И потому так важно нам, его современникам,

сохранить документальные материалы о нём, передать потомкам желание обращаться к его творческому наследию как к роднику мудрости и красоты.

Мне всё видится и вспоминается тот, тяжёлый, 82-й год.

Июль. 9-ое. Назаркина гора. Жара 35...

Привезли Василия Дмитриевича из больницы после первой операции. Уезжаем. Вдвоём с Ларисой Фёдоровной он вышел за ворота. Стоят они рядышком, как искони повелось на Руси провожать. Лариса Фёдоровна прощально машет нам рукою, а Василий Дмитриевич стоит в голубой рубашке, светлый, седой, и провожает нас грустными глазами...

* * *

*По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...*

57

*Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнёт ко груди.*

*Весь смысл её
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.*

*А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?*

*То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.*

*А жизни суть,
Она проста:
Её уста...
Его уста...*

В.Фёдоров

ВСЁ В ДУШЕ СОЕДИНЮ...

«Русь...Россия...

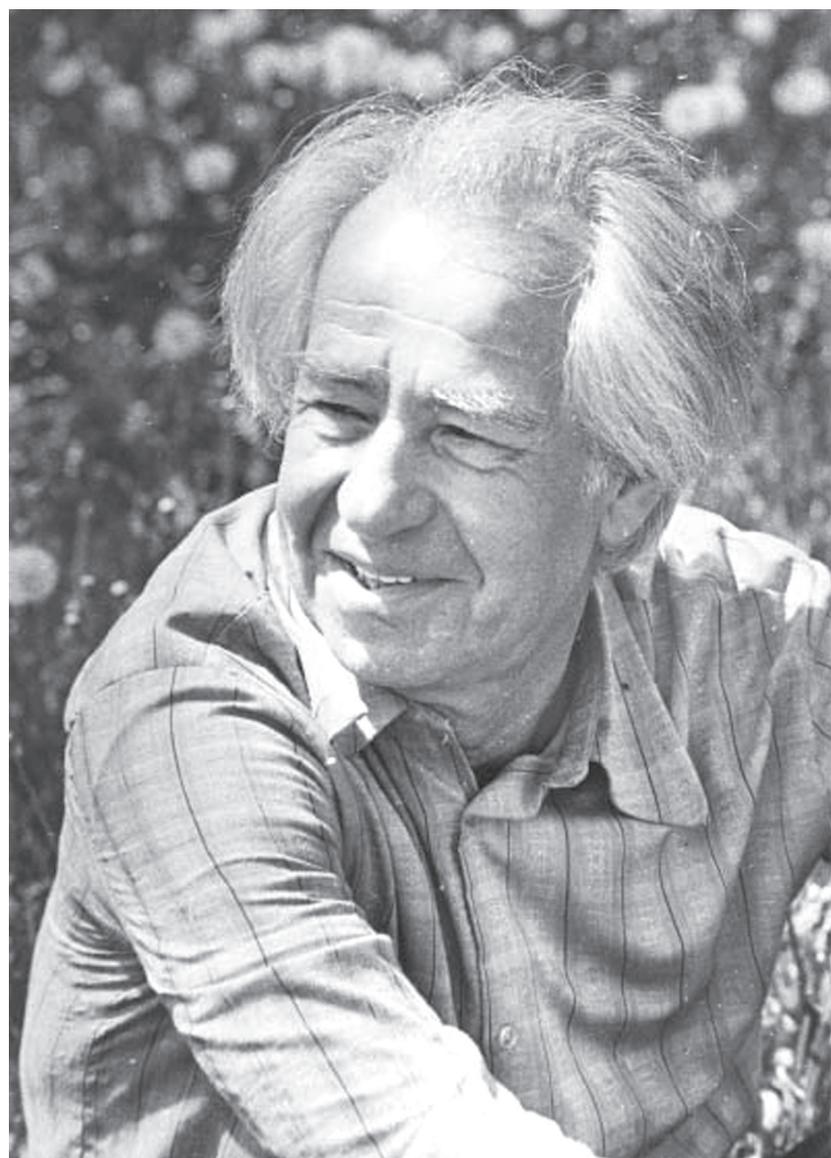
Каким измерением измерять её? Мерить ли великими людьми – мудрецами, героями, бунтарями, поэтами и художниками?.. Мерить ли по векам, по нашествиям ли врагов её, по датам ли её побед?.. Мерить ли её великими реками, реками-работягами с городами и сёлами?.. Мерить ли народами, заселяющими её земли?.. Как охватить её единым взглядом?.. А если мерить её поясами времени, то насчитаем одиннадцать поясов, и это значит, что за одни сутки Россия встречает одиннадцать рассветов и справляет одиннадцать новогодних праздников...

Русь... Россия... Россия Советская... Это всё она, но всякий раз другая. Каждое из её названий – это новый исторический этап, новый подвиг. После Гражданской войны люди на Западе не верили, что она поднимется. Но Россия поднялась и стала Советской. В первые годы Отечественной войны, занимая наши города и сёла, фашисты думали, что с Россией покончено. Они даже не догадывались, что во время отступления наших армий действовал закон пружины: она сжималась и набирала силы. И чем больше сжималась, тем сильнее становилась.

...Я люблю мою Россию. Люблю не только за воспоминания детства с речкой в золотых песках, с озёрами в кувшинках, с лугами в травах и цветах. Люблю не только за память юности с первым свиданием и первым поцелуем, но и за то, что она, добрая и требовательная, научила меня труду: научила пахать землю, косить траву, ковать железо, управлять самолётом и строить самолёты. Она учит меня быть её поэтом.

У России великая история. Но это не только предмет гордости, а и обязанность быть достойным её».

В.Фёдоров, 1973г.

МАГНИТНОЕ ПОЛЕ ДУХОВНОСТИ

Успею ли торжественно воздать,
Всему тому, что было несказанно,
Что шло ко мне как благодать.
Всему тому, что в памяти сохранно...

В.Фёдоров, терцины

60

Так сложилось, что мои родовые корни издревле уходят не в Сибирь, а в Углич Ярославской губернии, потом, при формировании столицы, – в Москву, затем при строительстве Петербурга некоторые мои предки переехали на берега Невы. Родившись и прожив много лет в Ленинграде, я думала, что эти три города останутся для меня единственно родными. Никогда не предполагала, что мне предстоит почти в сорок лет переехать в Сибирь, жить в Кемерове.

Мысленно возвращаюсь в свои юные годы, вспоминаю, как мы – я и моя одноклассница по 434-ой школе и духовная подруга Жанна Смирнова – жили неиссякаемой любовью к искусству: театры, музеи, поэзия... – заполняли наше свободное время. Ещё в школе мы с интересом прочли роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая», отмеченный Государственной премией СССР, многомиллионными тиражами, переводами на языки более десяти стран мира.

Позже в книжном магазине на углу Невского и Литейного я приобрела книжечку «Дикий мёд» Василия Фёдорова. И мы с Жанной с упоением читали ее (как и другие поэтические сборники) в основном парке у Финского залива. А тот давний, 1958 года, сборник Василия Фёдорова и сейчас со мной здесь, в Кемерове.

Не предполагала я, что судьба мне готовила не просто встречу с авторами этих книг, талантливыми сибиряками, а возможность делового общения по изданию их произведений, проведению телевизионных передач с ними, а с супругами Фёдоровыми ещё и съёмки трёх фильмов по моим сценариям, и дружеское общение, и поездки по Кузбассу, и встречи в Москве.

Вспомнилась сейчас юбилейная TV-передача с Александром

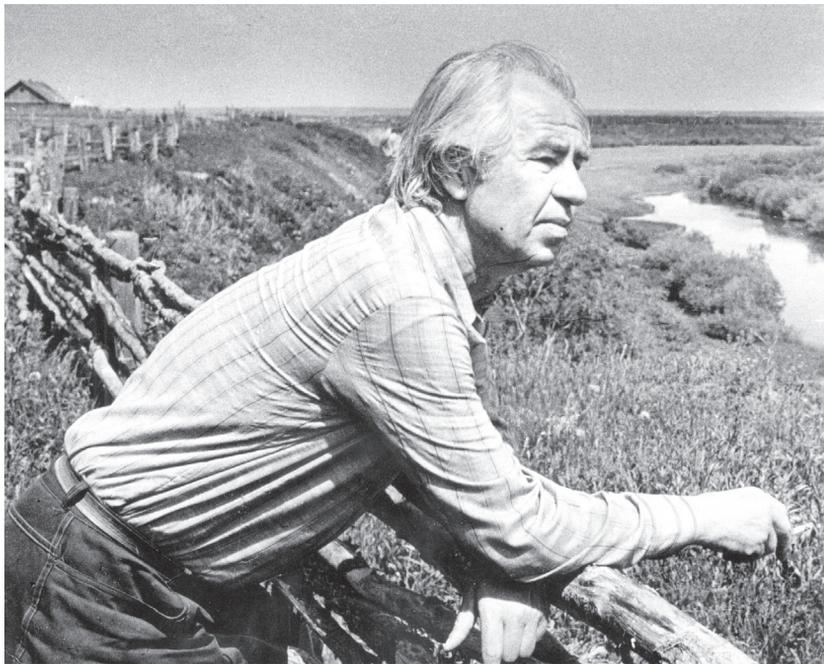
Никитичем Волошиным, незадолго до его кончины. Он так глубоко, интересно, философски мудро и обстоятельно размышлял о России, Кузбассе, жизни, искусстве, что, слушая, я думала: вот бы наше телевидение сохранило эту запись в своём «золотом фонде». А непростая история с созданием его последнего произведения – «Зелёные дворики»? Какими интересными и неожиданными гранями высветилась для меня личность Александра Никитича, неразрывно связанного с Кузбассом, хотя и родился он в Петербурге, шестью годами раньше Василия Фёдорова.

Познакомилась я с Фёдоровыми гораздо позже Валентина Махалова, моего супруга, он впервые увиделся с Василием Дмитриевичем в 1963 году на семинаре в Москве, я же – почти сразу по приезде моём в Кемерово, когда супруги Фёдоровы только начали осваивать свой дом в Марьевке.

Не было ещё берёз у дома, не стоял ещё мотоцикл «Пегас» в сарайчике за баней, не внедрялись ещё корешками в Назаркину гору молодые дубки из Ленинграда и сирень из Журавлей, что вблизи Кемерова...

Но земля эта вдохновляла поэтическую чету, рождала замыслы новых произведений. Обоим было ещё только немного за пятьдесят. Казалось, что ещё много лет впереди. И приезжать они вскоре стали не на московском поезде на станцию Тайга, а прилетать в Кемерово. Встречали их в кемеровском аэропорту (ныне аэропорт имени космонавта Алексея Леонова). Задерживались в городе на два-три денька – по мере необходимости или по настроению. Стремилась в Марьевку.

Обычно задолго до приезда, ещё весной Фёдоровы начинали собираться в Сибирь. Поэт говорил: «Лара, пора на землю». Лариса Фёдоровна звонила нам и передавала телефонную трубку Василию Дмитриевичу. Он с какой-то особой интонацией предвкушения приезда на родину говорил о планах и о сроках приезда, интересовался, поспела ли в тайге черемша, беспокоился, не переспел ли она к их приезду.

В Марьевке, 1978г.

Я заверяла, что пришло черемшу в Москву обязательно. Получив «сибирский презент», вскоре поэт сообщал: «Угощал ею в ЦДЛе /Центральный Дом литераторов – Т.М./ собратьев по цеху. По одной штучке одаривал, чтобы многим хватило». Деликатно просил заказать гостиницу, в разговор вступала Лариса Фёдоровна: «Томочка, хорошо бы нам остановиться у «Марьи Ивановны». Так, по имени «хозяйки», распорядительницы, мы называли небольшую обкомовскую («закрытую») гостиницу на третьем этаже в доме на Притомской набережной, 1а, у «Вечного огня».

Нравилось Фёдоровым здесь останавливаться, так как из окон видна Томь, рядом набережная, по которой супруги любили пройтись вечерком, направляясь к нам в квартиру в доме на площади Пушкина. Или возвращаясь от нас.

Центр Кемерова им очень нравился. Мне он тоже понравился сразу, может быть, потому, что напоминает ансамблевый стиль Петербурга.

По-моему, центр любого города всегда главная забота зодчих. Не только из-за его многофункциональности. Мне кажется даже, что центры городов живут какой-то своей, особой, жизнью. Складываются они десятилетиями, иногда центр, не подчиняясь подчас архитектору, как-то сам собою со временем «переселяется» в другое место города. По проекту один центр, а в жизни функционирует как центр совсем другое место. Я бы даже сказала, что очень своеобразный нрав у центра. Ведь есть даже города без центра, ну не хочет центр «поселяться» в отведённом ему месте. Как правило, центр формируется веками.

А вот кемеровский городской центр очень хорошего нрава: архитекторы его поселили весьма удачно – место ему понравилось. Веков «на раскачку» не было, и зодчим нужно было найти эту точку опоры города. Рождённый в проектах до 1953 года, центр быстро «вымахал» вон в какого красавца, гармонично сочетая в себе улицы, аллеи, площади, набережную... Кемеровчане его признали, полюбили, стали им гордиться. Думаю, именно талант зодчих и предвидение руководителей города и области сыграли здесь решающую роль.

И в Москве, вспоминая о Кемерове, супруги Фёдоровы, бывало, вспоминали его благородный, уютный, «поэтический центр».

В последние свои приезды Фёдоровы просили заказать номер уже в гостинице «Кузбасс» (это тоже в центре, на улице Весенней), так как у «Марьи Ивановны» надо было им «самим готовить еду, а в «Кузбассе» всегда можно пообедать в ресторане, перекусить в буфете», – говорили они.

Думается мне, что центр Кемерова, набережная Томи, площадь Пушкина своей архитектурной гармонией определяли хорошее, даже возвышенное настроение всех проходящих к нам в гости. Вообще, то время, 1970-ые годы-начало 80-ых, в моём воспоминании

словно пронизано солнечным светом. И хотя вмещало в себе массу дел, в памяти осталось стремительным, лёгким, светлым. Таким – как в детстве. Беру свой дневник. Интересно, что откроется наугад? Ага, июнь 1975г.: Валентин вернулся из Венгрии. 6 июня 1975г.: приехали Фёдоровы, Валентин с Виталием Васильевичем Банниковым (директор книжного издательства) встречал их в аэропорту. Ходили в обком партии на беседу к Зинаиде Васильевне Кузьминой (кажется, она тогда была секретарём областного комитета партии по идеологии).

В этот же день на Кемеровской телестудии я с Василием Дмитриевичем вела (по-моему, ещё в прямом эфире) передачу (тогда ещё цикл «Экслибрис», потом уже «Кузбасс литературный»), Василий Дмитриевич был в отличном настроении, несмотря на бессонную ночь в самолете. Разговорился так, что даже прочёл две строфы из неоконченной поэмы «Женитьба Дон-Жуана».

После телестудии заехали в фотоателье (ул. Островского, 27), несколько ранее Василий Дмитриевич успел сфотографироваться для загранпаспорта – предстояли ему поездка в августе «в Италию на симпозиум преподавателей русского языка в европейских странах и выступление на нём «по Александру Пушкину». Взяв фото, он, досадуя на себя, недовольно сказал: «После бессонной ночи фотографироваться нельзя. Разорву». Вышли из фотоателье, он всю кипу фотографий разорвал и бросил тут же в урну.

Часам к восьми вечера собрались у нас, всего человек восемь, были и художник Иван Филичев, и собкор всесоюзной газеты «Известия» Пётр Ворошилов, кто-то ещё (сейчас уже не помню). В два часа ночи ещё никто не хотел расходиться. Лариса Фёдоровна пела под гитару свои песни. Всем понравилось. Спать никому не хотелось, хотя за окном была тёмная ночь. Завтра едем в тайгу за черемшой.

На следующий день обещанная Ворошиловым собкоровская машина «сорвалась», заказали такси. Я не поехала, осталась дома готовить обед для «охотников за черемшой». Лариса подошла из

гостиницы помочь мне. К середине дня все снова собрались, подошла и Зоя Естамонова. Василий Дмитриевич был в том же отличном настроении. И если мы с Ларисой гадали по новым, ещё не читанным поэтическим сборникам, то Василий Дмитриевич решил погадать мне и Зинаиде Веселовой – по руке. Гадание получилось шуточным, но зато «с оттенком поэтическим». Разошлись опять ночью, но спать никому не хотелось...

8 июня 1975г. В 12 часов проводили Фёдоровых в Марьевку. Поэт был в том же отличном настроении. А иначе и не могло быть, ведь он едет в Марьевку!!! Предчувствие встречи с нею и желание хорошо там поработать над поэмой определяли его особое – как бы предвкушающее наслаждение от работы – настроение.

Лето для меня получилось сплошь театральным, ходила на все спектакли гастролирующего в Кемерове московского театра «На Малой Бронной», а «Дон Жуана» (по комедии Мольера, написанной более трехсот лет назад) смотрела дважды, чтобы (по старой, ещё ленинградской, привычке) сравнить оба состава исполнителей (игра Волкова и Дурова увиделась мне более высокой, чем Козакова и Каневского). Сейчас подумала: а почему же не сговорила тогда Фёдоровых посмотреть этот спектакль, ведь работа поэта в то лето над его «Дон-Жуаном» была в самом разгаре? Может, именно поэтому мог не согласиться? А Лариса Фёдоровна из-за жары не поехала бы (это нынешние мои размышления, а тогда я, занятая своими заботами и увлечениями, хотя и делилась театральными впечатлениями с Ларисой, почему-то не сговаривала её приехать на спектакль).

Вскоре позвонила мне Нелли Николаевна Соколова (главный редактор художественного вещания Кемеровской студии телевидения) с просьбой провести часовую телепередачу с четырьмя актёрами этого театра (в том числе и с Михаилом Козаковым). Запись пришлась на День Ивана Купалы, помню это хорошо из-за связанного с этим днём происшествия с нами при возвращении с телестудии и удивлённо ироничного замечания М. А. Козакова.

В Марьевке, 1970г.

На это же лето пришлось и телепередача с поэтом Михаилом Лукониным, который на денёк прилетел в Кемерово: вроде бы его жена, актриса, гастролировала вместе с театром. Не знала я тогда, что в замысле одного из «Снов...» – «Чёрная прядка букета», где Василий Дмитриевич встретится с М.Лукониным. А для меня раскроется загадка их взаимоотношений ещё с институтских времён, о причине их мне намекнула Лариса. Но об этом речь впереди.

Подшло время и запланированной телестудией передачи с Ларисой Фёдоровной. Начала я перечитывать её книги и новый номер журнала «Москва» с её публикацией. Отметила для себя, что в творчестве Ларисы начинает проклёвываться марьевско-кемеровская тема. Написала сценарий. Лариса приехала ко мне на два денька, видеозапись прошла нормально, почти всю ночь беседовали, но воспроизвести сейчас ту беседу, к сожалению, не могу. Время с нею пролетело мгновенно, она взяла с меня «твёрдое

обещание вскоре приехать в Марьевку» (его – увы!- я в этот раз не исполнила: вскоре шесть приездов «скорой помощи» никак не могли снять у меня сильнейшую сердечную боль, на вторые сутки вызвали кардиологическую группу). Поездка в Марьевку всё-таки осуществилась – позже...

Да, хорошее было время. Казалось, что ещё ничто не грозило стране. А творчески устремлённые Фёдоровы каким-то поэтическим вихрем вовлекали в свою орбиту многих, отрывали от суеты, быта, монотонности. Как свежий ветер. Как благодатный летний ливень.

Вспомнилась фотография этих лет, на ней: в Марьевке рядом с Василием Дмитриевичем стоят Женя Буравлев, Витя Баянов, Олег Павловский, Валентин Махалов. Думаю, что первые годы знакомства Валентина с Василием Дмитриевичем это – общение поэта с поэтом. На тот момент я знала, что Валентин никогда не обращался с просьбой к нему по своим публикациям. Но однажды я присутствовала, по-моему, при начале их отношений по поэтическим делам Валентина. Это было 24 июля 1972 года после встречи с читателями в Яе. Память сохранила фрагмент их разговора сразу после окончания вечера:

– Что сейчас пишешь, Валентин?

– Да вот, Василий Дмитриевич, на днях сдаю в издательство свою новую рукопись стихов.

– Интересно бы взглянуть. Ты дай мне посмотреть.

– А как?

– Да присылай почтой.

Наверное, чтение Валентином стихов на этой встрече заинтересовало поэта. Потом, я знала, была у них переписка по поэтическим делам, интервью для радио... А после апреля 1984 года – статья Валентина о поэте в газете «Кузбасс» (1985г.), книжечка «Поэт Василий Фёдоров» (1985г.); кажется, были и далее газетно-журнальные его публикации, которые как-то выпали из моего внимания.

Моё же деловое общение с поэтом началось в 1972 году с одной телепередачи в прямом эфире, которую я провела по просьбе телестудии. Затем была переписка о написании им предисловия к коллективному сборнику стихов «Дыхание земли родимой», составителем которого (вместе с В. Баяновым) и редактором я была.

Вскоре телестудия пригласила меня быть (с 8 января 1974 года – до 1991 года) автором и ведущей постоянных передач по искусству, и мои передачи с В. Д. Фёдоровым стали ежегодными. Гостем телестудии была и Лариса Фёдорова, поэт и прозаик. С нею ТВ-передачи продолжились и после апреля 1984 года. Ведь у неё, кроме публикаций в периодике, «издано не менее двадцати книг» – так она мне сказала несколько позже, в 1993 году. Много написано в Марьевке и о марьевцах, было о чём рассказать в эфире любителям поэзии, не говоря уж о творчестве, личности и жизни Василия Фёдорова.

Однако вернусь к началу той светлой поры. К началу семидесятых. Как редактор книжного издательства говорила с поэтом о посвящённой его творчеству рукописи преподавателя Кемеровского государственного института культуры Любови Антоновны Пудаловой.

Однажды, после видеозаписи телепередачи, видя хорошее настроение Василия Дмитриевича, я предложила издать его произведение на родине, в Кузбассе. Но Василий Дмитриевич, немного задумавшись, отказался, сославшись на то, что, «...наверное, здесь нет хороших художников книжной графики». Я понимала, что на то время он был прав, так как оформление книги Л.А. Пудаловой мне тоже не нравилось. Художественным редактором издательства был допущен явный промах. Но когда, перед ответом мне, Василий Дмитриевич задумался, я почувствовала, что главная причина его отказа иная: он не хотел занимать своим сборником жестко ограниченное количество позиций в тематическом плане изданий, зная, что региональное издательство создано для публикаций произведений живущих здесь писателей и классики. Утончённое вос-

приятие людей, деликатность в общении... Да, супруги Фёдоровы были настоящими аристократами – аристократами духа и души.

В дальнейшем я никогда уже не предлагала Василию Дмитриевичу издаваться в Кемерове ещё и потому, что он имел возможность публиковаться в центральных издательствах большими тиражами. Молчавшая при нашем разговоре Лариса Фёдоровна потом наедине со мной, когда я ей сказала о задаче издательства опубликовать кузбасских авторов, горячо меня поддержала, подтвердив моё понимание истинной причины его отказа*.

Постепенно магнитное поле семьи Федоровых географически расширяло круг нашего общения. Кемерово, Журавли, Марьевка, Писаные скалы, совместная, вчетвером, поездка по Кузбассу, Москва, Переделкино, хутор Гаврилов в Подмосковье. Вот внешние факторы нашего общения. Для меня с Поэтом оно всегда было деловым. А с Ларисой мы сразу подружились. Она в письмах называла меня то «дочкой» (редко), то «сестрой» (часто). А я её воспринимала всегда своей сестрой, только почему-то младшей. Наверное, младшей потому, что она была динамичнее меня, мгновенней в мыслях, чувствах, движении – не только по темпераменту. Возможно, для меня она казалась младше ещё и потому, что я в эти годы была невероятно перегружена работой одновременно в издательстве, на телестудии и общественной, а дома тоже хватало забот о младших родственниках Валентина, живших в те годы с нами. Много приходилось обдумывать и делать на ходу и за счёт сна, а это неизбежно, при внутренней сосредоточенности, утяжеляло и внешне казалось, наверное, заторможенностью. По-моему, это замечала только Лариса. Об этом она писала мне в письмах, говорила при встречах. Отношения наши были очень доверительны. Она мне жаловалась на безосновательную ревность Василия Дмитриевича, даже не только на ту, что отзывалась потом в сти-

* Строки эти написаны давно, но вот вчера, в конце 2017 года, В.П.Кравчук рассказал мне, что в Кемерове ещё до моего приезда сюда был опыт издания стихов В.Фёдорова, автор огорчился неудачным оформлением и высказал это директору изд-ва.

хах (например, «Поклянись на белом хлебе...»). Я уверяла её, что ревность в нём от любви к ней («Ты – воздух мой. А без него я не проживу и трёх минут») и позиция его в этом отношении мудрая и нравственная и точно выражена в посвящённых ей его строчках: «Мне радость выдалась иная, мне жребий выдался иной: меняясь, но не изменяя, сто женщин видел я в одной»; что хорошо бы всем русским женатым мужчинам (а моему Валентину – особенно) руководствоваться этим же. Лариса, видя наши семейные отношения, советовала мне (и в письмах тоже) развестись (жаль, что я тогда не послушала её и развелась значительно позже).

Наша дружба с Ларисой продолжалась и после апреля 1984 года ещё десять лет, до ее кончины. Созванивались часто, не менее двух-трёх раз в неделю, а бывало и дважды в день. На письма Ларисы я подчас не успевала отвечать, как уже следующая её весточка летела ко мне. При первой возможности мы встречались с нею в Москве, планировали совместные поездки в Дома творчества. Жаль, что по времени они не совпали. К сожалению. Сейчас – большему, чем тогда. Хотя нам обоим тогда казалось, что ещё много у нас времени впереди и мы ещё будем часто общаться.

Последние годы после ухода поэта в мир иной моё деловое общение с Ларисой стало более интенсивным. И по телепередачам, фильмам о Поэте, и по составлению и изданию его книг. По ним мы с Ларисой созванивались, переписывались, советовались. Мне хотелось включить в них (представив их читателю особым образом) даже не завершённые Василием Дмитриевичем произведения. Много приходилось уточнять, особенно при составлении «Воспоминаний о поэте Василии Фёдорове»... А вот уже книгой «Судьба мне подарила Русь», 1998г, мне не пришлось, к сожалению, Ларису порадовать.

Зато она не только увидела, но и участвовала в съёмках телефильмов: «Здесь отчий дом», 1980г.; «Его стихов высокий свет», 1985г.; «Я душу распахну – входи!», 1988г., – в которых я была сценаристом и ведущей.

За эти годы дружеского и делового общения с Ларисой мы хорошо понимали друг друга и во многом поддерживали в трудные минуты. И хотя остались у меня мои духовные подруги: Зоя Естамонова – в Кемерове, Жанна Смирнова – в Петербурге, я горько ощущаю невозможность Земного общения с Ларисой Фёдоровной.

**ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ:
«У ПОЭЗИИ ГДЕ ЧЕЛОВЕК —
ТАМ И ФИЛОСОФИЯ...»**

71

По убеждениям и жизни альтруисты, лишённые прагматизма, устремленные к размышлениям о мире и человеке в нём, тонко чувствующие красоту и особенно ценящие красоту взаимоотношений, супруги Фёдоровы погружали меня в атмосферу моей родительской семьи, где мои родители и брат органично жили этими же категориями. В детстве воспитавшие меня на поэзии А.Пушкина и учении Л.Толстого, привили тягу к чтению философских книг. Правда, вначале оно было беспорядочным, возможно, даже интуитивным, просто увлечением, но лекции по философии в Ленгосуниверситете (ныне Санкт-Петербургский госуниверситет) и подготовка потом к сдаче кандидатского минимума по философии немного привели эту хаотичную увлеченность в систему и дали, к счастью, мне возможность беседовать с поэтом (больше слушать) на философские темы. Надо сказать, что при этих беседах, если Василий Дмитриевич всё больше углублялся в размышления, то Лариса Фёдоровна довольно быстро одной короткой яркой фразой переключала их на другую тему. Вообще она не любила длинных бесед. Видимо, в силу своего темперамента.

Однажды я показала Фёдоровым философскую часть своей библиотеки. Подержав в руках книги Розанова, Флоренского, Лосева, Ильина... поэт грустно возвращал, говоря при этом, что, «жизненного времени почитать их в этом издании у меня нет». Увлечённая в это время философией и личностью Николая Фёдорова, я однаж-

ды достала с полки хорошее издание его Учения. Оказалось, что и Василий Дмитриевич в эти годы часто обращался к его Учению. К сожалению, подробности тогдашней беседы я сейчас уже не воспроизведу. Осталось в памяти главное: все размышления поэт сводил к человеку. А как же иначе?!

Как-то, провожая Фёдоровых, я сказала, что проходит подписка на собрание сочинений Авиценны и я могу их подписать, а приходящие тома пересылать им в Москву. Василий Дмитриевич сразу же с удовольствием согласился, вскоре томик Авиценны был уже в их московской квартире. (Не тогда ли им написано стихотворение «Начитавшись Авиценну...»?)

А вообще-то, Лариса Фёдоровна говорила: «В Марьевке любили с Васей читать философские книги, особенно нравилось мировоззрение Николая Фёдорова, его размышления о переселении душ. Под впечатлением прочитанного написано на марьевской горе стихотворение «Мы были с тобою в разлуке века...» (цитирую по письму ко мне).

Иногда поэт философию сопрягал с поэзией, объединяя оба понятия человеком. И вот в 1998 году я в его ранних записях увидела это, изложенное очень кратко и весомо: «У поэзии где человек – там и философия» (цитирую точно по его записи).

Однажды разговор о философии, вообще о книгах совершенно естественно перешёл на книжные магазины. Я рассказала об областном библиотечном коллекторе при Кемеровском облкниготорге (в здании на ул. Ноградская, д.5). Василий Дмитриевич выразил желание постоянно пополнять книгами марьевскую школьную библиотеку. Я предложила сразу же сходить в бибколлектор. Но что-то смущало его. Тогда я сказала, что уже не первый год еженедельно хожу туда просматривать поступающую в область и заказывать там же по каталогу справочную литературу для издательства и мне не составит никакого труда за а о д н о подобрать и для Марьевки. Именно это обстоятельство, «заодно», несколько облегчило «нравственные страдания поэта, – как сказала Лариса Фёдоровна, добавив:

Слева поэт Алексей Марков, 1985г.

– Вася не любит обзывать других своими просьбами».

Сходили в бибколлектор, познакомились с его работниками. Василий Дмитриевич спрашивает директора облкниготорга:

– Нельзя ли Тамаре Ивановне вместо меня комплектовать, отбирать книги для марьевской школы?

– Да, можно. Всё решим с нею в рабочем порядке, – отвечает она.

Договорились, что, приезжая в Кемерово, Фёдоровы будут приходить и отбирать книги для Марьевки, а в остальное время это буду делать я. Потом по телефону я всегда согласовывала список отобранного.

Обдумывая детали, я поняла, что надо каким-то образом отмечать эти книги, чтобы они «не затерялись» на книжных полках марьевской школьной библиотеки, и заказала замечательному художнику, книжному графику Василию Петровичу Кравчуку эскиз экслибриса на эти книги, послала оттиск его Фёдоровым, они одобрили. В типографии сделали по нему штамп. Теперь уже отобранные и одобренные поэтом книги можно было отличить от других. К сожалению, все это было незадолго до кончины Василия Дмитриевича, в Марьевку удалось переслать немного книг.

На днях, разбирая архив, обнаружила второй экземпляр одного из списков, в нём значились книги: «В.Астафьев, «Царь-рыба»; Антуан де Сент Экзюпери; «Русская элегия»; С.Цвейг; «Тропа к Тургеневу»; «Дети капитана Гранта»; «Фауст» Гёте...».

Этот штамп с личной подписью поэта я на Фёдоровских чтениях передала в музей Фёдорова в Марьевке (а, кстати, линию с этим штампом для книг в дар школьной библиотеке можно было бы и сейчас продолжить, своеобразно, конечно).

ПОЭТ И МАСТЕР

...За то и нарекли их мастерами,
Творящими и крылья, и полёт...

В.Фёдоров, терцины

На жизненном своём пути мы, уверена, накапливаем в душе самые яркие, сильные встречи с прекрасным. Часто – за повседневностью – о них забываем. А они живут в нас. До поры, до времени... Иногда всплывают в воспоминаниях, иногда – в размышлениях о дне сегодняшнем, иногда в беседах с людьми неравнодушными...

В один из давних дней теперь уже прошлого века, когда я только что приехала в Кемерово, меня впервые пригласила к себе домой Зоя Естамонова (совместно готовили к изданию не завершённую при жизни автором, Инной Филимоновой, рукопись «Пинкере»). Предстояла деловая беседа. Но... захожу в комнату и вдруг чувствую притягательную силу... иду сомнамбулически по её на-

правлению и вижу: на радиоприёмнике стоит прекрасное изделие – ковш. Безупречными линиями и необычной теплотой так и просится в руки. Гармония... совершенство... красота... особая теплота исходили от этого изделия из капа.

Так я узнала о замечательном художнике, кемеровчанине, мастере резьбы по дереву. Борис Павлович Заложных. А встреча с великолепным его произведением навсегда запечатлелась в моей душе.

Прошли годы. Обычно перед приездом Фёдоровых хотелось наметить интересную программу их пребывания в Кемерове. Сюда входили встречи с творческими людьми, выступления (не только на телевидении), иногда хозяйственные заботы. Как-то, намечая программу пребывания Фёдоровых в Кемерове, я вспомнила о той, давней своей встрече с прекрасным. К тому же, поэт проявил к этому времени интерес к капу, интересовался у моего мужа, каким инструментом работают резчики по дереву.

Приехали Фёдоровы, и я предложила пойти к Борису Павловичу в мастерскую на улице Дзержинского – в подвале Дома художников. Василий Дмитриевич деловито осмотрел инструмент, расспросил, для чего предназначен каждый из них...

Но главное впечатление ожидало нас в квартире Бориса Павловича, куда он пригласил посмотреть его изделия. Особенно обрадовалась этому приглашению заскучавшая было в мастерской Лариса Фёдоровна.

Предчувствием встречи с прекрасным и мы «заразились» от нее. Идти было недалеко, и вскоре мы оказались перед дверью небольшой квартиры в «хрущёвке».

Ни Василий Дмитриевич, ни Лариса Фёдоровна да и я тоже даже не предполагали, что (!) нас ожидает.

Вошли... Ахнули... Очаровались...

Поэт стал подходить к каждому изделию, внимательно рассматривать, будто примериваясь, сможет ли он сам создать нечто подобное. Когда он спросил, каким образом можно вырезать вот это

кольцо в кольце на ручке ковша из капа, Борис Павлович поведал секрет и тут же ему этот ковш и презентовал.

Посмотрев и восхитившись многим, Василий Дмитриевич без всякого внимания, равнодушно скользнул взглядом по бокалам из капа. Борис Павлович, заметив этот взгляд, предложил поэту взять в руку один из них. Ничего особенного, бокал из капа вроде бы обычный, даже грубоват.

– Поднесите!.. поднесите его к окну! – взволнованно воскликнул художник. Заинтересованный этим, поэт с бокалом в правой руке стал медленно, словно предчувствуя тайну, подходить к окну... И – о, чудо! – пустой бокал стал наполняться дивным рубиновым светом, превращаться в венецианский бокал с древним виноградным напитком. Так Мастер открыл Поэту ещё одну чудесную грань этой природной загадки – капа.

Бог вещь, может быть, именно с этой встречи интерес поэта к капам перерос в увлечение, сильное желание всё-таки самому овладеть искусством резьбы. Поиски в магазинах инструмента оказались напрасными. Огорченный этим, Василий Дмитриевич поделился своей заботой с Валентином. Далее передаю слово Валентину (по его публикации): «Среди знакомых художников у меня было несколько знакомых резчиков по дереву. Один из них, Пётр Лунёв, пообещал мне помочь в этом деле. Слово свое Лунёв сдержал: недели через две он принёс мне целую охапку резцов и стамесок самой различной конфигурации. Сделаны они были несколько грубовато, не по-фабричному. Но когда я привёз инструмент Василию Дмитриевичу, он ему искренне обрадовался. Побаявав в руках каждый резец и стамеску, сказал мне: «Видно, что всё сработано знающим толк человеком. Инструмент сделан по руке».

Как отзвук этой встречи с Мастером – строчки из письма Ларисы: «Четверг, 19 июня, Марьевка. ...Привет из Африки, именуемой Марьевкой. Но и у вас, по радиослухам, не Антарктида! Мы-то хоть на ветерке, на горе... написала стихи, посвященные Заложных, который подарил нам звёздный ковш... Я бы и забыла о дан-

ном ему обещании написать стихи, если бы не книга Зои Николаевны, где она говорит об этом художнике.*

Так вот – спасибо ей! Она меня, как говорят, подвигла». (Через тридцать лет открываю второй поэтический сборник Ларисы – «Танец стрижей». 1985г., с её автографом мне от 19 августа 1985г. – и читаю стихотворение «Сказ о солдате», посвящённое «Ветерану войны – художнику Борису Заложных», строки: «Солдат-художник сделал ковш/ Для родниковых вод и прочих, / Весь розовый, он был хорош / И словно звёздами источен!»).

Невольно перечитала всю книжечку, и на этот раз моё сердце откликнулось особо её стиху «Земля и XX век»: «Земле пророчат смертную рубаху/ И тоненькие свечи из берёз.../ Когда прицелятся, кладя на плаху,/ Не топором, а молнией – насквозь!»).

В этом же письме Лариса касается многого, но вот её строки о Василии Дмитриевиче и Марьевке не могу не привести здесь: «Вас. Дм. четвёртый день обитает в яйской больнице |...| Опять прошлогодняя история... какое совпадение – почти день в день. Думаю, что дорвался до своей бани и перепарился. А потом была «Борозда» /праздник «Борозды» – Т.М./ с сидением на сырой траве и даже с хождением по траве в одних носках. Я | ... | босиком ходила, но вот Бог миловал... Ну, а так жизнь шла бы ничего |...| Дороги делают|...|но|...| решение примут, а механизмами дорожными – хотя бы канавокопателями – не обеспечат. Вот о чём плакал мне в жилетку на «Борозде» молодой тридцатилетний директор совхоза. А так они (совхозные) ребята все молодые, азартные, но, даже будь они златорогие, как сказочные олени, рогами и копытами канавы рыть не станешь. Вот соображаю, как бы это мне при случае сказать |...| об этом Петру Михайловичу /Дорофееву – Т.М/.

Ещё. У нас тут не ходят автобусы из-за отсутствия бензина |...| однако |...| больница в Яе, а больные зубы в Марьевке, как было у

* Зоя Естамонова. «Сотворение рябины. Рассказы о художниках», редактор Т.Махалова, оформление Н.Клименко, слайды выполнены В.Клюевым, фото – В. Юдиным. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1979г., с.220, тираж 10 000экз.

нашей бедной Марии /М.В.Арышева – Т.М./... И сколько людей стоит у автобусной остановки, тщётно их ожидая!... Почти в каждом письме Ларисы – её забота о других, её стремление помочь. Это – её естественное состояние, она этим жила. Ловлю себя на чувстве: как трудно мне писать «жила» – *в прошедшем* времени.

Грустно. И ... т а к мне не достаёт общения с нею...

Письма её *не восполняют, но воскрешают* моменты общения. А вот это, августовское, её письмо напомнило мне, как мы с нею в августе 1985 года после праздничных мероприятий Фёдоровских чтений были на турбазе «Азот» в пригороде Кемерово. Идём с нею по красивой беломраморной лестнице, она и говорит: «В 50-х годах мы с Васей объездили все станции московского метро, начиная с «Маяковской». Мы тогда были влюблены в камень. На каждой станции рассматривали на мраморе природные рисунки, любовались, восхищались».

И тогда, на лестнице, я вспомнила, что в моей привезённой из Ленинграда библиотеке есть изящная книжечка «Камея» издательства «Искусство». Поговорили о ней, потом, уже вернувшись ко мне домой, листали её, нравилось многое, но пришли к убеждению, что природная камея гораздо интереснее. «...и Вася был такого же мнения», – добавила Лариса, завершая этим наш разговор.

ЗАГАДОЧНОЕ ЧИСЛО «3», ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРСКУЮ ШВЕЙЦАРИЮ

«...побывать там, где природа первозданна».

В.Фёдоров

Довольно много стран объездили Фёдоровы. Если не ошибаюсь, была Болгария, потом на теплоходе «Башкирия» по девяти северным странам, несколько раз бывали в Чехословакии, дважды – в Югославии... Яркие воспоминания и стихи подарила им Ис-

пания. Стихотворение «Добрый старый винодел» Василий Дмитриевич написал, попробовав там вино «Малага». Часто бывали в Домах творчества писателей в Гаграх, Пицунде, Крыму...

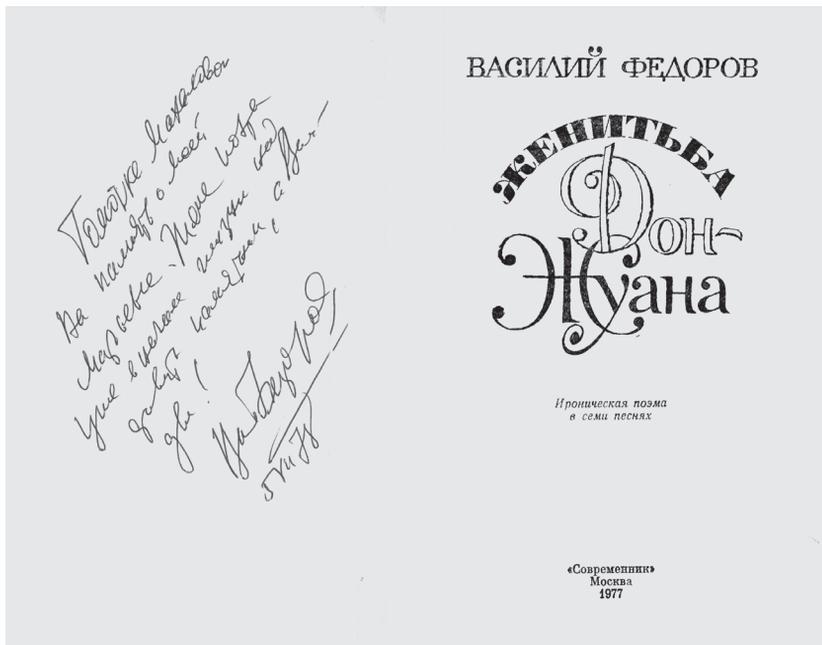
Но не предполагал поэт, что судьба готовила ему путешествие по прекрасному сибирскому краю, Кузбассу – в Горную Шорию.

То ли у Ларисы Фёдоровны – такой быстрой в мыслях, настроениях, делах, решениях – появилось желание провезти поэта по Кузбассу, прикоснуться к первородству Горной Шории; то ли эти же мысли родились в кабинете секретаря по идеологии Кемеровского обкома партии П.М.Дорофеева; то ли поэты-рыбаки возжелали для Василия Дмитриевича суровой рыбалки на горных реках... А для меня несомненно одно: именно встреча с прекрасным искусством Бориса Павловича вызвала подсознательное желание побывать там, где природа первозданна, реки хрустальны, горы таинственны, а мощные деревья рождают чистейший кап – эту загадку природы.

Помню: после видеозаписи телепередачи с Ларисой Фёдоровной мы приехали ко мне домой, говорили о многом, и, в частности, Лариса сказала, что хорошо бы Василия Дмитриевича свозить в Горную Шорию, там он никогда не бывал. Тут же созвонились с Петром Михайловичем Дорофеевым. Высветилась поездка на середину июля. Позвонила я на телестудию, рассказала о предстоящей поездке Фёдоровых. Зоя Николаевна и Нелли Николаевна запланировали видеозапись передачи с поэтом накануне отъезда в Шорию. Поэтому я попросила Ларису сразу же при возвращении её в Марьевку уговорить Василия Дмитриевича не сбрасывать до передачи волосы на голове, как он намечал в это лето сделать.

Но к июлю всё изменилось, ни о какой поездке речи не могло быть: «Василий Дмитриевич, – сказала Лариса Федоровна, – лежал в Яйской районной больнице, чувствует себя плохо, никуда не поедет, так как хочет обязательно достроить баню». Были у него, как всегда, и творческие планы.

Я же окунулась в свои заботы. Масса дел в издательстве. На

телестудии предстояли видеозаписи передач с Василием Дмитриевичем и две – с актёрами гастролировавшего в Кемерове московского театра имени А.С.Пушкина, к ним надо было ещё написать сценарии. Да и на даче кое-что сделать. И потому я обрадовалась «выпадению» этой новой заботы.

Утром 7 июля 1979 года получаю из Марьевки телеграмму: «Если запись одиннадцатого то как условлено машина накануне... Шория исключена совету врачей... Привет Валентину».

Но...брошенную в пространство мысль, подкреплённую сердечной энергией рыбаков и поэта, уже невозможно остановить – она начала действовать. Хотя мы с Ларисой о том не ведали.

9 июля по просьбе П.М.Дорофеева в Марьевку за Фёдоровыми поехал Махалов. Не заезжая в гостиницу, привёз к нам на кварти-

ру. Подходили гости, те, с кем обычно хотел увидиться Василий Дмитриевич. За столом неспешно шла интересная беседа, почти не пили спиртного, потому что, как отметил поэт, «разделяли ответственность за завтрашнюю запись». Она-то Василия Дмитриевича, как и меня, больше всего и беспокоила. Почему-то больше, чем обычно. Я вышла на кухню, чтобы сварить быстро приготовленные Ларисой Фёдоровной пельмени. Подошёл Василий Дмитриевич, спросил: «О чём поразмышлять, подумать, чтобы исключить в спешке возможность неточного выражения мысли?». Я предложила три темы: Марьевка, Кузбасс; творческие моменты; русская поэзия сейчас. Мне очень хотелось на передаче задать несколько вопросов о «Женитьбе Дон-Жуана». Да чтобы прочёл фрагменты из этой поэмы. Правда, об этом произведении мы с ним говорили на передаче в 1975 году, когда поэма ещё только писалась, тогда же он прочёл из нее фрагменты (сдана в набор в сентябре, подписана в печать в декабре 1977года). Сейчас ироническая поэма уже вышла в свет, пожила своей, особой от ее создателя жизнью. (Экземпляр первого издания «Женитьбы Дон-Жуана» с автографом автора особенно ценен для меня. Его и ещё несколько книг поэта я взяла для видеоряда на эту передачу.)

Но почти все эти вопросы пришлось отложить, поскольку кто-то перебил нашу беседу, войдя на кухню.

БАБА ЯГА? ОТКУДА?

Настало 11 июля. В душе поселилась необычная тревожность. В восемь я забежала в издательство, обговорила с директором Виталием Васильевичем Банниковым какие-то неотложные вопросы и поспешила к Фёдоровым на третий этаж гостиницы «У Марьи Ивановны» на Притомской набережной, 1а. Супруги Фёдоровы были уже собраны. Поэт бодр, энергичен. Но почему во мне вновь возникла тревога? Поделилась ею с Ларисой. «Постарайся её отогнать», – шепнула она мне, опасаясь встревожить поэта.

Обговорили с ним предстоящую беседу. И не только. Василий Дмитриевич интересно говорил о спешке молодых поэтов, о «выпала строка – не спеши; если выпадет другая, по ассоциации, – значит, мысль живёт»...

10 часов. Пора ехать на студию. Но студийной машины к обещанному времени нет. Звоню на студию – ответ: «Давно выехала». Ждём. Нет. Звоню – ответ: «Высылаем вторую машину». Сторожим машину на улице – и с фасада и во дворе. Заказать такси – нет времени. Ловить такси – значит бежать от набережной к драмтеатру. Далековато. Ждём. И второй машины нет. Смотрю на часы: 11 часов. Идёт уже тракторное время. Звоню на студию – ответ: «Высылаем следующую машину». Наконец-то! С опозданием на час машина пришла. (Моя вина: не подстраховала обкомовской машиной, тогда бы всё было точно до минуты.)

На студию «влетаем» прямо в зал записи. Василий Дмитриевич на ходу едва успевает снять свою лёгкую белую кепочку. «Бухаемся» в кресла, поэт справа от меня. Тракторное время уже кончилось, идёт время записи. Я делаю вводку и начинаю беседу с поэтом. Пять минут... Десять... И только он встаёт со словами «Стихи о маме я читаю только стоя» и начинает первую строфу, раздаётся: «Стоп! Стоп!». Передача обрывается «по техническим причинам»: то ли звук, то ли свет, то ли плёнка. И так – трижды!!! За несколько лет моей телевизионной практики ни разу такого не было. Оказалось: и потом не бывало. А тут – трижды! Вот он, тревожный в душе утренний звонок. Я в беспокойстве: что-то здесь не то, на ум приходят всякие мысли. Вижу: поэт «закипает». Чтобы Василий Дмитриевич не отказался вообще от записи, перевожу в шутку:

– Василий Дмитриевич, три машины, три обрыва записи... Видимо, это происки какой-то Бабы Яги....

Говорю с намёком о том, кто под нею скрывается. Поэт понимающе улыбается, его напряжение спадает... Наконец-то: «Поехали!». Беседа перемежается стихами. И первыми прочёл стихи о своей маме, сказав предварительно: «О маме я могу читать только стоя», читал затем также стихи о России, о Марьевке.

Но вдруг поэт, решив, видимо, что время уже потрачено на три начала, повёл речь к завершению передачи. Мне пришлось «на ходу» продолжить ещё минут на двадцать. Всё-таки происки Бабы Яги немного сказались. Возвращаясь с телестудии, я думала, что только высокое чувство ответственности поэта обеспечило сегодня эту часовую видеозапись. «Пусть недруги бранят. Трудись не споря. Они тебя гонят себе на горе.» Может, после этого дня написаны им эти строки?

Баба Яга ещё трижды в последующие годы ставила «подножки»: происшествие в аэропорту – «человек в чёрном»; «сварена киноплёнка фильма с участием Василия Дмитриевича и Ларисы Фёдоровны» в 1980 году; при пожаре на студии погибает плёнка с новыми кадрами поэта в Марьевке...

РЕШЕНИЕ БЫЛО СПОНТАННЫМ. НАЧАЛАСЬ МНОГОСТУПЕНЧАТАЯ ДОРОГА

Как я и предполагала, после видеозаписи сговорить поэта на поездку в Усть-Кабырзу Петру Михайловичу оказалось легче. Не планируя Шории, не захватили из Марьевки тёплой одежды для поэта. А вечера в горном краю даже летом холодные, да и погода в Сибири с норовом. Вечером Лариса Фёдоровна забежала ко мне, чтобы подобрать для Василия Дмитриевича мужской джемпер. На всякий случай попутно обсудили-разрешили и другие бытовые проблемы этой предстоящей поездки.

И хотя желание поэта ехать было спонтанным, обком партии в лице П.М.Дорофеева моментально всё организовал. Как всегда, наилучшим образом.

Я не собиралась ехать и потому наметила, за время отсутствия путешественников, «подтянуть» уйму срочных и весьма разно-сторонних дел. Но... Планируя поездку в Горную Шорию, Пётр Михайлович вдруг о б я з а л нас с Ларисой ехать вчетвером, не

отпускать мужчин одних: опасался, конечно, как он сказал, «непредвиденных обстоятельств» и надеялся на наш «женский контроль». «Зажегшись» поездкой на рыбалку (если бы Василий Дмитриевич знал, какой (!) она получится), поэт был готов отправиться сразу же. Но нас несколько дней придержали до отъезда из Дома рыбака гостя из ГДР – генерального секретаря компартии ГДР Герберта Мисса с семьёй.

Накануне отъезда Лариса забежала ко мне, собрали с собой кое-что из одежды и книг, что-то обговорили, затем уже в полночь втроём вместе с моим сыном Андреем занесли Зое Естамоновой мой сценарий очередной телепередачи, проводили Ларису в гостиницу на набережной и распростились до семи утра, когда Фёдоровы заедут за нами по дороге в аэропорт.

Ехали вчетвером. В тех местах бывал только Валентин Махалов, мы же трое – впервые предвкушали встречу с восхищающим всех краем. В депутатской комнате аэропорта встретили нас П.М.Дорофеев и представитель ЦК КПСС Черных Николай Степанович. Они летели вместе с нами до Новокузнецка, а затем до Междуреченска – проводить там партийный актив.

Самолёты из-за тумана задерживали, мы немного нервничали – опасались опоздать на таштагольский поезд. Так как в первом салоне самолёта летели только мы шестером, разговор был непринуждённым, интересным и оживлённым. Н.С.Черных (невысокого роста, коренастый, седые густые волосы) оказался хорошим собеседником. Узнав, что мы летим на рыбалку, рассказом о своей недавней рыбалке в Карелии заинтересовал Василия Дмитриевича. Пётр Михайлович, как всегда, был корректен, сдержан, элегантен, поощрял беседу Черных Н.С. с поэтом. Пётр Михайлович в этой поездке впервые лично встретился с В.Д.Фёдоровым.

Оживлённую беседу о рыбалках неожиданно для всех резко прервал Валентин, повернув разговор на совсем иную тему:

– Василий Дмитриевич, а ведь Пётр Михайлович знает в с е Ваши стихи н а и з у с т ь!

Пришлось Дорофееву читать, довольно много, из «Женитьбы Дон-Жуана» тоже... И тут Валентин напомнил Пётру Михайловичу о стихотворении, мне совсем не известном. Дорофеев прочёл, приведя поэта в ещё большее изумление:

– Откуда, Пётр Михайлович, вы его взяли? Я его совершенно не помню и, по-моему, не публиковал вообще нигде.

– Да из газеты, Василий Дмитриевич, из заводской многотиражки...*

В Новокузнецком аэропорту встречали нас двумя огромными букетами роз секретарь горкома партии Элеонора Филипповна Тарасова и второй секретарь Заводского райкома. Он-то и повёз нас к поезду на Таштагол, снабдив двумя рыбацкими наборами посуды (малая часть их у меня до сих пор сохранилась).

Поезд на Таштагол. «Стиральная доска»

В поезде было жарко... Розы вяли. Мы – тоже, хотя и подбадривали себя пейзажами за вагонным окном. И надеялись на передышку в Таштаголе. Но не тут-то было...

Уважаемый мой читатель, я надеюсь, что Вы простите меня за подробности моих воспоминаний. Но ведь я хочу удержать не только в памяти, письмах и своих записях имена, даты, обстоятельства, фрагменты бесед талантливой семьи Фёдоровых. Тем более, что поездка для всех была необычной, беседы о ней продолжались потом в Кемерове, Марьевке, в Москве...

Так вот, не тут-то было: надежды на передышку в Таштаголе не оправдались. Встретили нас два секретаря горкома и председатель горисполкома, пригласили разместиться в двух уазиках, которые, как разгорячённые жарой кони, уже тарахтели моторами.

И мы помчались... По просёлочной дороге... Очень трясло... Пользуясь тем, что всё таштагольское начальство было в другой

* См. многотиражку Кузнецкого металлургического комбината (г. Новокузнецк) 1950г.

машине, я сравнила эту дорогу со стиральной доской. Поэту сравнение понравилось, но он высказал надежду на то, что «доска эта окажется короткой».

Попривыкнув к тряске, обнаружили, что мы мчимся по зеленому коридору: трава на обочине была выше двух метров. Меня особенно восхитили растения с толстыми «гофрированными» стеблями и гордыми белыми соцветиями. Они были настолько мощными, сильными, огромными, что казались мне настоящими деревьями, хозяевами тайги. К моему удивлению, оказалось, что это тоже трава. Не верилось, что к осени эти могучие растения поникнут.

Лариса Фёдоровна тревожно поглядывала на поэта, ведь путешествие длилось уже двенадцать часов, к тому же – самолётом, поездом, уазиком, а до места ещё не доехали.

Остановились у родника. Солнце клонилось к закату. Василий Дмитриевич чувствовал себя неважно, но старался вида не подавать. Перекусили. Родниковая вода нас немного приободрила.

Дом рыбака. Авантюрные соблазны

Наконец-то! Дом рыбака! Поэт ожидал увидеть потемневшую от времени, колоритную по своей рыбацкой истории избушку, а тут оказались свежие постройки, на крыльце – десятка два новых тапочек, везде в доме паласы, современные мебельные гарнитуры и тому подобное.

– Да... Дом рыбака – только по названию, – разочарованно протянул Василий Дмитриевич, обедая взглядом ещё и новенькие домик-кухню и финскую баню, белоснежный горбатый мостик через ручей, напомнивший мне подобные в Царском Селе и Павловске под Петербургом. Всё светилось свежими янтарными срубами и пахло сосной и кедром. Нам с Ларисой понравилось – все современно, чисто.

– Удобно. И для Васи с его пошатнувшимся здоровьем это лучше, чем какая-то покосившаяся избушка, – добавила она.

...За ужином Валентин вдруг стал уговаривать Василия Дмитриевича порыбачить в верховьях Мрассу на отрогах Саян. Правда, туда можно попасть только на вертолёте. Мол, и «о вертолёте мы уже договорились». Для нас это – неожиданность. «Договорщики» старались как лучше, надеялись, что Василий Дмитриевич не устоит перед таким рыбацким соблазном.

– Соглашайтесь, Василий Дмитриевич, знаете, какая там великолепная рыбалка!.. А тайга!.. А река!.. А хариус!.. А таймень – во! – не унимался Валентин.

Василий Дмитриевич отказывался. Мы с Ларисой Фёдоровной бурно возражали против этой авантюрной затеи, ссылались на врачей, которые запретили даже просто поездку в Шорию. А тут вертолёт! Саяны! На сотни километров ни жилья!.. ни врачей! Нет! Нет! И нет!

– Да всего на три денька – и мы тут, в Доме рыбака! – соблазнял Валентин.

Как хорошо, что Василий Дмитриевич не согласился. Заглядывая вперёд, скажу: рыбаки застряли в Саянской тайге на много дней, без еды и даже без соли. Ели одну несолёную рыбу. Три дня обернулись двумя неделями (подробнее можно прочесть в статье В.Махалова (ж.«Наш современник»).

А что было бы с поэтом, если бы он согласился? Уму непостижимо.

Поздно вечером поднялись на второй этаж. Зал, отделанный деревом, украшенный елями и множеством свечей, настраивал на хороший литературный вечер. Поэты читали стихи. Василий Дмитриевич – «А я когда-то думал...», «Ты говоришь: «не изменяй...»; Лариса Фёдоровна – стихи о Сибири; Валентин – свои переводы Торбокова о Горной Шории. В зале были первый секретарь горкома из Тайги Аркадий Павлович, кемеровский художник Иван Данилович Лячин, Николай Иванович Соболев, второй секретарь таштагольского горкома партии с женой Сталиной и дочкой. Были

ещё две девицы из Чехословакии, явной мужицкой внешности, которые, танцуя, в прямом смысле слова вешались на Василия Дмитриевича. Лариса Фёдоровна возмущается. Я её успокаиваю:

– Да посмотрите, какие они страшные... Василий Дмитриевич танцует с ними только из деликатности, не желая обидеть иностранных гражданок.

Руководство Таштагола вместе с иностранками уехало, и мы с удовольствием погрузились в сон на белоснежных постелях. Как хорошо, что «домик рыбака» оказался таким комфортным!

...Ранним утром на поляне у дома затарахтел огромный вертолёт, Валентин стал снова уговаривать Василия Дмитриевича, не уговорил и вместе с тремя рыбаками умчался на вертолёте на отроги Саян. Ещё вчера вечером я тщетно зывала к разуму и совести Валентина, говоря: раз Василий Дмитриевич не может по состоянию здоровья лететь на Саяны, то и ты с товарищами должен, по этическим соображениям, отменить эту авантюру.

Но они затевали её в надежде устроить поэту «полёт над Сибирской Швейцарией». И обещали большую рыбацкую удачу. Хорошо, что поэт не согласился, так как Саяны той легкомысленной группе преподнесли за две недели немало неприятных сюрпризов. Потом, по их возвращении в Кемерово, мы с Ларисой напомнили им, что получили они «по заслугам – там, у истоков Мрассу, в первородных дебрях Саян»...

Остались мы троём и хозяин «домика рыбака» с семьёй и собакой Лапой.

Проводив «вертолётчиков», на машине поехали посмотреть ближайший посёлок – Кабырзу (заодно закупили продуктов; меня удивили два типа внешности шорцев, Василий Дмитриевич тут же высказал предположение о исторических корнях этого – весьма интересное и, по-моему, достоверное). Вернувшись, я целый день пробыла на Мрассу. К вечеру ко мне присоединились супруги Фёдоровы и один из таштагольских руководителей – Виктор Николаевич с женой. Купались, радовались природе, фотографировались.

(Где-то сейчас эти фотоплёнки с уникальными кадрами поэтической четы Фёдоровых? у Зотова или Перфильева?) Василий Дмитриевич не купался, а ходил с собакой Лапой по берегу. Чувствовалось, что ему хотелось порыбачить.

Поздно вечером была баня. Нам с Ларисой предложили пойти первыми. Но... как только, войдя, мы увидели, что в топке и у печки лежат приготовленные для сжигания розовые, телесного цвета кедровые полешки, – как живые! – очень огорчились этим и не стали париться, а лишь ополоснулись.

С утра поэт вырезал небольшой ивовый прутик и ходил с ним по берегу. Наверное, воображал себя на рыбалке. Без крючков? Без лески?! Вижу: бежит откуда-то сын Миладоры (Милодоры?), хозяйки, – Саша. Он, конечно, обладал этими «ценностями», попросила его сделать удилеще для Василия Дмитриевича.

К полудню в атмосфере почувствовались какие-то грядущие перемены природы. Разговаривать не хотелось, клонило всех в сон, было тяжело, все двигались сомнамбулически, как в замедленных кинокадрах. Настроение поэта изменилось, стал вспоминать Марьевку. Лариса Федоровна не поддерживала эту тему, переключая внимание его на окружающую природу, поэт же намекал, что хорошо бы вернуться на Назаркину гору: пора, мол, достраивать баню.

Приехали таштагольцы, договорились с ними о будущем отъезде. У Василия Дмитриевича настроение сразу улучшилось, он оживился и не казался уже таким потерянным. Потому и Лариса сразу повеселела.

К вечеру Лариса Фёдоровна позвала меня на Мрассу купаться. Войдя в реку, она, как девочка, хлопала ладонями по воде, восхищаясь прозрачными брызгами, стремительностью течения, спрашивала речку: «Куда ты мчишься, дорогая?».

Беседы на веранде. «Фреска Ангела»

В этом Доме рыбака была большая великолепная открытая веранда. Обращённая на восток в сторону реки и гор, она открывала взору изумительную перспективу. Подбодрённые купанием, мы с Ларисой вышли на веранду и комфортно устроились в жезлонгах. Вскоре к нам присоединился и Василий Дмитриевич, но сел перед верандой на землю, заметив нам:

– Вы заняли высокомерную позицию.

Перед нами простиралась долина Мрассу... фиолетово-зеленые горы... в сгущающихся сумерках серебряно струились воды Пыза-са и, далее, Мрассу. Выходила полная Луна... Было тихо... тепло... нереально... Мы наслаждались безмолвием...

Вдруг Василий Дмитриевич встал и сказал:

– Лара, запомни строчки: «Минувшее лишь будущего корень, но вот задача: будет ли цветок?» – и вернулся на прежнее место. Лариса Фёдоровна:

– Как-то одна моя знакомая спросила меня: «Согласились бы вы уснуть и проснуться через двести лет?». Я ей ответила: «А как же я буду там одна?».

– А если вместе со всеми? – предложил Василий Дмитриевич.

Помолчали... Василий Дмитриевич говорит:

– У меня сейчас вот что в замысле: у человека несколько жизней, определённое количество его лет заложено в биобанке, человек может их расходовать...

Мне вспомнилась «Шагреновая кожа» Бальзака. Беседовали о чувствах человека в подобной фантастической ситуации.

Я спросила Василия Дмитриевича, что он вчера читал, ответил:

– «Нерон, кровавый поэт». Книга схематична, характеры не развёртываются; у Тацита исторические произведения читаются как художественные, а здесь, у автора, – схема. (Этот экземпляр книги до сих пор где-то у меня среди других.)

Всем было не по себе от сочетания понятий «кровавый поэт».

Разговор снова вернулся к биобанку. Подробности его не помню. Но вот уже после апреля 1984 года в папке переданных мне Ларисой Фёдоровной материалов – рукописей и ксероксов – был рукописный набросок поэта «К биобанку».

От биобанка разговор перешёл к Вернадскому, к ноосфере, информационному Поясу Вселенной... В разговоре возникали вопросы: как взять у Вселенной эту общую базу знаний? какова её организация? Д л я ч е г о хранится в ней вся информация о каждом человеке и о всём человечестве?..

Речь зашла и об уровне наших знаний, о системе образования в школах и вузах; о руническом типе письма, «Боянове гимне». «Велесовой книге», о письменности до Рюрика, до Кирилла и Мефодия; о потерянных знаниях и, возможно, неслучайности(!) этого; о желанном для человека долголетии и, если это будет достигнуто, на что его употребит человек... Тут, естественно, пофантазировали о том, как бы мы распорядились подобным подарком Всевышнего – долголетием.

А как продлить жизнь? Наверное, поддержкой активности мозга? А энергию человеку что даёт? И какова энергетическая роль информации для человека? А что указывает человеку цель? Может быть, его мировоззрение? Или предназначение? И что определяет гармоничное восприятие жизни человеком: генная память? мудрость человека? уровень его собственного оптимизма? А от чего вообще зависит оптимизм и зависит ли от него наше долголетие?.. А если же коротко: жизнь человека по законам добра?

Снова возвращались к тому, как бы мы распорядились подобным подарком Всевышнего – долголетием? и не поддастся ли человек тогда гедонизму?

– Вот в такие моменты хорошо думается о главном, о том, з а ч е м появился человек в этом мире; почему он смертен (и за чем?); что означает для мира его уход с Земного плана... – словно подытоживая для себя проблемы, заметил Василий Дмитриевич.

– Ну, Вася, ты опять на своё перешёл. Так не хочется думать об этом.

– Почему, Лара, не думать? Разве может человек не думать об этом? Хотя бы иногда. Грустно, конечно. Но и теплится некая надежда, что конец Земного пребывания человека ещё не конец...

– А меня при этих грустных размышлениях поддерживает одно из лингвистических доказательств, – заметила я.

– Какое? какое? лингвистическое?! Интересно... – откликнулся на моё замечание Василий Дмитриевич. – Расскажите.

– Я на всю жизнь запомнила тот момент, когда нам, студентам Ленгосуниверситета, преподаватель старославянского языка Муза Дмитриевна Лесник доказала, что слова «начало» и «конец» – однокоренные. Доказала при помощи юса большого и юса малого. Вот тогда-то мне и подумалось впервые: не является ли для человека конец началом чего-то иного...

Василий Дмитриевич поддержал:

– ...да и в повседневности, во всяких делах наверняка этот принцип работает. Думаю, что и в творчестве тоже. Работаешь над чем-то, близится завершение, а в тебе уже зреет новый замысел, фактически продолжение первого. Или возрождение?

(Вот сейчас, когда вспоминаю, подумала: вот бы литературоведы исследовали этот процесс жизни и развития замысла во всей цепочке произведений В.Фёдорова, восстановив «следы» возникновения замысла в одном произведении и развитие его в последующем. Жаль, что Василий Дмитриевич не хотел ставить даты написания, это намного помогло бы.)

Это – отступление. А тогда, на веранде, в продолжение темы я рассказала случай из своей ленинградской жизни. Желая отметить рождение своего сына Серёжи посадкой дубочка, копаю ямку под жёлудь, выкопался белый кокон (интересно: что в нём?), положила его в вазочку на подоконнике. Из неё через какое-то время получилась гусеница. А что (или кто?) дальше? Тут-то уже я стала заглядывать в вазочку-колыбель по несколько раз в день – сторожить

момент, не появится ли ещё какое-то существо. Вскоре, для меня совершенно неожиданно, родилась из гусеницы пурпурная красавица бабочка. Желая выпустить её на свободу, распахнула окно. И она полетела! Радуюсь, смотрела я на неё... Но тут вдруг ястребом, стремительно налетел на неё воробей – и бабочки не стало...

Лариса Фёдоровна вздохнула, а Василий Дмитриевич раздумчиво произнёс:

– Можно ли представить вечную смерть?

– О Боже! Вася, умоляю, не говори так. Лучше уж о вечной жизни, – грустно сказала Лариса, ещё плотнее закутываясь в шаль.

Василий Дмитриевич, утешая её, стал размышлять о Высшем Разуме, о том, что Бог не может допустить вечной смерти, ведь Он является источником в с е й ж и з н и.

Разговор естественно перешёл на то, можно ли увидеть Бога? А как увидеть Дух? Он же бесплотен. Но Бог есть Любовь. Как увидеть её? Только в проявлениях?

А человек? Если он Искра Божия, то как (!) должен жить? Не гасить эту искру в себе недостойными делами и мыслями, а сохранять (и возвращать?) её в себе. Чтобы человек духом возвышался, не скатывался к животным инстинктам. А Любовь? А Красота? Не для вечной ли жизни даны они человеку? как опора?... как путь... и как цель?..

– А в чём всё-таки опора для н а р о д а... – молвил поэт, словно размышляя сам с собой.

– Нет, Вася, в чём для ч е л о в е к а опора? На что е м у опереться в этой жизни? – спросила Лариса, наверное, вспоминая многих, изрядно подвыпивших местных жителей, встреченных нами у магазина. Василий Дмитриевич молчал. – Тома, а ты к а к считаешь?

– Лариса Фёдоровна, много раз в жизни я была свидетелем, как мои родители и брат жертвовали материальным ради чести, совести. И это правильно. Так всегда было в моём роду: превыше всего – ч е с т ь. Это и для народа тоже.

– А трудолюбие... совесть?

– Лариса Фёдоровна, вы правы: понятие «совесть» содержит в себе и эти два понятия. Если человек поступает по совести – ведь это значит честно? Если человек поступает честно – это значит «по совести»? так?

– Согласна. А вот трудолюбие?..

– Если человек, здоровый человек, нормальный, лентяйничает, живёт за счёт труда другого – это разве честно? по совести?..

– Да, Томочка, пожалуй, это верно и для народов...

...Солнце медленно опускалось за горы...

Сгущались сумерки... Потянуло прохладой... Молчали...

(Сейчас, в 2012 году, когда с той, давней, беседы прошло более тридцати лет, я подумала: права ли я была тогда, отождествляя эти два понятия? Есть ли разница меж ними? Суть их видится мне единой: с о в е с т ь даётся человеку изначально. А далее решающую роль начинает играть социум: семья, школа, окружение, вероисповедание... – формируется в человеке понятие чести. Чем больше это ч у в с т в о з н а н и е ч е с т и совпадает с сутью изначального – совестью – тем ближе человек к себе истинному...)

Говорили тогда и о вере, и об атеизме... Помнится, что в этих неспешных беседах не раз возникала тема русской нации, её качеств, её пути, её исторической судьбы и предназначения. Прав был Василий Дмитриевич, центрируя тогда эту тему на размышлениях о семье, наверняка он, как поэт, острее нас предчувствовал уже тогда грядущие трагические для неё испытания. И ещё: поэт нет-нет да и возвращался к теме красоты чувств... мыслей... настроений... Недаром же вспомнилась и связь слов (в греческой лингвистике): Красота и Космос. Тема вечной жизни невольно связывалась с Красотой как эталоном Гармонии.

Меж тем наступила ночь...Наша веранда и мы с ней – притихли...Всё меньше хотелось говорить...всё больше хотелось молчать...и слушать, слушать музыку цвета и света – эту волшебную мелодию Природы... смотреть и смотреть на дивные вечные горы и быструю горную реку Мрассу – всё в серебряном Лунном

Свечении... и верить, верить в вечную жизнь... с горчинкой понимая, сожалея о краткости и быстротечности нашей личной Земной жизни...

Следующий вечер на веранде почти сразу же начался с беседы о слове, о том, что в нём, оказывается, около ста понятий; о смысле слов, их взаимосвязи во фразе...

Я в это время очень увлекалась творчеством Андрея Платонова, оно было для меня настоящим ошеломляющим открытием, сказала, что в прозе его мне интересны не темы, даже не развитие фабулы, а удивительный авторский слог, стиль, необычность взаимосвязи слов и фраз. Необычность весьма естественная, не нарочитая, рисующая жизнь сочно, зримо, крупными «мазками».

Лариса вспомнила, что однажды ей позвонила вдова Платонова, встревоженно разыскивала меня. Я рассказала о знакомстве с семьёй Андрея Платоновича Платонова, о неоднократном посещении квартиры Платоновых на М.Грузинской (по любезному приглашению Марии Александровны и Марии Андреевны), об истории с «Голубой глубиной», о «Котловане», итальянских изданиях Платонова, о том, что однажды Мария Александровна звонила в Кемерово и очень просила Валентина (я только что уехала в Kis-ловодск) передать мне, что она просит меня «срочно приехать» к ней в Москву – «в больницу...».

Не помню сейчас уже, почему беседа перешла на теорию «чистого искусства» (хотя произведения А.Платонова не имеют к ней абсолютно никакого отношения). Вспомнили конец XIX-го – самое начало XX века, когда в русском искусстве настойчиво культивировалась эта теория. А на пороге уже были самые трагические события русской и мировой истории: Первая мировая война, кардинальное изменение общественно-политического строя в России – и всё это с огромными человеческими жертвами. А тут адепты этой теории завлекают служителей искусства отрешаться от всего земного и парить «в сомнительного рода мечтаниях...». Случайно ли? Зачем и кому это нужно?

Василий Дмитриевич говорил о философии как науке, исследующей все достижения и утраты человеческой цивилизации; о философии человека; о философии общества.

Риторически спрашиваю Василия Дмитриевича:

– Может ли поэт жить «чистым искусством», не быть государственным, не быть в определённой степени философом?

– Убеждён: большой поэт должен быть государственным человеком, а государственный человек не может не быть философом. Тютчев занимался государственным делом: проблемой славянской федерации. Это прямо не входило в его стихи... Это есть и у Некрасова, и у наших поэтов-современников. Я не сторонник прямой философии в поэзии, а сторонник того, что органично входит в образ стиха. У Тютчева это – гениально!

– Если поэты, Василий Дмитриевич, должны быть государственным, то руководители, «государственные люди», должны быть...

– ...да, да, у руководителя должен быть к этому талант, как нужен талант писателю, композитору, артисту. Тогда, может быть, и законы будут государственным. У нас же в них – неразбериха. Новые законы не должны отменять старые, а укреплять и развивать их.

– А может ли, Василий Дмитриевич, талант чиновника быть без духовной составляющей?! Дух – господин, тело – раб. По-моему, это истина. А у чиновника подчас слабый дух, вот тогда тело его и начинает диктовать, первенствовать в решениях. Кстати, если дух господин тела и он не материален, значит: после смерти человека он не исчезает? так? Тогда – воплощение новое? Тогда реинкарнация? Вы верите в неё?

– Верю. Хотя тема эта сложная. Да, бывает, и размышляю об этом. Но как это в творчестве воплотить? Совместить плотный мир с тонким? И не нарушить? Да и как всё постичь?

– А вот как Вы считаете: у меня часто, – да и у многих других, верю, – сны потом воплощаются в действительность. Это что? Со-

вмещение миров? Предсказание? Предначертанность судьбы? Или наше подсознание подсказывает нам предстоящее? Я уже много лет веду тетради с записями снов и записями их воплощения потом, многие сны воплощаются иногда через недели, иногда через месяц, год. Вот и Лариса Фёдоровна (она видела эти мои толстые тетради) знает, как часто сны сбывались...

– Мне-то интересно совместить это с творчеством. А это уже третья составляющая...- задумчиво, будто самому себе, молвил Василий Дмитриевич.

Лариса что-то совсем запечалилась; укутавшись в шаль, грустно смотрела вдаль. Сумерки совсем уже ступились... приобрели сиреневый оттенок. Всё кругом стало красивым по-новому. Не потому ли беседа перешла на живопись, и поэт вспомнил «Мону Лизу» Да Винчи, «Мадонну» Рафаэля, «Инфанту» Веласкеса...

– Поехал я в Киев... увидел оригинал «Инфанты», поразила меня ямочка на правой щеке, в уголке губ /дважды Василий Дмитриевич в восхищении показал, где и какая -Т.М./ В этом всё дело, в ямочке, а на репродукции её не видно.

Когда говорили о «Моне Лизе», он вспомнил:

– Две арки на фоне как крест и чаша весов в равновесии: на одной строение и на другой, на одной облака и на другой. И всё это в гармонии... Не знаю, не знаю... Раньше я считал лучшей Рафаэля, а тут... архитектурная деталь фона отлично играет художественную роль... У Рафаэля Мадонна стоит на облаке, его поддерживают ангелы... Взгляд юного Христа на Землю... сквозь ангелов... полон скорби...

Взошла Луна. Засеребрился Воздух. Горы и Воды окутались дымчатой Нереальностью. Ощутимо чувствовалось вечное движение Земли... и мы, словно вместе с нею, несёмся в Космическом Пространстве...

Через девятнадцать лет, когда уже супруги Фёдоровы покинули Земной мир, тема нашей беседы на веранде неожиданно аукнулась мне в Москве.

1998 год. Страна готовилась отметить 80-летие поэта Василия Фёдорова. По инициативе губернатора А.Г.Тулеева на родине поэта, в Кузбассе, проводились Фёдоровские чтения широко и многообразно.

По этому плану одной из нескольких моих обязанностей было составление юбилейного сборника В.Фёдорова. Сложился у меня уже план книги, хотелось дополнить её чем-нибудь из архива поэта. Так, в начале года я приехала в хорошо знакомую мне квартиру на Кутузовском проспекте. Привезла сыну и внучке Ларисы Фёдоровны копию снятого в 1988 году по моему сценарию телефильма о поэте: «Я душу распахну – входи!». Игорь Владимирович и Марьяна любезно предоставили мне фото и записные книжки Поэта. Я хорошо помню тот момент, когда я открываю записную книжку Василия Дмитриевича – 1940-е годы. Студенческая пора. И вижу... «Фреска ангела». Написано рукою поэта, без единой пометки. Читаю затаив дыхание:

Фреска ангела

<i>Я рассматривал изображение</i>	<i>В первый раз</i>
<i>Ангела в простенке алтаря.</i>	<i>на спутницу свою,</i>
<i>Девушка давала объясненья,</i>	<i>Понял я, что, одного не стоя,</i>
<i>О манере фрески говоря!</i>	<i>Я промеж двух ангелов стою.</i>

<i>Девушка хвалила на иконе</i>	<i>Шум пурги вдали</i>
<i>Очертанья крыл и глаз разрез</i>	<i>катился мимо,</i>
<i>И, ведя по воздуху ладонью,</i>	<i>Солнце озарило потолок,</i>
<i>Отмечала тёплый тон небес.</i>	<i>Пред лицом живого серафима</i>
	<i>Лик на своде постепенно блек.</i>

*Вдруг взглянувши
с полной прямоюю*

Оно прозвучало во мне как отзвук, а может, и предтеча, той давней, 1979 года, нашей беседы втроем на террасе Домика рыбака у слияния двух сибирских рек: Пызаса и Мрассу. Пишу эти строки и вновь возвращаюсь к той дивной атмосфере общения с чистыми сердечными мыслями, одухотворенными, близкими моей душе Ларисой Фёдоровной и Василием Дмитриевичем.

...На следующее утро за завтраком я рассказала, что только что слушала по радио: какая-то искусствоведка взалёб восхищалась одним произведением довольно известного художника и что я никогда не воспринимала оное произведением искусства, в котором обязательно должна отражаться душа художника. А здесь что? И где искусство? В чём? Это что-то совсем другое...

Василий Дмитриевич и Лариса Фёдоровна были со мной согласны, а поэт добавил:

– А стоит ли вообще говорить о таких «произведениях»?

Настроение наше испортилось, утро показалось не таким уж прекрасным. И я чувствовала за собой вину за это. Поделилась с Ларисой. Она, как всегда, мудро предложила:

– Пойдём на Мрассу, окунёмся – и всё пройдёт, водица всё плохое смоет...

Чуть позже как-то само собой продолжилась беседа о культуре, искусстве – их истоке. Каков дух создателя – таково и произведённое им. Возможно, ключом к разговору стала услышанная по радио музыка замечательного русского композитора Римского-Корсакова. Николай Андреевич создал удивительные по красоте и духовности мелодии.

В основу его пятнадцати опер легли литературные шедевры... народные сказания... Стали мы их вспоминать. «Золотой петушок», «Майская ночь», «Садко», «Царская невеста», «Псковитянка», «Жасней бессмертный», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Испанское каприччио»... Но все его оперы так и не вспомнили. Зато, когда вспоминалась какая-то из них, в душе начинала звучать знакомая мелодия. И это было лучшим подтверждением нашего

убеждения в том, что: каков дух создающего – таково и его произведение. И в этом – исток искусства.

Может ли ущербный дух создать красоту? Конечно, нет. Где нет гармонии – нет и красоты. Где нет красоты – нет и гармонии. А есть дисгармония, ущербность, безобразие. Без-образ-ие? Без образа! Образа Кого? Поразмышляли и об этом, и о взаимосвязи понятий «дух» и «душа», и о наполненности славянских слов сакральным смыслом...

Через год, в 1980-ом, на съёмках телефильма «Здесь отчий дом» в кадрах «На скамеечке» я вернулась к этой теме, но Василий Дми-

триевич в размышлениях своих тогда сделал акцент не на истоке искусства, а на том, что цель искусства – нравственное совершенствование человека, чтобы материальное в нём не превышало духовного. Материальное может потакать животным инстинктам, да и предел есть у него. А вот духовное в себе человек может совершенствовать без ограничения. Говорил поэт и о том, что искусство нельзя превращать в средство развлечения, которое, по сути, отвлекает человека от главного – духовного совершенствования.

О, как прав был поэт, предвидя лихую годину, когда стали интенсивно погружать страну в материально-рыночные отношения, стремясь внедрить в человека как цель – потребление, оторвать народ от духовного, от сохранения семьи, а она ведь опора и для самого человека и для народа и для государства. Конфликт между духовным и материальным – острее всего. От того, что победит в народе, в человеке, зависит и его будущее. И за это – ответственность каждого из нас и всех вместе.

Русских всегда спасали глубинное чувство совести и жажда справедливости. Расширять сознание, утончать чувства, чтобы распознавать истинное – не главная ли задача человека.

...То ли очарование природы, то ли почти полное отрешение от повседневности способствовали неспешным размышлениям и немногословной беседе. И чаще всего возникала тема Красоты. В разных её аспектах. В юности обычно обходимся одним словом «красота!», «красиво!». С возрастом возникает желание понять: что это такое? чем определяется её воздействие на человека? с какими нашими духовно-душевыми состояниями она связана? да и вообще: объективна ли она или субъективна? почему одни видят её, а другие – нет?.. и красота – это гармония? одно ли это понятие?..

Как только прозвучало слово «гармония», я упомянула о том, что в Кемерове живёт и работает энтузиаст многолетних исследований понятия «гармония» с точки зрения математико-физической, исследователь процессов гармонического развития систем

(сейчас, когда пишу эти строки, он – доцент Кемеровского госуниверситета культуры и искусств, кандидат технических наук, автор нескольких изданных в России и за рубежом книг о гармонии – не только на русском, но на других языках. Анатолий Иванович Колков). Но беседа не пошла в этом направлении. Может, потому, что мы не физики-математики. Она повернулась к современной жизни, к уродливым, негармоничным подчас её проявлениям. Мне вспомнилось: как-то, в конце 70-ых, позвонил мне поэт Игорь Киселёв, рассказал, что в их доме «молодой человек – монтажник – заманил собаку на последний этаж и сбросил вниз. Погибла... Вскоре он сам разбился, упав с большой высоты...». Игорь тогда говорил о Боге и его возмездии, я – о том, что рождённое человеком зло к нему возвращается... как бумеранг (уже, наверное, по каким-то физико-математическим закономерностям, потому – возвращается, наверное, неизбежно).

Видимо, чтобы уменьшить тяжелое моё впечатление от рассказанного, душевно чуткий Игорь прочёл тогда новые стихи: «Благодарю, Земля, благодарю...», «Обь, Онега, Лена, Сарбала...», «Капли редкие звёзд, рос бессонные слёзы...»...

Лариса Фёдоровна вздыхала:

– Боже, как хочется красоты, гармонии в жизни! В отношениях всех людей друг с другом, к животным существам, вообще ко всему живому! Ну почему люди воюют!? ссорятся!? и даже дерутся!! Ведь жизнь так коротка... Вот я люблю всех, никому не делаю зла... А зло – это дисгармония?

– Ну, Лара, это уже философия.

Василий Дмитриевич в этот раз больше слушал, бросал иногда реплики, подтверждающие или, чаще, риторически вопрошающие. Некоторые из них увидятся мне потом в его терцинах. Между тем беседа повернулась к происшествиям в нашей жизни, я рассказала одну из своих историй, связанную с красотой и, на мой взгляд, с возможностями человека, которые и определили её название: «Сила мысли и сердечного желания».

Сила мысли и сердечного желания.

Осень... Родители мои знают, что собираюсь к ним в отпуск. Мама по телефону как-то очень озабоченно спрашивает: «Скоро ли? Приезжай быстрее». – «Случилось что-то?» – встревожилась я. – «Нет, не волнуйся, Просто секрет... Приедешь – увидишь... только быстрее, а то я опасюсь...».

Прилетаю в Пулково в 22 часа. Дождь морозящий... ноябрьский родной ленинградский ветерок. Встречают родители, рады встрече со мной, но мамуля о секрете молчит, папочка сдержан, как всегда, деликатен, чувствую: что-то приготовили для меня, но не спрашиваю, лишь теряюсь в догадках: что? брат Коля приехал из Москвы? новая книга? что-то из одежды?.. Приехали домой, а о секрете – ни слова, да вскоре за радостью встречи я и забыла о нём.

Утром мама приглашает сходить с нею на её прежнюю работу. Я – с удовольствием: так не хочется разлучаться ни на минуту. Выходим, мама: «Пойдём напрямик, пешком...». – «Мамуль, лучше на автобусе, и быстрее и остановка у самой твоей больницы». – «Нет-нет, только пешком ... и побыстрее...».

Идём...

– ...А вот сейчас смотри. Видишь, какая красота! Листья со всех деревьев опали, а эту красоту – я мыслями и сердцем всё берегла для тебя. Правда, красиво! Я так рада, что ты это успела увидеть!..

Молоденький клён канадский, росточком не больше трёх метров, стоял весь в разноцветных листочках, ножкой своей утопая в невысокой осенней отаве. А кругом – голые ветви других деревьев, ни листочка, всё серо и уныло. А этот красавец словно говорил всем: «Посмотрите на меня. Правда, я красив?!».

– Господи! Мамочка, как красиво! Спасибо, родная. Как же это уцелело под ветром с моря?..

– Знаешь, к а к (!) мне хотелось сохранить для тебя эту красоту! Я так старалась. Чтобы ты взглянула на неё.

На следующий день идём снова полюбоваться... Издали видим: о Боже, все веточки голые, листья опали, только на самой макуш-

ке одиноко трепещет листок, как флаг кораблика, не сдавшегося ворогу-ветру. Приуныли мы с мамой. А зря... Подходим ближе: все листочки упали на изумрудную отаву, черенок и носик каждого слегка загнулся кверху, и листочки лежат на спинках, как цветные кораблики на зелёной волне. Всё это так волшебно и красиво... И – несмотря на заосенившуюся за ночь погоду – радостно. Целую мамочку в щёчку. Под этим светлым чувством прошёл весь мой отпуск. Думалось: вот бы и мне, как родителям в их девяносто лет, подольше не терять желания видеть красоту, делиться ею с другими и силой духа и сердца, вопреки ненастью, сохранять её.

...Беседа наша на таёжной террасе перешла на неверие человека в силу своей мысли, подкреплённой сердечной энергией, на необходимость и важность её созидательного (а не разрушительного) качества... Даже помечтали об идеальной жизни на Земле...

Встречь Солнцу...

Воскресенье в Доме рыбака встретило нас высоким небом, ярким Солнцем, какой-то лёгкостью в природе и в нас самих. Я стала готовить завтрак. Восемь утра. Василий Дмитриевич пошёл на Мрассу рыбачить, Лариса Фёдоровна провожает его, остановилась, смотрит из-под руки встречь Солнцу, а поэт – высокий, худой, в белой рубашке, в левой руке котелок, в правой – смешная самодельная удочка-прутик... Показалось, что это марьевский паренёк идет к речке по утренней росе. А Лариса Фёдоровна всё смотрит, смотрит... Может, предчувствовала надвигающиеся грозные события 82-го года?

...Немного и времени-то прошло. Только мы с ней стали у «царскосельского» мостика мыть посуду в родниковом ручье, глядь: Василий Дмитриевич стоит на середине ажурного мостика – с удочкой в одной руке, котелком – в другой, в хорошем настроении. Обращаясь к нам, как со сцены, нарочито театрально произносит:

*Из Мрассу, побыв на плёсе,
Кто-то хариусов носит.
Я же, бедный, из Мрассу
Пескарей одних несу.*

Мы тоже, входя в роль зрительниц старинного провинциального спектакля, аплодисментами поддержали эту мизансцену... Уже по вчерашнему дню зная, что уха из пескарей хороша, восхитились уловом, похвалили рыбака, принялись чистить рыбёшек.

Приготовили всё к обеду, в уху Лариса Фёдоровна, как всегда, добавила приправы, говорит:

– Пусть настоится, а пока... бежим, Томочка, окунёмся в Мрассу.

Побежали. С ходу – в речку. Лариса Фёдоровна, как девочка-подросток, в упоении хлопала ладонями по воде, восхищалась бусинками брызг и приговаривала, еле удерживаясь на быстром течении:

– Ну, куда ж ты, милая, бежишь, куда?!

В такие минуты она казалась мне очень младшей сестрёнкой.

А какой вкусной оказалась уха! За обедом никуда не спешили. Вспоминали всякие литературные курьёзы. Посмеялись над Ядвигой, знакомой Фёдоровых, которая всерьёз говорила «Сара о Форсайтах», «Какой красивый осетрин» (вместе «осетин») и т.п.

Глядя на меняющиеся в цвете горы, мечтали вернуться в этот прекрасный уголок кузбасской природы.

– А что, Вася, построить бы здесь Дом творчества писателей. Много было бы желающих приехать сюда – здесь так хорошо! И пишется. Стоило только нам с Томочкой окунуться в Мрассу – как тут же явились поэтические строчки. Это – настоящая Сибирская Швейцария!

Мы с Василием Дмитриевичем запротестовали: нет, куда там Швейцария! Гораздо лучше!.. могучее!.. красивее!.. первороднее!.. Даже не сравнить Швейцарию с Сибирью!..

Мечтали, строили планы – альтруистские, Лариса даже прикидывала литфондовские возможности. Но Василий Дмитриевич подытожил:

– Конечно, здешние места во всех отношениях лучше Швейцарии. Но, думаю, лишь редкие писатели – любители экзотики – приедут сюда. Для многих же это будет настолько многоступенчатая дорога, что постоянно ездить сюда не согласятся.

Пока поэт говорил, я подумала, что он в этот момент вспоминает о нашей двенадцатичасовой дороге сюда. Да и «стиральная доска», видимо, ему не забылась. Высказала предположение, что, возможно, для сибирских писателей и других творческих работников такой Дом творчества нужен. Но кто его будет строить и содержать? К тому же, сибиряки после длинной зимы мечтают о Доме творчества на Чёрном море. В Гаграх, в Пицунде... В тёплых краях.

Не помню сейчас, в связи с чем возник у нас разговор об энергии, вообще – энергии. Может, потому, что чистая сибирская –

мощная! – природа Горной Шории одарила нас ею? В частности, говорили и об энергии человека, отдаётся ли она физическому труду, умственному... Или энергия, которую мы проводим через свою душу – сердцем, своими чувствами.

Василий Дмитриевич:

– Важно ч у в с т в о в а т ь ток времени.

– Василий Дмитриевич, а что вы считаете основным качеством чувства? Искренность?

– Чистоту чувства и глубину его.

– Первое-то – чистота, – наверное, свойственно молодому поколению.

– Не обязательно. Хотя можно и так сказать. Но... поколение – не возрастное понятие. Это – духовное, духовный уровень, вклад в духовную жизнь общества...

...Всё чаще в речах поэта стали мелькать слова: «Марьевка», «Яя», «баня», «Кайдор».

Рыбаков, улетевших на абаканские реки, решили не дожидаться, хотя при отъезде они, ссылаясь на скорость вертолёта, обещали вмиг вернуться с невероятным уловом, особо расписывали небывалый вкус тайменей и хариусов.

Решение об отъезде определило лёгкое, приподнятое настроение Василия Дмитриевича – он обрадовался скорому возвращению в Марьевку, в домик на любимой горе. Хотя Лариса Фёдоровна не прочь была остаться здесь ещё на несколько дней. Но настроение наше становилось всё более предотъездным, беседы мимолётными, и мы всё чаще взглядывали на дорогу в Таштагол... Вдруг Василий Дмитриевич неожиданно напугал меня:

– А ведь вы, Тамара Ивановна, меня своей передачей подвели.

Я вздрогнула: неужели во время видеозаписи что-то было не так?

– Я ведь из-за передачи не побрил голову. Так бы за три летних месяца отросли волосы.

Лариса Фёдоровна, чуткая душа, стала страстно уверять:

1978 г., 60-летие В.Д. Фёдорова

– Вася, тебе с шевелюрой лучше! лучше!

Но беседы уже не складывались. Всё чаще и чаще мы поглядывали на дорогу.

... А вот и руководство Таштагола на «Волге» и узике прика-
тило за нами. Первый секретарь горкома партии Александр Фё-
дорович Зотов за трапезой увлечённо рассказывал о перспективах
Таштагола, о горожанах, о своем сыне-пятикласснике...

Обед сменился всеобщим фотографированием на память.*
Даже Василий Дмитриевич с удовольствием позировал, чему я
немало удивилась. Простились с гостеприимными и скромными
хозяевами Дома рыбака: Миладорой, ее сыном Сашей – и даже,
прощаясь, пожали лапку вольной собаке Лапе.

* У секретаря Таштагольского городского комитета партии Александра Фёдоровича Зотова и председателя Таштагольского горисполкома Виктора Николаевича Перфильева должны быть эти фото.

Восторг возвращения

Поехали!

Все были в счастливом возбуждённом состоянии.

Ехали весело, удобно, комфортно.

Шутили. Смеялись. Радовались.

Нам казалось, что и Солнце ярче, и Ветер ласковее, и Зелень изумруднее, и «Стиральная Доска» совсем гладкая, и Коровы на крутых склонах высоких гор – не коровы, а диковинные Птицы.

Вдруг Саша-шофёр на ходу ловко срывает левой рукой букет ромашек и восхищённо преподносит Ларисе Фёдоровне. Было это так неожиданно и прекрасно, что всех охватил какой-то безумный восторг.

В этом всеобщем состоянии мы и «влетели» в зону отдыха «Ветерок». Брызги шампанского стали последним восторженным аккордом в этой необыкновенной дорожной песне.

Теленовости вернули нас из сказки к реальности. Тревожной и неутешительной. Гостиница в Таштаголе оказалась не столь уютной, как «домик рыбака», поэтому засиделись мы в гостинной до полуночи. Смотрели по ТВ программу «Время», «Международную панораму» и даже дрянную передачу французского телевидения к годовщине взятия Бастилии... Когда начался концерт какого-то безголосого певца, разговор пошёл о ложной популярности. Василий Дмитриевич сказал:

– Так и в поэзии иногда наши сами раздувают. Как с французским поэтом... Лара, помнишь? Этот... муж Триоле... Арагон. Поэзия его даже не национальна.

Полистали газеты «Красная Шория», «Кузбасс» и другие. Василий Дмитриевич говорил о природе, экологии области, о захимиченности Кемерово, мёртвых лесах под Томском, о том, что «нужно ввести культ природы».

– Вот мы вздыхаем, – говорил он, – что погубили берёзку, а при прократе, знаете, сколько берёзовых веток сгорает?!

Лариса Фёдоровна удивилась (да и я тоже):

– Зачем там берёзки?

– Так берёзками снимают окалину.

Грустно всем нам стало и почему-то тревожно.

Утром мы всё ещё оставались под впечатлением вчерашнего ночного разговора и потому как-то отрешённо смотрели на город, когда Виктор Николаевич Перфильев повёз нас на электричку. Василий Дмитриевич вообще замкнулся, молчал, смотрел в окно. И в электричке тоже. Мы с Ларисой поговорили немного о судьбах женщин-поэтов (М.Цветаевой, М.Румянцевой...). Мысли приходили невеселые.

Тем временем в вагон набилось много народа, и мы уткнулись в книги. Василий Дмитриевич почти не листал страницы, видимо, и не читал их вовсе. Казалось, до Новокузнецка мы н и к о г д а не доедем.

Мундыбаш. Взглянув в окно, Василий Дмитриевич вдруг срывается с места, бросив на ходу: «Я сейчас!». В тревоге мы прильнули к мутному окошку: вдруг не успеет до отхода электрички. Бросились за сумками, чтобы бежать за ним, но улыбающийся поэт уже шёл по проходу, перешагивая корзины, мешки, чемоданы, бережно держа в руках газетные кулёчки с ягодами. Мы ели лесную ароматную землянику, перепачкались, мылись минеральной водой и ... улыбались. Прежнее тягуче грустное настроение исчезло.

А вот и Новокузнецк. На виадук встречает нас Э.Ф.Тарасова. Не успели подойти к машине, как к Василию Дмитриевичу подбежала цыганка, попросила прикурить, повторяя банальное:

– Ты добрый человек, но у тебя много врагов, скоро тебя ждёт счастье...

Поэт, держа сигарету в правой руке, медлил. Неужели вспомнил то, давнее, цыганское пророчество?..

– Отходи, отходи, не позорь наш город перед знаменитым человеком, – воспитывала цыганку Элеонора Филипповна.

По желанию поэта, заехали в Дом книги, попутно приобрели карту Кузбасса и посмотрели речку. Аба – интересно, что означает

в переводе это её наименование. Не знаю, почему так жаждал посмотреть её поэт? Не потому ли, что в это время много писали в газетах о её загрязнённости промышленными стоками.

Поэта узнавали, просили автографы.

Перед отъездом из Новокузнецка строго и торжественно у мемориала воинам почтили память павших. Василий Дмитриевич был серьёзен и печален, Лариса Фёдоровна заплакала. Отступило всё суетное, в душе осталось главное.

В таком, сосредоточенном, состоянии поехали в аэропорт. Элеонора Филипповна рассказала историю строительства аэропорта, о тяжбе между Новокузнецком и Прокопьевском: кому он принадлежит? Земля – Прокопьевску, строил – Новокузнецк. Когда прокопчане поставили межевой столб (шутили: якобы он пришёлся так, что делил и дом пополам между этими городами), первый секретарь Новокузнецкого горкома партии нашёл мудрое решение заменить его столбом со словами «Слава КПСС!». Попробуй-ка т а к о й столб выкопать!

Первый секретарь Кемеровского областного комитета КПСС, как говорят, дал нагоняй руководителям обоих городов. Лариса Фёдоровна загорелась написать об этой тяжбе рассказ. Нет-нет, да и возвращалась к этому эпизоду потом в Марьевке, в Кемерове.

Под заботой встретившего нас в кемеровском аэропорту заведующего отделом печати А.Калинина доставили Фёдоровых в гостиницу на набережной. Распрощались. Дома подумалось: слава Богу, после такой дороги они наконец-то отдыхают перед отъездом в Марьевку.

Ан нет, раздаётся телефонный звонок. Лариса Фёдоровна:

– Я уже искупалась в Томи, и мы с Васей идём по набережной к вам. (Я поняла, что Лариса звонила с уличного телефона.)

Вспоминали поездку, новых знакомых, верилось: со временем все тяжести пути отойдут в прошлое, останутся впечатления. И творчество. И новые представления о Кузбассе. Так сказал Василий Дмитриевич, как бы завершая этим «нашу Сибириаду».

Проводив поэта в гостиницу «У Марьи Ивановны», пошли с Ларисой на главпочтамт давать телеграммы, она – в Москву, я – в Ленинград. Походили по городу. Лариса Фёдоровна печалилась сложным характером поэта, его бытовой беспомощностью. Радовалась, что Василий Дмитриевич все дороги стойко перенёс, осложнений со здоровьем не было. Завтра в 8 утра они с П.М.Дорофеевым едут в Марьевку, потом Лариса – на родину, в Тюмень, где ей дали для творчества однокомнатную квартиру, а Василий Дмитриевич – в Москву. Лариса тревожилась:

– Как Вася доедет до Москвы? Ведь поездом от Тайги...

Как летний солнечный ветерок

И страх, и восторг, и высота, и бездна...

Л.Фёдорова, из письма Т.Махаловой

Расставались с Ларисой уже в полночь. Попрощались, обнялись. Июльская ночь... тишина, я шла от гостиницы домой и думала о Ларисе Фёдоровне. Какой прекрасный человек! Какой темперамент! Открытая, чуткая, деликатная! Не поддаётся возрасту. А сколько на её плечах забот!

Видела я Фёдоровых в разных обстоятельствах. Неизменным было одно: неустанная забота Ларисы о Василии Дмитриевиче. Не только в вопросах быта, хлопотах о его здоровье, питании, поездках, выступлениях... Но – главное – в вопросах творческих. Не проходило дня, чтобы не слышалось: «Запомни, Лара, эту строчку...». А у Лары в с е г д а наготове авторучка и блокнотик или заправлен в пишущую машинку лист бумаги. Строчки она записывала, затем, при случае, они вместе обсуждали, кроется ли в них какое-либо зёрнышко будущей идеи или стиха.

На одном из литературных вечеров, посвящённых памяти Василия Фёдорова, в мае 1984 года Вадим Сикорский, подчёркивая роль Ларисы в жизни поэта, сказал:

«- Чёрт возьми, я трижды менял жён, и ни одна из них карандашика не послунила, чтобы записать мою мысль или интонацию моего стихотворения. А у тебя, Лариса, всегда была для этого машинка наготове, с чистым листом бумаги. Ты – среди жён – уникам!»/ из письма Ларисы мне от 26 мая 1984г. -Т.М./.

Лариса была и «радаром» поэта – улавливала грозящие ему разного рода опасности. Вспомните хотя бы, уважаемый читатель, из «Снов поэта» новеллу «Чёрная прядка букета».

Характер у Ларисы Фёдоровны легкий, ненавязчивый, а темперамент «мгновенный», она всегда была в движении, как летний солнечный ветерок. Кстати, одна из её книг так и называется – «Ветер в лицо». Она и в Москве жить осталась мгновенно. Возвращалась с юга в родную Успенку молоденькая девушка Лариса Быкова, пересадка – в Москве.

«- Вышла я на вокзал, оглянулась, ахнула: Какая красота! Всё! Остаюсь здесь! – рассказывала Лариса Фёдоровна, когда мы 20 января 1984 года в Центральном Доме литераторов в Дубовом зале отмечали день её рождения и, естественно, разговор зашел о её жизни. Нелегко, конечно, пришлось в Москве, с жильём – тоже: общежитие, коммуналка. Первый муж Ларисы Фёдоровны – Владимир – погиб на фронте, осталась она одна с маленьким сынишкой Игорем (в быту, в письмах Лариса Фёдоровна называла его: Гера).

С Василием Дмитриевичем встретила, будучи студенткой, как и он, Литературного института имени М.Горького. И жить они стали тогда в комнате семи метров (см. «Сны поэта» – новеллу «Сны с Тартюфом»). В блокноте поэта (видимо, 1947 года) среди расписания занятий и зачётов адрес Ларисы Фёдоровны: «переулок Садовских, д.8, кв.4. – Лара». И ниже строфа. Приведу здесь лишь её начало: «Скажи, о чём в тот миг над нами шумела лёгкая хвоя...» Не о том ли, что вместе они пройдут по жизни несколько десятилетий – обручённые любовью, убеждениями и творческими устремлениями.

В одном из блокнотов поэта читаю посвященные Ларисе Фёдоровне строки:

*Молчи!
Ты ссорисься со мной,
Не ведая пока,
Что хлещешь по себе самой,
А ты во мне – хрупка!*

115

Строки эти не о ссорах, они – о нежности их отношений. Нежность эта чувствуется и в письмах разных лет. В них всегда и обсуждение творческих дел, и «отчёт» о быте... Вот, например, одно из переданных мне после апреля 1984 года Ларисой Фёдоровной. От 27 февраля 1956 года из Свердловска. Он благодарит «Лару» за поздравительную телеграмму, сообщает о завершении работы, о том, что «Вчера принимали с Маклецовым участие в комсомольских рейдах, потом сидели в штабе. Выловили двух спекулянтов, но не настоящих, пожалуй, а – от бедности. Никогда не надо забывать, что народ живет еще бедно, никогда не надо изображать из себя этаких купчишек. Жизнь сурова, и жить надо суровой – так, как живешь всегда. Без эффекта и ажиотажа. Это не мой стиль. Да не будет он и твоим. Не разочаровывай меня легкомыслием. Да выловили еще двух. У одного в кармане была стамеска (заточенная косо), а у другого шило. Ребята им всыпали. Но грустно смотреть на них, этих работяг с большими натруженными руками. У одного в кармане нашли две песенки, списанные девичьей рукой... А песенка такая: «Охотник тут поспешно к той паре подбежал и в грудь жене вонзил он серебряный кинжал...».

И далее Василий Дмитриевич шутливо предупреждает: «Намочай на ус. А не то, насмотревшись тут всяких дел, воспользуюсь серебряным кинжалом. Нет, для тебя, любимой, – золотым!»

Пошутив, далее сообщает, что вместе с Маклецовым уезжают в Новосибирск, что «получил от тебя телеграмму о предложении Мосфильма, звонил Чекину. Он бы доволен. Сказал, что Пырьев воскликнул: Наконец-то появилась вещь, которую можно ставить

по-настоящему... Я почему-то не очень /обрадовался... –Т.М./.
Приятно, конечно. Дал согласие. А почему не дать? Верно? Но радости большой почему-то нет. Видимо, потому, что мне пора заниматься другими вещами – стихами, поэмами. Приеду, надо подумать, в какой форме связаться с ними. Запродать право? Жаль, что кто-то будет корёжить мои мысли, образы. Могут сделать чёрт знает что... Я сказал Чекину: «Говорят, что очень долго мусолите сценаристов». Он ответил: «Это когда самотёком и не очень нравится, А ваша вещь нравится, возьмёмся!» ...Целую тебя нежно, нежно... Будь умницей, люби меня! Твой Вася».

В этом письме поэт подчеркнул чёткое осознание своего творческого пути – «заниматься стихами, поэмами». И в одном из писем ко мне Лариса подтверждает: «...Вася был заточен на поэзию». А настоящей музой для поэта мне всегда виделась Лариса Фёдоровна, об этом убеждённо и, как всегда, афористично сказал Василий Дмитриевич: «Мне радость выдалась иная, мне жребий выдался иной: меняясь, но не изменяя, сто женщин видел я в одной».

Сначала Лариса Фёдоровна работала секретарём, вскоре перешла на журналистскую стезю. Шло время, и супруги переехали в комнату почти в два раза большую, но тоже в переулке Садовских. Об этом времени Лариса писала мне 23 декабря 1984 года: «... нашла рукопись Василия Дмитриевича, ненапечатанные стихи... о кузнецких сталеварах.*

Он ведь сразу после окончания института ездил от «Нового мира» (Твардовский посылал) в 1950-м году – за материалом для очерка «Кузнецкие сталевары». Помню, как получил за них первый московский гонорар».

Не могу не продолжить страницы этого же письма о жизни супругов Фёдоровых в маленькой комнате втроём с ребенком: «Чтобы улучшить условия, провели для обогрева вдоль стен трубу, сло-

* Не тогда ли в многотиражке завода было опубликовано стихотворение, о котором поэт забыл, а П.М.Дорофеев прочёл его в самолете (см. здесь же страницы о «Сибирской Швейцарии»).

мали печь во время выпускных экзаменов. Думали, одну ломаем (мы-то на первом этаже), но оказалось – надо ломать еще две, дом был трёхэтажный, и печки стояли одна над другой... Ну и остальные разобрали... Получили закуток – для Геры. Вот тогда и забрали сына от бабушки из Успенки /родина Ларисы Фёдоровны вблизи Тюмени –Т.М./, а то и кроватьку ему некуда было ставить... поставили... маленький диванчик, купленный по объявлению. На себе тащили из-за площади Маяковского в переулок Садовских. Эта коммунальная квартира вообще была уникальной. Дверь – в тоннеле, то есть под домом самим. Весной подле двери разливалась большая лужа и дверь по утрам примерзала... торкались в дверь всем скопом жильцы. Если не помогало, я нагревала... ведро кипятка, лезла в окошко и выливала кипяток прямо на лужу.

Да, Томочка, далекие-далекие времена, квартиры и не давали никому, не до квартир еще было. Времена с бедностью, с улыбкой, с веселым энтузиазмом...О, наш старый дом в этом переулке Садовских, дом, в котором у цыган бывал Пушкин...».

А когда там жили Фёдоровы, у них бывали однокашники по Литинституту, ставшие впоследствии известными поэтами.

К этому же времени относится их довольно редкое увлечение: «...по молодости мы ходили, – рассказывала Лариса – в Московский госуниверситет на конференции географического общества и однажды услышали там о проекте поворота сибирских рек на юг, в том числе и поворота Оби, а эту реку, еще со времени жизни в Новосибирске, Василий Дмитриевич считал родной; он очень переживал, написал стихотворение «Да Винчи говорил...».

Отдельную квартиру Фёдоровы получили в 1960-ом в доме на Кутузовском проспекте, сначала на третьем этаже. Позже в этом же подъезде – на седьмом. Поэма «Седьмое небо» здесь и создавалась (а замысел, возможно, ещё не осознанный, наверное, запал в душу его в Иркутске, при испытательных полётах на самолётах. О чувствах своих при этом Василий Дмитриевич говорил на съёмках фильма в Марьевке летом 1980 года).

Предчувствие поэтом прорыва в Космос оправдалось с точностью до дня. Фрагмент поэмы отдал в журнал, готовилась его публикация, вдруг сообщение: «Человек – в Космосе!!!» Это было 12 апреля 1961 года. Звонок из редакции журнала с просьбой дописать – в связи с необыкновенным событием. Дописал. Наверняка поэма Василия Фёдорова «Седьмое небо» – п е р в а я в мире поэма о реальном полёте человека в Космос – Юрия Гагарина!

В ритмах своих быстрая, Лариса всегда оставалась чуткой душой, улавливая смену настроения или состояния не только в Василии Дмитриевиче, но и в своих собеседниках. Это я видела, бывая с нею на многих выступлениях, да и в больнице, библиотеке, Доме актёра, неоднократно – на Кемеровской телестудии, на литературных вечерах в ЦДЛе в Москве, Переделкине, на даче.

Я уже не говорю о наших встречах в Марьевке, в их квартире в Москве и у нас дома. В орбиту своего внимания она сразу же включила и моих родителей. То её открыточка летит из Москвы в Ленинград с душевным к ним вниманием, то она встречается с ними в Кемерове – в краткий их приезд сюда, то в письме слышу её сердечный отзвук от моей тревоги за них, так далеко от меня живущих.

Вот строчки её письма мне от 5 октября 1983 года из Дома творчества писателей (г. Гагры): «Томочка, письмо твоё прочла в нетерпении, самом яростном – прямо в столовой... Потом еще и еще... Твои слова о родителях пронзили меня такой печалью, что мы с Тamarой / её сестрой – Т.М./, всегда нежно любившие мать и отца, принялись плакать – уже о своих, схороненных, и стали вспоминать все случаи их трогательной любви к нам, детям. Я и сейчас плачу, когда пишу тебе это письмо. Для меня молоденькая мама на недавно найденной... фотографии – олицетворение поэзии! Да она и была поэтесса! Сколько знала на память стихов, как красиво их декламировала. А её песни! Её чистейший хрустальный голосок, когда она пела на клиросе...».

А посмотрите, как образно передаёт Лариса свое тогдашнее

творческое состояние (из письма мне 1983 года): «...повесть моя движется... Я заражена и заряжена этой повестью... Потому и пишу её так, будто стою на доске, взлетающей с гребня на гребень океанской волны. И страх, и восторг, и высота, и бездна... А может, я слишком уж хорошо разговорилась о повести, которая может еще и не задаться... Я суеверна. Тьфу, тьфу! Держись, Лара, если рискнула встать на ту дощечку...».

Не правда ли, о творческом своём состоянии – образно и вполне в её духе!?

В орбиту её заботы попадали не только люди, но и совсем малые существа (например, галка в Москве или муха в Марьевке, но о них несколько позже).

А письма?! Я не успевала отвечать своими или телефонным звонком. Придёт, бывало, от Ларисы письмо, если сразу не отвечу на него, смотрю: через денёк-два «прилетает» второе, а то и третье. Не успели мы расстаться после поездки в Шорию, «летит» от Ларисы весточка из Марьевки:

«Ну, как высокогорный рыбак?.. Очерк его в «Кузбассе» о ручье читали с удовольствием... Доехали мы хорошо. На другой день Пётр Михайлович вместе с тремя секами /секретари обкома – Т.М./и Фишером были у нас «на приеме»... Вася угощал их первыми грибами, а марьевский совхоз снабдил нас по этому поводу мясом. Так что я тоже кое-чем блеснула в смысле кулинарии... Читали стихи. И даже Петр Михайлович свою эпиграмму на какого-то оратора по бумажке... Баня наша еще на консервации... плотники покосничают... мы смотрим на ее незавершенность уже как китайцы-философы в состоянии «дао» – абсолютного отречения от этого мира... Вася сегодня мылся... под дождем, сказал, что «отныне так и будет делать»... я предлагала ему мыло и мочалку, но он отказался: «Это было бы оскорблением долгожданному дождю».

Это лишь малая часть одного «послешорского» письма. Писала Лариса часто. Каждое её письмо наполнено любовью к Василию

Дмитриевичу и заботой о нём. Та же любовь к нему и в письмах её после 19 апреля 1984 года. И грусть... И тоска по нему. Потому и в письмах своих до самого января 1994 года она грустит о нём, пересказывает часто свои сны, в которых неизменно Василий Дмитриевич.

Добрая, чистая душа, милая Лариса Фёдоровна, как мне не хватает Земного общения с Вами. Я Вас обожаю. И грущу без Вас.

В завершение удивительного лета 1979 года, события которого поэт назвал «марьевским кругом», привожу здесь его письмо перед отъездом Фёдоровых из Кузбасса.

«Дорогие Махаловы!

Вот и заканчивается наш летний марьевский круг, в котором вы приняли самое активное участие, за что большое спасибо. Правда, я почти не работал, баня и предбанник отняли у меня моих Муз. Все они состояли при плотницком деле. Кто знает, может, в конечном счёте баня и сарай более значат в жизни, чем неизвестно какой стишок. Кто-нибудь потом помоемся и попаримся в ней. Кстати, я вполне оценил подарок Николая Ивановича Соболева – топор чудесный, я бы сказал – прелестный топор. Если Овидий когда-нибудь строил баню, он должен был мечтать о таком топоре.

Передайте ему / Н.Соболеву-Т.М./ мою благодарность.

А еще спасибо за корешок, за инструкцию к нему. Только ломаю голову – сколько же на него (лично) надо водки? Что значит 1-10? Отношения по весу? Допустим, корень весит 30 гр. – значит водки или спирту надо 300гр.? Сейчас оторвал Лару от сборов и притянул к обрыву на озеро /так написано, видимо, опечатка – Т.М./ В тумане оно сегодня удивительно таинственно! Сказка! Это я ее заманиваю на будущий год. И еще спасибо за хлопоты о Ларе.

Будьте здоровы и счастливы!

16-8-79.

Вас. Федоров»

ЗАПЕЧАТЛЁННЫЕ МГНОВЕНИЯ

Всё в памяти,
И всё живое,
И обо всём душа болит.

В. Фёдоров

Двадцатый век дал возможность современникам запечатлеть своих талантливых сынов в кино- и телекадрах. Василий Фёдоров, избегавший всякой суеты и тщеславия, в Москве неоднократно отказывался от предложений кинохроники и Центрального телевидения.*

* Правда, в 1984 году, видимо, предчувствуя свой скорый уход с Земного плана, он согласился на запись ЦТ СССР своей беседы с Ю.Л. Прокушевым. 26 марта, у камина, в Переделкине (Мичуринце).

А вот кемеровчанам удавалось сговаривать его на ежегодные телепередачи и даже на съёмки телефильма с его участием. То ли родная земля и сибирский живительный воздух смягчили позицию поэта, то ли удивительная когорта работников телестудии, среди которых прекрасно образованные и высокоинтеллектуальные главный редактор художественного вещания Нелли Николаевна Соколова и заведующая литературно-драматической редакцией Зоя Николаевна Естамонова, хорошо понимавшие значимость для народа духовных накоплений поэта.

Моя первая телепередача с В.Д.Фёдоровым состоялась в 1972 году, летом. А так как с 8 января 1974 года я стала постоянным автором и ведущей телепередач по искусству, то с этого времени ежегодными стали и мои телепередачи с Василием Дмитриевичем, а чуть позднее и с Ларисой Фёдоровной, когда они уже каждое лето приезжали в Марьевку – в свой дом.

Листаю свою «телевизионную тетрадь», в ней набросок тем для беседы с поэтом – к видеозаписи 1974 года: с каким чувством возвращаетесь в родные края; как родина помогает в творчестве; ваше мнение о состоянии современной поэзии; когда и где выйдут ваши новые произведения... И еще один вопрос, если ответ на него не помешает творческим планам, – над чем работаете сейчас?

Вопросы намечались для сценария передачи, но, как правило, беседа определялась не ими, а предощущением душевного настроения поэта на какую-либо тему или проблему, его в тот момент волнующую.

Спросила как-то Василия Дмитриевича, почему он так редко соглашается на телепередачи.

– Я ведь приезжаю в Марьевку поработать над замыслами, а предстоящая передача «съедает» дни, взращивая в душе ответственность перед людьми за выступление, – ответил он.

Поэтому работникам телестудии приходилось чаще всего принимать решения стремительно, до минимума сокращая для поэта период ожидания видеозаписи. Обычно я сообщала на телесту-

Зоя Николаевна Естамонова

Нелли Николаевна Соколова

дию, когда Фёдоровы поедут в Марьевку, какие день-два они будут в Кемерове, и телестудия уже на эти дни планировала, первое время – прямой эфир, вскоре – видеозапись. Правда, на с в о и видеозаписи Ларисе Фёдоровне иногда приходилось приезжать из Марьевки специально. Чего телестудия не допускала с В.Фёдоровым, максимально экономя его время и «период ожидания». Так что, спланировав однажды поездку в Марьевку через Кемерово из-за телепередачи, вскоре они почувствовали этот путь из Москвы в Сибирь более комфортным, менее затратным по времени, да и в Кемерове у них появилось много новых знакомых.

Судите сами хотя бы по письму от 12 июня 1975 года: Лариса передаёт приветы всем, с кем Фёдоровы встретились у нас дома, благодарит нас за подарки («...особенно за последний. Он такой прелестный, и мы зажигаем его вечерами...»), пишет: «Очень лю-

блю Кемерово, люблю «Томь» – ту, что на берегу, и ту, что в берегах?!..» Сообщает также, что из Кемерово «доехали хорошо, да еще умудрились в яйской «Волне» /ресторан – Т.М./ попасть на чью-то свадьбу... О Господи! «То всё ошибки, всё накладки и заблуждения веков»... все окончилось хорошо...

Погуливают на нашей горе ветры, посвистывают, как осенью. Но марьевцы уже отсеялись, бросили в землю свой фрукт – картошку и относятся к непогоде привычно спокойно. Это нам, москвичам, после цветения сирени и всяких жасминов /намёк на поездку на дачу к нам в Журавли – Т.М./, да после жаркой встречи с кемеровчанами кажется тут прохладно. Топим печки /в кухне большую и в комнате поэта – маленькую – Т.М./, сидим у огня, принимаем свиты соседей и просто марьевцев. Привыкаем к тишине».

Через несколько дней летит новая Ларисина весточка, в которой она отвечает Валентину Махалову на его «разбор» её поэмы, передаёт их впечатление о моей телепередаче («смотрели... передачу... она была очень интересной, непринуждённой...»). Говорит о мотоциклетных очках для поэта... И сообщает главное: «...Вася переводит (причём увлечённо) Аветика Исаакяна».

А в письме 30 июня 1975г. на телестудию в ответ на предложение сделать по её произведениям передачу о марьевцах она отказывалась, аргументируя это тем, что, хотя у неё «пока шесть книг – повести и рассказы... две последние «Виноватых прощают», «Анатольевна и сын»... но о Марьевке для разговора есть только один рассказ «Рябков старший» и три-четыре стихотворения». И хотя в ж.«Москва» сейчас лежит повесть «К земле припадаю» – конечно, марьевская... «представьте моё затруднение говорить о ней, зная, что у телевизоров сидят марьевцы. Ведь в этой книге судьбы, судьбы и судьбы – живые, непридуманные, а иногда и драматического характера...».

Ларису Фёдоровну всё-таки удалось уговорить, в середине июля она на два денька остановилась у меня, провели с нею первую ее на кемеровской телестудии видеозапись передачи. И вот уже 31

июля 1975г. она сообщает из Марьевки, что 14 августа они едут в Новосибирск, что «Вася весь в «Дон-Жуане», он у него ещё должен подраться с соперником, «сравнять ему нос с губою». Странная это будет вещь: и смешное и высокое рядом. И современность вторгается довольно смело».

Делится впечатлением о просмотренной телепередаче с нею: «... я лично не ожидала, что всё будет выглядеть так мило. Это не только моё... мнение, это говорят все, и вот вчера получила письмо из Новокузнецка от бывшей марьевинки Герасимовой... многие наши марьевцы нас не сумели посмотреть, так как 8 часов вечера – это «коровий» час... У кого была возможность как-то заместиться, те видели, а другие собираются просить повторение... я зря, пожалуй, отвергала такие телепредложения в Москве, боясь, что моё изображение уже устарело».

Остальные письма этого года были от Фёдоровых уже из Москвы. 29 декабря 1975г. Лариса в письме сообщает, что «...Дон-Жуан не может окончательно появиться на белый свет...Это его / автора-Т.М./ мучает...».

1975 год. Лето. Василий Дмитриевич согласился на видеозапись телепередачи. Запомнился мне этот день двумя моментами, приоткрывшими формирование творческих замыслов поэта.

Первый. Когда мы с Василием Дмитриевичем вернулись после телестудии, мой супруг предложил пообедать не у нас дома, а в ресторане «Сибирь» (что на Арочной улице,39). Два голоса против одного – мне пришлось уступить. С полуденного пыльного зноя мы шагнули в прохладу вестибюля, поднялись на второй этаж в ресторан. Тихо... десяток посетителей. Василий Дмитриевич выбрал столик в дальнем правом углу у окна. Валентин вскоре, увидев в противоположном конце зала знакомых, присоединился к ним. И тогда Василий Дмитриевич продолжил разговор о биобанке, начатый им ещё по дороге из телестудии. О биобанке поэт говорил и в Горной Шории, в Усть-Кабырзе, эта тема возникала и в беседах о «Снах поэта» в Марьевке.

В 1998 году я, будучи в Москве, в записной книжке поэта увидела запись о биобанке на страничке 1952 года. И почти рядом с нею строчки рукою В.Федорова, возможно, более поздние: «Не поменяться, не разменяться надежды нет! – Года гласят. Так строчки, начатые в двадцать, заканчиваются в пятьдесят».

Вот так – долго, основательно – вызревала в поэте тема. И кто знает, проживи Василий Дмитриевич ещё несколько лет, возможно, родилась бы ещё одна прекрасная новелла или эпическая поэма о биобанке человечества.

А второй момент того, давнего уже, летнего дня касается иронической поэмы в семи песнях. Она ещё не была завершена, но хорошо над ней уже работалось в Марьевке.

Я была поражена, когда узнала, что Василий Дмитриевич, чтобы лучше почувствовать своего героя, даже повесил на стенку в марьевском доме расписание тюремного режима (его герой побывал и там). И только из письма Ларисы Фёдоровны от 15 декабря 1985 года я узнала: «Ты спросила, кто такой Косицын?.. /В посвящённом ему стихотворении буква «и» – в последнем слоге фамилии, а в письме Ларисы – «ы». – Т.М./ Он Герой Советского Союза. Пулемётчик. Друг и земляк Владимира Солоухина... стал другом Василия Фёдорова. Честнейший человек... юрист-международник... член Союза писателей... генерал-лейтенант юстиции. Он водил Васю по тюрьмам. Особенно в тюрьме на улице Матросская Тишина... Был его сопровождающим. Вася его очень любил. Когда мы приезжали в Переделкинский Дом творчества, всегда ходили к нему вечером в гости... посидеть у камина... поговорить «за жизнь». Очень хороший, очень русский человек».

Но это к слову о тюремных страницах поэмы. Возвращаюсь к той, 1975 года, телепередаче.

Я знала, что говорить о незавершённом произведении или читать из него фрагменты автор, скорей всего, не согласится. Ведь это непреложная истина, имеющая не только прямой, но и сакральный смысл. Но мне так хотелось сговорить поэта прочесть хотя

бы чуть-чуть, одну строфу. Поэтому до передачи время от времени заводила речь о поэме, о возникновении замысла, её главном герое и т.п., чтобы настроить его на поэму и получить в конце концов согласие прочесть в эфире. Так и случилось. На телепередаче, подводя разговор к «Дон-Жуану», я ещё сомневалась, поддержит ли он меня в этой теме, так как знала его принципиальность. Но Василию Дмитриевичу нельзя было отступать: просьба уже прозвучала – в эфире. И в Кемеровской телестудии мы услышали в авторском исполнении великолепные строфы этой эпической, еще только создававшейся поэмы. И в последующих передачах телезрители могли слышать об этой поэме размышления автора. Всегда интересно, как возникает замысел произведения:

«– Само собой разумеется, что замысел «Женитьбы Дон-Жуана» не мог прийти ко мне вдруг – дескать, однажды шёл-шёл, и меня осенило. Если на его воплощение потребовалось около пяти лет, то нельзя учесть, сколько времени «барахталась в тине сердца» глупая вобла замысла. Когда же замысел появился, уже могло появиться множество «вдруг», потому как он стал освещать весь опыт моей жизни, все кладовые моих наблюдений... С чего же началось? Совсем не с Дон Жуана. Он появился позднее, когда в поле моего зрения уже был Вадим Гордеев с его вульгарным донжуанством. Сформировать образ Гордеева было не так-то и сложно. Наша жизнь, к сожалению, даёт для него достаточно материала. Мне нужен был образ, противостоящий ему. Кто это? Какой-нибудь честный благородный парень, скажем, Ваня Солнцев, каких в сотни раз больше, чем Гордеевых? Нет, Гордеевых бытовой святостью не убьёшь, не вскрыешь их аморальной природы.

Нужна была историческая координата, которая придала бы, по существу, бытовым событиям историческое измерение. Какой герой мог бы это сделать? Вот на этом этапе и появилось, наконец, то «вдруг», которое привело меня к открытию: только сам Дон Жуан, каким он может представляться в наше время, только он, породивший вульгарное донжуанство. Пусть расхлёбывается!..

Мировые образы, переходящие из века в век, тем и сильны, что в новых социальных условиях они обновляются и трансформируются. Уже у Байрона Дон Жуан не был простым соблазнителем. В наше же время, в наших условиях он представился мне искателем смысла жизни, истинной красоты и совершенства. Это не эгоист, а человек настоящей любви и страсти...».

– А все-таки, Василий Дмитриевич, почему вы, чтобы показать современную жизнь, взяли для поэмы персонаж из средневековой легенды – всем известного по произведениям Мольера, Байрона, Пушкина нарушителя моральных и общественных норм?

Василий Дмитриевич чуть иронично ответил: – Ну взял бы какого-нибудь дядю Петю из посёлка? Многие мировые проблемы пришлось бы «снижать». Нет, не тот масштаб. Именно в с е м и р н о известный литературный герой, да ещё которого я поселил в России, давал мне возможность полнее воплотить свой замысел.

– А почему поэму свою вы называете иронической? Что же главное придаёт поэме ироничность?

– Ирония здесь входит в структуру поэмы, так как именно она помогает снять с многого элемент привычности, обнаружить и комическое и трагическое – в обыденном.

Нарушая обычное свое нежелание говорить о замысле и неоконченной работе, в эти годы поэт охотно беседовал о Дон Жуане, жил размышлениями о теме. Очень удачным оказался замысел, дававший возможность глубоко «копнуть нашу реальность».

Я убеждена, что эта поэма и «Сны поэта», и терцины, и маленькие поэмы последних лет – в общем, всё созданное поэтом, всё творчество его достойно ещё не оценено до сих пор ни обществом, ни литературоведами, ни читателями.

К январю 1978 года «Женитьба Дон-Жуана»* вышла в свет...

Редкость для Василия Дмитриевича, но именно под этой поэмой он ставит точную дату и место её завершения: «Ялта. 9.1У.1977г.».

* Василий Фёдоров. «Женитьба Дон-Жуана. Ироническая поэма в семи песнях». Редактор А.Меньков/ Москва, изд-во «Современник», 1978г., тираж 50 000.

Сообщила мне о выходе в свет «Дон-Жуана» Лариса Фёдоровна. Летели весточки её ко мне, но чаще мы общались по телефону.

– Ну, скажи, скажи, что у тебя новенького...на работе...дома...на телестудии....

– Лариса Фёдоровна, если говорить коротко....

–...нет, нет, – перебивает она, – подробнее, мне интересно....

– На телевидении провела передачи с Зиной Чигарёвой, Геннадием Юровым, Геной Емельяновым, Игорем Киселёвым...Как всегда, ещё и с авторами очередного номера «Огней Кузбасса». До этого записала часовую передачу с Александром Никитичем Волошиным по трём его повестям, вернее, в телебеседе он словно бы итожил свою жизнь. В эфир поставят её накануне его творческого (к его 65-летию) вечера в драмтеатре; это в цикле «Кузбасс литературный». А в цикле «Экслибрис» – тоже моя большая передача по Шукшину; очень сожалею, что мама Василия Макаровича не смогла приехать, огорчило ещё и то, что плёнка фильма В.С.Кузнецова о Сростках оказалась, как сказали мне на телестудии, «технически некачественной», взяли из него кадры всего на две минутки. С Гаррием Немченко договорилась о телепередаче с ним в следующий его приезд в Кузбасс....

– Тома, а в издательстве?... Ты ведь, помнится, в свой приезд в Москву в «Ленинке» что-то интересное подготовила....

– Да, нашла глубоко забытую повесть Рони-старшего, но в наше время с каждым десятилетием она становится всё актуальней... правда, пока Банников сказал, что в плане места свободного нет... Мечтаю издать цикл четырёх эллинских поэтов, стоявших на переходе от фольклора к европейской литературной поэзии, увлеклась Сапфо (Сафо), хочу с неё начать этот цикл и с моими комментариями, в частности доказать, что два отдельных фрагмента являются отрывками одного стиха, да я ведь, Лариса Фёдоровна, уже нашла в «Ленинке» (безмерно рада!) изображение Сапфо с митиленской прижизненной монеты – это уже для оформления, вижу его полностью, и на все четыре книги. Тогда, в «Ленинке», прочла все име-

ющиеся переводы, особенно меня интересовал «Гимн Афродите», хочу дать его в переводах разных эпох...

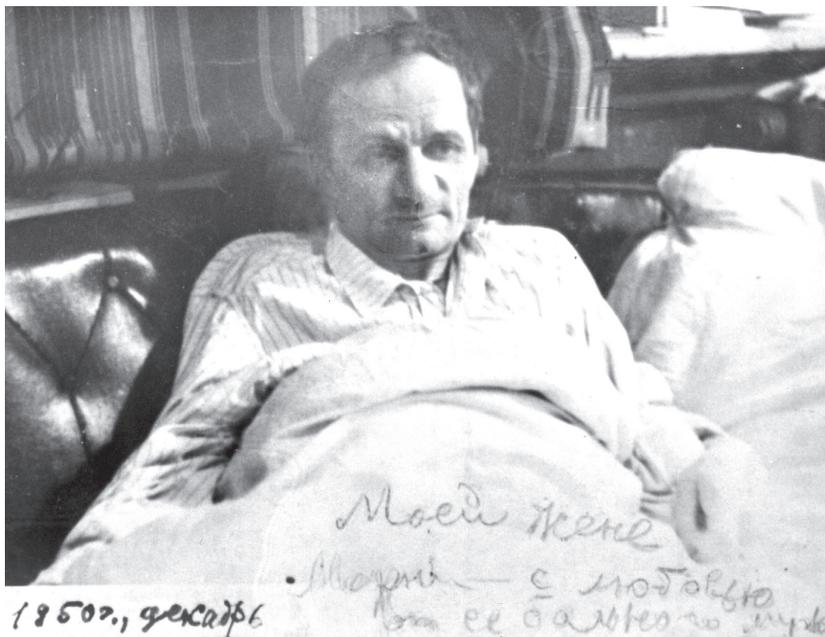
– А сейчас чем занимаешься?

– Идут книги местных авторов... некоторые рукописи тяжело возвращать с отказом...

Вела переговоры с правнуком Фёдора Тютчева – Пигарёвым Кириллом Васильевичем, хотела, чтобы он написал предисловие и примечания к стихам своего талантливого предка; он согласился, поговорила с ним о разных изданиях Тютчева, хвалил минское, не видел красноярского... «Сейчас я занят подготовкой тома Тютчева в «серии Литературного наследства», жёстко рассчитываю время – кончился мой лимит времени...», – сказал мне, согласившись лишь на второй день, на новый мой телефонный звонок. Да, Лариса Фёдоровна, голос у него старческий, но деловой... доброжелательный. К сожалению, через несколько дней отказался («не успеваю»), предложил взамен себя бывшего работника Мурановского музея – Тархова Александра Евгеньевича. Зато, Лариса Фёдоровна, получила недавно согласие Николая Семёновича Тихонова мне самой переделать его рецензию в предисловие к рукописи Любви Пудаловой...

– А какие книги, книги-то какие вышли в свет?

– «Песня общая и своя», составляла этот сборник по принципу: дать известные романы в точных – авторских – текстах, так как в «музыкальных» изданиях и особенно при исполнении встречается много отступлений. Провела презентацию этого сборника перед директорами книжных магазинов области... Лариса Фёдоровна, помните, вы встречались у нас с собкором «Известий» Петром Ворошиловым? Вышла его книга о кузбассовце-панфиловце – «Знаменщик полка», вот с ним вдвоём и выступали по ней перед монтажниками «Тяжмонтажстроя», оба эти мероприятия были для меня в один день, помню: и там и там говорила больше о вышедшей у нас книге Платонова «Происхождение мастера». И хотя вдова автора сказала мне «Издали лучше, чем я предполагала», я

Андрей Платонович Платонов. На лицевой стороне фото подписано А. Платоновым «Моей жене Марии – с любовью от её больного мужа».

Мария Александровна, передавая мне фото, на обороте подписала «г. Москва, 1950г., декабрь. (Последний снимок писателя)»

осталась недовольна полиграфическим исполнением, да и бумагу поставили типографскую № 3, я расстроилась, вы же знаете, Лариса Фёдоровна, о моём увлечении творчеством этого, такого особенного, талантливого писателя... К тому же: по моей просьбе оформление к изданию делала его дочь Мария Андреевна.

Мария Александровна Платонова прислала «Избранное» А.Платонова (изд-во «Современник», 1977г.) с очень трогательным и милым автографом мне от себя и дочери; а главное, Лариса Фёдоровна, вместе с книгой подарили они мне фотокопии фотографий Андрея Платонова с автографами жене, очень интересны три из них: Андрей Платонов в 1923г., в 1939 г. и в декабре 1950 года, незадолго до смерти (Мария Александровна сказала, что

«с этой постели он уже не встал»), и фото сына, умершего молодым. А о Марии Александровне (ещё невесте писателя) мой сын Серёжа, посмотрев фото, сказал: «Очень красивая»... Сейчас говорим с нею ещё о нескольких изданиях и о «Голубой глубине»... Увидимся, расскажу подробнее о нашем с нею знакомстве и о....

-...Томочка, я знаю о твоих нагрузках, о многих, наверное, даже и не догадываюсь. Как ты справляешься? А личная-то жизнь у тебя есть?

- По-моему, нет. А справляюсь потихонечку, но и за счёт сна....

- Дома-то всё в порядке?

- Не сказала бы так... А вот дети радуют, свадьба Серёжина состоялась, Леночка и её родители мне нравятся, Серёжа счастлив. А что ещё маме надо?.. Но вскоре пришло с Камчатки печальное известие о неизлечимой болезни мамы Валентина, но почему-то туда он не полетел, а ведь б е д а случилась...

Лариса Фёдоровна, уже вторая половина мая...вы-то когда в Марьевку? И как насчёт телепередач?

- Томочка, Василий Дмитриевич 21-го едет в Новосибирск на выездной секретариат, а потом уж Кемерово...

- Значит, Лариса Фёдоровна, на телестудии запишем вас обоих в один день, по приезду. Согласны?

В начале июля супруги Федоровы приехали в Кемерово, и мы отметили не только встречу, но и первое книжное издание «Дон-Жуана». Площадь имени А.С.Пушкина... В привычную для Фёдоровых нашу квартиру пригласили поэтов, шел хороший неторопкий разговор о поэзии, Сибири, Кузбассе...

В какой-то момент, среди беседы поэт вдруг порывисто встал с кресла, поискал авторучку на письменном столе, взял книгу «Женитьба Дон-Жуана», размашисто написал что-то на ней и протянул... вдруг мне. Оказалось: книга с автографом предназначена мне. Я не ожидала такого великолепного подарка. И теперь, открывая эту книгу, я читаю: «Тамаре Махаловой. На память о моей Марьевке. Жене поэта уже в начале жизни надо ставить памятник, а Вам – два! Вас.Федоров, 5/ VII-78.г.»

Явственно вспоминаю тот поэтический вечер в кругу друзей. В нашем доме. Понимая желание Василия Дмитриевича отрешиться от столичной суеты, собравшиеся почти не затрагивали московскую тему. Это сразу, с первых же встреч с Фёдоровыми сложилось как-то само собой. И, наверное, поэтому мне порой казалось, что Фёдоровы постоянно живут в Марьевке и приехали оттуда в Кемерово повидаться, побеседовать.

Вспоминая сейчас ежегодные приезды Фёдоровых в Кузбасс, наши беседы, вижу, что тема столицы была редкой. Мелькнула в Доме рыбака в Усть-Кабырзе при обсуждении плана создания там Дома творчества писателей России. И однажды в Марьевке поэт вспомнил историю с Михаилом Лукониным. Не писал ли он тогда страницы «Снов...», возрождающие воспоминание о роли М.К.Луконина в судьбе молодого Василия Фёдорова?

Поэт Михаил Луконин. Я знала его стихи, у нас в Ленинграде были его ранние сборники. А его великолепное стихотворение «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...» знали в стране очень многие. М.Луконин приезжал в Кемерово на один день, и я вела с ним передачу, ехали из телестудии вместе, он в гостиницу «Кузбасс», я в издательство. Задать ему вопрос о тех давних его отношениях с Василием Фёдоровым я не решилась. Может, опасалась испортить его отличное настроение, огорчить напоминанием его ошибочной позиции. Позже поговорить с ним не пришлось, так как вскоре Михаил Кузьмич ушёл в мир иной. На память остались его автограф на двухтомнике да фото с телеэкрана.

Прошло совсем немного времени, и я вновь убедилась, как талантливо Василий Дмитриевич может осмыслить и художественно воплотить жизненный факт – в слиянии реального (мистического) и философского планов. И тем самым дать читателю возможность не только поразмышлять о непредсказуемости для людей, многообразии и сложности взаимоотношений в обществе, но и получить истинное эстетическое наслаждение, читая его, например, великолепную новеллу «Чёрная прядка букета».

На крыльце марьевского дома, 1971г.

В ней автор довольно подробно встраивает в сюжет свою теорию третьего глаза, о внешнем и внутреннем зрении человека, заключая фразой «третий глаз... нужен теперь, когда потребность заглянуть в себя стала насущной». Во время поездки в Горную Шорию эту мысль он высказывал неясно, отрывочно. Может, размышлял вслух о ней и в беседах искал отклик живущей в нём теме.

Вообще 1970-е годы для Василия Фёдорова были творчески очень плодотворны. Я удивлялась тому, как он мог работать одновременно над разножанровыми произведениями. Судите сами: кроме великолепных стихов, эпическая поэма «Женитьба Дон-Жуана», прекрасные глубокие «Сны поэта», классические терцины... В переданном мне Ларисой Фёдоровной письме поэта к ней он сообщает 14 июля 1974 года.: «...прихворнул... сейчас... поллучше. Написал терцины, 100 строк, сейчас сижу над новеллой из «Снов поэта» – над «Головой Земли»... Что-то все идёт вяло».

Это письмо, кстати, характерно и для взаимоотношений супругов Фёдоровых: они всегда вместе, если даже на большом расстоянии друг от друга. Он – в Марьевке, с сестрой Татьяной, Лариса – должна вернуться из Парижа в Москву. И туда летит его весточка:

«Дорогая Лара! Не знаю, с какого дня начинать разговор...», сообщает о мини-огорожке на Назаркиной горе, об аккумуляторе и очках для езды на мотоцикле, о том, что из-за жары сена в колхозе «будет вдвое меньше и хлеба не поправятся в полную силу»; перечисляет, что надо ей привезти в Марьевку: репчатый лук, гречневую муку и т.п.; предполагает, что поедет она через Тюмень. Пишет далее, что «...старушки о тебе спрашивают. Ждут. Им уже известно, что ты в Париже была. Вот и не терпится встретить парижанку... Что-то ты затянула приезд... Приезжай пораньше...».

Неразлучность душ, нерасторжимость жизней их... Потому и в момент гибели поэта в Ессентуках мистический знак об этом мгновенно – в Москве, на Кутузовском, «у Лары» (окно в гостиной в момент кончины Василия Дмитриевича. Через тридцать лет такой же, – полностью, до деталей повторившийся, но уже в моей жизни – знак, напомнив о знаке 19 апреля 1984г. на Кутузовском, по всей вероятности, спас меня).

ТЕЛЕФИЛЬМ С УЧАСТИЕМ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА «ЗДЕСЬ ОТЧИЙ ДОМ»*

3 июня 1980г. Встречаем Фёдоровых вдвоём с Валентином у трапа самолёта.

Вечером собрались у нас. З.Н.Естамонова, зав. отделом культуры обкома КПСС Валентина Михайловна Носкова, инструктор обкома партии Мария Владимировна Лобач, З.Н.Веселова, супру-

* 1980г. Кемеровская телестудия. Автор сценария и ведущая Тамара Махалова, кинорежиссёр Николай Ставцев, оператор Сергей Якишев, звукооператор Валерий Смирнов. Съёмки: Кемерово, Марьевка; 1979 -1980гг., ч/б.,40 мин., личное участие В.Д. и Л.Ф. Фёдоровых.

ги Шокель, художник Иван Филичев и мои приехавшие на лето из Ленинграда родители. Запомнилось, что говорили о предстоящей в Москве Олимпиаде. Василий Дмитриевич интересно размышлял о капе как о резерве дерева. Тема резервных сил человека и природы была у поэта многолетней и постоянной.

На следующий день ходила с Фёдоровыми в облкниготорг, побывали у меня в книжном издательстве, в художественной галерее на выставке работ Юргиса Ионасовича Прейсса и на российской выставке «Скульптура малых форм». Поэту пришлось по душе скульптурные работы Алексея Хмелевского. Намеченный мною ранее и осуществлённый культурный план Фёдоровым понравился, мы посчитали его достаточным для одного дня и решили пообедать у нас дома.

К обеду слепили с Ларисой пельменей и пригласили гостей, в этот раз были одни поэты. Все были рады встрече. Вспоминали литературные курьёзы. Василий Дмитриевич в ожидании Марьевки был в отличном настроении, шутил:

– ...За что мне нравится Марьевка? Идёшь по улице – столько красавиц навстречу...

Об этом дне и словах Василия Дмитриевича вспоминала Лариса Фёдоровна на телепередаче с нею 7 августа 1988г. в Кемерове.

А если по-серьёзному, «с Марьевкой у меня более чем творческая связь, – говорил поэт, – в Марьевке, можно сказать, со мной происходит что-то похожее на процесс обновления. Я чувствую в себе такой аккумулятор, который работает во всю силу, и когда я приезжаю сюда, сразу подключаюсь к нему и тогда поначалу мне кажется, что энергия покидает меня, я становлюсь пассивным. А потом начинаю осматриваться и вроде начинаю всё заново. В это время весь другой мир будто исчезает для меня, я забываю своих московских друзей, столичную сутолоку, ссоры и длинные речи на заседаниях.

И вот, когда я здесь «отсижусь», у меня, как у начинающего, появляется жажда работы, жажда творчества. И что важно, здесь,

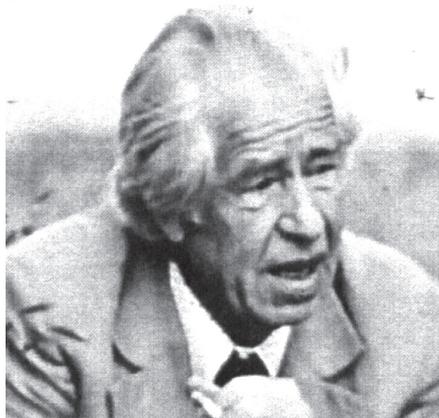
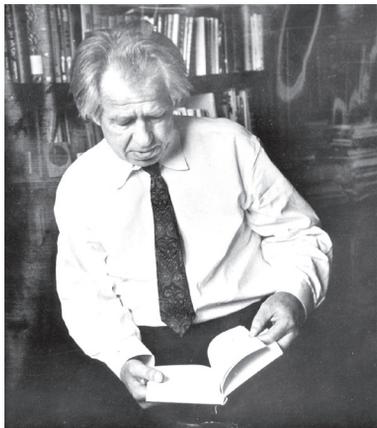
в Марьевке, я начинаю как-то яснее ощущать, видеть то, что я называю для себя государственной клеткой. Село большое, и видится оно мне клеткой социального организма. Подумаешь так и сразу видишь два полюса: эту клетку видишь и большой полюс – Государственный. И события, которые происходят в мире, проходят через эту клетку, она их чувствует, отзывается на них».

Вечер у нас, как всегда, затянулся до полночи, пошли, как обычно, провожать до гостиницы. Читали стихи. Больше всех – Валентин Махалов, но читал не свои, а поэтов 1930-х годов. Упомянет кто-то даже полузабытого поэта или одну его строку, как Валентин тут же мог прочесть многое из его стихов. Все признавали его уникальную память на стихи. Да, была у него такая способность: прочтёт один раз чьё-либо стихотворение – запомнит на многие годы. Фёдоровы знали эту его способность, и Лариса стала расспрашивать Валентина о его детстве, родителях, первой публикации и т.п.

Валентин сказал, что родился в Горьком (ныне Нижний Новгород), что писатель Валентин Иванович Костылёв романом «Счастливая встреча» (второе название) описал взаимоотношения его родителей. Сам Костылёв был двоюродным братом то ли отца, то ли деда Валентина (сейчас я уже не помню). Ещё когда мы жили в Ленинграде, Валентин говорил мне о том, что он приходил к этому своему дяде в квартиру где-то в центре Ленинграда. Отцовская линия Валентина – коренная нижегородская, а отец (или дед?) матери (Екатерины Андреевны Обуховой – в девичестве) – дворянин, появившийся в этих краях неизвестно откуда, привёз с собой хорошую библиотеку, имел какое-то отношение к декабристам, знал несколько иностранных языков и много стихов, возможно, писал и свои. Он и мама Валентина резко отличались речью от местных.*

Василий Дмитриевич спросил, кого из своих родных он ещё знает. Валентин ответил, что «хотел бы узнать об упоминаемом у Бунина (Бунина?) своём однофамильце, писателе С.Д.Махалове;

* Несколько иной вариант родословной Валентина рассказала мне в 2016 году его сестра Лидия, но я решила привести здесь то, что отвечал тогда Валентин.

На съемках телефильма «Здесь отчий дом», июль, 1980г.

хотел бы уточнить «помещика Ветрова Василия Алексеевича»: то ли персонаж в романе, то ли прямой родственник, двоюродный брат Костылёву?». Валентин также рассказал, что, «приехав в Ленинград, встречался с родным дядей, на то время деканом (?) Ленинградского оптико-механического института...».

Василий Дмитриевич продолжал расспрашивать Валентина уже о том, когда начал писать стихи... Валентин: «Память на стихи, видимо, от деда Обухова, стихи стал писать рано, с детства, как себя помню. Школьные сочинения писал в стихах. Первая публикация была в 1943 или 1944 году во всесоюзной газете «Пионерская правда», послала мои стихи о подвиге Александра Матросова моя школьная учительница, газета публиковала потом ещё несколько стихов моих...».

Стали говорить о Матросове, о высоком состоянии духа человека, когда он, спасая товарищей, бросается всем телом на вражескую амбразуру...на бесперывный пулемётный огонь.

– Случилось это 23 февраля 1943 года, – добавил Василий Дмитриевич.

Я же вспомнила, что Матросов повторил подвиг трёх кузбасовцев, новокузнецан, одновременно совершивших такой же под-

виг годом раньше. Попросили меня рассказать о них подробнее. Я узнала о них, когда составляла к 30-летию Победы поэтический сборник «Гремели бои»*, включила в него «Балладу...» Николая Тихонова о них. Герои Советского Союза Иван Саввич Герасименко, Александр Семёнович Красилов, Леонид Арсентьевич Черемнов из Новокузнецка служили вместе и 29 января 1942 года своими телами одновременно закрыли амбразуры вражеских дзотов.

От трагических воспоминаний все немного загрустили, но расходиться не хотели. Поэтому охотно возвратились к предыдущей теме, говорю:

– А знаете ли, что Валентин, поступая в Ленгосуниверситет имени Жданова (ныне Санкт-Петербургский госуниверситет) без документов, не только выполнил условие декана «Сдадите всё на пятёрки – приму без документов», но и вступительное сочинение написал в стихах, хотя тему его, конечно, заранее не знал. По итогам экзаменов его приняли, запросив документы из Владивостокского высшего мореходного училища, из которого Валентин, проучившись два года, «рванул» в Ленинград на факультет журналистики...

Снова разговор вдохновенно перешёл на поэзию и грозил затянуться до рассвета.

Фёдоровы попросили меня сходить завтра с ними в бибколлектор и по хозяйственным делам в магазины. Зайдут ко мне на работу часов в одиннадцать.

Жду на работе. Уже полдень. Заходит в кабинет один Василий Дмитриевич, спрашиваю его о Ларисе, её самочувствию, почему не пришла вместе с ним, как вчера планировали. Спрашиваю и о планах на дорогу в Марьевку.

– Да Лара неважно себя чувствует, не захотела со мной по жаре пойти. Собираемся по дороге заехать в лесхоз, купить саженцев.

– Каких?

* «Гремели бои. Стихи». Составление Т.Махаловой, оформление В.Беляева. Кемеровское книжное издательство, 1975, 5 000 экз.

– Каких-нибудь деревьев. Надо, надо у нас на горе посадить. Хотя, говорят, вся гора из глины. Будут ли расти?

– Василий Дмитриевич, вам, по духу вашей поэзии, надо могучие деревья – дубы! – сажать на Назаркиной горе.

– Откуда, Тамара Ивановна, я возьму дубы в Сибири?..

Я отдёргиваю плотную штору на окне и показываю цветочный горшок с дубками, листики их нежно-зелёные, младенческие. Говорю:

– Вот дубки. Им шесть месяцев от роду. Их уже давно надо было укоренить. А знаете, Василий Дмитриевич, это дубки особые. В чём? А вот слушайте. Приезжаю в конце прошлого года к родителям в Ленинград. Угощают кофе. Из желудей. Собрали под дубом, который был посажен Петром Первым. Я горсточку желудей положила в пластиковый пакетик. Бросила в посылочный ящик. В конце декабря прилетаю в Кемерово. Мороз под сорок. Получаю свою посылку: ба! да в пакетике конденсат и проклюнувшиеся росточки на желудях.

Семь из них я отдала поэту и семь оставила для Журавлей: посадить себе и поделиться с соседями.

В день отъезда Фёдоровых в Марьевку мы заехали вместе с дубками в Журавли за саженцами цветов и, главное, за сиренью. Только Валентин взялся за лопату выкопать сирень – Василий Дмитриевич запротестовал:

– Нет, я это должен сделать сам.

Выкопав, он осторожно, чтобы не осыпалась земля с корней, погрузил сирень в рюкзак. Дубки на горе посадили за баней. Они прижились и хорошо стали расти. Но кто-то однажды после отъезда хозяев скошил траву вместе с дубками-малышами. Дубы – деревья особые. Они сначала хорошо и глубоко внедряются в почву, а уже потом растят крону. Сейчас их пересадили от бани ближе к дому и берёзкам, оградили, но посадили все вместе, «кучкой». Навряд ли получится что-то хорошее: ведь дубы толпою не живут.

... Проводили Фёдоровых в Марьевку.

И ничто не предвещало для них бурных телевизионных хлопот. Однако...

1980 г., пятница, 26 июня позвонила мне главный редактор художественного вещания телестудии Нелли Николаевна Соколова, предложила «написать сценарий о поэте Василии Фёдорове в Марьевке». Сразу согласия я не дала (вдруг не напишется), но сказала, что, если за выходные напишу, то к понедельнику передам Зое.

Суббота. Быстрей, быстрей, подальше от всех и вся. Пишущую портативную машинку – под мышку и на весь выходной на дачу, в Журавли: подальше от всех дел, телефонных звонков и других забот. Хорошо понимала, что сценарий на сорок-шестьдесят минут в студии для видеозаписи – это одно, а сценарий телефильма – совсем иное.

Я опасалась категорического отказа поэта, зная, что сюда он приезжает с желанием спокойно поработать. Знала, как трепетно и внимательно относится Василий Дмитриевич к марьевцам, он всегда опасался чем-либо невзначай нарушить сложившиеся с ними отношения. Иногда говорил об этом. А тут... нагрянет целая телевизионная группа с аппаратурой!

К понедельнику написала сценарий, назвав его «Здесь отчий дом. О поэте Василии Фёдорове». Меня точила мысль: хорошо бы не ограничиваться Марьевкой, а сделать съёмки и в Кемерове... Москве... Надеялась использовать предстоящий в Кемеровской филармонии авторский вечер В.Фёдорова. Передала с Зоей Естамоновой сценарий для художественного совета телестудии, который состоится 30 июня.

«Добро» от теленачальства на съёмки, но только в Марьевке: автор и ведущая Т.Махалова, режиссер Николай Николаевич Ставцев – профессионал, чуткий к людям человек; Сергей Мякишев – талантливый оператор, как говорят, от Бога; звукооператор Валерий Смирнов. Обязали меня также, кроме фильма, сделать ТВ-передачу на 30 минут – для эфира накануне авторского вечера в филармонии. (Назвала ее «Дом на солнечной горе».)

Съёмки в Марьевке определили с 3 июля.

Я в смятении. Ведь Василий Дмитриевич ничего не знает, да и будет ли его согласие, ведь рушим его творческие планы.

1 июля. Правду говорят, что мысль материальна. Председатель Комитета по телевидению и радиовещанию Кемеровского облисполкома Юлиан Аронович Вишневский дал «добро» на многое, о чём мне думалось, в том числе, на ночной синхрон, на добавку киноплёнки и т.п. Выезжаем 2-го июля. Тут же я узнаю, что завтра Валентин Махалов и Владимир Коньков (учредитель и редактор газеты «Сибирский родник») планируют съездить в Марьевку, взять для газеты у поэта интервью. Зная, что интервью в Марьевке может затянуться на 2-3 дня, к тому же – это всё для поэта будет двойной нагрузкой и может помешать нашей съёмочной группе, уговорила Владимира Конькова отложить на десять дней их план.

Главное для меня на этот день – сообщить Василию Дмитриевичу о приезде съёмочной группы и получить согласие. Так как телефон в домик на Назаркиной горе ещё не провели, пришлось вызвать Фёдоровых для переговоров на почту. Связи долго не было – поэт не дождался, ушёл. Наверное, к лучшему. Переговорила с Ларисой в надежде, что она уговорит Василия Дмитриевича. Заодно расспросила Ларису об исполнителях и композиторах, писавших музыку на произведения В.Фёдорова. Она назвала Мажукова Алексея (он исполнял «Прощай, нам слёз не лить», «Метелицу»...), Геннадия Герасимова («поёт под гитару») и Дударева (актёра театра им. Немировича-Данченко), исполнявшего «А я когда-то думал...»...

Позвонила П.М.Дорофееву о возможности приглашения их на авторский вечер В.Фёдорова в филармонии (а я бы взяла их в фильм). Пётр Михайлович высказал сомнение в субсидировании их приезда. Значит, для меня остаётся лишь надежда снять для фильма фрагменты авторского вечера.

Звоню в Иркутск, приглашаю на съёмки Василия Пантелеймоновича Стародумова и Дениса Михайловича Цветкова, они знакомы с

Василием Фёдоровым по Иркутску, в котором поэт жил с 1938 года по 1941-ый. Согласились. Тридцать лет они не виделись, и мне хотелось эту встречу (с молодостью!), неожиданную для поэта (планировала встретить иркутян в аэропорту Кемерово и сразу привезти в Марьевку), запечатлеть в фильме. И тогда, думалось мне, весь блок рассказа Василия Дмитриевича об авиазаводе, самолётостроении и пилотировании, о первых публикациях в заводской многотиражке тех лет естественно встроится в их встречу (не предполагала я тогда, что о этом приглашением я навлекаю на поэта).

Срочно выполняю просьбу Ларисы Фёдоровны о «любимых сигаретах для Василия Дмитриевича» («Столичные») и расписании самолётов и поездов на Тюмень на 26 июля» для Ларисы. Пакую сумку с продуктами – уже светает. Переживаю, что вся тяжесть уговора поэта – на Ларисе. Надеюсь, как мы с нею и договаривались, – на «фактор неотвратимости и нежелание обидеть приехавших».

2 июля. Едем в Марьевку!

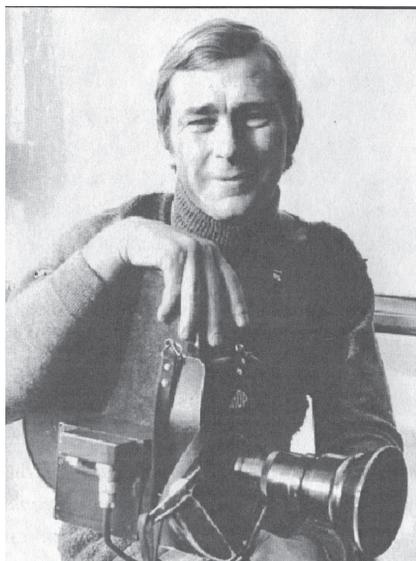
Среда. Раннее утро.

Представить, по возможности точно, Василия Дмитриевича в телефильме – значит, попытаться прикоснуться к его творчеству и его личности. Главным мне виделось – его душевная боль за человека, природу при полнейшей искренности, бескорыстии натуры, но и неизбежной при этом сложности и принципиальности. Сквозные для поэта три темы: человек в современном мире, красота в разных ее аспектах и природа. Он говорил: «Красота – категория социальная. Мы прошли через многие ступени постижения красоты, сейчас даже затрепали слово «красота», так же, как и слово «творчество», инфлирую его».

Я хотела, чтобы будущий зритель нашего фильма мог проникнуться мыслью поэта, выраженной ещё в «Проданной Венере» (1956г.):

Николай Ставцев

Сергей Мякишев

«Меня волновал вопрос о человеческой ценности, о его духовной и человеческой красоте, даже более о физической, ибо и она – продукт социальный. Человек приходит в жизнь и становится участником лишь коротенького отрезка человеческой истории, полной противоречий и борьбы, и тем важнее, чтобы на этом коротком отрезке мы не забывали о главном – о счастье и красоте не только в каком-то отдалённом будущем, но ещё при жизни человека».

В один из приездов моих к Фёдоровым на Кутузовский я услышала рассказ Василия Дмитриевича о старой двери и мастере-краснодеревщике. Незначительный – вроде бы простой бытовой – факт, но размышления поэта были интересны поворотом темы:

«Лошадь и ремёсла – самые древние и взаимозависимые спутники человека. С выходом первой из игры начнут распадаться многие видимые и невидимые узловые связи. Затухание ремёсел отразится на развитии искусства, на духовном богатстве человека.

А что скажет природа, нам ещё неизвестно. Если вы увидите, как, взламывая толстый столичный асфальт, на свет появятся матовые шляпки шампиньонов, знайте: когда-то здесь давным-давно стояла лошадь. ...Сивку-бурку и ремёсла надо беречь не в качестве музейно-исторических экспонатов, а во имя жизни и процветания самого человека.

Перед культурой человечества у ремёсел очень много заслуг. Их главная историческая заслуга в том, что они творили красоту истинно народную – красоту быта, эту основу основ всякого эстетического воспитания».

Эти размышления поэта мне при съёмках и хотелось связать с его тягой на родину – к истокам жизни и народной культуры, где не только душа очищалась («Шепчу воде: как в детстве, обними, дай чистой ласки маленькую малость! Сними печаль, сними с меня усталость и тяжесть лет добавленных сними»), но и хорошо писалось («Я люблю мою Россию. Люблю не только за воспоминания детства, с речкой в золотых песках, с озером в кувшинках, с лугами в травах и цветах. Люблю не только за воспоминания юности, но и за то, что она, добрая и требовательная, научила меня труду: научила пахать землю, косить траву, ковать железо, управлять самолётом и строить самолёты. Она научила меня быть поэтом»).

«Ну, – думала, – здесь легче для съёмки: красота марьевской природы, Яи, Кайдора да и самой Назаркиной горы хорошо ложится на чувства поэта. А вот как быть, например, с новаторством в поэзии?». Моя мысль упёрлась в изобретённую В.Фёдоровым строфу в «Женитьбе Дон-Жуана». И дальше не шла. И когда позже, на съёмках, я задала ему этот вопрос, поэт (конечно же!) повернул его, как всегда, к человеку и насущным задачам: «Новаторство – дело не формальное; всё дело в задачах – у каждого времени есть свои задачи, и кто в поэзии эти задачи решает, тот новатор. Практика русской литературы доказала её новаторство и демократичность. Новаторство надо искать в человеке. Михаил Шолохов – новатор потому, что он показал человека, решающего задачу своего

времени, показал пути решения и тупиковые дороги при решении человеком современных ему проблем».

«Эти размышления поэта, видимо, придётся давать зрителям «прямым текстом», беседой с ним, – думалось мне. – Сам Василий Фёдоров эмоционально и полно тоже отражал своим творчеством человека и советскую русскую историю послевоенного времени, вплоть до так называемой перестройки. Вспомните хотя бы его «О Русь моя! Огонь и дым. Законы вкривь и вкось...» – опубликовано в 1961 году. Более того, поэт заглядывал далеко вперёд, предвидя многое в нашей стране: «Не я ли о братстве во трубы трубил, предвидя лихую годину...», «...и левые клялись и правые клялись»...

Здесь, немного отступая от темы, хочу в подтверждение размышлений о новаторстве самого В.Фёдорова привести фрагмент письма к нему поэта Сергея Острового (кстати, в этом письме он сравнивает Лару (Ларису) с лирой. Вполне обоснованно.

Москва, 24 августа. 1969г.

Дорогой мой друг Василий,

эпистоля сия – событие для меня исключительное и чрезвычайное. Жанром этим не обласкан. Письма пишу редко. В наш век телефонизации – руки усилий не любят. Больше работаем голосом. Ну, а если всерьёз – земно Тебе кланяюсь и многожды благодарю за статью твою «Уроки Поэзии». Должен сказать Тебе, что, будучи по природе своей истинным читателем (этим более всего живу!), не упомяну я что-то в советской нашей литературе (да и много подревнее этого!) эдакого разговора о Поэзии. От Гостомысла до Острова-великого. И далее.

Чем же Ты победил?! Да тем, что для них поэзия – женищина, никогда им не принадлежавшая. А уж они-то рады порасписать утеху свои – ан врут. Вот и мстят суетно и вредно. А для Тебя Поэзия – избранница, руку Тебе отдавшая и сердце. Говоришь Ты о ней трепетно, голос твой прерывается от волнения, речь твоя чиста и незамутнённа. Так – ведь только на исповеди. Глаза в глаза.

Я и себя нахожу тут. И многие, наверное, тоже. С большим Тебя праздником. И нас тоже. Одно могу сказать: с о ч н и т ь того, что Ты написал, – нельзя. За это платят кровью. И всей жизнью.

Обнимаю Тебя. И благодарю.

Твой Сергей Островой

Привет Ларе (как лире)».

Дорогой мой читатель, я надеюсь, что чтение письма коллеги Василия Фёдорова не совсем отвлекло Вас от того, что мы едем в Марьевку на съёмки телефильма. И вот мы уже подъезжаем к городку, названием которого – Яя – заканчиваются все географические (и не только) советские и российские энциклопедии. Режиссёр высказал желание оформиться в яйской гостинице и только потом ехать в Марьевку. Я отсоветовала: «Уже полдень, быстрее едем в Марьевку, а в гостиницу вернёмся к ночи, сразу и оформимся».

От Яи до Марьевки четырнадцать километров... вот и последняя верста...показалась берёзовая рощица, из которой поэт приносит и белые грибочки... Въезд в деревню невзрачный... Скорей, скорей к Назаркиной горе. Там простор... дали... красиво!.. там – Фёдоровы!

Сотовых телефонов тогда ещё не было, и Фёдоровы не знали, когда мы явимся. Но поджидали. Гостеприимно встретили.

– Томочка, – шепнула мне Лариса, – ты располагайся в моей комнате. А мужчин удобно ли будет поселить в бане? Ведь она новая, чистая, потолки высокие.

Я стала говорить о яйской гостинице, но Лариса и слушать ничего не хотела. Впоследствии оказалось, что она была права – лучшего для съёмок и придумать нельзя.

Представляете, мой чуткий читатель, с каким трепетом в душе (я и обычно-то его побаивалась) отдавала Василию Дмитриевичу свой сценарий.

Присоединилась к хлопотавшей на кухне Ларисе, сказала ей, что одновременно сделаем съёмки и для тридцатиминутной телепередачи; накануне его авторского вечера она пойдёт в эфир.

Вечерело... ребята поехали осмотреть окрестности, а я с Василием Дмитриевичем поговорила по сценарию. Мне важно было одобрение, уточнение и коррекция бесед с видеорядом.

Поэт примирился с неизбежным

148

Слава Богу, Василий Дмитриевич, хотя и был очень озабочен предстоящим, но – вижу – примирился с неизбежным. Как мы с Ларисой и предполагали, обговаривая «тактику и средство».

Съёмка, начавшаяся в этот же день, особенно у родника, не только сняла напряжение у поэта, но и создала хорошую дружескую атмосферу.

Когда планировали дом, Василий Дмитриевич наметил себе комнату так, чтобы в неё заглядывали первые солнечные лучи, это, кстати, совпадало и с его желанием видеть Кайдор, Яю, дальние лесные просторы.

А комната Ларисы Фёдоровны была хороша тем, что в неё только вечером заглядывало уже нежаркое Солнышко.

... – Как спалось, Томочка? – спросила утром Лариса Фёдоровна, спозаранку хлопотавшая о завтраке.

– Отлично, Лариса Фёдоровна. Только вот под утро одна хуленькая муха надо мной всё время кружилась, видимо, удивлялась, что вместо вас кто-то другой в постели; разбудила.

– Ой! Я надеюсь, что ты её не убила?

– Упаси, Боже. Нет, конечно. Просто отгоняла. – Обрадовалась я тем, что действительно лишь отмахивалась от этой одинокой мушки.

– Вот и хорошо: ведь это моя любимица.

Как всегда, Лариса Фёдоровна была чуткой к самой малой малости.

3 июля. Раннее утро.

Василий Дмитриевич был в хорошем настроении, бодр, собран, подвижен, но и очень серьёзен. Чувствовалось, что он готов к предстоящему, коль это уже неизбежно.

Рощица... родничок... Лариса Фёдоровна... Марьевские жители... Кайдор... Яя... Подгоринка... сестра поэта Мария Васильевна... ее домик с синими ставнями, в который более двадцати лет приезжал поэт; старенький клуб («коровники кирпичные, а клубик деревянный»)...

Но где же мне побеседовать с поэтом о его жизни, авиатехнике, авиазаводе, родовых корнях, о судьбе родных, о России, поэзии, творчестве... – о многом? Беседа должна быть неспешной, раздумчивой, должна давать ему возможность размышления. И это всё – под оком кинокамеры.

Решили: на скамейке между двумя молоденькими карагачами (сейчас, в 2013 году, они высоченные и скамеечка меж ними – увы – стоит по-другому), заходящее солнышко будет хорошо освещать лицо поэта.

Василий Дмитриевич сел на скамеечку, я перед ним на траву, чтобы вести диалог; за мной встал Сергей Мякишев с кинокамерой на плече, звукооператор Валерий Смирнов протянул провода.

После недавней съёмки на пепелище родного дома на Подгоринке поэт словно бы уже не выходил из состояния воспоминаний, и потому наша беседа приобрела сразу же необходимую интонацию.

Вспоминая дедов своих, Василий Дмитриевич часто обращался к стихам: о прадеде Леонтии (Левонтии) – к «Корням», о деде Харитоне – к «Золотой жиле». О маме своей говорил очень нежно, вспоминая детали, лелея в интонациях её говор, любимые слова. Ульяна Наумовна Кириллова родилась в 1881 г. (1880? – в воспоминаниях родных мелькает и эта дата), умерла в 1963-ем. Говорил он о маме... очень сожалел о недостаточного к ней своего внимания. Да, это чувство хорошо знакомо всем, кто провожал в последний путь своих родных...

У поэта есть такие строки: «...недостаточно любим при жизни... и неистово любим потом. Когда сами мы становились седыми и возвращались мысленно в юные свои года, сопоставляя свой и родительский возраст, тогда-то и понимали: «Помню маму.

Сколько было ей, я не знаю. Всё прошло как в дыме. Неужели для своих детей мамы не бывают молодыми» (из записной книжки поэта 1950-х годов). Эти воспоминания, несомненно, связаны со страданием. Говорили и о нём. Поскольку почти вся плёнка фильма трагически утрачена на телестудии, привожу размышления поэта из его записной книжки: «Страданье разное бывает. Страданье жулика, не сумевшего обмануть честного человека, страданье Дон Жуана, не сумевшего обольстить гордую женщину. Что это за страданье? Есть д р у г о е!...».

Беседа перешла на понятие «страданье». Какие бывают? Как связаны с потребностями человека? Что приносит радость? Какова цель воспитания, качество которого, наверное, и определяет в будущем, от чего человек будет страдать, чему радоваться, в чём видеть счастье...

Ошеломлённые прекрасной невероятностью

Природа и сама
Стремится
К совершенству...

В. Фёдоров

Василий Дмитриевич на скамеечке, я сижу перед ним на траве, за мной – Сергей Мякишев с кинокамерой на плече. Идёт съёмка, беседа неспешная, раздумчивая. Явственно ощущается атмосфера воспоминаний...

... Вдруг со стороны стога, обходя нашу группу, появилась крупная собака. Она с достоинством, миролюбиво обошла скамейку с внешней от нас стороны, подошла к поэту сзади, поставила передние лапы на скамью у левой его руки, повернула голову к нему и стала внимательно слушать. Мы замерли. Камера, конечно, продолжала работать, Василий Дмитриевич, не прерывая речи, левой рукой поглаживал пса... Съёмка шла своим чередом, мы с

поэтом беседовали, а наш необычный гость внимательно смотрел в лицо поэта и, казалось, очень вдумчиво слушал его, не обращая ни к а к о г о внимания на других. Мы все страстно желали, чтобы этот невероятный момент длился как можно дольше.

Видимо, у собаки были артистический и режиссёрский таланты, коль, послушав достаточно много времени, по-прежнему не глядя на съёмочную группу, на камеру, будто нас вовсе, кроме поэта, нет, она тем же путём, не спеша, даже как-то раздумчиво ушла. Удивительно! А может, и нет? Ведь собаки имеют и чувство и разум. А может, она была из того мистического, параллельного мира, той нереальной реальности, которая так тонко сочеталась с нашей действительностью в душе и в «Снах...» поэта? Ошеломлённые прекрасной невероятностью происходящего, съёмку остановили. Почти не разговаривали, даже двигались медленно, без суеты. И всё реальное казалось нереальным. Или наоборот?

Больше этого пса мы не видели, хотя и жаждали лично познакомиться с ним поближе. Или снова оказаться в атмосфере удивительного естественного взаимопонимания человека и природы?..

...С тех пор прошло более трёх десятилетий. Бывая в Марьевке, я неизменно вижу тот, давний летний день, ощущаю ту мистически замедленную атмосферу, въяве вижу поэта и умные глаза внимающего ему создания...

И во мне и вокруг – ощущение Вечности.

«На скамеечке». Ночной синхрон

Съёмка продолжалась, но мне нет-нет да вспоминалось это удивительное создание (не могу назвать его иначе), я спрашивала и Ларису и Василия Дмитриевича, но и они, как и мы, видели его впервые (как оказалось впоследствии: это было единственное его появление). И хотя съёмки «На скамеечке» продолжались довольно долго, поэт был в великолепном настроении, много рассказывал о своей жизни. На мой вопрос, как работа в самолётостроении отразилась затем в главном – его поэзии, Василий Дмитриевич в

своём ответе передал их тонкую глубинную связь, опираясь на своё чувство при первом своём пилотировании; коснулся и поэмы «Седьмое небо»...

Поскольку большинство кадров, к сожалению, утрачено, воспроизвожу здесь часть тогдашней беседы по оригиналу рукописи, переданной мне Ларисой Фёдоровной.

«Когда я садился за поэму «Седьмое небо», едва ли знал, что она окажется созвучной наступившим космическим событиям – сегодняшним дням с удивительными делами наших подвижников неба: Евгения Хрунова, Влад. Шаталова, Бориса Волынова, Алексея Елисеева. Начиная поэму, я просто хотел вспомнить стихами молодость нашей страны, когда она захотела стать крылатою, молодость своих героев, которым она дала крылья, судьба которых была связана с авиацией. Конечно, мне хотелось рядом с ними вспомнить и свою молодость. Помню, в 1937 году, когда мы учились в авиатехникуме, учились строить самолёты, в стране был брошен клич: чтобы молодёжь обрела крылья... Какое удивительное чувство испытали мы при первых полётах, да и потом.

Именно память об этом чувстве заставила меня сесть за поэму. Это неповторимое чувство было вдвойне дорого, потому что оно было связано не только с первыми полётами, но и с первой любовью, которой пришлось подвергнуться многим испытаниям.

Ещё до войны мы, молодые специалисты, начали строить самолёты. Это были военные самолёты. В частности, мне в качестве мастера и технолога довелось строить пикирующий бомбардировщик.../ далее слово неразборчиво – Т.М./, истребитель конструктора Яковлева. Мы знаем, с каким трудом нам давалось небо, с каким невероятным напряжением мы отвоёвывали его у фашистов.

В этой поэме есть одна фантастическая глава о том, как героиня поэмы летит на звезду Вега. (Кстати, поэту, чтобы писать о Космосе, надо тоже преодолеть притяжение Земли.) Глава уже была принята, когда произошло великое событие нашего века –

первый подвижник Космоса Юрий Гагарин вышел на околоземную орбиту. Мне пришлось тут же дописать к моей фантастической главе новые стихи, то есть подкрепить её уже реальностью».

При съёмке этого момента мне понравилась мысль о необходимости для поэта преодолевать иногда притяжение земли, именно земли – с малой буквы. А когда о Космосе, конечно, с большой – Земли. «Чтобы писать о Космосе, – говорил поэт, – даже фантазируя, надо преодолеть все те же законы притяжения, которые испытывают в реальности. Мысленно – так же трудно оторваться от Земли».

Для некоторого восполнения утраченных кадров телефильма, где поэт говорил о влиянии работы в самолётостроении на его поэзию, хочу привести (по рукописи) фрагменты его творческого отчёта от мая 1967 года. На авиазаводе имени В.П.Чкалова в Новосибирске В.Фёдоров проработал около пяти лет.

«Дорогие земляки-однозаводцы!

Мне радостно, что вы признаёте меня старым чкаловцем. Перейдя из заводского цеха в цех поэзии, я никогда не забывал о тех годах, когда строил самолёты. Вспоминаю о них с благодарностью.

На заводе я научился работать, думать и писать. В наших делах много общего. Поэзия тоже должна быть крылатой.

Вот уже восьмой год работаю над большой поэмой «Седьмое небо». /Значит, начал работу над «Седьмым небом» в 1959 году – Т.М./ В неё войдут все мои впечатления тех очень суровых лет, когда от нашей работы зависела победа на фронтах Отечественной войны...

В порядке творческого отчёта посылаю вам несколько своих книг. Как видите, баклуши не бил. Поэзия, скажу честно, работа тоже нелёгкая.

Дата. Подпись».

Спросила я тогда, при съёмке, и о том, где и как он встретил 9 мая 1945года – День Великой Победы. Ответ его привожу здесь

по его дневниковой записи: «25.IV.1945. Позавчера передали по радио радостную весть: наши войска ворвались в Берлин. Еще недавно /.../ по вечерам я рассматривал карту и измерял расстояние до Берлина от линии наших войск. Как много нужно было пройти километров, чтобы выгнать немцев из пределов нашей Родины.

9.0V.45. Сегодняшняя ночь останется у меня в памяти навсегда. Сегодня ночью передали по радио о безоговорочной капитуляции Германии. Я не могу передать чувства, взволновавшие меня. Я босиком, без рубашки выскочил во двор. У соседей горели окна, во дворе были люди /.../ было три часа ночи!

... Весь день сегодня прошёл торжественно. В 10 часов передали приказ Сталина по войскам Красной Армии /.../ салютовать тридцатью залпами из 1000 орудий. В этот момент я был в городе на проспекте республики. Людей было очень много... Да! Счастливым день!!».

Беседовали в кадре и о войне, о начале её, о фронтовиках. Он говорил об отце, о том, что интересно было слушать его рассказы о прошлом.

Выше я воспроизводила дневниковые записи поэта.

– А почему не из телефильма? – спросите вы, вдумчивый мой читатель.

– Да всё потому же, всё та же причина: проделки той самой Бабы Яги. Но об этом позже.

Однако вернусь к съёмкам «На скамеечке». Мне всегда было интересно знать время написания произведения и возраст автора в это время. Но в публикациях поэт даты не ставил. Спрашиваю:

– Василий Дмитриевич, почему в большинстве публикаций вы не ставите дату написания?

– Вы знаете, в молодости у меня была бочка, настоящая, в неё я часто бросал листки со стихами, если они мне самому не нравились или их не приняли к печати. Проходило время... иногда много... я приносил в редакцию стихи из бочки, их публиковали, часто

считая, что они только что написаны. Какую вот на них ставить дату? Как вы считаете?

– Я считаю: дату написания.

– Вопрос сложный. Я ведь иногда в них строку или строфу правил.

– Василий Дмитриевич, можно же поставить две даты – через запятую или дефис; в зависимости от времени и степени работы над стихом, это уже вопрос технический. Для читателя очень важно, к о г д а написано, когда дорабатывалось... Василий Дмитриевич, я удивилась, когда узнала, что Ваше стихотворение «О Русь моя! Огонь и дым... Законы вкривь и вкось...» написано в 1960-ом и вскоре опубликовано. Время-то какое тогда было?! А читатель, не зная даты написания, может подумать, что значительно позже, когда время уже «полегчало».

После моего шуточного вопроса, не сохранилась ли та бочка до сегодняшнего дня и нельзя ли около неё заснять поэта, он снова перевёл беседу в серьёзное русло. Поскольку Баба Яга не пощадила и этих кадров телефильма, уважаемый мой читатель, позволю себе привести здесь некоторые фрагменты из записной книжки поэта 1950-х годов:

«В поэзии все пути хороши. В конце концов все они приводят к праведному слову.

Когда говорят, что в русском языке все слова равноценны, говорят неправду. Слово – категория историческая, и ценность слов, их значение часто определяются этим.

Когда боксёр бьёт, он в удар бросает всё тело. Поэту нужно так же. Иногда в строку надо включить весь опыт жизни /.../.

Я не знаю ни одного русского поэта, в стихах которого не было бы раздумий о родине, о России. Но за последние годы у некоторых поэтов появились мотивы стыдливости в отношении родины...

Поэзия не прислужница времени, а путеводительница, хотя быть в услужении времени – уже дело!.. душою надо прийти к этому моменту – писать... Должно быть ощущение первородства. Часто молодые берут с поверхности... знают, как надо

писать, чтобы печатали... и не успевают осмыслить, пишут на тему пять стихов, а надо бы одно... В нашей стране поэзия уважаема, она – одна из лучших в мире».

То ли от воспоминаний, то ли от несуетной, спокойной, доброжелательной атмосферы съёмок, которую создавали мастера своего дела режиссёр Николай Ставцев и оператор Сергей Мякишев, поэт даже согласился на ночной синхрон, о чём мы мечтали. Но не надеялись. Стали обговаривать ночной синхрон. Николай спрашивает меня:

– Согласится ли Василий Дмитриевич на измерение линейкой расстояния от его подбородка до земли?

– Если он согласился на ночной синхрон, значит, согласится и на всю технологию его, – уверила я кинорежиссёра.

Наступила глубокая тёмная июльская ночь. ...Затихла и деревня. Изредка доносился отдалённый собачий лай... От реки стал наплывать туман... от Кайдора потянуло прохладой...

Под утро, заполнив всё пространство до кайдоровой воды, туман подступил к самому плетню. Было ощущение полёта усадьбы над облаками. Мы ходили по Назаркиной горе тихо, разговаривали шёпотом... И хотя в эту ночь никто даже не вздремнул, наутро все были энергичны и радостны тем, что и ночной синхрон, и вообще основная часть телефильма с Василием Дмитриевичем и Ларисой Фёдоровной сняты. Оставалось снять кадры с марьевцами, в том числе с сестрой поэта Марией Васильевной Арышевой, Пелагеей Ивановной Савиной (ей уже было 94 года), бабушкой Ксенией, Иваном Ивановичем Григорьевым, Михаилом Дмитриевичем Фёдоровым, Екатериной Никитичной Авсиевич...

В этот фильм органично вошли кадры и с пятилетним парнишкой, внимательно и грустно глядящим через тусклое оконце старой бревенчатой избы. О нём потом, в 1988 году, при съёмке ещё одного телефильма о поэте («Я душу распахну – входи!») Лариса Фёдоровна расскажет такой эпизод (о нём есть строки и в «Снах поэта») – «Ваня».

Ваня

Марьевка. Усадьба Фёдоровых, Лариса Фёдоровна занимается грядкой, мимо неё идёт к дому малыш, очень серьезный, крепко сбитый, внешне – как грибок-боровичок. Лариса Фёдоровна уважительно его спрашивает:

– Как зовут вас, молодой человек?

– Ваня.

– К кому идёшь, Ваня?

– К писателю.

– Вот я писатель. Значит, ко мне?

– Нет, к седому.

Тогда, в 1980-м году, этому юному марьевцу было пять лет. Стало быть, сейчас ему под сорок? Минул уже ему возраст Христа. Как-то сложилась ваша судьба, Ваня? Дай Бог, благополучно. И в житейском и в творческом планах.

... Закончили съёмки в Марьевке. Из Иркутска В.Стародумова и Д.Цветкова так и не дождались. Для меня оставалась последняя возможность пригласить их на авторский вечер поэта в филармонии и заснять там неожиданную для Василия Дмитриевича встречу с ними. Хотя бы в Кемерове.

Съёмки в Марьевке закончились. Василий Дмитриевич был доволен, сказал:

– Съёмочные дни не затянулись, значит, теперь можно хорошо поработать.

Но, несмотря на это высказывание, выразил желание в будущем «съездить при случае в Яшкинское лесничество и на Терсинку под Новокузнецк». Василий Дмитриевич говорил о простой поездке, я же обрадовалась новой возможности продолжить съёмки там. Знала, что на Кузнецкий металлургический комбинат поэт ездил в командировку в 1950 году и опубликовал очерк «Кузнецкие сталевары». Представляете, мой романтический читатель, как разгулялась моя фантазия на новые кадры для телефильма?! Где? В Ново-

кузнечке! На металлургическом комбинате! Не знакомым ли было чтение Дорофеевым год назад в самолёте стихотворения из многотиражки этого завода?!

Об этих своих планах новой киносъёмки Василию Дмитриевичу не сказала, а Ларисе успела лишь мельком. Уезжали из Марьевки довольные: всё сложилось хорошо, и кадры с Василием Дмитриевичем и Ларисой Фёдоровной отличные, и марьевцы были благожелательны, охотно участвовали, делились воспоминаниями о родительской семье поэта, о нём самом, о своих односельчанах. Фильм получался великолепный.

Да и у меня уже на основе некоторых кадров сложился сценарий и для заказанной тридцатиминутной телепередачи в канун авторского вечера в филармонии.

Поблагодарили хозяев за гостеприимство и терпение и распрощались до вечера в филармонии.

Проделки Бабы Яги

...Но не тут-то было – Баба Яга подготовила нам сюрприз и в этом году, да не один! да к а к о й! – ужасный.

Прошло недели две, жду монтажа, к нему мне надо ещё сделать окончательный текст...

Звонок...голос Николая Ставцева:

– Тамара Ивановна, сообщаю вам неприятное известие: при проявлении часть плёнки была «сварена», в том числе ночной синхрон и кадры с Ларисой Фёдоровной.

– Да как такое могло случиться?! – ужаснулась я.

– Температура эмульсии оказалась выше нормативной.

– Но это же не просто «неприятное известие», а ужасное! катастрофа! Непоправимо! Кто виноват? Уж не специально ли?! И что осталось?

Чувствую, что режиссёр, – видимо, щадя меня, – умалчивает об истинном объеме утраченного. Что делать? Чем восполнить?

Невозможно повторить. Приехать к поэту с этим известием?! С просьбой повторить?! Он вправе будет назвать нас (хотя бы мысленно) бракоделами и послать куда подальше в буквальном смысле этого слова. И как сообщить поэту об этом накануне авторского вечера в филармонии? Пришлось признаться себе самой, что утрата невосполнима.

Что делать? Прикидываю, чем восполнить: в Кемерове авторский вечер, пригласить на него и заснять встречу иркутян (а почему они не приехали в Марьевку, как обещали мне?); с иркутянами съездить в Марьевку; с ними же сделать съёмки в Иркутске, там авиазавод, дом, редакция – всё это связано с поэтом; съёмки в Новосибирске – на авиазаводе Чкалова...; Новокузнецк – металлургический завод, куда приезжал Фёдоров в командировку. Сговорить теленачалство на съёмки в Москве ...

В этот же день Юлиан Аронович Вишневецкий согласился только на досъёмку в Москве... Да остался творческий вечер в филармонии. Мало. Главного – «Фёдоровы в Марьевке» – не восполнить ничем.

До иркутян не дозвонилась, хотела, чтобы приехали 23 июля на творческий вечер В.Фёдорова, а я встречу их в аэропорту

Отобрала фото для художника Ивана Филичева. П.М.Дорофеев планировал сделать портрет поэта для сцены в филармонии. Отобрала несколько фотографий и для художника Германа Захарова, ему хотели заказать портрет В.Д.Фёдорова – в подарок... Остаётся неделя до вечера в филармонии, а кроме фильма, надо было сделать ещё и ТВ-передачу на 30 минут для эфира 23 июля.

Приехавших из Ленинграда на месяцок своих родителей я совсем забросила, а они старенькие, папе уже 86 лет да Румынский фронт – в Первую мировую, Волховский фронт – в Отечественную, немного прихватил и Финскую кампанию, мама помоложе, но тоже досталось как медику на Ленинградском фронте, мобилизована была с первого дня войны до апреля сорок пятого. Хорошо ещё, что они у меня люди понимающие. Но мама переживала, что

я ночами делаю издательскую работу, но ведь вёрстки нельзя же откладывать.

17 июля просматривали на студии видеозапись моей телепередачи с поэтом летом 1976 года (слава Богу, хоть эта сохранилась). Пишу к её новому монтажу новый текст, добавим и «крохи» съёмки из Марьевки – для передачи «Дом на солнечной горе».

21 июля видела текст Валентина к буклету о В.Фёдорове. Понравился. Завтра – очерк Валентина о поэте в газете «Кузбасс».

Была на студии, обговорили дополнительные съёмки на «Азоте», на набережной Томи, в Марьевке, в Москве... (увы: н и ч е г о из обещанного для фильма телестудия так и не сделала). Монтировали, записывали телеочерк «Дом на солнечной горе», поставленный в ТВ-программе на 1-ом канале на 23 июля на 21ч.55мин. – на послезавтра.

Я сокрушалась, что погибла киноплёнка ночного синхрона и с Василием Дмитриевичем и с Ларисой Фёдоровной – с такой отличной импровизацией, снимали их по отдельности и вместе. И обе плёнки – погибли, как и великолепные дневные кадры воспоминаний поэта о своей маме, многие – с жителями Марьевки... Жаль было и утраченных кадров с разумной собакой. А что осталось?! пейзажи? небо? А дополнить из предыдущих видеозаписей технологически невозможно. К остаткам марьевских кадров нужны новые. Какие? Нужна объединяющая идея. Предложила сделать сквозной темой и с т о к. От него – жизнь, чувства, убеждения. В нём – чистота, ясность, незамутнённость творчества.

Исток его смелости, и нежности,
и смекалки, и суровости – от народа.

Игорь Ляпин

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР В ФИЛАРМОНИИ

Среда, 23 июля 1980г. Супругов Фёдоровых привезли из Марьевки. Поселили в коттедже у здания обкома, они сразу же позволили мне. Василий Дмитриевич попросил захватить с собой второй том его собрания сочинений, хочет на вечере прочесть фрагмент поэмы «Золотая жила». По дороге на репетицию в филармонию занесла книгу. Поэт был бодр, а Лариса казалась утомлённой. Видно, столь ранний (на три часа раньше обговорённого) приезд за ними обкомовского инструктора заставил её спешить со сборами. Да жаркий день... да дорога ... И это – при её больном сердце.

16 часов. Репетиция. Программа разнообразна. Слушали. Советовались. Сокращали. Я посоветовала убрать запланированный на начало вечера доклад Махалова о жизни и творчестве В.Федорова. Посчитала это неуместным. Зачем? В присутствии самого Василия Дмитриевича?! По-моему, надо начать с приветствия земляков и далее – выступление самого поэта. Согласились, так и сделали.

Вернулись домой в семь вечера. Родители мои целый день без заботы заскучали да и оголодали наверняка... Телевизор у нас был чёрно-белый, и только я договорилась с соседями Веселовыми посмотреть у них на цветном телевизоре, как раздаётся звонок Ларисы, приглашает меня с Валентином на ужин в коттедж к 20 часам. Пошли.

Фёдоровы уже отдохнули с дороги. Василий Дмитриевич стал разговаривать с Валентином о предисловии, которое он написал к его рукописи, запланированной издательством «Современник». Лариса расспросила о моих родителях, хочет с ними познакомиться лично, я же обговорила предстоящую нам с нею видеозапись телепередачи.

За ужином шёл разговор о «что почитать в филармонии?», я подробно рассказала о репетиции, об исполнении Николаем Ивановичем Сизовым поэмы «Бетховен». Фёдоровы сожалели, что его исключили из программы: «если подготовил, то пусть бы читал».

Беседовали о Евгении Буравлёве, о Геннадии Емельянове («адмирале Чазыбуке» и о переводе этого наименования)...

«Дом на солнечной горе» смотрели в холле, вчетвером. Скажу вам: в присутствии героя передачи, большого мастера слова слушать свои слова о нём – настоящее испытание для собственной выдержки. О стрессе молчу.

Василий Дмитриевич после передачи огорченно сказал:

– Ну и нагородил я, – затем, видимо, спасая меня от стресса, поблагодарил: – Спасибо за комментарий. Он был лучше моих слов.

Я запротестовала. И высоко оценила в этот момент его деликатность, так как сама была недовольна своими словами в телеочерке и восхищалась речью поэта.

Безусловно, и меня и Фёдоровых огорчило отсутствие главных кадров с Назаркиной горы, особенно – с Ларисой Фёдоровной. А уж как мне было горько от этого, даже вы, сострадательный мой читатель, и представить себе не можете. К тому же: я не могла им сказать о причине отсутствия марьевских кадров – ведь поэту предстоял вскоре большой авторский вечер, к которому он относился очень-очень ответственно. Расскажи я о гибели киноплёнки – Бог весть, в каком душевном состоянии предстал бы поэт перед зрителями.

Вообще вечер в коттедже был наполнен рассказами Фёдоровых о своих «коллегах по литературному цеху», всяких приключениях в Домах творчества. Поэт ещё дважды благодарил меня за «Дом на солнечной горе», заметил:

– Одинокие скитальцы строят дома.

Лариса тотчас вспомнила, что за поэтом «тянутся три дома, тянутся своими заботами о них». Перешёл разговор на вообще хозяек дома, жён. На моё замечание, что «жена – это хлеб и соль для мужа», Валентин вскинулся удивлённо и осуждающе, а супруги Фёдоровы хвалили каравай хлеба на столе, которым кемеровчане приветствовали их по приезде из Марьевки. А соли на столе (и за столом!) не было...

«24 июля 1980г.

*Встреча земляков, тружеников Земли Кузнецкой с лауреатом
Государственной премии СССР Василием Фёдоровым»*

Так назывался авторский вечер поэта в тот торжественный день. Зная порядок вечера, с утра обговорила с режиссёром Н.Н.Ставцевым необходимые для меня, как автора сценария и ведущей, кадры синхрона на вечере. К 16 часам позвонила в особнячок Фёдоровым, чтобы заодно узнать о самочувствии поэта. Он ответил: – Я как спортсмен перед Олимпиадой... Всё может быть.

В этот момент я вспомнила проделки Бабы Яги, особенно последнюю – с фильмом, но промолчала.

На сцене – Поэт

Открывала вечер талантливый диктор Кемеровской телестудии Галина Сергеевна Скударнова. Представила Ларису Фёдоровну, пригласила поэта на сцену. Начались приветствия от земляков. После каждого поэт говорил, как бы подытоживая, иногда с юмором, чтобы снять излишнюю пафосность. Первым приветствовал шахтер Ипотенин (извините, мой читатель, не могу вспомнить его имени).

Василий Дмитриевич говорит:

– В шахте работал когда-то и мой отец.

После приветствия химика (румянощёкой женщины):

– Я, пожалуй, пересмотрю свое отношение к химии. Раньше я считал, что химики испытывают вредное воздействие веществ, сегодня я вижу, что это не так.

Выходит женщина строитель, преподносит поэту каску и мастерок, он:

– Этот мастерок символичен, но я бы не отказался от настоящего, так как в Марьевке мне предстоит облицевать погреб.

(Последний ещё сыграет в «Снах поэта...» остросюжетную роль -Т. М.)

Преподаватель от госуниверситета преподносит картину «Рыбалка!».

Поэт:

– Рыбалка успокаивает.

Виктор Баянов читает свое стихотворение «Изба на горе»...

Поэт своими дополнениями к приветствиям снимал с них некоторую долю официоза и тем самым подключал зрителей к предстоящему, словно сжимал расстояние между ними в зале и собой на сцене, приближал зрителей к душевному разговору...

– Сидеть в зале и слушать – интереснее, чем говорить отсюда. В этом я убедился... Малая родина нас воспитывает, придаёт все те качества, которыми мы будем потом отличаться, и хорошими и плохими... Со временем у меня всё чаще возникало чувство благодарности к Марьевке, её земле, людям... Моя встреча сегодняшняя с вами – своеобразный творческий отчёт: если вы пригласили меня сюда, видимо, мне удалось прославить Марьевку. Быть признанным в Кемерове, значит, в стране получить признание...

Нет такой страны, в которой бы т а к любили поэзию, жили ею... Поэзия создается там, где созидают. Начиная с Пушкина, наши поэты – созидатели, так как находились постоянно в социальном поиске. Прославляя малую родину, я всё время хочу постигнуть большую родину. Поэтому начну со стихов «С тобой, Россия!».

Перед чтением стихотворения «Земля»:

– Природа не всегда справляется с задачами, которые мы ей задаём... Иногда некоторые в селе забывают своё поле, старое поле, на котором выращивалось больше злаков, чем сейчас...

Прочёл и несколько незавершённых стихов, предупредив об этом слушателей:

– «Русские плотники» – ещё не печаталось, ещё обкатывается, валяется в бумагах...

Перед чтением стихотворения «На Парнасе»:

– Жизнь оказалась так коротка; как говорила старуха: «Не успела горку перейти, оглянулась, а жизнь прошла...»... Стали уходить поэты – это стихотворение ещё тоже обкатывается... Есть ещё стих, в бумагах откопал – «1980-ый год» /читает/.

Из зала передают записки, читает:

– «Когда вы поверили в себя как в поэта? Кто помог поверить?».

– Поверить в себя как в поэта очень трудно. Сегодня ты поэт, а завтра можешь и не быть им.

– «Ваше отношение к спорту?».

– Спорт – это молодость. Мое отношение к спорту – это отношение к молодости.

– «Переводите ли Вы? кого? Как относитесь к подстрочнику?».

– Перевожу, но мало. Только то, что близко. В одной книге у меня идут переводы под рубрикой «Близкое». Перевожу с болгарского, монгольского, армянского...

Читает из Исаакяна: – «Сирый, ... убогий, из своей страны иду. По неведомой дороге...».

– «Кто послужил прообразом Харитона? дед?»

– Вы не ошиблись... Хочу перейти к стихам о любви и прочесть из «Золотой жилы» строфы, когда вернулся солдат /читает/.

– «Какую роль сыграла Марьевка в Вашем формировании?».

– Марьевка вложила интерес к поэзии. Там все любили и любят стихи. Ну а частушки сочиняли почти все.

– «Чувствуется, что Вас больше волнуют вопросы бытия. В терцинах Ваших это особенно видно. И они мне нравятся».

– Посоветую прочесть мою новеллу «Последний катаклизм».

– «Поделитесь, пожалуйста, мыслями о поэме».

– Отвечу кратко. Потому, что в поэму можно войти и не вернуться. Поэма требует очень большой работы. Если стихотворение можно писать по чувству, то в поэме должен быть замысел. А то, бывает, набьют в поэму много «мяса», а замысла нет.

– «Интересно услышать о начале публикаций. Кто благословил?»

– В Иркутске стихи впервые напечатаны. Я считал это печатание случайным... Потом встретился с Пухначёвым, Стюарт, Твардовским. И дружески встречался, и в ссорах – всячески... Советские поэты тяготеют к интеллектуальной поэзии и по содержанию

и по форме. Поэзия теряет народные корни... Слишком явное желание осовременить свою поэзию – это уже было в 1920-ые годы. ...Считаю: в поэзии должна быть верность непосредственному человеческому чувству.

Чтением стихотворения «По главной сути...» поэт завершает своё выступление.

Слушатели просят читать ещё. Читает «О ней» (говорит: «По сути это была моя первая поэма»), «Зимний вечер», «Любил, как сон, прелестную...», «Второй огонь»...

– В заключение я прочитаю «Совесь».

Вечер окончился.

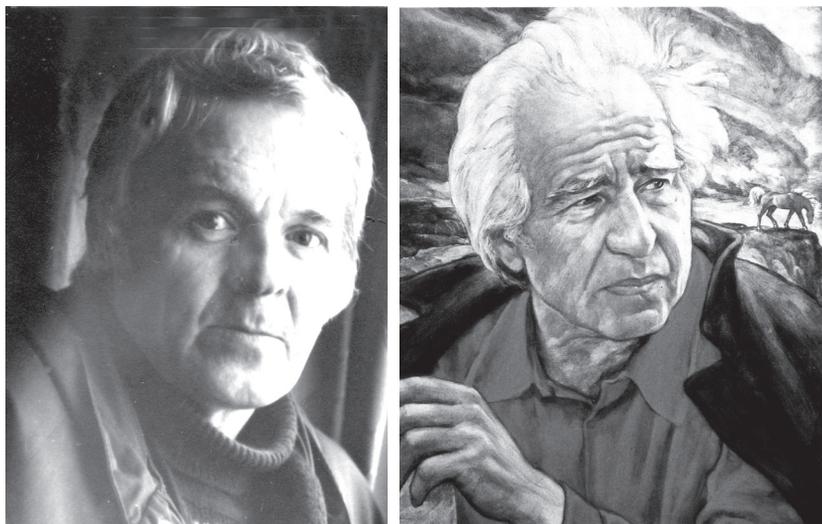
Поэт спустился в зал. А со сцены добрым и мудрым взглядом Василий Дмитриевич провожал зрителей с портрета кисти художника Ивана Филичева. Моим родным вечер очень понравился. Многие слушатели, выходя из зала, говорили о желании продлить его, чтобы ещё и ещё слушать в авторском исполнении прекрасные произведения.

В банкетном зале. Портрет

Обговорённые с режиссёром для телефильма кадры авторского вечера оператор Сергей Мякишев успел заснять. И я была свободна. Но так как меня и Валентина пригласили на банкет, проводить родителей моих домой предложила жена старшего сына, Леночка.

А мы – в банкетный зал. Все были в приподнятом, поэтическом настроении. Изысканно сервированный стол на десять персон диктовал светскую беседу. И хотя некоторые в банкетном зале «порывались к выплеску поэтических чувств», секретарь по идеологии обкома партии и начальник областного управления культуры довольно долго сдерживали, стараясь ввести эмоции присутствующих в русло поверхностной светской беседы.

Но стоило Петру Михайловичу самому прочесть несколько стихотворений, да ещё каждое – «в строку», а Валентину Махалову

*Герман Порфирьевич Захаров, 1933-1992 гг.,
автор портретов В. и Л. Фёдоровых*

добавить несколько великолепных стихотворений Павла Васильева, как беседа за праздничным столом прочно приобрела дружеский, душевный, раскрепощённый характер. Только вот Витя Баянов что-то молчал весь вечер, видимо, потому, что пил только боржоми, а не шампанское...

Предпочтение в разговоре отдавали Василию Дмитриевичу, он говорил о Сибири, о марьевцах, о сложности жизни в деревне, о русской поэзии, о Кемерове... Заканчивался уже третий час застолья, как Пётр Михайлович вдруг, неожиданно для всех приподнял над столом портрет Василия Фёдорова в красной рубашке:

– Работа Германа Захарова... краски ещё не высохли, – предупредил.

Поставили портрет... Название – «Польнь» – всем понравилось, как и сам портрет. Василию Дмитриевичу тоже:

– Он мне не польстил, но два года назад, когда я перешагнул шестидесятилетие, я тяжело переживал, а вот он /показал на портрет

– Т.М./ примиряет меня с моим нынешним возрастом.

Повторил несколько раз, что портрет понравился.

Я посчитала нужным именно здесь, «при властях», рассказать о бытовых условиях автора портрета: не имеет мастерской, работает дома, в небольшой квартире, дети дышат красками; и он не член Союза художников, потому и с мастерской не получается.

(Фёдоровы оставили портрет у нас в квартире, так как Лариса завтра утром улетает в Тюмень и оттуда будет возвращаться в Москву, а Василий Дмитриевич – из Новосибирска. Осенью я полетела в Ленинград и завезла портрет Фёдоровым на Кутузовский. Правда, в самолёте с ним произошел небольшой инцидент.

Банкет окончился. Фёдоровы пригласили Баянова и меня с Валентином к ним в коттедж на второй этаж. Обменялись впечатлениями о вечере в филармонии, почти в полночь вышли на высокое крыльцо и уточнили план на завтрашний день. Василий Дмитриевич, в частности, высказал желание отказаться от покупки уазика, а купить мотоцикл. Но это уже – на будущий год. Общее хорошее настроение несколько было испорчено появлением из кустов одного из кемеровских прозаиков – с безапелляционным и настойчивым требованием к Фёдоровым пойти немедленно к нему домой. У Фёдоровых это вызвало, мягко говоря, недоумение.

Подытоживая день, сошлись на том, что – по сути – «сегодня было два вечера поэзии: в филармонии и в коттедже».

Интервью

Почти одновременно с вечером в филармонии по кемеровскому радио прошло интервью из Марьевки В.Махалова с Василием Дмитриевичем. Возможно, что текст затерялся, а хотелось бы сохранить хоть что-то из этой беседы.

Из неё я узнала, что в Марьевку Василий Фёдоров «приезжал всегда, исключая только годы войны», говорил он также о селе, о хлебе, о древних сельских профессиях, «сейчас исчезающих». Ин-

интересен ответ поэта на вопрос о трудностях в начале творческого пути и о трудностях просто житейских, о том также, что о него помогло. А вот ответ:

«- Помогло, видимо, то, что я не смотрел на творчество как на личное. Что непременно печатать, непременно стать известным, непременно, чтобы там кто-нибудь о тебе говорил. Процесс творчества был для меня неизбежным. Печатался бы я или не печатался, я бы всё равно писал. А трудности были от того, что каждое новое поколение, с одной стороны, воспринимает традиции, а с другой, – улавливает какие-то новые тенденции. Не всегда эти тенденции понимает время. Вот сейчас молодые поэты очень похожи друг на друга. Потому, что они слишком много знают. Они знают, какие стихи напечатают, какие не напечатают. И они стараются напечататься. Стараются подогнать свой материал, оригинальный, неповторимый материал сделать общедоступным, похожим. Они думают, что, когда придут в редакцию, то эти стихи и пойдут. Часто бывает так. А когда поэт приходит со своим, непохожим, материалом, к нему очень долго присматриваются. И я скажу: мои стихи, которые долго не печатались, стали печатать и стали говорить о них как о поэзии. Потому что я писал не для редакции, не оглядываясь. Я писал то, что меня непосредственно волновало.

– Вы прожили большую творческую жизнь, вы большой поэт. Ваш взгляд на сегодняшнюю поэзию. И что у вас в замысле?

– Это вопрос очень сложный. Во-первых, у нас очень огромный читательский спрос. Я вот как-то задумался о том, что поэтов у нас, только членов Союза писателей, около трёх тысяч. Каждые четыре года мы всесоюзные совещания молодых писателей собираем, и там, примерно, триста молодых поэтов. Интерес всё возрастает. И вот эта массовость немножечко принижает качественность... Во множественности читателю трудно разобраться. И стихи... как говорят, расхватывают. У молодых иногда не хватает терпения на большую работу. А работа тут огромная, нужно годы потратить, нужен замысел... у настоящих поэтов хватает терпения и мужества

замыслить...стихи, поэму...У нас единственное, что трудно, – в массе стихов читателю иногда разобраться, что хорошо...Читатель порой становится всеядным...У молодых очень слабая работа над формой. Мы мало пользуемся формами открытыми, классическими. И тогда получается, как говорят, понижается средний уровень. Особенно молодых. Вот сейчас умер оригинальный поэт – Леонид Мартынов. Он самобытный, оригинальный, неповторимый, он не похож ни на кого. А давайте обратимся к творчеству Твардовского...Исаковского...Ушло очень много оригинальных поэтов. Я даже написал стихотворение об этом: «Потускнел, осиротел Парнас...»...

– Какие новые замыслы вас тревожат?

– ...Скажу о тех замыслах, рассказ о которых меня не выведет из строя. Я...напечатал... «Сны поэта». Это новеллы. У меня появились новые новеллы, и, видимо, они будут собираться в книгу, прозаическую... Работаю над терцинами. Оказывается, терцинами можно выразить очень многое...видимо, у меня будет складываться какой-то цикл, по существу, главы какой-то вещи. Это – сюита... Что касается других замыслов, то я говорить не буду, потому что тут рассказывать уже нельзя...».

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

На следующий после филармонии день был довольно насыщенным. Валентин и Василий Дмитриевич (может, ещё кто-то из поэтов) выступали на «Азоте», потом присоединились к нам на турбазе «Автомобилист», сопровождала их Людмила Чех. Лариса Фёдоровна ездила к В.И.Клещёву (кажется, руководил потребкооперацией) за книгой Михаила Булгакова. Огорчились «неудачной публикацией в «Комсомольце Кузбасса»... Посетили ресторан «Сибирь», что на улице Арочная. Из этого посещения мне запомнилось два момента.

Разговор об исконно славянской культуре:

– Кто знает, – говорил Василий Дмитриевич, – если бы не христианство, оттеснившее нашу религию, в какую интересную религию, связанную с природой, превратилась бы она?

И второе. Подошли молодые люди, накануне смотрели мою телепередачу с Василием Дмитриевичем, узнали его, поблагодарили за стихи. Значит, народ подключается к поэзии, знает своих поэтов.

Проводили Ларису Фёдоровну в Тюмень, и на 27 июля Пётр Михайлович снарядил Валентина сопровождать Василия Дмитриевича в Марьевку и заодно провести встречу с читателями в Анжеро-Судженске.

Ещё в мае Валентин передавал книгу Владимира Матвеева «Улыбка с нагрузкой» Василию Дмитриевичу и сейчас напомнил о Володе:

– Василий Дмитриевич, вы не против, если с нами поедет Володя Матвеев?

– Да, я помню его книгу, передал её Ладонщикову, тому понравилась, с приёмом решится, но должны пройти все процедуры.

27 июля. Так как Николай Иванович Сизов к 11 часам утра пришёл к Василию Дмитриевичу почитать «Бетховена», отъезд несколько задержался. Идём с Валентином к Фёдоровым. В сквере у обкома ждёт Володя. Я тоже в коттедж не пошла. Валентин пошёл один. Василий Дмитриевич потом, узнав, что мы с Матвеевым, чтобы не мешать чтению, остались в сквере, сожалел, почему не поднялись. А про чтение сказал:

– Вы знаете, оказывается, неплохой поэт написал «Бетховена», интересный.

Николай Иванович стал говорить, что хочет сделать большую программу:

– Василий Дмитриевич, посоветуйте, какие крупные фрагменты и стихи взять?

– Я некоторые стихи не читаю, а другой прочтёт – я вижу: можно. Мне кажется, что взять отрывок нельзя: он связан с этим и с тем... а другой берёт – и всё неплохо...

Собрались в дорогу. Василий Дмитриевич подарил буфетчице Люде свою книжечку с автографом, изданную в «Малой серии библиотеки поэта», обменялся автографами с Н.И.Сизовым, мне преподнёс букет гладиолусов «с благодарностью за киносъёмку и телепередачи». Проводили.

Вечером созвонилась с Ларисой, рассказала о пребывании Василия Дмитриевича в Кемерове после её отъезда в Тюмень, спросила о предстоящих её делах в Тюмени и Успенке. Она же тревожилась: «...как Василий Дмитриевич перенесёт без меня дорогу в Москву...».

ЛАРИСА УЕХАЛА — НАЗАРКИНА ГОРА ОСИРОТЕЛА. ИРКУТСКИЙ СЮРПРИЗ

Все разъехались. С утра занялась неотложными издательскими делами, но озабочена была одним – телефильмом о поэте, потому и звонила в Иркутск (иркутяне так и не приехали в Кемерово); переговорила с телестудией (когда же съёмки?) и режиссёром насчёт возможности с к о р е й ш и х досъёмок, в Марьевке – тоже.

Уже август. Лариса – увы! – уехала, не упустить бы поэта. Было предчувствие его отказа. Решила: не звонить, поставлю Василия Дмитриевича перед фактом – приедем... вместе с иркутянами, заснимем, наконец, эту встречу. Обговорили с режиссёром даже детали этой съёмки. Я хотела этой встречей восполнить, хотя бы частично, утраченные кадры.

Эти августовские дни тянулись для меня жутко медленно – опасалась, что Василий Дмитриевич уедет...

Наконец-то! Назначен телестудией день! Иркутяне в Кемерово не приехали. Едем в Марьевку без них... В Яе оформились в гостиницу, чтобы сократить до минимума наше мельтешение на Назаркиной горе.

Погода уже не июльская. Заметны приметы осеннего увядания. И воздух не тот, уже не летний, не знойный, а будто с горчинкой... И ветер не ласков... и Назаркина гора сиротлива... И домик Фёдоровых кажется нежилым...

Наверное, и хозяин его так же грустен, неустроен и тревожен. И хорошо, если кинокамера это увидит, – ужаснулась я своему эгоизму.

Наш уазик приткнулся перед калиткой. Медлили... Но вот открывается входная дверь, на крылечко выходит Василий Дмитриевич. Идём навстречу. Боже, что стало с поэтом?! Усталое, даже измождённое лицо, белая рубаша на нём висит – как на вешалке, сутулится, и оттого грудь совсем впалая... Я не удержалась – воскликнула:

– Василий Дмитриевич, что с Вами?!

Он в ответ неопределённо и как-то потерянно махнул рукой. Я поспешила снять с него озабоченность нашим приездом:

– Василий Дмитриевич, мы остановились в яйской гостинице, завернули в Марьевку, чтобы снять несколько пейзажей и добавить кадры ещё с двумя-тремя марьевцами.

Конечно, я не сказала, что плёнка «сварена» и наша задача – повторить некоторые кадры с ним. Я надеялась, что завтра-послезавтра мы уговорим его на съёмку, а пока действительно снимаем в деревне. Решила: об утрате снятого в июле расскажу после... только не сейчас... только не сейчас...

Без Ларисы Фёдоровны Василий Дмитриевич выглядел совсем несчастным. Снова корыстная мысль шевельнулась во мне: «Ну что ж, нужен в кадре и такой поэт: несчастный, уставший, растерянный». Тут же, правда, обвинив себя в жестокости, отогнала эту мысль.

Выложила из сумок продукты, взялась за чайник. А вода? В большом бидоне на лавке веранды пусто. В доме вообще нет питьевой воды – ужасно! Вот бы Лариса расстроилась. Серёжа Мякишев, оператор, вызвался съездить на родник. Василий Дмитриевич, как всегда в подобной ситуации, пресёк это желание фразой:

– Ключевую воду хозяин для гостей должен привезти сам.

Чтобы отвлечь его от поездки за водой, как-то улучшить настроение и до нашего отъезда в гостиницу согреть холодную и уютную оттого комнату, спросила:

– Василий Дмитриевич, а нельзя ли чай вскипятить не на электроплитке, а на печечке?

И пока поэт разжигал малую печь в кабинете, Сергей привёз большой бидон с водой из родника.

Вот и печечка загудела, отблески пламени из открытой дверцы осветили кедровые стены и усталое лицо Василия Дмитриевича. По мере того, как разгорался огонь и берёзовые полешки всё звонче потрескивали, настроение поэта улучшалось. Моя надежда на помощь этой печечки оправдывалась. Ведь сам поэт сказал когда-то: «Дымок свивается в колечки, должно быть, начал я стареть. И потому, присев у печки, на огонёк люблю смотреть».

Сначала Василий Дмитриевич хвалил печечку и печника (см. «Сны поэта»), его ремесло, затем, дотронувшись до кедровой обивки стен, высказал удивление тем, как кедр со временем меняет свою природную окраску на «более насыщенную, колоритную».

Усталость с лица Василия Дмитриевича начинала уходить, но озабоченность оставалась. Чем? Об этом я его и спросила. Он на минуту задумался, как бы уходя в себя:

– Да понимаете, в чём дело. Лара уехала в Тюмень. Я собрался поработать над задуманным. И вдруг нагрянули из Иркутска Василий Стародумов и Денис Цветков.

– Когда?!.. Да ещё без предупреждения?!

(А сами-то мы как? Тоже без предупреждения – подумалось мне сейчас, когда пишу; а тогда ну ни капельки чувства беспардонности нашего повторного появления на горе у меня почему-то не было.)

– Да недели две назад. Вот сегодня утром я отвёз их на «Урале» на иркутский поезд.

– Так они здесь пробыли почти две недели?! И в отсутствие Ларисы Фёдоровны?!

«Что же они? перепутали? Я же приглашала их в Кемерово, чтобы вместе, прямо из аэропорта ехать в Марьевку. И после одного-двух дней съёмов увезти их обратно...» – возмущённым вихрем пронеслось у меня в голове, а Василий Дмитриевич, словно прочтя эти мои мысли, стал объяснять какой-то обессиленной тяжелым грузом речью:

– Да если бы только приехали... и уехали?! Конечно, моя работа пошла насмарку... Появилась проблема питания... Хлопоты бытовые... Но смотрите, Томочка, они-то уехали, но... оставили мне, видите (он указал на большущую стопу пожелтевших от времени листов на письменном столе)... видите, какую кипу рукописей... все свои стихотворные опыты – за т р и д ц а т ь лет. Чтобы я всё прочёл... высказал своё мнение... и отобрал... для публикации.

– Да тут и за два месяца не управиться! Да как им не стыдно?! загружать вас своими виршами!? ещё и в таком количестве! Да сами, что ли, не могли отобрать для печати! Василий Дмитриевич, ни в коем случае не беритесь за эту кипу! – возмущалась я.

Видимо, не слыша меня и, как ответственный человек, даже не допуская мысли невыполнения просьбы иркутян, растерянно размышлял:

– А как тогда я всё это повезу в Москву?

– Ещё чего не хватало – везти в Москву! Вон у вас свой чемодан с бумагами! – нарочито грубовато убеждала я.

Мало того, что иркутяне не выполнили нашу договорённость и тем сорвали запланированную часть съёмов, так они ещё и по-эта «выбили из рабочей колеи». К тому же, при его максимальной требовательности к себе, ответственности перед другими обрекли его на длительный, непланировавшийся и потому, скорее всего, нежелательный труд. Не знаю, уговорила ли я его вообще не читать беспардонно оставленное. Ведь совсем недавно лежал в кардиологии... Конечно, не уговорила.

«Иркутский сюрприз» был крайне неожиданен. Вот они, очередные козни Бабы Яги, мало ей уничтожения киноплёнки! Неужели будут ещё?

В следующие дни, не беспокоя поэта, снимали марьевцев, в том числе: кузнеца Ивана Андреевича Арышева, комбайнёра Василия Павловича Золотухина, Екатерину Никитичну Авсиевич... Поэта не беспокоили, давая ему возможность отдохнуть от гостей. Иногда, правда, заезжали на десяток минут: мол, приехали, Василий Дмитриевич, просто проведать Вас. На самом деле выбирали, когда поэт будет бодр и в хорошем настрое. Дождались. Сделали неплохие кадры, даже немного повторили беседу «На скамеечке» между карагачами. Вот только тот талантливый пёс не появился. Жаль.

Я понимала, что явного повтора прежних кадров надо избегать. Не только потому, что камера сразу же выявит вторичность. Но потому, что необходимо будет сказать Василию Дмитриевичу, что «... вся киноплёнка сварена»; что утрачены кадры и с Ларисой Фёдоровной и т.д. Поэт может вообще отказаться.

Решила: чтобы не было налёта вторичности, перед съёмкой заводить разговор, близкий по теме. Например, чтобы повторить кадры беседы с ним о поэзии, завела речь о ленинградской поэтической школе. А чтобы он рассказал (снова!) о маме своей, я вспомнила её фото, которое накануне видела в доме Марии Васильевны... Вот так пришлось подходить к темам – с другой стороны.

Наверное, поэт недоумевал, почему мы вновь приехали. Он знал, что в первый раз сняли много, хорошо, всё естественно. Настроение у него и «Лары» и тем более у съёмочной группы было отличное, потому что всё удалось. Прощаясь, благодарили «хозяев горы», извинялись за беспокойство: «отмучились вы с нами, уезжаем, всё отлично, б о л ь ш е н е п о я в и м с я». И... на тебе, сейчас опять явились?

Василий Дмитриевич, по деликатности своей, конечно, не спрашивал о причине нашего вторичного приезда, но, безусловно,

чувствовал что-то неладное. И потому опасался искусственности кадров. Этого опасения вообще не было в нём в июле. Поэтому, например, после съёмок в комнате, выходя «на скамеечку», он сказал:

– Боюсь нарочитости...

«А мы уже его так сняли, но без синхрона. А что делать? – думала я. – Всё относительно. И условно. И при съёмках тоже. Всё дело в уровне...».

Перед отъездом посидели все вместе за столом. Василий Дмитриевич был уставшим, ссутулившимся. Сказал, что в это лето очень устал, мало поработал, что «не сто лет нам дано, надо рассчитывать». Говорил о себе, но последнее я отнесла к нам в этот приезд. Ведь после двухнедельного «иркутского сюрприза» нагрянули ещё и мы со своими заботами. Чтобы нас приободрить, Василий Дмитриевич стал хвалить инструмент для резьбы по дереву, который дополнительно привёз Валентин Махалов.

На улице было уже темно и холодно. Поблагодарили Василия Дмитриевича. Извинились. Попрощались.

Захлопнули калитку, слева от неё по внешней стороне сам по себе вырос вьюнок... Мне вспомнилось, как в июле мы уезжали и нас провожала Лариса Фёдоровна. Стояла по-русски просто, забыв о себе, руки вдоль тела, и грустно смотрела на нас, шумных и отъезжающих. А сейчас, в сумерках, машина, пятясь, стала медленно, нехотя отъезжать от калитки... Вдруг я увидела поэта на крыльце, машет нам рукою – прощально. Так и запечатлелось: высокая светлая фигура на крыльце. И дом казался меньше и как бы прилеплен к поэту, а не он на его крыльчке...

БАБА ЯГА НЕ ДРЕМАЛА

Уехали. Но, оказывается, Баба Яга и в этот раз не дремала, а подтолкнула под локоть нашего звукооператора, когда он налаживал провода для синхрона – в этих важных кадрах голос поэта не записался. Не случайной, наверное, была наша догадка о проделках Бабы Яги тогда, год назад, при видеозаписи в студии трижды

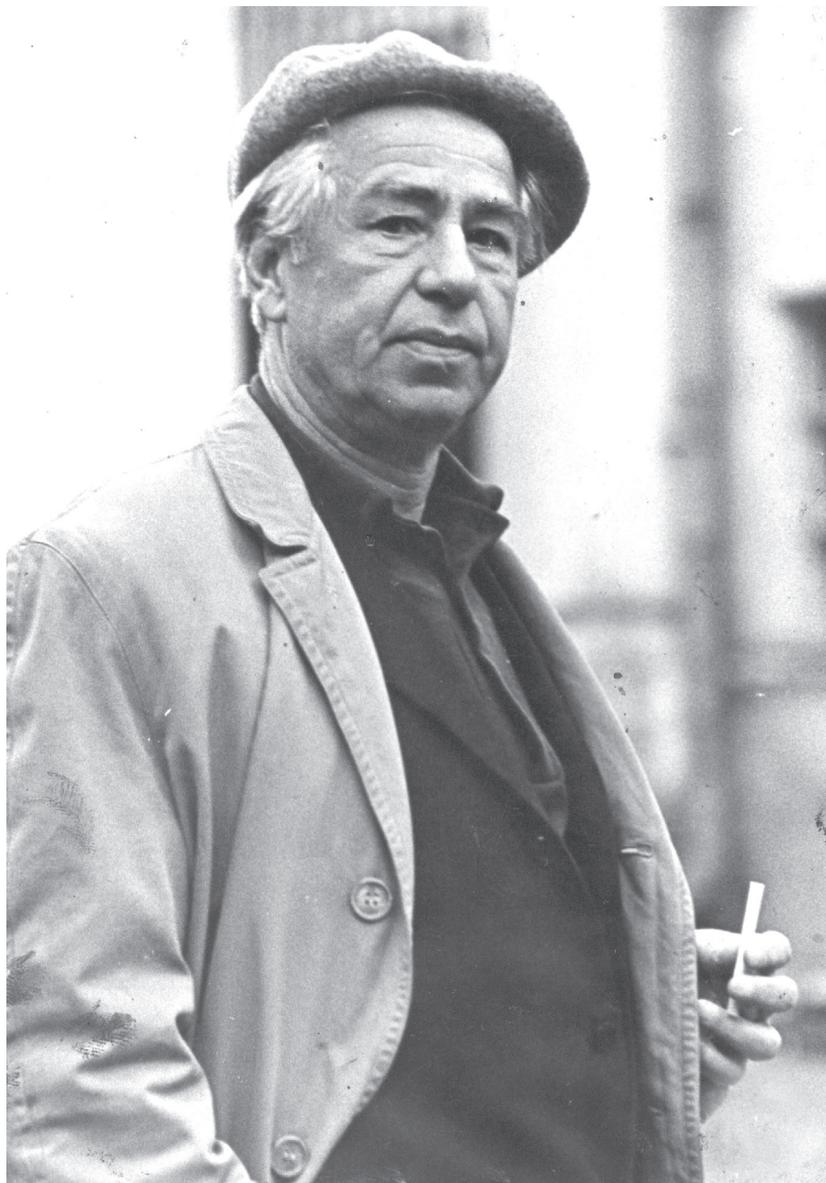

и с тремя автомашинами, да и к гибели плёнки с великолепными кадрами эта Баба Яга лапу приложила... да и сейчас вот, видимо, подтолкнула нашего так называемого звукорежиссёра под локоть (или под совесть?), чтобы разомкнуть провода... Не знала я ещё, какая судьба через несколько лет постигнет телефильмы с Василием Фёдоровым и о нём, какому испытанию они подвергнутся. Огненному... (А сейчас, во втором десятилетии XXI-го века, дрожу за те две копии фильма, что находятся в Марьевском музее Поэта – до сих пор (2016 год) не переведённые «на цифру».)

В конце того августа посмотрела на студии все кадры с поэтом. И только я успела написать по ним обновлённый сценарий, оставив первичное название «Здесь отчий дом. О поэте Василии Фёдорове», как меня постигло горе. Умер в Москве брат мой Николай, я вылетела туда, потом – вместе с родителями в Ленинград... Работа над телефильмом приостановилась до моего возвращения.

В ноябре вместе с Зоей Естамоновой и Николаем Ставцевым обсудили план монтажа, через неделю посмотрели смонтированное Галиной Мещаниновой, через три дня художественный совет телестудии постановил: в эфир, 18 декабря 1980 года.

При всей этой работе я чувствовала в душе горчинку по безвозвратно утраченным кадрам июльских съёмок с Фёдоровыми. Безусловно, и Николай Ставцев и Сергей Мякишев вспоминали великолепный ночной синхрон на Назаркиной горе, и кадры в домике, и утренние – при росе, на речке Яе... и на Подгоринке... и у родничка на Кайдоре... и на скмеечке у дома... И сожалели об их утрате. Ценность созданного Кемеровской телестудией летом 1980 года в том, что в истории России, Кузбасса всё-таки остались бесценные кадры с участием большого русского Поэта Василия Фёдорова. Может быть, единственные, если Центральное телевидение СССР не сохранило видеозапись беседы Ю.Л.Прокушева с Василием Федоровым 26 марта 1984 года. Будем надеяться, что сохранило. Не может быть, чтобы Баба Яга строила козни не только в Кемерове, но и в Москве... А может, она и была московской?..

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЗБАССЕ

С Ларисой не перезванивались. У меня большая загрузка в издательстве, несколько передач на телестудии, а на душе – тревога за старшего сына Серёжу, уже полгода нет от него весточки из армии, где он служил по срочной после окончания университета.

...Позвонила Ларисе в день её рождения... в частности, она сказала, что Василий Дмитриевич чувствует себя неплохо, много работает, просил её предупредить нас о «Днях советской литературы в Кузбассе».

Мне думается, что именно большие литературные праздники, прошедшие на родине В.Фёдорова летом, и определили проведение Дней советской литературы в Кузбассе уже через полгода – в январе 1981-го.

Да, вскоре большая группа писателей России и братских республик во главе с секретарём Правления Союза писателей страны, лауреатом Государственной премии СССР поэтом Робертом Рождественским прилетела в Кемерово. 29 января с утра в обкоме партии состоялась их встреча с первым секретарём Леонидом Александровичем Горшковым (кстати сказать, он сообщил собравшимся о том, что «в Кузбассе из трёх миллионов человек населения один миллион – рабочий класс... В промышленности занято 93%, на селе живёт – 7%...»).

Я присутствовала на этой встрече, так как мне предстояло в этот же день провести с участниками Дней... две большие, по часу, телепередачи. Приехали поэты со всей страны, творчество некоторых я не знала, поэтому обговорила с Робертом Ивановичем состав. Хотелось в соведущие с поэтами пригласить нашего с Валентином однокашника по Ленгосуниверситету – Илью Фонякова (собкора «Литературной газеты» по Сибири), но он сразу после обкома улетал в Новокузнецк, и Роберт Рождественский посоветовал мне договориться с Львом Ошаниным, тот согласился. (Здесь,

кстати, я убедилась в величайшей деликатности Роберта Ивановича во время беседы втроем с киевской поэтессой в гардеробе, да и в дальнейшем – при подготовке издания его стихов). В этот же день провела видеозапись в 13 часов с девятью поэтами и в 15 часов с пятью прозаиками, по шестьдесят минут каждая.

Вечером в филармонии состоялось открытие «Дней советской литературы в Кузбассе». Всё-таки решаюсь, дорогой мой читатель, несмотря на сомнения, немного об этом рассказать, ведь речь – о поэтах и Кузбассе. Когда после приветствий Роберт Рождественский открывал «Дни советской литературы в Кузбассе», он неожиданно для всех начал с притчи: «Стройка... Спрашиваю одного строителя: «Что делаешь?». – «Камни таскаю». – Спрашиваю второго: «Что делаешь?» – «На хлеб зарабатываю». – Третий ответил: «Дом строю». По-разному ответили, а один за всех ответил точно. И мы все строим наш прекрасный Дом – Советский Союз...».

Роберт Рождественский представляет Алексея Мишина из Смоленска, выступает далее Бем Джимбинов из Калмыкии, Игорь Киселёв (Кемерово) читает «Мариинск»; Мекшен (Липецк) стихотворение «Командиры» посвящает всем строителям Кузбасса; Владимир Демидов (Москва) «Балладу о несостоявшейся встрече» – о погибших в войну; М. Кливидзе на грузинском читает пушкинское «Я вас любил...» и стихотворение на русском («...не над другими, над собой подняться сумеи ты – и достигнешь высоты»).

Геннадий Юров (Кемерово) прочёл стихи о родном городе; в прочитанном Ильёй Фоняковым (Новосибирск) аудитория встретила с большим интересом перевод с алтайского («Что было бы, если бы Демон женился на Тамаре...»); Ганна Чубач из Киева читала стихи на украинском и русском языках; Валентин Махалов (Кемерово) прочёл «Хлеб-соль»; Владимир Назин (Свердловск); Сергей Давыдов – «Ребёнок», «Осень на Пискаревском кладбище», «Ангельская доля»; Яков Шведов (первый его поэтический сборник вышел в 1924 году) одно из трёх стихотворений предварил словами: «... в молодости стихи о любви мы называли стыдны-

ми, недавно я написал стыдное стихотворение», читает «В честь Марии зажглись снега...».

О.Султанов (Киргизия) прочёл несколько стихов в переводах Ильи Фоякова, а его стихотворение «Старики» прочёл Илья, сказав: «Мне приятно его исполнить, так как только что работал над его переводом в поезде из Новосибирска в Кемерово...».

Виктор Баянов (Кемерово) читал «Будет тихо и туманно» и «Изба моего детства» (помните, мой уважаемый читатель, его строки «... и не могу я в эту дверь пройти без низкого поклона...»?); Борис Ласкин (Москва) рассказал о «Днях советской литературы в Кузбассе» в 1976 году и о том, что «... в результате той поездки» он написал повесть.

А Геннадий Щуров из Донецка, руководитель донецкой писательской организации, напомнил собравшимся о совместном издании Кузбасса и Донбасса к 325-летию исторического воссоединения Украины с Россией – издании поэтического сборника шестидесяти семи поэтов «Руку дружбы подали» (1979г, составители Иван Мельниченко и Тамара Махалова)*, затем прочёл «Балладу о журналисте» («...отливали строки репортажей так же, как и пули, – из свинца...»), а завершил своё выступление стихотворением «Я позабыл на юге про метели...» и строками из него: «Не каюсь и прощенья не прошу, что часть любви останется в Сибири...».

Из президиума проходит к трибуне Лев Ошанин, читает несколько стихотворений, одно из них (как-то связанное с яблоком) сопровождает шутливым комментарием: «... с ним вышла смешная история... в местечке при слиянии Тибра и Ефрата висит дощечка с надписью «Здесь были сады Эдема»... За это стихотворение я получил премию журнала «Крокодил», так что я теперь не только Лев, но и Крокодил...». Стихотворением «С плащпалаткой и песней попутной...» поэт, родившийся, как и наш Александр Волошин, в 1912 году, завершает своё выступление, а фактически –

* «Руку дружбы подали/ Стихи. Составители И.М.Мельниченко, Т.И.Махалова.- Донецк- «Донбасс», Кемерово-Кемеровское книжное изд-во, 1979г.- 207с., 8 000 экз.

строчкой из него: «Я сегодня моложе душою, чем в начале пути своего». (Возможно, эти строки и подтолкнули меня при съёмках будущего фильма «Я душу распахну – входи!» заглянуть на дачу Льва Ивановича в Переделкине?)

А затем Ошанин предоставляет слово Роберту Рождественскому такой фразой: «Вовсе не нуждается в представлении человек, который сейчас будет читать стихи».

Зал слушает знакомые каждому любимые строки «На Земле, безжалостно маленькой...», «время движется мастерами и надеется на мастеров...», Байкальскую балладу (о произошедшей на Байкале трагедии и высоте человеческого духа)...

И вот сейчас, через тридцать пять лет после того поэтического вечера, я вспоминаю краткие телефонные переговоры с Робертом Ивановичем по изданию его книги в Кемерове..., открываю его книгу «Семидесятые» (издательство «Современник», 1980 год, серия «Библиотека поэзии «Россия»; с автографом Роберта Ивановича мне от июня 1981 года), перечитываю душевное авторское вступление к изданию, ищу запомнившиеся тогда строки о счастье, нахожу в стихотворении «Разговор о снеге с семилетним Ка-Саном – сыном сингапурского поэта Го-Бо-Сена» и закладываю страничку ляссе: «Мой собеседник затихает. /Глядит/ неведомо куда.../– А вы счастливые...-/вздыхает./Я соглашаюсь:/– Иногда».

Дорогой мой терпеливый читатель, я надеюсь, что эта вставка о «Днях...» была вам интересна, и я хочу вернуться сейчас вместе с вами в тот день, когда Лариса Фёдоровна сообщила нам тревожное.

Дозвонилась до Ларисы только поздно вечером, чтобы узнать насчёт приёма Владимира Матвеева в Союз писателей. Лариса:

– Василий Дмитриевич просил передать, что нужны ещё новые стихи.

– Он уже выслал... недавно.

– Мы только что вернулись с дачи и почту ещё не разбирали. Посмотрю.

Она расспросила о литературных встречах, о видеозаписи и вдруг в конце разговора неожиданно сообщает главное:

-...У Василия Дмитриевича не действует левая рука, завтра ложится в Боткинскую на обследование, приуныл: не микроинсульт ли? Не дай Бог...

Чтобы подбодрить, я рассказала, что у Валентина был микроинсульт, в больнице лежал недолго, всё отошло. Посоветовала обратиться после больницы к Джуне и сказала, что о её помощи людям можно прочесть в журнале «Техника – молодёжи», в третьем номере за 1980 год.

...Когда работы много, время летит быстро, вот уже и весна, март, всё чаще звонки Ларисы в Кемерово: «...расскажи, как живёт город... была ли в Журавлях... скорей бы лето... соскучились по Марьевке... что у тебя нового?».

– В Кемерово стали приезжать посланцы разных региональных и центральных организаций. Встретился со мной представитель ВААП (Всесоюзного агентства по авторским правам) Г.А. Астров, просил рукописи для публикаций за границей, передала ему вторые экземпляры рукописей Геннадия Емельянова («Истины на камне») и исторической повести Романа Викторовича Николаева о динлинах (аборигенах Западной Сибири, 2 век до н. э) – «Алакет из рода Быка», написала к ним сопроводительные тексты. Приезжал и полдня расспрашивал меня о наших авторах зав отделом критики «Сибирских огней» Владимир Николаевич Шапошников, получился хороший разговор о литературной критике вообще и о сибирской – в частности. Вот, Лариса Фёдоровна, такие недавние внешнекемеровские новости у меня...

– Думаю, интерес к кемеровским литераторам усилился после «Дней литературы в Кузбассе»...

Работа – не обуза,
А потребность.

В. Фёдоров

«РАССКАЖИ, РАССКАЖИ, КАК ТАМ, В СИБИРИ?»

А как же мне иначе
Побыть в тех временах...

Л.Федорова в письме Т.Махаловой

186

Вскоре Лариса снова звонит и сразу же передаёт трубку Василию Дмитриевичу, я спросила о здоровье, ответил:

– Больничное кончилось, но лекарство принимаю. До лета хочу съездить в Эссенуки. Сейчас я в Малеевке, но бываю и дома: дела. /Попросил к телефону Валентина, но того не было – Т.М./ Передавайте ему привет. Вот Лара хочет ещё что-то сказать.

– Томочка, беспокоюсь, получил ли Герман Захаров наш денежный перевод ему за портрет. Вы узнайте поделикатнее. Портрет всем нравится.

– Лариса Фёдоровна, Герман сейчас в Шушенском занят своей выставкой. Вернётся – передам обязательно. Да, кстати, ещё ему предстоит срочная работа: дело в том, что в печати появилось много вольных переводов «Слова о полку Игореве». И я решила, что в этом случае необходимо сейчас издать канонический текст «Слова...», чтобы читатели могли перед чтением вольного перевода прочесть сначала его. Иллюстрировать издание пригласила Германа, а о научной подготовке текста, комментариях и вступительном слове уже договорилась с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, будучи в отпуске в Ленинграде. Встретиться с Германом Порфирьевичем по этому изданию наметили сразу же по его возвращении из Шушенского, тогда вот и узнаю о переводе денег.

Ещё немного поговорили о «Слове...», о причинах его долговечности (создано более восьми веков назад!), о весьма вольных его переводах на современный русский язык, о высоте древнерусской культуры, её самобытности. Фёдоровы выразили желание иметь это издание. Лариса: – Ну, а что ещё новенького у тебя? Что успела посмотреть в театрах?

– Лариса Фёдоровна, в драмтеатре – «Анну Каренину», с костюмами от Вячеслава Зайцева, да «Ночь в Венеции»...

Очень заинтересовалась Лариса рассказом о вернисаже: юбилейная выставка акварелей Анатолия Павловича Семенникова. Я обещала ей показать его картины из нашей коллекции – сразу по приезду их в Кемерово.

Рассказала также о своих телепередачах с Геннадием Емельяновым и Михаилом Небогатовым, о том, что готовлю к изданию книгу трагически погибшего талантливейшего поэта Владимира Поташова (28 апреля 1979 года были с Валентином на его похоронах), ещё при его жизни начала готовить сборник, он хотел назвать его «Нулевое биение»... Я посчитала такое название – теперь уже к посмертному изданию – кошунственным, назвала книгу его строкой – «По небу птичья клинопись...», под этим же названием

Л. Фёдорова и Т. Махалова. Москва

сделала потом, по выходе книги в свет, телепередачу о нём. У него судьба трагическая: родился в апреле 1941 года, попал вместе с мамой в фашистский концлагерь, отец его погиб на фронте, остался сиротой... И потом жизнь его не миловала. Умер в больнице после двух (или трёх?) подряд операций на лёгких (открытый туберкулёз), была у него для разговора о будущем сборнике в больнице, незадолго до его смерти. Ещё до больницы уговаривала операцию не делать, а поехать в Домбай, в противотуберкулёзный санаторий: за полгода на кумысе и хрустальном воздухе вылечивают; представлялось мне ещё, сколько интересных стихов для будущей книги у него напишется там, на Персидской тропе (может, говорил тогда во мне «Персидский цикл» Есенина?). Обещала все хлопоты по путёвке взять на себя. Жаль, что не согласился...

20 марта 1981 года звонит Василий Дмитриевич:

– Позовите, пожалуйста, Валентина.

– Василий Дмитриевич, он сказал, что «поехал на выступление».

– Хотел сообщить ему, что вчера состоялся секретариат, приняты два ваших поэта: Владимир Матвеев и Павел Мертвецов (Майский).

– Можно ли Матвееву сказать об этом?

– Да, можно...

Я хотела сразу же сообщить Володе Матвееву, но потом решила не лишать Валентина этой радости.

Вторая половина разговора была с Ларисой, она сообщила мне «секрет», он касался «Снов поэта». Последующие две недели часто перезванивались, Фёдоровы горели «желанием прилететь быстрее в Марьевку». Просили Валентина заказать гостиницу, но Валентин все заботы, как всегда, переложил на меня, сославшись на радикулит и необходимость писать повесть («Начальник Игрима»). Лариса позвонила в субботу, 4 апреля:

– Василий Дмитриевич бодр, пишет новеллы, ждём встречи с Марьевкой. – Узнав, что я только что вернулась из Журавлей: –

Валентин Григорьевич Распутин. Дни Кузбасса в Иркутске, 1985г.

Расскажи, расскажи, как там, в Сибири? Да подробнее. Мы с Васей уже соскучились по сибирскому ветерку.

– Ну, тогда, Лариса Фёдоровна, слушайте. Утро сегодня было тёплое. Солнце в дымке. День безветренный... Чёрный блестящий скворец на черёмухе поёт. Вижу, как колышется его горлышко, а рядом на скворечнике сидят ещё четыре скворца. Его соседи, что ли? Или в гости к нашему прилетели? Слушают... В воздухе ощущается тонкий черёмуховый, с горчинкой аромат. Или от молодых побегов смородины, нежно-зелёных на чистом снегу? В доме от натопленной печки ожила бабочка-красавица в красно-чёрном наряде. Билась в окно, пытаясь улететь. Куда? На мороз?! Обречена, бедная, на гибель. Оставайся-ка лучше в доме... до летнего солнышка. А в снегу, Лариса Фёдоровна, у стены дома – два живых паучка. Чтобы спасти, внести их в дом, пересаживаю на щепочку – соскальзывают и быстро-быстро зарываются в снег. Неужели живут под ним?..

– Ой, Томочка, как мне захотелось к вам в Журавли. Или хотя бы на хутор Гаврилов... Мечтаем о Марьевке.

Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Время идёт, а Фёдоровы всё не приезжают... Лариса сообщила, что «стал прибалывать Василий Дмитриевич. И случилось несчастье в роду Фёдоровых – 5 августа умерла Татьяна Дмитриевна. Так как в это время Василий Дмитриевич был в больнице, выехать в Новосибирск смогли лишь 22 августа. Планировали 25 августа приехать в Марьевку, но ненадолго, так как с 26 сентября были путёвки в Дом творчества, в Гагры...».

Поехали в Сибирь «без багажа, с портфелем и двумя авоськами. Оказывается, можно прожить и так, налегке, ведь ездила же я в эвакуацию с одним томиком Блока и сменной белья...», – пишет мне Лариса в начале сентября уже из Марьевки.

ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА. Д. ЖУРАВЛИ

Пусть никогда не иссякнет
наша верность... общность духа.

2 сентября 1982г.

Из письма мне Л.Фёдоровой

В письме днём раньше Лариса сообщает, что в Москву они будут возвращаться из Новосибирска, и билеты просила меня взять на 14 сентября. Но в этот день, приехав накануне из Марьевки в Кемерово, они не улетели. В вечерней беседе, – сейчас уже и не помню, в связи с чем, – возникла тема знаменитой Томской писаницы. Оказывается, Фёдоровы её не видели, решили посмотреть и предложили нам присоединиться к ним.

День получился великолепный. По настрою. По впечатлениям. По ощущению гармонии в нас и в природе.

Погода солнечная. Дорога отличная. Приехали. Там – никого. И всё вокруг первозданно: только скалы, река и деревья... Валентин разведаль проход к наскальным надписям. Лариса в чулках, без туфель, я босиком – пробрались к надписям. Странное удивительное

чувство при виде рисунков, сделанных семь тысячелетий назад. И тут же – простор Томи... высочайший берег. Ясный, в лёгком мареве день. Посидели, отдыхая, на ступеньках лестницы. Был разговор – из восклицаний... строчек... настроений... мыслей... впечатлений... чувств... А Василий Дмитриевич всё повторял «Лучше Швейцарии, лучше Швейцарии.. » – фразу, когда-то, в 1979 году, сказанную им впервые о Горной Шории.

Когда возвращались и проезжали деревню Писаную, говорили о её древнем происхождении, а Валентин образно обрисовал скалы Томской писаницы как мастерскую древних художников...

– А не заехать ли нам в Журавли посмотреть, как растут ваши дубки? Они ведь братья нашим на горе, – предложил Василий Дмитриевич на обратном пути.

Все обрадовались продолжению путешествия. Махнули в Журавли. Когда смотрели дубки, Василий Дмитриевич заговорил о вязах. То ли хотел, то ли уже посадил их в Марьевке – говорил как об уже осуществлённой мечте.

Удовольствие набрать овощей предоставили поэту. Собрали букеты цветов, сходили в сельмаг за коньяком. Изрядно проголодавшись, поехали к нам домой, весело готовили обед. Нисколько не уставшие, заряженные энергией сибирской природы, мечтали и о других поездках по Сибири. Больше всех фантазировал Василий Дмитриевич. А Валентин соблазнял его рыбацкими байками. Вспоминая его рыбацкую авантюру в Саянах в нашей поездке по Горной Шории, не соглашались.

По предложению Василия Дмитриевича – пригласить на обед соседей – позвали Зину, а её супруг, Герман Веселов, был – увыл!-на работе, «уехал в военные лагеря».

Говорили о многом, но более всего о стихах, о переводах. Лариса и Валентин читали свои переводы. Василий Дмитриевич:

– В этом году я перевёл четыре стихотворения Рашидова, послал ему с извинением, что ложусь в больницу и больше не смогу продолжить переводы. С нарочным прислал Рашидов голубой кон-

верт с просьбой дальнейших переводов и пожеланием: «Верю, что Ваше сибирское здоровье не подведёт».

Василий Дмитриевич прочёл перевод «Песни восторга» Рашидова, говорил о четырёхстишии, о поэте Грибачёве, насчёт осмысленных страстей для поэзии и для власти... Разговор, конечно, перешёл на Марьевку, он рассказал о марьевском голубом мышонке, о шершнях на потолке. А Лариса Фёдоровна о том, как Василий Дмитриевич пригласил бульдозериста на усадьбу, тот снял слой земли вместе с зарослями полыни, поэт оправдывался:

– Много полыни. Как с нею бороться? А вообще, Валентин, ваша дача разбудила мои мысли о строительстве веранды в марьевском нашем доме. Всё подготовлено. Иногда кое-что построгаю. Жду, Валентин, вас с двумя, как вы обещали, профессиональными строителями.

Активно обсуждали политические дела в мире, говорили о Польше, о нашем вооружении. Но более всего – о литературных делах. Василий Дмитриевич рассказал, как он два года работал замом главного редактора журнала «Молодая гвардия», «пришлось читать очень много рукописей, но зато это давало возможность почувствовать поэтический уровень народа». Фёдоровы вспоминали о Владимире Солоухине, его дочке Оле, его жене Розе. Лариса Фёдоровна – о встрече с женой Евгения Евтушенко: «... очень приветливая милая женщина», его сыне – «прелестном ребёнке»...

Началась трансляция хоккейного матча «Канада – СССР», и мужчины переключились на него, а мы, женщины, поспешили на кухню что-нибудь ещё приготовить к столу.

Настроение у всех продолжало оставаться великолепным, все непринуждённо весело беседовали, тон всему задавал Василий Дмитриевич, в этом же шутовском стиле он погадал Зинаиде Николаевне по руке (к моему удивлению, довольно точно) и подписал ей свою книгу. Расходиться никому не хотелось, но уже глубокая ночь, надо и отдохнуть. Пошли провожать Фёдоровых в гостиницу «У Марьи Ивановны».

Набережная была безлюдна, Томь поблёскивала серебром воды, но в воздухе уже ощущалась осенняя горчинка. Постояли у подъезда. Подытоживая этот день, поездку к Томской писанице, Василий Дмитриевич сказал:

– Был прекрасный сегодня день... Лучше Швейцарии, лучше Швейцарии. У меня соединились семитысячелетней давности люди и хоккеисты, а я посередине этой кривой.

Следующий день был спокойнее. Пришла к нам Лариса, сказав, что Василий Дмитриевич лёг отдыхать. Пили с нею какао с джемом, вспоминали вчерашний день, необычную его энергию. Подошёл вскоре Василий Дмитриевич, а затем и Валентин. Он был не в духе, вероятно, от боли в ноге, проколотой гвоздём. За беседой настроение его исправилось. Лариса читала стихи, говорили об издательстве «Современник» (в его плане проза Ларисы Фёдоровны и поэтический сборник Валентина «Поздний гость»).

Отложили запланированную ранее поездку к травнику в Заводский район Кемерова, но зато сходили в облкниготорг, где Василий Дмитриевич отобрал книги для марьевской школы.

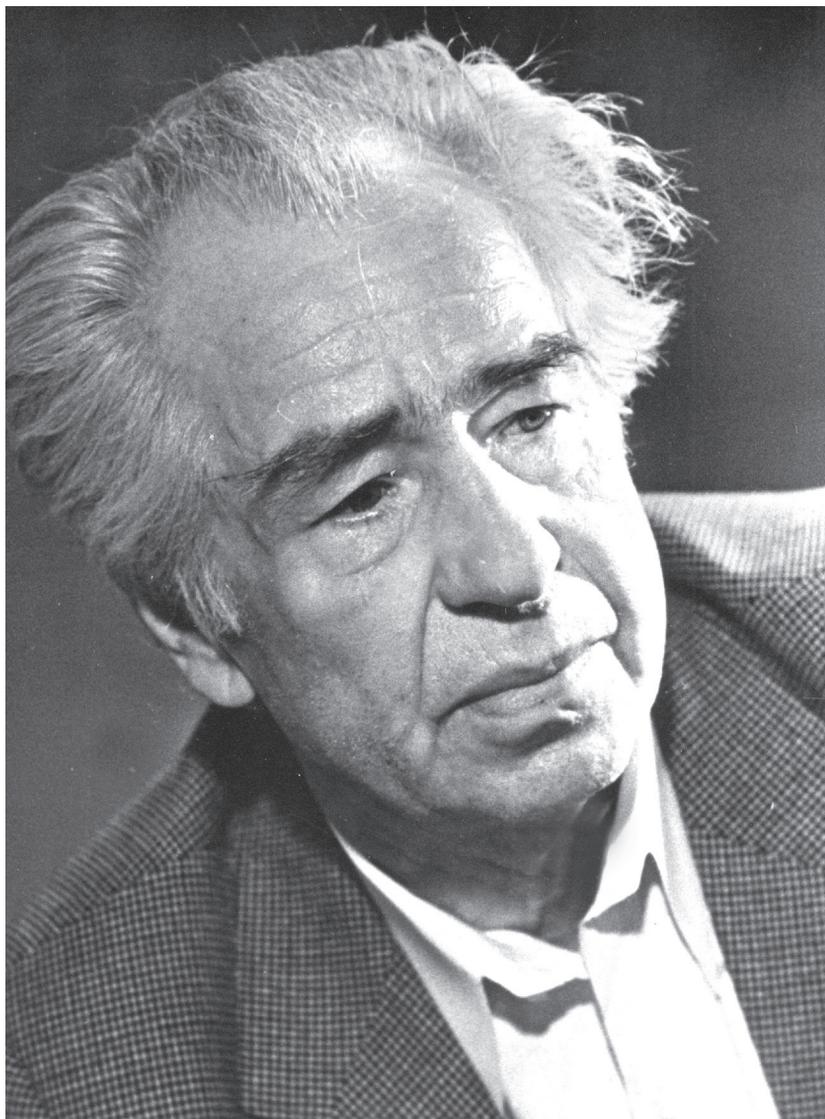
Поздним вечером шли от нашего дома по набережной. Было тихо. Ни ветерка. Но освещённость плохая. Лариса вспомнила вечерний Мадрид – весь в огнях. А Василий Дмитриевич молвил о Сибири:

– Лучшие Швейцарии, лучше Швейцарии...

Как прекрасно мне общение с такими людьми! Отдыхаю душою. Нахожусь в эстетическом блаженстве. И нет утомления от длительного общения.

За красоту, за радости,
За то, что счастье знал,
В порыве благодарности
Я солнце целовал.

В.Фёдоров

8 декабря 1977г.

НА СМЕРТНОЙ ГРАНИ. ПРЕДСКАЗАНИЕ ЦЫГАНКИ

«Бойся шестьдесят четвёртого года
своего», – пророчила в молодости
Василию Дмитриевичу цыганка.

Л. Фёдорова

195

Наступил 1982-ой, предсказанный, год

Он действительно стал для поэта началом тяжких физических, а значит, и душевных испытаний. Но и временем творческих достижений.

«Боец по натуре, Василий Дмитриевич не сдаётся болезням, – говорила Лариса Фёдоровна, – продолжает работать, да иначе он и не может».

И он и Лариса всё время жили творчеством, уделяя быту, я бы сказала, меньше минимума.

На 17-ое января мне приснился страшный сон, как-то связанный с Ларисой, позвонила ей, рассказала о нём, спросила о её здоровье. Она, как всегда, перевела разговор на здоровье Василия Дмитриевича, говорила о свинцовом отравлении его на иркутском авиазаводе, о своей тревоге и своих тяжёлых снах.

Пролетел февраль. Слава Богу, ничего не случилось, и здоровье Ларисы и Василия Дмитриевича вроде бы не ухудшилось. В телефонных беседах, в письмах всё чаще появляются планы на Марьевку. Вот и в письме от 25 марта 1982 года Лариса, как обычно, сообщает «литературные новости» (как провожала в последний путь Мариэтту Шагинян; о том, что, читая в журнале «Наш современник» «очередные «камешки» Вл. Солоухина», узнала, что членов Союза писателей уже 9 тысяч. А утром сегодня по радио сказали:... членов фил / философского – Т.М./ об-ва 10 тысяч... ого! Мы, писатели, не имеем права быть так себе. Ведь на каждого из нас приходится по одному философу... Господи, умереть хочется от этой статистики», но главное – в начале письма: «... что у нас?

Вася после Малеевки чахленький, с обострением язвы... Отправляю 14-го апреля в Ессентуки вместе с Семёном Шуртаковым (они всегда ездят вместе).

Потом Марьевка. И – прыжки-скачки через тёс, наваленный в сенях в тот памятный день нашего отъезда...но поэт собирается целоваться с этим тёсом, так он его любит».

В апрельском письме все мысли и желания Фёдоровых связаны с Марьевкой. Передавая привет «от Василия Дмитриевича, очень обрадованного возможностью приобретения нового «Урала»...с коляской», всё письмо Лариса посвящает их планам на Марьевку: «должны вернуться с юга к 11 мая...значит, через неделку, наверное, и полетим в Кемерово...до выхода моей книги мне в Успенку ездить нечего...еду сразу с Вас. Дм. в Марьевку...Вы спрашиваете, Томочка, куда бы нам хотелось поехать? Господи, я так хочу поехать, чуточку изменить монотонную обстановку горы, но ведь мой «сэр» прямо-таки прикипает к горе...и вряд ли куда пожелает...если лето окажется жарким, то мне и самой не захочется по жару. Ну, если бы, конечно, в машине, то другой резон. Хотя бы на речку Итат, ведь обещали яйские-то...Ну, ладно, чтобы скрасить моё существование, вы, Томочка и Валентин, приедете к нам сами... Будьте здоровы! Обнимаем. Лара и Василий Фёдоровы».

Ещё только 13 апреля, а письмо всё о сибирской поездке, даже стихи в него вложены «о Марии, моём кумире» (сообщает Лариса).

А вот в телефонных разговорах она полна тревоги за Василия Дмитриевича, говорила: «Молю Всевышнего, чтобы весь год прошёл без потрясений... Главное – пережить предсказанный год».

Но потрясения настигли.

А здесь я хочу сохранить точность датировки и потому заглянула, мой терпеливый читатель, в свои тогдашние записи.

10 мая 1982г., понедельник. Позвонила Лариса Фёдоровна о приезде 25 мая и о гостинице «У Марьи Ивановны». Я просила передать Василию Дмитриевичу, что Пётр Михайлович Дорофеев к их приезду выполнит просьбу о мотоцикле «Урал».

15 мая. Звонили Фёдоровы, я сказала об «Урале» с коляской. Василий Дмитриевич обрадовался, затем пожаловался на свой радикулит. Я предложила надёжное от него народное средство: если нет турника, повиснуть на руках на двери. Он отшутился и перевёл разговор на подбор книг для Марьевки.

17 мая, понедельник. Звонок Ларисы:

– Вася в больнице, Боткинской, в кардиологии... в реанимации. Сначала думали, что обострение язвы. Хорошо, что врач «скорой помощи» оказался профессионалом: предположил инфаркт и сразу привёз в кардиологию. Я в ужас прихожу: а если бы мы полетели в Сибирь?!

19 мая. Инфаркт не подтвердился (слава Богу!), диагноз: мерцательная аритмия...

24 мая 1982 г. Поэта выписали из Боткинской /см. терцины «Боткинский лист» – Т.М./, прилетают 1 июня 203-им рейсом.

1 июня, вторник. Вдвоём с Валентином встречаем Фёдоровых в аэропорту у трапа самолёта. Все пассажиры вышли, а Фёдоровых нет, мы испугались: не плохо ли с сердцем у Василия Дмитриевича?.. Ждём... Все прилетевшие уже скрылись в здании аэропорта... Волнение нарастает. Наконец-то выходят под ручку, идут медленно... осторожно. На лётном поле только они и мы... Навалилась грусть... Предчувствия?

Вечером собрались у нас на квартире... Было человек десять. Поэт – в отличном настроении. Говорили, конечно, и о книгах. Я о том, что не хватает времени привести в порядок уйму книг. Василий Дмитриевич в ответ:

–А я даже а р х и в свой не могу разобрать... А надо бы... Вдруг тут обнаружил листок с замыслами: Есенин и Маяковский – могучие, большие, а за ними есенины и маяковские – маленькие, суетливые, ждут, когда же те, могучие, уйдут... Я ведь так и не вспомнил в с е г о задуманного.

Без просьбы стал читать стихи: «Во дни торжеств...» и новое – «Время село на плечи мои...».

... Гости разошлись, а Фёдоровы остались обговорить, как всегда, программу их пребывания в Кузбассе, решить кое-какие бытовые вопросы. Когда я спросила Ларису о Боткинской больнице, она сказала:

– А вот Вася сам расскажет. О вертлявом человечке.

Подошёл Василий Дмитриевич. Озабоченный. И даже какой-то встревоженный:

– Вы же видели, Томочка, у меня на переносице рос один крупный седой волос. В Боткинской перед выпиской я вышел на запасную лестницу покурить. Уже докуриваю сигарету, как откуда ни возьмись подскакивает ко мне маленький вертлявый человечек и с ходу, подпрыгнув, выдёргивает этот волос.

– Да... неприятно, – согласилась я, воочию увидев этого булгаковского персонажа.

– Да это не просто неприятно! Ведь я этот волосок ощущал своей антенной, связывающей меня с миром, усиливающей эту связь. И теперь, после его утраты, я чувствую ослабление этой связи.

– Василий Дмитриевич, у меня тоже долгие годы была такая «антенна» на левом плече. И как-то стою я на остановке в жаркий летний день, была в сарафане. Вдруг незнакомая женщина – откуда только возникла? – подскочила ко мне и... хватить его – выдернула. Но у меня выросла потом новая «антеннка», правда, уже тонюсенькая. Не горюйте...

– Боюсь, что новая у меня уже не вырастет. А ведь случай этот в больнице – з н а к...

Не подумал ли Василий Дмитриевич в этот момент о предсказании цыганки, потому и произнёс: «з н а к».

Проводив Фёдоровых в Марьевку, я 7 июня улетела в Вильнюс на Всесоюзный семинар журналистов, пишущих по вопросам культуры, оттуда завернула в Ленинград к родителям и вернулась в Кемерово лишь к 18 июня. Валентин в аэропорту встретил тяжёлым известием: «Василий Дмитриевич в реанимации областной больницы, перитонит, оперировал Теодор Израилевич Шраер».

На следующий день были с Валентином в больнице, переговори с лечащим врачом – Николаем Васильевичем Ореховым. Прошли в палату к Василию Дмитриевичу; от всего отказывается, еле уговорила хотя бы попробовать принесённые по совету Ларисы куриный бульон и облепиховый кисель. Согласился, видимо, из деликатности (хотя потом никогда, пока был в больнице, не отказывался и ел с удовольствием).

На улице +30. В палате душно, несмотря на вентилятор и открытое окно. Предложили привезти из Марьевки Ларису Фёдоровну, он в ответ, оберегая её тоже нездоровое сердце: «Зачем ещё и ей мучиться...». Уговорили – согласился.

А в это время секретарь Яйского райкома партии на своей машине уже отправил её в Кемерово. Уставшая, встревоженная, измученная бессонницей, Лариса Фёдоровна немного отдохнула в затемненной и потому довольно прохладной нашей гостиной, и мы втроём с П.М.Дорофеевым поехали в больницу.

Подождали с ним в коридоре, чтобы Лариса Фёдоровна вошла первой и побыла в палате без нас.

На этот раз Василий Дмитриевич показался мне ещё более исхудавшим, руки стали совсем прозрачными...

...Были у главврача в административном корпусе, Виктор Александрович Райх предложил съездить к Т.И.Шраеру. В машине я спросила его:

– Василий Дмитриевич много курит. Могут ли медики, воспользовавшись его нынешним состоянием, убедить его, если не бросить, то хотя бы сократить курение?

– Р е з к о бросать в его положении нежелательно, - был ответ.

После разговора с хирургом Лариса Фёдоровна, хотя и оставалась по-прежнему уставшей, но стала, слава Богу, спокойнее, я боялась за её сердце с давнишней аритмией. Поехали ко мне домой. Ванна, сон в прохладной комнате подбодрили её, и вечером, когда пошли прогуляться по набережной, она подробно рассказала о случившемся в Марьевке и Яе:

– Пятого июня уехали от вас в Марьевку, а двенадцатого Вася поехал в Яю оформлять документы на новый «Урал». Возвращается по дорожке к дому – еле ноги волочит, бледный. Плохо. Лёт. Температура под сорок. Мария Васильевна /двоюродная сестра Василия Дмитриевича – Т.М./ вызвала «скорую помощь». Хотели госпитализировать. Отказался. К утру «скорая» увезла в Яю. Первоначально поставленный в больнице диагноз «дизентерия» бы неверным. Если бы он остался в больнице в Яе, умер бы. Видимо, вмешалась Божественная Сила и прислала во спасение Петра Михайловича, самолётом он увёз Васю в Кемерово.

Томочка, поместили его в инфекционную больницу, а Пётр Михайлович, видимо, чувствуя и н у ю причину болезни, стал искать хирурга, Шраера. А было воскресенье. Нашёл, говорят, на даче. Теодор Израилевич, осмотрев больного, перевёл его в 1-ю областную больницу и сразу же прооперировал. С перитонитом шутить нельзя».

От переживаний, несусветной жары и загазованности кемеровского воздуха Лариса Фёдоровна чувствовала себя неважно. Я советовала обратиться к врачу, но она решила уехать в Марьевку, взяв с меня обещание приносить Василию Дмитриевич в больницу куриный бульон и облепиховый кисель, «а остальное, – добавила я, – что доктор разрешит».

Выздоровливал Василий Дмитриевич медленно, но видно было, что он борется с физической слабостью. Как всегда, он что-то сочинял, любил беседы на творческие темы, расспрашивал о «Ларе», о Марьевке, беспокоился о роднике под горой (не заилился бы без него) и т.п. Как-то рассказал о воробышке, прилетающем на подоконник его палаты. Описал его характер, прочёл о нём две строфы. Сожалею, что я тогда же, сразу, постеснялась их записать. В одном из поздних писем Ларисы ко мне мелькнула фраза об этом стихе.

Ежедневно созванивалась с Ларисой Фёдоровной, подробно рассказывала ей, советовалась, что приготовить для больного. Советовала она очень немного, так как оба привыкли питаться

весьма скромно, даже, скажу, аскетически. Тут уж я полагалась на собственный разум и, главное, советы лечащего врача...

Возвращение из больницы

Прошёл почти месяц. Настало 9 июля 1982 года. Василия Дмитриевича выписывают. «В Марьевку!». В Москве надо будет сделать вторую операцию. Но делать её хочет Василий Дмитриевич только в Кемерове, на Москву не соглашается:

– Лара, я поэт, не могу появиться в ЦДЛе в таком неоперированном виде.

Пятница... Утро... Яркое солнце... Предощущение жары... Хорошо, что, зная по себе, как тяжело ослабленному операцией ждать освобождения из больницы да и поутру прохладнее в дальней дороге, я накануне уговорила Петра Михайловича перенести отъезд в Марьевку с полудня на девять утра и об этом предупредила Василия Дмитриевича. Хотя я не собиралась ехать в Марьевку, всё-таки Дорофеев взял с меня обещание вместе «с представителем обкома сопроводить поэта до Марьевки». Пришлось мне срочно менять свои деловые планы.

Рано утром я вместе с Валентиной Михайловной Носковой и Марией Владимировной Лобач (обе от обкома партии) приехала в больницу. Василий Дмитриевич уже собрался, уже был в костюме. «Милые представительницы областной власти», – как назвал их, приветствуя, поэт, – поздравили его с выпиской и вручили роскошный букет огромных ромашек. Василий Дмитриевич хотел поговорить с Николаем Васильевичем Ореховым, но тот в это время был на летучке. Мария Владимировна пошла за ним. Поэт настроен подорожному. Но с грустинкой. Это меня и встревожило. Вскоре всё объяснилось. Вижу на тумбочке кое-какую оставленную мелочь, спрашиваю:

– Василий Дмитриевич, а почему вы не берёте с собой...

Он в ответ:

Теодор Израилевич Шраер

Пётр Михайлович Дорофеев

– Говорят, что из больницы надо всё забирать, ничего не оставлять, чтобы не возвращаться. Но я же должен вернуться! Осенью... Вот и оставляю.

Так вот почему грустинка. Предстоял второй этап операции... И делать её он хочет в этой же больнице.

Подошёл Николай Васильевич. Мы вышли в коридор ожидать конца их беседы.

Букет Василий Дмитриевич подарил медсестре, пробовал отыскать санитарку, чтобы «отблагодарить её за чистоту в палате». Все вместе мы стали спускаться к машине по боковой лестнице.

«Ну, всё! Поехали! С Богом!»

Ещё не выехали со двора, а Василий Дмитриевич забеспокоился, закурил головой, оборачиваясь к нам... сказал водителю:

– Надо ехать через центр, чтобы с максимальным удобством посадить милых дам.

Дело в том, что и четвёртого и шестого июля, когда я была у Василия Дмитриевича и мы обговаривали то, о чём просила меня Лариса, он пробовал убедить меня в том, что в Марьевку он должен ехать без провожатых. Я знала его шепетильность насчёт беспокойства других и, хотя понимала, что власти – конечно же! – не отпустят его одного: мало ли что может случиться в дороге с ним или машиной, – но, чтобы он заранее не волновался, согласилась с ним. Так что поэт был убеждён, что в Марьевку он едет один! Но...

Валентина Михайловна насчёт «высадки милых дам в центре» мягко так и деликатно в ответ ему говорит:

– А милые дамы собирались проехать в Марьевку.

Василий Дмитриевич:

– Нет, нет! Зачем такая жертва...беспокойство. Я не могу допустить.

Едем уже по улице Красной, Валентина Михайловна борется словесно с поэтом. Безрезультатно. Подключается Мария Владимировна:

– Василий Дмитриевич, мне надо в Яйский райком...по делу... попутно.

Наконец-то Василий Дмитриевич принимает эту замаскированную причину нашего сопровождения, но всё ещё обеспокоен тем, что мы пускаемся «по жаре в такую длинную дорогу, да ещё ведь и обратный путь предстоит».

На углу улиц Красной и Васильева, у здания политпросвета Валентина Михайловна выходит из машины. Впереди у нас три часа езды, поэт после операции (наркоз, мерцательная аритмия, месяц на больничной койке)... Довезти бы благополучно, не утомить своим присутствием, разговорами. Я знаю, как дорожил он этой молчаливой дорогой – в Марьевку, и памятью и сердцем возвращаясь в далёкие юные годы.

Слава Богу, доехали без происшествий, благополучно. Познакомились с Антониной Дмитриевной, приехавшей к брату погостить. Лариса Фёдоровна, как всегда, в хлопотах гостеприимства.

Мы сразу же хотим уехать, но она ни в какую не отпускает, стала хлопотать на кухне. Я – помогать ей...

Видно было, что Василий Дмитриевич очень доволен возвращением. Присаживался на ступеньку крыльца... облокотясь на плетень, смотрел вдаль, на Яю, на родничок на берегу старицы, влево – на колхозные поля. Позвал нас с Марией Владимировной посмотреть дубки и сирень – подросли. Снова повёл разговор о желании утеплить баню и, возможно, снизить потолки, чтобы быстрее нагревалась. Поглаживал «Пегаса» (помните, так он называл свой мотоцикл), видимо, примериваясь поехать на родничок за водой или навестить мастера в кузнице.

Ещё в Кемерове Мария Владимировна шепнула мне, что хотела бы от поэта получить книгу с автографом. Я сказала, что Василий Дмитриевич к автографам относится избирательно. Не рассказала Марии Владимировне, но вспомнила несколько случаев, особенно вот такой.

Как-то я поехала в Марьевку показать поэту и утвердить макет оформления будущей книги Любови Антоновны Пудаловой о его лирике. Воспользовавшись okazji, ехал со мной в ведомственном автобусе и один кемеровский художник с сыном лет шести-семи. Приехали на Назаркину гору, я пакет с макетом оформления на время оставила в сумочке, в автобусе. Разговариваю с Василием Дмитриевичем, подходит художник с сыном, протягивает – о ужас! – взятое из сумочки фото поэта, предназначенное для фронтисписа, и просит автограф на нём для своего малыша. Василий Дмитриевич довольно жёстко отказал, тут же мягко пояснив:

– Пусть ваш сыночек сначала подрастёт, прочитает книги, а потом видно будет, захочет ли он иметь мой автограф.

И ещё при том, что Василий Дмитриевич не знал э т и ч е с к о й стороны этого действия художника Ф., не знал того, что фото это, предназначенное для типографии, взято из моей сумочки и взято самовольно, без разрешения и даже без уведомления меня. Василию Дмитриевичу я ничего не сказала, но отношение моё к этому

человеку резко понизилось (а какой пример для сына его: он видит, как его папаша роется в чужой сумочке, что-то вытаскивает, что-то непонятное просит у какого-то знаменитого дяденьки... «просит мне в подарок» – думает первоклассник).

...А Марии Владимировне я обещала, что подскажу ей в Марьевке удобный момент для её просьбы,

Так и случилось. Василий Дмитриевич, обойдя усадьбу, снова присел на ступеньку крыльца. Закатное солнце освещало молодые карагачи, мини-грядки, баньку, плетень усадьбы соседей Малышевых... На лице поэта читалось отдохновение от больницы, от дороги, от всякой суеты: «Я – дома!»

Я кивнула Марии Владимировне: пора. А предупреждённая мною Лариса Фёдоровна подала ей последнее переиздание «Женитьбы Дон-Жуана». Желанный автограф – прекрасные слова, зафиксировавшие жизненный момент, – был получен.

...Пишу сейчас эти строки и, словно въяве, вижу: поэт сидит на любимой ступеньке, Лариса Фёдоровна – в проёме входной двери, немного успокоенная его благополучным возвращением, но обеспокоенная предсказанием гадалки и мечтающая о том, чтобы на этом вот все беды со здоровьем и закончились... Но предсказанный год закончится лишь к весне 1983-го.

Наше поначалу приподнятое состояние как-то незаметно сменилось довольно грустным. А тридцатиградусная жара этого дня – мягким сиреневым вечером. Попрощались. Уезжаем. Супруги вышли за ворота проводить...

Вернулись мы в Кемерово к ночи. Усталости нет, лишь тревога в душе и за Ларису и за поэта: какие-то они оба по-детски не защищённые. Вышли за калитку, стоят рядышком, как искони повелось на Руси провожать. Лариса Фёдоровна прощально машет нам рукою, а Василий Дмитриевич стоит тихо... в голубой рубашке, седой, светлый такой. И провожает нас грустным взглядом...

«...от операции в Москве отказывается»

Эпистолярная и телефонная связь Марьевки и Кемерово не прерывалась даже несусветной жарой. Весточки Ларисы были частыми (жаль, что большая часть их, как и переписка с В.Г. Распутиным и другими писателями, была уничтожена вместе с издательством последним его директором.) В письмах Ларисы, как всегда, – подробности жизни обитателей Назаркиной горы. Вот, например, о чём успевает она сказать в сохранившемся у меня дома ночном (с 4-го на 5-е августа 1982 года) письме: «Сегодня, Томочка, от вас доброе письмо и бандеролька. Завтра пойду получать... У нас эти дни почта сенокосничает...», затем пишет о своих стихах, о Дорофееве, о Николае Карловиче, о горе в жару – как голгофе; «мечтаю о прохладном Кисловодске» (куда мы собирались вместе с нею вдвоём), пишет о «поднялось давление», о «постоянной лёжке» в жару. Мимоходом упоминает о своём «страшнейшем ОРЗ» и воспалении слуховой трубки, глухоте и возвращении слуха. Спрашивает о гастролях новосибирского театра «Красный факел». Но большая часть письма, конечно, о Василии Дмитриевиче: о приготовлении им вместе с Антониной Дмитриевной лекарства из трав («при страшнейшем сопротивлении» Ларисы); о «скорой помощи» и яйской больнице, где поэта за два дня привели в норму, «теперь он ничего, но язва нет-нет да и даст о себе знать. Устаёт от повязки... я его понимаю и очень жалею. Скрашиваю чем могу. Но он так мало ест и всё отвергает. Вот за вермишель спасибо, он её потребляет всегда хорошо. Её и молодую картошку. Завтра бандерольку получим...». Спрашивает, достала ли я книгу С.Кузнецовой «Гадание Светланы»: «я достала, а Ник. Карл. привёз мне вторую такую же – из Кемерово. Он такой предупредительный! Там же он купил нам журнал «Москва», 7-ой номер, со «Снами поэта». Марьевцы заинтересованно читают, передавая ...журнал из рук в руки». В конце письма спрашивает, «вышла ли у Валентина книга? А моей всё ещё нету...».

Утром Лариса пошла на почту; видимо, позвонила Дорофееву и узнала дату второй операции, так как уже на запечатанном конверте ночного письма вместо обратного адреса она прямо на почте написала: «Васе повторная операция обещана 20 августа. Повезут в Кемерово...». Слово «обещана» подсказало мне, что на почту они ходили вдвоём и Василий Дмитриевич наверняка сам настоял на скорейшей операции.

Все последующие дни из Марьевки сообщали: «Вася... рвётся... на вторую операцию, от операции в Москве отказывается».

Но в письме от 15 августа (и последующих) узнаём о том, что в Кемерове они будут в начале сентября; «... 29 /августа – Т.М./ возвращается из отпуска Теодор Израилевич, и уж что он скажет... Вася хотел отремонтировать тут, у милейшего Халамана Геннадия Григорьевича, который нашим лихим марьевским мотоциклистам даже новые лбы делает, но лечащий врач Вас. Дмитриевича, что в Кемерове, сказал Халаману: «И ни боже мой – трогать Фёдорова! Профессор всем нам голову снимет».

Среди прочего в этом же письме высказывает желание после операции поместить поэта «в хороший санаторий или Дом отдыха под Кемеровом, а потом в путь». И на конверте от 25 августа она уточняет: «Вас. Дм. согласен на «Кедровый бор». Хорошо бы и вдвоём...». Наверное, Герман Веселов, строивший этот санаторий, всю расхвалил его. Я же подумала, что этот санаторий далеко от Кемерова, навряд ли Пётр Михайлович Дорофеев согласится на этот вариант.

30 августа позвонил мне Пётр Михайлович, сообщил, что Фёдоровы «приезжают 2 сентября, Василий Дмитриевич – сразу в больницу в ту же палату, Лариса Фёдоровна – у «Марьи Ивановны» хочет остановиться...».

Рассказ Ларисы Фёдоровны о их жизни в эти почти два месяца продолжился у меня дома:

– Главное, что тревожит нас: Василий Дмитриевич перед отъездом сюда носил много тяжестей. А каково это для сердца при его

аритмии?! И его майское пребывание в Боткинской, и операция, и выкуривание им сигарет по несколько пачек в день...

Лариса рассказывает, а я думаю: Василий-то Дмитриевич под наблюдением врачей, а вот какво Ларисе с её давнишней мерцательной аритмией, бытовыми заботами в неблагоустроенном марьевском доме и страшной тревогой за здоровье поэта?..

Сон — предвестие?

Лучший из снов – это жизнь!

Л. Фёдорова

Проводив Ларису в гостиницу, только вернулась домой – телефонный настойчивый звонок. Бросила взгляд на часы: 23 ч. 15 м.

– Василий Дмитриевич?! – удивилась я.

Как-то особенно и очень взволнованно он говорит о сильной боли «в середине груди».

– Солнечное сплетение?

– Да.

– Когда началась боль?

– Минут сорок назад. Напомните, пожалуйста, телефонный номер Лары.

– Шесть – семьдесят два – девяносто семь.

И, зная, как далеко от его палаты телефон-автомат, стараюсь убедить его немедленно лечь на ближайшую скамейку или сесть на стул, если он ближе, позвать медсестру. Набираю телефон Ларисы, а сама опасаясь, что Василий Дмитриевич, по своей стеснительности, никого звать не будет, а пойдёт длинным коридором в палату и ляжет там без медицинской помощи (так, кстати, и оказалось). Звоню Ларисе Фёдоровне, занято. Значит, звонит Василий Дмитриевич... Вскоре звонок от Ларисы. Я предложила:

– Надо немедленно вызвать «скорую»!

– «Скорую» в больницу?

– Ну и что!!

– «Скорая» в больницу не поедет. Да и дежурная медсестра, наверное, уже обнаружила Васю. Будем надеяться, что это нервное.

– Лариса Фёдоровна, это – сердце! Боткинская больница, яйская больница, неверный диагноз, операция да ещё дамоклов меч неотвратимости второй висел над ним эти месяцы. Аритмия... Слишком большая нагрузка на больное сердце.

Следующий день, пятница, 3 сентября, у меня был очень загружен. Да ещё из-за большого разрыва между трактом и видеозаписью передачи весь рабочий день буду занята на телестудии, потому отказалась от предложения Ларисы поехать с нею в больницу. Знала, что она намеревалась весь день там пробить... Встретились вечером у меня.

– Вася очень раздражён, расстроен тем, что следующая неделя с 7 сентября уйдёт на обследование и тем самым операция откладывается.

– А какая кардиограмма?

– Врач ничего не сказал...

Ночь и день этот были в Кемерове очень загазованными. Да ещё безветрие, жара, утренний туман со смогом. Здоровому-то человеку в такие дни трудно дышать...

Обговорили черне предстоящую с нею телепередачу по вышедшей в свет её книге прозы «Во днях Марии».

Ни одно наше общение не обходилось без стихов. И этой ночью тоже. Она вдруг говорит:

– Хочешь, прочту тебе новое Васино стихотворение?

Читает: «Не ругай меня за лень... говорит во мне Вселенность...». И ещё читает набросок стиха (сон о чёрных ягодах), заказанного сестрой поэта Марией Васильевной. Уже под утро Лариса поведала о своём тревожном сне:

– Хожу я со свечой в темноте по Назаркиной горе...

– Когда был сон?

– Недели две-три назад... Получается – предупреждение перед Васиным инфарктом?

Я сама боюсь снов: слишком много их в моей жизни исполнялось. А этот у Ларисы очень символично зловещ. Вспоминала она сны Василия Дмитриевича. И те, что вошли в новеллы, и те, которым только предстояло стать классическими произведениями...

Смотрела я на Ларису Фёдоровну – исхудавшую, печальную, растерянную – и тревога за неё захлёстывала моё сердце. Наверное, поэтому весь следующий день я тревожилась за неё больше, чем за Василия Дмитриевича. Он-то под наблюдением врачей... Говорила Валентину, что Лариса нейдёт у меня из головы, но дозвониться до неё не могу (сотовых-то телефонов тогда ещё не было), она с утра в больнице. Наконец-то поздним вечером дозвонилась, слышу:

– Я только что из больницы. У Васи инфаркт. Ему не сказали. В кардиологию перейти отказался. Ничего не ест... Вот, Томочка, сон-то – предупреждение, входит?..

– «Лучший из снов – это жизнь!»

5 сентября, воскресенье. Пришла ко мне Лариса Фёдоровна из больницы. В ужасном состоянии. Плачет. Василию Дмитриевичу очень плохо. Боли в сердце не прекращаются, ничего не ест, капельницу ставить не разрешает, как и открывать окно. Очень раздражён... Резко поворачивается... приходила заведующая кардиологическим отделением Галина Владимировна Верткова, говорила ему о необходимости перевести его из хирургии в кардиологию... Отказался...

6 сентября, понедельник. Лариса: «Сегодня врач сказал Василию Дмитриевичу об инфаркте. Он немного присмирел и, кажется, смирился с мыслью о случившемся. Перевезли его в кардиологию».

Вечером у меня делали пельмени.

– Вася любит пельмени, – говорит Лариса Фёдоровна, ловко размешивая в молоке яйца и муку. – Вот смотри, Томочка, тесто для них можно и не раскатывать скалкой. Тогда пельмени тонкие и нежные. Вася такие любит.

Я думаю: наверное, поэт, глядя на то, как жена ловко и красиво

лепит пельмени, слагал в душе тот самый гимн пельменям в «Женитьбе Дон-Жуана». Я понимаю, что чувства и мысли её сейчас в больнице, а делает и говорит она всё это машинально, видимо, забыв, что точно так же мы лепили пельмени не раз и в Марьевке, и в Кемерове, и в Москве и даже в Горной Шории.

Я поддерживаю этот отвлекающий разговор, потому что состояние её ужасно. И ничем не утешить. Перевожу разговор на предстоящую её телепередачу. Уточняем, что она будет читать...

Пока Лариса отдыхает, набрасываю на пишущей машинке сценарий. Заносим его заведующей литературно-драматической редакцией Зое Естамоновой домой, завтра вторник – художественный совет телестудии.

Побродили немного по городу, уговорила Ларису ночевать у меня. И ей и мне так спокойнее. Ночь почти не спали. Лариса много рассказывала о своей юности, о гибели на фронте близких ей людей, о встрече с Василием Дмитриевичем, о том, как они радовались, переезжая из коммунальной комнатки в отдельную квартиру, было им тогда чуть за сорок лет...

7 сентября, вторник. Василию Дмитриевичу получше. Значит, и у Ларисы Фёдоровны состояние лучше, только вот ноги у неё сильно болят. Получила для телепередачи бандероль с книгами Ларисы («Во днях Марии»), отправленную на меня из Марьевки Митрофаном Васильевичем Грибоедовым. Да привезла из Журавлей свежую клубнику для Ларисы и Василия Дмитриевича, идём с Зиной Веселовой в больницу.

День 8 сентября принёс от Ларисы такую новость:

- Васю не оставляет мысль об операции в октябре...
- Лариса Фёдоровна, не соглашайтесь. Об операции не может быть и речи! Согласиться на это – значит, убить человека!
- Томочка, он всё твердит: «Нет у меня никакого инфаркта».
- А две кардиограммы? Да и заведующая кардиологией сказала: «...глубокий инфаркт задней стенки сердца»...А какое у него сегодня состояние?

*Л. Фёдорова, Т. Махалова
в окрестностях Журавлей. 1988г.*

– Очень уставший вид, съел три пельмешка имени Зинаиды Николаевны... – как пошутил, узнав, что лепили их втроём.

Все последующие дни проходили в ожидании вестей из больницы. Стараюсь отвлекать Ларису просьбой читать стихи...

12-го сентября, придя из больницы, она говорит:

– ...у Васи начато стихотворение «Друзья паладины». Вообще, он сейчас пишет всё больничное. Смирился с инфарктом, уже не говорит: «нет у меня никакого инфаркта». Подложили сегодня ему щит под матрас, он сказал: «...теперь я не в колыбели».

В этот вечер Лариса Фёдоровна с каким-то особым желанием обращалась к воспоминаниям и на мой вопрос, – как вы познакомились с Василием Дмитриевичем? – рассказала:

– Я жила в общежитии, привёл Васю туда и познакомил со мной Виктор Гончаров. Кстати, стихотворение «Не удивляйся, что ум-

решь, дивись тому, что ты живёшь...» первоначально было посвящено Гончарову, потом Вася его снял, и Виктор очень сожалел об этом.

Так как мы собирались с Ларисой поехать вместе в Кисловодск и у нас уже были путёвки в санаторий имени Орджоникидзе, я предложила передать свою Василию Дмитриевичу, чтобы они оба поехали туда. Немного помечтали об этом. Но почему-то в конце вечера Лариса сказала о невозможности осуществления этой идеи, хотя большой запас времени до отъезда был, да и можно было им поменять путёвки на любое время.

Назавтра с Ларисой поехали на телестудию, записали с ней передачу (она прошла потом по местному ТВ 22-го сентября, а по Первому каналу – в октябре.). Вышли из телестудии, Лариса стоваривала меня поехать с ней в больницу, но мне нужно было на работу. Встретились вечером у меня.

Потихонечку шло выздоровление, к октябрю Василий Дмитриевич стал вставать с кровати и даже выходить в коридор. Зав отделением кардиологии Г.В.Верткова сказала ему:

– Таких, как вы, пациентов направляем на реабилитацию в санаторий.

– Только после операции я поеду туда.

– До 10 октября Теодор Израилевич уехал в командировку в Алма-Ату.

Мне подумалось: может быть, так говорят, чтобы хоть немного оттянуть настойчиво требуемую позтом операцию? И правильно делают.

В эти дни Лариса много рассказывала о Василии Дмитриевиче, его азарте при игре в бильярд в Центральном доме литераторов и даже о его ревности, при этом поведала об обстоятельствах создания его стихотворения «Поклянись на белом хлебе...», написанном на даче, на хуторе Гаврилов.

Настроение всех в эти дни было неопределённым. Нужно ли делать сейчас вторую операцию? Слишком большой риск. Многое

против неё. «За» – только непреклонная решимость Василия Дмитриевича:

– Без неё в Москву не поеду!!

Лариса Фёдоровна то плачет, то бодрится. Как могу, утешаю, но состояние поэта неважное, а от этого зависит и состояние и настроение Ларисы.

5 октября. Как и всегда в это время, возвращается ко мне из больницы Лариса и приносит книгу писателя из Куйбышева: Сиротин Б.З., «Вечерний поклон», в которой она отметила, что в ней понравилось Василию Дмитриевичу. Принесла от Василия Дмитриевича и вёрстку книги Валентина Махалова «Поздний гость»:

– Вася сказал, что в целом книга Валентина интересная; отметил строки, в том числе, «К праздникам опаздывал, к горю поспеивал...».

– Она у Валентина ведь давно, ещё с 1975 года собрана. Сейчас пишет другие по настроению стихи.

«СОГЛАСИТСЯ ЛИ ГЕРМАН НАПИСАТЬ НАШИ ПОРТРЕТЫ?»

Этот день для меня почему-то очень грустный. Побаливает сердце. Да и сон: два пожара – настораживает. При Ларисе стараюсь не обнаруживать своё состояние, хотя с печалью очень трудно бороться: в Ленинграде у меня очень старенькие родители со многими проблемами по здоровью, ослабли после смерти в 1980-ом году Коли, моего брата. И Ларису трудно утешить, ведь вести из больницы неутешительные. Сердце её в суматохе, ум – в смятении... Чем отвлечь? Предлагаю посмотреть в библиотеке имени Н.В. Гоголя на Весенней, дом 7 интересную работу Германа Захарова «Достоевский и Исаева». ...

Ларисе этот парный портрет понравился. Сказала мне, что «ещё в Москве хотела заказать московскому художнику наши с Васей портреты».

Супруги Фёдоровы в портретах работы Германа Захарова

– Как, Томочка, ты считаешь: согласится ли Герман написать наши портреты?

– Лариса Фёдоровна, любой художник должен заинтересоваться, «загореться» – тогда и напишет.

Я подумала: чтобы портреты Фёдоровых были написаны, надо, чтобы Лариса Фёдоровна имела возможность в неофициальной обстановке почитать свои стихи в присутствии художника. А когда? где? Лучше всего у меня дома. Никто не помешает. И временем можно не ограничиваться.

Герман Захаров был особенным человеком: аскетичным, целеустремлённым; с художниками, по-моему, как сейчас говорят, не «тусовался», бытовой суете не поддавался, от многих и разного рода предложений как художнику отказывался. Как же мне сговорить Германа Порфирьевича? Ясно, что не банально и не прямолинейно, а ... Я верила: если родилась мечта иметь портреты, родилась идея – будут складываться обстоятельства её материализации.

... У меня в издательстве были две рукописи – проза и поэзия – талантливой Любви Алексеевны Никоновой. Поставить обе в план – невозможно. Но мне увиделась возможность гармоничного соединения этих разных жанров в одной книге. Пригласила её приехать и обговорить такой вариант. Люба приехала, весь день мы с ней беседовали по рукописи, а к концу его я пригласила её вместе со мной и Ларисой Фёдоровной в библиотеку посмотреть картину Г.Захарова «Достоевский и Исаева». И автор будет там же. Люба из Новокузнецка, в музее Ф.М. Достоевского – вот не помню сейчас – Люба уже работала в это время или позже. (В Новокузнецке Фёдор Михайлович прожил в общей сложности не менее трёх недель, венчался там же.) Люба с удовольствием согласилась на моё предложение.

И в этот раз мы не только посмотрели картину, но и после закрытия библиотеки для посетителей, приглашённые в комнату для сотрудников, насладились беседой. Я обожаю библиотечных работников. Духовно возвышенные, любящие книгу, творчески относящиеся к своей работе, они всегда мне по душе. И есть в них какая-то невыразимая словами особинка, которая меня привлекла в далёкой ещё юности при знакомстве с Еленой Александровной – увлечённой искусством, директором одной из ленинградских библиотек.

Вышли на Весеннюю улицу... Тихо... Сумеречно. Матовый свет фонарей сквозь листву сохранял в нас чувство нереальности, гармонии во всём, поддерживал желание продлить духовное общение... Вот, подумала я, это тот самый момент, когда общение с живописью хорошо бы продолжить общением с поэзией.

Пригласила всех пойти ко мне. Удивительно, но Герман согласился. Может быть, потому, что я пригласила не «на чашечку чая», а на «почитать стихи». А вернее всего, наверно, потому, что поддался нашему общему желанию побыть ещё немного в той атмосфере искусства, что возникла в библиотеке и ещё не угасла... А может быть, и Александр Сергеевич Пушкин недалеко (на площади

своего имени) поспособствовал?.. Ведь он многое не раз определял в моей жизни.

Всё получилось великолепно. Ларисе Фёдоровне я посоветовала: «Вдохнитесь, читайте так, чтобы художник захотел написать ваши портреты». Начала читать свои прекрасные стихи Люба, потом – Лариса Фёдоровна... постепенно вдохновляясь, читала необыкновенно страстно... И беседа потом была интересной.

Забегая вперёд, скажу, что вскоре по просьбе художника я передала ему первый сборник стихов Ларисы Фёдоровны «Ветка шиповника»* (с её автографом**), в котором на фронтисписе фото её молодой, передала и несколько фотографий Василия Дмитриевича работы Виктора Никифоровича Грызыхина. Самые лучшие фото поэта созданы этим очень скромным, но высокого таланта мастером. И Василий Дмитриевич считал их лучшими.

...Однако вернусь к тому вечеру. Ушла Люба, потом Герман Порфирьевич. Лариса Фёдоровна поверила, что художник обязательно напишет их, Фёдоровых, портреты. Этот прекрасный вечер завершился звонком Петра Михайловича Дорофеева:

– ...Болеет три дня, посмотрел вашу телепередачу... Прочёл, Лариса Фёдоровна, вашу книгу «Во днях Марии», скажу откровенно: не ожидал, что вы такой интересный прозаик. Надо бы переиздать в Кузбассе, а мне пора заняться благоустройством Марьевки.

(И занялся, скажу кстати, весьма продуманно, энергично и, как всегда, увлечённо.)

А мы с Ларисой после звонка Петра Михайловича поговорили о её любимом рассказе «Анатольевна и сын» и о поэзии Василия Дмитриевича. Я на тот момент восхищалась его «Еленой Прекрасной», глубинным завершением темы в строках: «За девять лет, приученные драться, копьём и дротиком вести бои, уже ахейцы

* Лариса Фёдорова, «Ветка шиповника», стихи. Москва, «Советский писатель», 1977 г., 96с. тираж 10 000

** Автограф Ларисы: «Дорогим друзьям – Тамаре и Валентину Махаловым мою робкую сибирскую «веточку» от автора сердечно! Л. Фёдорова. 8.X.-77»

стали оступаться о клятвенные бороды свои. В крови, в скорбях, в осадной суете они, вослед приплывшие под Трою за юною, за дивной красотой, успели позабыть о красоте... И мы в бою, и мы твердыни рушим. Но, увлекаясь праведной борьбой, лишь одного хочу, чтоб наши души не обросли ахейской бородой...». Рассказала Ларисе о двух своих публичных столкновениях (как руководителя парторганизации издательства) с «ахейской бородой» бюро Центрального райкома партии. Поговорили о сути и проформе любого дела, она одобрила мою принципиальную позицию и сказала, что «теперь я понимаю, почему тебе именно сейчас нравится это стихотворение».

А Лариса восхищалась поэмой «Бетховен» – и музыкой и содержанием. Много позже я привезу из Москвы оригинал(!) партитуры и клави́р «Бетховена» композитора Усачёва, передам дирижёру кемеровской госфилармонии Барсову. Мечтала, что кемеровский симфонический оркестр отрепетирует хотя бы фрагменты из «Бетховена» и на Фёдоровских чтениях музыка эта будет сопровождать чтение поэмы Н.И.Сизовым. Увы! Мечты не сбылись. Партитура и клави́р пролежали у дирижёра очень-очень-очень долго. Впустую. Получив, наконец, обратно, завезла бесценный этот оригинал в Москву Ларисе Фёдоровне.

«СОСНОВЫЙ БОР»

Вернусь к октябрьским дням 1982 года. Поэт всё ещё в больнице. Лариса плачет. К сожалению, мне необходимо надолго уехать. Как-то всё здесь в моё отсутствие сложится?

... Позвонил мне в Ленинград Валентин:

– Василия Дмитриевича после операции направляют на реабилитацию в пригородный санаторий-профилакторий «Сосновый бор».

– Как самочувствие? И Ларисы – особенно? Хорошо бы и её подлечить в санатории.

– Лариса будет с ним. Но начались морозы. Для Василия Дмитриевича купили дублёнку. Ему нравится. А Лариса в очень лёгком плащике.

– Валентин, в шифоньере висит моё новое зимнее пальто, увидишь: цвета какао. Передай его Ларисе, уговори её, скажи, что это мой ей приказ, моё главное желание. Иначе может, не дай Бог, простудиться. При её-то больном сердце и стольких страданий в этом году! Да обязательно, как сделаешь, сразу же звони мне!

Валентин так и поступил, сообщил мне:

– Теперь о Ларисе не беспокойся, твоё пальто оказалось ей по размеру и нравится.

...И летит мне уже в Кисловодск, в санаторий Ларисина весточка от 23 октября 1982 года, в ней – полная картина пребывания Фёдоровых в «Сосновом бору»: «...ну а мы блаженствуем в люксе, в трёх комнатах, с цветным телевизором. Бор хорош. Синички и белочки – того лучше. Гуляем, лечимся, читаем...». Рассказывает, кто «...бывает на наших посиделках...Поэтов привозит Валентин...».

Наша дача в Журавлях недалеко от «Соснового бора», напрямик не больше километра, и Лариса рассказывает, как «Валентин осенью налёг могучим плечом на лопату – и двадцать ведер картошки выпорхнули из своих гнёзд к вам в погреб...».

Навещает Фёдоровых и Герман Захаров. Лариса: «Изучаю Германа для будущего рассказа – любопытен и трогателен. Вот стихи о нём и его картине /«Достоевский и Исаева» – Т.М./.. Был у меня вечер в больнице /так Лариса называла санаторий – Т.М./.. Приходили и выступали Валентин с Валерием /Козловым? Зубаревым? – Т.М./.. А потом Герман подарил мне портрет Цветаевой. Я от радости чуть в обморок не упала!.. Обнимаю тебя. Восстанавливай своё доброе, великодушное сердце! Любящая тебя...От Васи ещё разок поклон и пожелание быть здоровой».

Увиделась я с Фёдоровыми только 22 ноября. Лариса предупредила меня о том, что Василий Дмитриевич «расскажет что-то интересное о своём лечении в санатории». Рассказал:

Дорогой Валентин,
 Но как был на Набережной Терезы.
 сарайки все в Цуминском колхозе —
 не исступило им сам со Цар и восторге
 от Валентина соуса, г. е. Это-мудрой и восторге
 ожидаю, что пока ничего нет. Тогда
 Вудалистушки сборники? Он восторге?
 Если восторге, его надо устроить в
 Цуминском колхозе или еще.
 Надо это сделать восторге. Своего
 Зина и написать восторге восторге
 что, хорони в восторге восторге
 восторге тебе.
 Валентин Фёдоров
 5.11.74

* * *
 Мы спорили
 О смысле красоты,
 И он сказал с наивностью младенца:
 — Я за искусство левое. А ты?
 — За левое. . .
 Но не левее сердца.
 VITÁZTUNK ELEGET. . .
 Vitáztunk eleget,
 hogy a szépség értelme mi lehet.
 Így szól (mint csecsszopó, olyan naiv):
 — Egyre baloldalibb művészet kell! Te meg?
 — Egyre baloldalibb. . .
 De sose legyen balrább, mint a szív!
 Majtényi Zoltán fordítása

Упоминаемый в письме В. Фёдорова Валентину «будапештский сборник» — уникальная двуязычная антология «Встреча» поэтов и художников Венгрии и СССР издательств Кемеровского и «Корвина» (Будапешт). 1974г., 360 с., 8000 экз. Одно из шести стихотворений В. Фёдорова из этой книги — на русском и венгерском языках — представлено здесь

— Вы помните, Тамара Ивановна, нашу беседу в Доме рыбака в Горной Шории? О деревьях. Вы тогда рассказали о встречах на симпозиумах с учёными Киевской академии наук, их исследованиях. Об энергии деревьев, их целительной силе, о главном условии общения с ними, предупредили о необходимости быть осторожным с осинами. . . Так вот, я недавно убедился на себе, как целительна энергия деревьев. Когда жили с Ларой в «Сосновом бору» и я должен был отрабатывать свои ежедневные три километра, однажды проходил мимо сосны, стоящей на повороте дороги к профилакторию, я пожалел её, меня поразило: и бок-то у неё оборван, но уже зарос, затянулся, и даже ветки, как руки, сломаны, но выше них — новые, зелёные. И живёт! Она связана корнями со всей землёй, в ней силу, видимо, черпает. . . И я приложил к ней руку, сказал: мы похожи с тобой. . . дай мне силу. . . помоги мне. . . И потом, гуляя, подходил к ней и касался рукою. Мне казалось. . . мне хотелось перенять силу, разговаривал, жалел её, просил по-

мочь мне.. И я чувствовал, как она помогает...будто силу в меня вливает... Вот этот момент – встреча с покалеченной сосной – был для меня важен.

Ещё раз к этому рассказу поэт вернулся на прощальном вечере 30 ноября 1982 года в гостинице «Кузбасс». Я же обратилась к нему при написании сценария и съёмках телефильма 1988 года «Я душу распахну – входи!».

В ГОСТИНИЦЕ «КУЗБАСС»

... Наконец, все больничные перипетии позади. Через несколько дней Фёдоровы вылетают в Москву, а пока поселились в двух номерах гостиницы «Кузбасс». Встретилась я с Ларисой в библиотеке на Весенней, она рассказывает:

– Сегодня Вася грустно так говорит: «Я уже столько был в больнице, что, наверное, смогу даже тюрьму выдержать».

Беспокоясь, Лариса позвонила в номер. Никто не ответил (оказывается, надо было звонить через коммутатор), она подумала о плохом – и мы помчались в гостиницу.

– Слава Богу, Вася, ты з д е с ь. Всё у тебя нормально?

Несколько растерянный, он упрекает жену в покинутости, во всём облике его незащищенность и тихость. Лариса Фёдоровна от волнения и быстрой ходьбы еле переводит дыхание. Её сильная одышка меня более всего беспокоит.

Здоровуюсь с Василием Дмитриевичем – рука очень лёгкая, ослабленная. Седые волосы отросли, спадают густо, утяжеляя нижнюю часть лица.

Одышка у Ларисы уменьшилась – собираюсь домой, Лариса уговаривает поужинать с ними, пришлось согласиться. Спустились в ресторан. Он пуст. В углу репетирует инструментальный ансамбль, чересчур громко, просто оглушающе. Официантка сверхнедоброжелательна: «...минеральной воды нет... свёклы нет... салатов нет» и т.п. Оркестр гремит какие-то революционные мар-

ши. Василий Дмитриевич очень всем этим огорчён. Я выразила сожаление, что напрасно не пошли ужинать к нам.

– Но Вася не смог бы подняться на такой высокий ваш этаж.

И то правда... Вдруг Василий Дмитриевич показал нам на мышку: выбежала на середину прохода, замерла глядя на оркестр. И долго так, минут десять.

– Не родственница ли она голубому мышонку в доме на Назаркиной горе? Бедная, серенькая, но талантливая – вон как слушает оркестр! – предположила я.

– Если верить в воплощение души, реинкарнацию, то она, видимо, была оркестранткой, – поддержала меня Лариса.

– Нет, Лара, скорей всего, уборщицей в ресторане, – тихо, но как-то безнадёжно угрюмо заметил поэт.

Я подумала: о Господи! Одно к одному – и всё грустное...

Из-за безумно громкой музыки беседовать невозможно, и мы вскоре ушли в номер. Лариса включила телевизор – не работает. Мы этому уже и не удивились. Я собралась уходить, Лариса Фёдоровна удержала меня настойчивой просьбой остаться, а сама пошла насчёт телевизора к дежурной. Василий Дмитриевич неожиданно заговорил о том, что:

– Когда я составлял книгу поэм для «Художественной литературы», перечитывая их, понял, что первые поэмы я писал («Лирическую трилогию», «Марьевскую летопись») под влиянием музыки, а потом пришло влияние живописи – увидел это на других поэмах. Вот и думаю, почему?

Я высказала предположение, что в молодости человек, видимо, более восприимчив к ритмам, его тело легче подчиняется им.

– Нет, Тамара Ивановна, наверное, это объясняется тем, что в Новосибирск тогда приехал Ленинградский симфонический оркестр, я приобщился и пропускал свои образы через музыку... времени не хватало, приходилось соединять творчество с посещением концертов...

Разговор наш перемежался репликами Ларисы Фёдоровны с де-

журной, она в дверях ждала телемастера. Его всё не было, и она обратилась к проходящему мимо молодому человеку с просьбой помочь с телевизором. Он оказался режиссёром Васильевым, с которым накануне меня и Ларису в антракте спектакля «Моя профессия – синьор из общества» познакомил Валерий Викторович Гришко, приехавший вместе с Васильевым из Ленинграда от Товстоногова в наш облдрамтеатр главным режиссёром. Кстати, приехал с прекрасным проектом творческого обмена ленинградского и кемеровского театров – взаимным включением артистов в свои спектакли. К сожалению, эта хорошая идея была разрушена амбициями всего лишь одного кемеровского чиновника.

Разговор с Василием Дмитриевичем перешёл на творчество Л.Н. Толстого. Почему он стал говорить о нём, я не поняла; высказала главное в моём восприятии л и ч н о с т и Льва Николаевича:

– Мне, Василий Дмитриевич, в личности Льва Николаевича нравится вот что: как только он приходил к какому-либо убеждению – менял соответственно с ним и свою жизнь внешнюю. Это не касается базовых убеждений: честь, совесть, справедливость, доброта – они неизменны для человека. Но вот, например, Лев Николаевич приходит к убеждению, что именно просвещение народа изменит народную жизнь к лучшему, и он, продав дом, на эти средства издаёт для народа журнал, публикует небольшие книжечки с притчами... Или, позже, когда пришёл к убеждению, что каждый человек должен внести свою лепту в ф и з и ч е с к и й труд, стал каждый день или пахать землю, или колоть дрова, косить траву... И жизнь своей семьи стремился так же перестроить... Да и последнее: его уход из дома ведь тоже, видимо, был продиктован его новым убеждением.

И даже внешность его менялась – лицо, взгляд и т. п. Не говорю уж об одежде. Посмотрите одновременно на его портреты разных лет. Однажды я свою лекцию о мировоззрении Толстого и построила – на портретах. Получилось убедительно. Мало того, что он улавливал насущные проблемы своего времени, но и менял

свою жизнь для их решения – стремился к гармонии внутреннего и внешнего. Не этим ли, – частично, конечно, – объясняется популярность его Учения среди современников? Толстой никогда не был «сытым пророком». Да что я вам толкую так длинно, Василий Дмитриевич, вы сами сказали об этом очень коротко, полно – не о Толстом, безусловно, а о современных «пророках»: «Он говорит и страстно и глубоко, но странно видеть сытого пророка».

– Да, сейчас эта проблема – сытых пророков – очень актуальна. Согласен. А вот, Тамара Ивановна, когда делят его жизнь на периоды да и творчество тоже... Берёшь один период – ничего интересного, а сложенные все вместе – это интересно, это – сложно...

Продолжая предыдущую тему, спрашиваю:

– А сейчас, Василий Дмитриевич, под влиянием чего вы пишете?

– С к у л ь п т у р а, – сразу и очень убеждённо ответил.

– А что, по-вашему, сложнее: музыка? живопись? скульптура?

– Скульптура. Простота – её суть. К ней – через сложное, её объёмность, всесторонность, освещённость и многогранность...

– Вот, смотрите-ка, Василий Дмитриевич: вы, пожив, – так сказать, усложнившись, – обратились к более сложному: скульптуре... или она к вам притянулась как к более сложной системе, здесь ведь процесс обоюдный и, думается, одновременный...

(Вот сейчас, когда пишу об этой, давней, беседе, подумалось: воспоминания, статьи литературоведов отмечают, например, «приход к поэзии Владимира Маяковского – через живопись, Бориса Пастернака – через музыку, Велимира Хлебникова – через математику, филологию...»). Василий Дмитриевич же говорил о влиянии некоторых видов искусства на создание лишь некоторых его произведений. Что же я не спросила его тогда: где та «точка отсчёта», с которой и началось его главное жизненное дело?.. На этот мой безмолвный вопрос себе самой ответ возник во мне сразу: увиделся момент, когда Василий Дмитриевич в детстве плыл с братом по Кайдору. Момент, который воплотил в себе и м у з ы к у ветра и шёлковых трав, серебряную мелодию текущей воды и солнечных лучей, а

для очей – живопись сибирского пейзажа и скульптурные очертания дальних лесов... И янтарная кувшинка на водной глади озера – как гармония всего сущего... Момент, который обозначен самим поэтом в словах: «И всё – чудо!».)

Меж тем в номере Фёдоровых наладили телевизор, и беседа пошла о его изобретении. Когда я сказала:

– Наверное, со временем всё более будут ценить главные чувства, исконные. Выиграл человек в скорости – потерял определённое душевное состояние, например, состояние человека, едущего на телеге и видящего красоту природы, зверушек, слушающего пение птиц или тишину вокруг... и состояние человека, преодолевающего расстояние в самолёте... И что он видит?..

– Да, да... Я с вами согласен и убеждён, что через технический век всё вернётся к человеку. Тут вопрос в чувстве счастья...

Лариса Фёдоровна сидела в кресле у окна. Несмотря на неудобную спинку его, очень уютно устроившись. Иногда взглядывала на экран, где шёл «Закройщик из Торжка». Василий Дмитриевич рядом, слева от Ларисы Фёдоровны в таком же кресле, но в очень неудобной позе. На нём серый пиджак, рубашка в клетку, без галстука, застёгнута доверху – как в русской деревне испокон носили мужчины. Несколько усталое, похудевшее, тихое лицо с тихими глазами. «В такие моменты цвет глаз его серый, а не небесно-голубой», – как однажды заметила Лариса Фёдоровна. Василий Дмитриевич встал, взглянул на экран.

– Да, вспоминаю, очень давно видел фильм этот, – сказал отчётливо, явно озабоченный чем-то другим. Возможно, тем же, от чего Лариса Фёдоровна в этот день не просто плакала – рыдала: в эти месяцы поэт чуть было не перешёл грань жизни и смерти. И то ведь: с 17 мая, когда сообщили в Боткинской об инфаркте, прошло шесть месяцев. И каких! Борьба за жизнь – две операции, инфаркт... И что будет в Москве? Неизвестность. Да и у самой Ларисы Фёдоровны здоровье плохое. А сколько у неё переживаний за эти полгода!?

Я собралась уходить. Взглянув на часы, Лариса ахнула:

– Прости, Томочка, так долго продержала тебя, а ведь у тебя и своих забот хватает.

Пошла провожать меня и заодно обсудить план завтрашнего дня. Посидели с нею в холле. Заботило её ещё и то, кто их будет в Москве так рано встречать? Вернулся ли сын из командировки во Владивосток? Передала ей любимую поэтом «Литературную Россию» (совсем о ней забыла), решили кое-какие бытовые вопросы. Заговорив о Василии Дмитриевиче, Лариса снова заплакала: как перенесёт он предстоящую дорогу? Меня же очень беспокоило состояние её с а м о й, её а р и т м и я... Она плакала... А чем могла я её утешить? И возможно ли здесь утешение?

Придя домой, сразу же стала искать для Ларисы (она просила) «Поэму о доме». Как и обещала, прочла ей по телефону начало... конец...

– Не то... не то...

– Может, «Я – словно дом...»?.. – читаю начало.

– Да, да, это.

Видимо, сидя в кресле у окна, она почему-то под наш разговор о Толстом думала об этом произведении, о своём доме, который она не мыслила без Василия Дмитриевича.

Ещё до больницы, когда Фёдоровы пришли к нам на вечерок, я предложила поэту книгу «Кант» (кажется, автор – Гулыга) со словами:

– Я её прочла, мне она больше не нужна

– Почему? – спросил тогда Василий Дмитриевич.

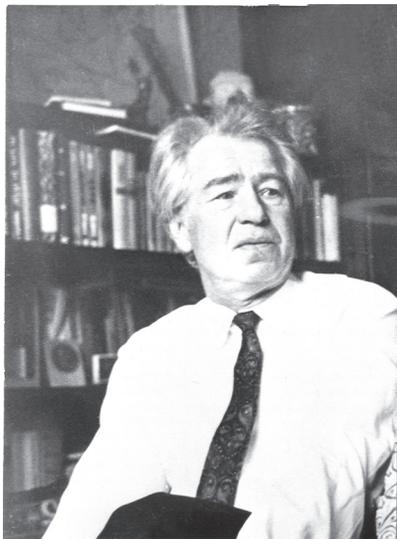
– Перечитывать уже жизненного времени не хватит.

– А вы думаете, что у меня его больше?

Книгу эту я потом подарила Ларисе. И когда, прощаясь в этот вечер, я увидела её в номере, спросила у Василия Дмитриевича о его впечатлении от книги.

– Зря автор делит жизнь Канта на периоды. А что писать о его жизни? Конечно, о философии...

Говорил о книге, а мне казалось: о своём творчестве.

*«Лишь одну оставить не хочу,
ту, что видела всегда крылатым.»
В.Фёдоров*

*Репродукция портрета Л.Фёдоровой,
созданного художником Г.Захаровым
при чтении первого её поэтического
сборника «Ветка шиповника»*

Ведь творчество Василия Фёдорова – это подлинная философия жизни. В частности – России XX века.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

На прощальный вечер 30 ноября 1982 года в ресторан гостиницы «Кузбасс» Фёдоровы пригласили Теодора Израилевича Шраера, кардиолога Галину Владимировну Верткову, Германа Семёновича и Зинаиду Николаевну Веселовых, Петра Михайловича Дорофеева с супругой, собкора «Известий» Петра Семёновича Ворошилова, меня и Валентина.

Василий Дмитриевич выглядел неплохо, настроение хорошее, сидел он за столом на стороне торца, Лариса Фёдоровна слева от него, гости – по обе стороны стола. Стол длинный, гости заняли меньше половины его. Я поняла, что все будут смотреть на поэта

и я в поле их зрения не попаду, если сяду на дальний пустой край. Тогда я смогу кое-что записать. Эти записи и помогли мне через три десятилетия точнее воспроизвести часть сказанного тогда, главное – рассказ поэта о покалеченной сосне. Несколько ранее, ещё в номере, я посоветовалась с Ларисой: как она отнесётся к тому, что я во время застолья кое-что запишу.

– Ну и правильно, – одобрила она, – пригодится для телепередачи. (Как оказалось, пригодилось для фильма «Я душу распахну – входи!» да вот для этой рукописи.)

Итак, по порядку. Пётр Михайлович рассказал о начале спасения Василия Дмитриевича. О том, что он не поверил в инфекционную болезнь и разыскал хирурга. Теодор Израилевич: «...первая операция в июле была острой необходимостью, больной и я не стояли перед дилеммой. А вот второй операции могло и не быть... Тут Василий Дмитриевич сыграл решающую роль, идя на риск. Это – мужество человека». Все коллективно согласились на том, что это «редчайший случай художественного, так сказать, аппендицита».

А Василий Дмитриевич поведал о своём творческом состоянии и о чувствах: «...состояние у меня было такое: начинал писать больничное и бросал, выходя из этого состояния». И о том, что «...потерев бока на больничной койке Кемерова, я понял, ощутил, почувствовал, что и Кемерово – моя родина»...

Тепло и восхищённо говорили о Ларисе Фёдоровне как о поэтессе, матери, жене поэта, бабушке. Поэт шутливо подытожил: «Универсальная Лара». Лариса Фёдоровна в светлом платье, белом пуховом кашне на плечах, с большими янтарными серёжками выглядела светло и красиво.

Когда официанты подали пельмени, Пётр Михайлович блестяще прочёл фрагмент о пельменях из «Женитьбы Дон-Жуана». И вспомнил, как он, прочтя строки поэта о марьевских дорогах («Нашей Марьевке и многим / В коммунизм идти быстрее / Не дают пока.../Дороги!...»), тем самым убедил секретаря Яйского райкома партии заняться ими.

Пётр Семёнович Ворошилов вспоминал встречи в Марьевке, о том, как они приносили ощущение молодости.

Валентин Махалов рассказал о семинаре тридцати четырёх поэтов Советского Союза в 1963 году в Москве, где он впервые встретился с Василием Дмитриевичем.

Я задавалась вопросом, расскажет ли Василий Дмитриевич о сосне? Или оставит в душе этот факт – вызреть (об этом намекнула мне Лариса) в новую новеллу из «Снов поэта»? Рассказал. И довольно подробно. Он был в хорошем настроении, коньячок только пригублял, прислушивался к речам и тостам, остро, но и деликатно кое-что подмечая...

Когда гости уходили, вместе с ними и Валентин, Лариса меня придержала поговорить с нею о бытовых предотъездных вопросах. А затем Фёдоровы пригласили меня погулять по городу и обещали проводить потом до дома. По улицам мела метель-позёмка, говорили о завтрашнем дне. Мне надо будет организовать машину, чтобы привезти из квартиры Германа Захарова (пр. Октябрьский, 56 а) два «свежих» портрета Ларисы; поговорили и о портретах.

Мне грустно: Лариса уезжает, состояние её здоровья меня более всего тревожит, но хорошо, что поэт вышел из больницы относительно здоровым. Скорей бы окончился этот тяжёлый год.

Земле пророчат смертную рубаху
И тоненькие свечи из берёз...
Когда прицелятся, кладя на плаху,
Не топором, а молнией – насквозь!

*Л. Фёдорова, из стих.
«Земля и XX век»*

ДЕНЬ ОТЪЕЗДА

Четверг, 2 декабря 1982 года.

С утра на работу мне позвонила Лариса. Говорила о вчерашней встрече, о здоровье Василия Дмитриевича, я расспросила о самочувствии её самой. Пригласила на обед в ресторан, я отказывалась: много вёрсток и рукописей нельзя было откладывать, да и после работы хотела к вечеру, к отъезду, запечь курицу в дорогу. Едут ведь поездом. Но Лариса настояла, чтобы я пришла.

Ресторан встретил фразой официантки «Белого хлеба нет». Василий Дмитриевич тихо и смиренно так промолвил: «Да мне и привыкать к чёрному надо». Был несколько рассеян. Может, мысленно в этот момент подводил итог своих больничных мытарств в Кемерове и опасался предстоящего?.. И Лариса была непривычно молчалива. И грустна. Шепнула мне:

– Томочка, мне так не хочется стареть.

Думается, она была очень уставшей от всех катаклизмов со здоровьем Василия Дмитриевича, начиная с мая и вот до этого декабря. Да ещё и неизвестность: «как-то поведёт себя Васино сердце после инфаркта и операций». О себе, о своём здоровье Лариса не думала. У с т а в ш е й она была, а не стареющей. Мне всегда в ней виделась юность. Об этом я ей и сказала совершенно искренне.

Разговор о Кемерове завершился желанием Ларисы:

– Хотела бы я здесь жить. Но... поэт без ЦДЛа жить не сможет.

Настроение Василия Дмитриевича заметно улучшилось. Собираюсь домой, Василий Дмитриевич дарит мне новое издание «Женитьбы Дон-Жуана». Дома открыла: на титуле автограф «Дорогой Тамаре Ивановне Махаловой с нежностью и благодарностью за доброе участие. Вас. Фёдоров 2.X11 82».

Погадала на не прочитанной ещё книге, открылись строки «Теперь людская боль мне поневоле становится больнее личной боли».

Строки эти не случайны. Они точно отражают отношение поэта

к людям, миру и себе. В полной мере строки эти относятся и к Ларисе. Книга вышла в издательстве «Советская Россия» в 1982 году.

Об этом издании и автографе я как-то напрочь на многие годы забыла. Каюсь. И только недавно, в январе 2013 года (неужели тридцать лет прошло?!), разбирая архив, я её обнаружила. Она оказалась в папке со множеством (ведь за 18 лет) сценариев проведённых мною телепередач. Удивилась. Обрадовалась самой книге, а когда открыла её, увидела забытый автограф... обрадовалась весточке из далёкого и прекрасного прошлого – искреннего духовного общения с супругами Фёдоровыми.

Однако, дорогой мой терпеливый читатель, я немного отвлеклась от 2 декабря 1982 года. Возвращаюсь в тот день. Прибежала домой приготовить еду в дорогу, кое-что собрать по просьбе Ларисы. Да и Василий Дмитриевич просил купить «Столичных» сигарет. Прихожу в гостиницу и протягиваю ему блок сигарет – с энергичной фразой:

– Вот – яд! – Василий Дмитриевич вздрогнул, а я повторила: – Курево – яд! Надо, Василий Дмитриевич, уменьшать!

Поддержала меня и Лариса, добавив:

–...да в прокуренном ЦДЛе поменьше бывать!

При провах духовно близких людей всегда хочется оберечь их в пути. В качестве талисмана Ларисе Фёдоровне в дорогу я дала маленькую сувенирную куколку в красивом славянском наряде, а Василию Дмитриевичу – брелок для ключей с греческим классическим сюжетом.

Время подходило к отъезду. Поэт сидел в кресле напротив телевизора, я на стуле ближе к двери. Лариса пошла к дежурной по этажу. Говорю:

– Василий Дмитриевич, я рада, что вы м о ж е т е ехать. Слава Богу, всё уже позади. Но меня беспокоит состояние Ларисы Фёдоровны. Ведь у неё мерцательная аритмия, гипертония, ноги болят, а она себя не бережёт, забывает о себе. Берегите её вы. Прошу.

Вернулась Лариса Фёдоровна. Василий Дмитриевич снова, как

вчера, заговорил о Толстом. (Вот опять, – отметила я мысленно, – Василий Дмитриевич в который раз подчёркивает эту мысль... Возможно, думает о будущих исследователях своего творчества?):

– Деление на периоды формально, у человека нет периодов, всё взаимопроникнуто.

– Согласна. Просто нет резкой грани – в жизни, писатель может в поэме или повести это взаимопроникновение показать, а литературовед? Ему приходится делить на периоды или иначе – без периодов – ему придётся тоже написать повесть или поэму. Не пишет ли уже такую о вас Юрий Львович? – пошутила я.

– Да, интересно вы, Тамара Ивановна, повернули. Надо поразмыслить... В чём-то соглашусь с вами.

Очень оживлённо начали втроём беседовать на эту тему, но через некоторое время поэт вернулся к прежнему. И я снова чувствовала, что, говоря о Толстом, Василий Дмитриевич фактически говорит о себе, своём творчестве.... И мне показалось, что он очень

Зима. Расстаёмся до встречи летом. Л.Фёдорова, Т.Махалова

спешил высказаться о некоторых моментах своего творчества – своего главного жизненного дела.. Обычно такой сдержанный, ответственный за каждое слово, сейчас говорил быстро, не подбирая слова, но очень убеждённо и словно опасаясь не успеть всё высказать... Часы на стене неумолимо и, казалось, торопливо отсчитывали время...

Восемь вечера... Подъехала машина из горкома партии с Галиной Мальцевой и Людмилой Чех. Пора! На вокзал! Морозище минус 35 градусов...

Вокзал в морозной дымке.

Оставили поэта в машине, понесли вещи в вагон СВ: «совершенно вдвоём» – тут же расшифровала Лариса. Как ни пыталась она отправить ко мне домой хризантемы, я сбегала к машине за поэтом и цветами, под пальто донесла хризантемы до вагона, сразу у проводницы их в воду и в купе. Подошёл Герман Захаров. Лариса Фёдоровна ахнула:

– В такой сильный мороз!.. в кепочке!.. кирзовых сапогах!.. в курточке на рыбьем меху!..

Прощались... Стоим с Германом Порфирьевичем на перроне. Снег... сосульки по карнизу вагона... белые цветы в окне... Василий Дмитриевич и Лариса Фёдоровна встали перед окном, руки опущены вдоль тела. В купе темновато, только верхний свет падает на голову поэта, освещая седые волосы... лоб... Как я их жестами ни упрашивала присесть – продолжали стоять. Василий Дмитриевич стал что-то писать пальцем на оконном стекле ... Медленно тронулся поезд...

А мне вспоминалось: точно так же, но только летом, мы отъезжали от дома на Назаркиной горе, они стояли рядышком, нас провожая... И тоже температура воздуха была 35, только со знаком плюс.

Чувствовалось: и они в вагоне и мы на перроне ощущали одно – не последняя ли это наша встреча?..

Грустно, всегда грустно провожать. И хотя потом ещё были наши встречи, почему-то видится эта – последней...

**Л.ФЁДОРОВА:
«ОДОЛЕЛА НАС С ВАСИЛИЕМ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ПОЭЗИЯ»**

... Звоню в Москву в понедельник, 6 декабря. Ответив нейтральным голосом, Василий Дмитриевич, узнав, обрадовался; тревожась за здоровье Ларисы, я сразу спросила о ней.

– Лара чувствует себя неплохо, с сестрой ушла на базар за картошкой... Я тоже хорошо, хочу выдерживать режим... уже пошли деловые звонки.

Через день Василий Дмитриевич позвонил сам, сообщил:

– Были с Ларой в поликлинике, всё нормально... был в издательстве... собираюсь на прогулку.

– Меня тревожит Лариса Фёдоровна. Как она?

– Мучает её давление... Но тоже уже включилась в работу.

8 декабря 1982 года Лариса пишет, конечно, в первую очередь, о дороге: «...которую мы одолели... неплохо... если бы не вырубали свет в 6 вечера... и если б столь щедро не расходовался кузнецкий уголёк на отопление (при плюсовой температуре на улице, ибо мы ехали уже за пределами сибирских морозов), то жить в том двухместном купе было бы припеваючи. Особенно под Зинины пироги и твою, Томочка, дивно зажаренную курочку... Коньяк, лежащий в чемодане, так и не был извлечён... Не хотелось! Зато мы читали вслух мудрого китайца, художника и поэта Чи-Бай-Ши и размышляли о суетности жизни, нас ожидающей... Так оно и произошло по прибытии домой. Быт и издательства вцепились намертво. Я имею в виду Вас. Дм-ча (изд-ва), а у меня – всего лишь быт.

Я всё ещё по духу своему кемеровская... с каким бы удовольствием поднялась бы я к вам на четвёртый этаж... сходила бы в милую библиотеку на Весенней улице, чтобы ещё раз с грустью посмотреть на свой молодой портрет /см. фронтиспис её книги «Ветка шиповника», с этого фото был сделан этот портрет – Т.М./.

Оказывается, нельзя нам, просто небезопасно возвращать себя

лепное! И, хотя написано более тридцати лет назад, в 1982 году, сейчас, уже в новом тысячелетии – очень современно. Писал в Малеевке (где-то выше по тексту я, мой равнодушный читатель, приводила упоминание в одном из Ларисиных мартовских писем 82-го года о том, что поэт возвращается из Малеевки, из-за обострения язвы поедет в Ессентуки подлечиться...).

Через недельку летит от Ларисы новая весточка (от 16 декабря 1982г.) с воспоминаниями о сибирских друзьях, новостями их московской жизни. А в конце приписка: «Тома, а цветы – хризантемы и каллы – всё ещё живы. Привет от них – белейший!». За полмесяца, включая сибирский мороз, вагонную жару, цветы не поникли. Нам это неудивительно, ведь питали их наши светлые чувства.

Уважаемый мой читатель, не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что много цитирую из писем Ларисы Фёдоровны: знаю, что, если в руках её какая-либо книга, то она обязательно прочтёт из неё Василию Дмитриевичу, а если пишет письмо, – поведает ему о содержании. Этот стиль общения был естественным в семье поэта. Так что, читая строки её письма, можно представить, что их слышал и Василий Дмитриевич. Вот почему я иногда привожу вроде бы, на первый взгляд, что-то, совсем не относящееся напрямую к поэту.

...Накануне нового года Валентин Махалов ездил в командировку в Москву, поселился в гостинице, но Фёдоровы уговорили его перебраться к ним. Валентин по возвращении рассказывал, что Василий Дмитриевич почти всё время дома, читает, очень много курит, воздух в его комнате от табака и дыма – «хоть топор вешай».

В январе прилетает весточка от Ларисы, полная столичных литературных новостей, сообщает, что получила от меня «преlestную книгу», благодарит за неё «и особенно за надпись на первой странице. Если это так и я в некотором роде родник твоей душевной веры, то вместе со смущением я – счастлива», – пишет она. Сообщает также о том, что Василий Дмитриевич «первого февраля едет в Переделкино».

...П.М. Дорофеев уехал на месяц по работе в Москву, орга-

низовал в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) Дни культуры Кузбасса, для них затребовал четыре портрета работы Г.Захарова: «Достоевский и Исаева», «Владимир Высоцкий», «Лариса Фёдорова» и «Василий Фёдоров»,

24 февраля по телефону рассказала Ларисе, что видела новый портрет Василия Дмитриевича: фон – грозовые облака, поэт правой рукой опирается на полусломанное дерево? ствол ли? корягу? (тут много ассоциаций); на красную рубаху накинут то ли армяк, то ли пиджак (не тот ли, из Томска, что упомянут в «Совести»?), то ли старенькое пальто. Главное в портрете этом – лицо, взгляд: в нём весь катастрофичный для Василия Дмитриевича 1982-ой год. Этот (1982-1983 годов) портрет понравится ли Василию Дмитриевичу? Если в портрете 1980 года («Польнь») лицо и весь портрет ч у т ь тревожны, то этот – весь в напряжении. Оно и ясно: в нём – грозные события, грань жизни и смерти. 26 февраля 1983 года Василий Фёдоров выступил в ЦДРИ как поэт, как земляк кузбассовцев. В письме от 1 апреля Лариса подробно рассказывает о вечере Кузбасса в ЦДРИ, о том, что «...портрет с грозowymi облаками Василию Дмитриевичу тоже понравился своей необычностью. Он сказал: «Обычно седина как бы принижает человека, а тут она романтизирует. И вообще портрет исполнен в манере девятнадцатого романтического века».

О себе Лариса сообщает привычное: «стучу на машинке – почему-то всё стихи, а проза лежит в столе и посмеивается... Но что делать – одолела нас с Вас. Дм. поэзия».

И вскоре поэт стал собираться в Марьевку, планируя приехать в мае и с братом Иваном перестроить веранду... Очень обрадовались находке «загадочно затерявшихся в письменном столе медалей государственных премий поэта». А роковое для семьи Фёдоровых 19-ое число апреля месяца принесло весть о печальном событии в роду Фёдоровых: «...Умер брат Гриша, самый младший...». «В Эссенуки Вася не едет, он ещё в Переделкине. Написал к будущей книге новелл «Сны поэта» новеллу о нашем с ним студенческом

коте Тартюфе ... И эта комнатка около семи метров, где мы... с нашими страстями, разногласиями и божественной любовью к поэзии: «Злой бог подсунил мне жену с такую же безумной страстью». Так вот, на этих «около семи» жил ещё кот... Потом он вместе с нами переехал в комнату 13 метров. Но прыгал по-прежнему в форточку и злыми комендантскими глазами смотрел на наших припозднившихся гостей...». Сроки поездки в Марьевку всё откладываются и откладываются, поэт уже дважды брал авиабилеты «Москва – Кемерово». Наконец, решили, что «...Лара поедет сначала в Тюмень, а потом уже, после её возвращения из Тюмени в Москву, определимся с Марьевкой».

... О написании в это время стихотворения «Время село на плечи мои...» Лариса рассказала 20 июня 1984 года на выступлении в Кемеровском противотуберкулёзном диспансере. Как всегда, я сопровождала её, потому привожу дословно: «Весной это было, в прошлом году. Собирались завтракать. Вася идёт к столу, как больная птица, – ссутулясь. Я ему: – Что это так идёшь, ссутулясь?

– Да? Это время мне село на плечи.

Когда вечером он вернулся из ЦДЛ, я ему говорю:

– Вася, ведь эта фраза твоя – строка из стиха.

– Да, я тоже об этом думал.

* * *

*Время село на плечи мои.
Как живое,
В извечном полёте,
На одном, роковом обороте
Время село на плечи мои.*

*Время тот сторожило момент,
Когда жизнь моя
В беге заплнётся,
Скорость века с моей разойдётся.
Время тот сторожило момент.*

*Стал я ниже и ближе к земле.
Время давит.
С него-то и случилось,
Что и в росте уменьшился малость –
Стал я ниже и ближе к земле.*

*Не ветвями – корнями расту.
Есть у жизни
Почти до погоста
Хитрый фокус обратного роста.
Не ветвями, корнями расту.*

*Время село на плечи мои.
Говорю я,
Любивший запойно,
Хоть и грустно, но всё же спокойно:
Время село на плечи мои.*

... В апреле он уехал в Ессентуки. И 19 апреля 1983 года написал стихотворение «Время село на плечи мои...». Прислал мне».

Эта дословная фраза Ларисы смущает меня одним – датой, 19 апреля, днём гибели поэта, только годом позже. Говорила Лариса это через два месяца после похорон, какие-то даты и факты, загрустивший мой дорогой читатель, она всё чаще, к сожалению, путала. Могло и здесь произойти смещение. А если не это? Если другое? Тогда что? Тогда мистически отмеченная фатальная дата – число и месяц?

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД НА РОДИНУ

Прилетел я доподлинно
Голубыми путями...

В.Фёдоров

1983 год...Прилетели Фёдоровы в Кемерово утром 5 июня, вторник. Встречали в аэропорту Валентин и Мария Владимировна Лобач. Я была на республиканской книжной выставке и позвонила

Фёдоровым в их обычный номер гостиницы «Кузбасс». Лариса: «Срочно приезжай!».

Встреча. Розы. Сбивчивые реплики. Лариса: «Главное – Василий Дмитриевич чувствует себя бодро». – «А вы?» – спрашиваю её. Она неопределённо махнула рукой: мол, не до этого...

Валентин так настойчиво толковал о Камчатке, что Василий Дмитриевич заинтересовался, особенно «Долиной смерти животных». Потом была библиотека имени Гоголя на Весенней. Встреча с её работниками и постоянными посетителями. Лариса читала свои стихи, меня привлекло её стихотворение «Кора моего древа»... Из библиотеки Лариса позванивала в гостиницу, справлялась о самочувствии Василия Дмитриевича.

Проводив её в гостиницу, я хотела идти домой, Лариса и Василий Дмитриевич решили проводить меня. Неспешно прогулялись по городу. Время приближалось к полночи. Ленивый дождичек протопал куда-то в поля. Было прекрасно.

На следующий день, с утра позвонила мне Лариса, подошёл к телефону и Василий Дмитриевич.

– Как первую ночь на родине спалось? – спросила я.

– Очень хорошо. Погромыхивал гром. Сверкали молнии. Дождичек шумел приветливо. Стихи об этом написались, вот послушайте /читает «Прилетел я доподлинно...» – Т.М./.

Наметили: с утра решить все хозяйственные вопросы, а сначала сходили в библиотечный коллектор (ул. Ноградская, 5), Василий Дмитриевич отобрал книги для марьевской школы. Сотрудники бибколлектора попросили поэта почитать стихи. Василий Дмитриевич:

– Вот я не умею выступать, а Лариса Фёдоровна – ничего, может.

Договорились о её творческой встрече на завтра. Зашли в подписной отдел узнать о следующих томах Собрания сочинений Авиценны. Ещё ранее я подписала Фёдоровых на это издание и сразу же отправила в Москву первый том. Его поэт уже начал чи-

тать и так, коротко, отозвался о своём первом впечатлении:

– Читаю... Удивительно... Но только ведь ещё начал читать.

Потом зашли в издательство, ко мне в кабинет. Лариса:

– Вася, прочти стихотворение, что ты написал под шум дождя.

– Ты же знаешь, я уже читал Тамаре Ивановне по телефону.

– Ну и что? Прочти. Ещё раз послушаем.

Василий Дмитриевич читает:

– Прилетел я доподлинно голубыми путями.

Меня встретила родина проливными дождями.

Туча к туче летела, дождик лился и лился.

Видно, очень хотела, чтоб я сразу отмылся.

Я вспомнила строки из его стихотворения, только что опубликованного тогда в шестом номере журнала «Наш современник»: «Люблю я день после дождя; омытый Божьими слезами...».

– Нет, у меня здесь, во вчерашнем, не Божьи слёзы...

Достаю из рукописи на столе лист со стихотворением Баратынского «Приметы», предаю Василию Дмитриевичу:

– Хочу, Василий Дмитриевич, начать сборник Баратынского с этого стиха...

Прочёл, сказал:

– Да... Теперь природу мы так испортили, что она нас уже учить не может...

Вечером собрались у нас. Были: Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Зоя Естамонова, Николай Бурцев, Геннадий Юров...

Мы с Ларисой хлопотали на кухне. Беседа в гостиной продолжалась шумно и весело. Подошёл на кухню Василий Дмитриевич, присел у стола. Видя его отличное настроение, я риторически спросила:

– В ожидании Марьевки...

– Да, соскучился... Хочу этим летом веранду всё-таки переделать.

– Василий Дмитриевич, вам нельзя самому браться за это. Здоровьем рискуете.

– Да...возможно...А кому доверить?

Я понимала его опасения, так как от Валентина знала о мытарствах с постройкой дома. А Лариса вспомнила, как «Вася светящиеся щели затыкал изнутри носовыми платками».

Сидел, курил. Перекидывались мыслями о Марьевке, посадках деревьев на горе, о Марии Васильевне, вообще об односельчанах, о средствах целительных...

– Как-то я встретился с бурятами. Они мне посоветовали мушкетёр. Приеду в Марьевку – попробую.

Лариса поддержала, вспомнив о разнотравье на марьевских лугах. Я же посоветовала настой прополиса и отвар шиповника для общего укрепления.

Входил Валентин, звал в гостиную. Но Василий Дмитриевич, в мечтах о Марьевке, уже набрасывал на листке план перестройки (этот листок с планом где-то в моём архиве) и говорил о своём намерении обязательно этим летом перестроить веранду:

– Сделать хочу её больше, всю стеклянной, а стенку на Кайдор – овальной, выдвинутой к нему, чтобы гости видели и Кайдор и Яю-речку... Иногда пейзаж надоедает, этот мне – н и к о г д а.

Постепенно наша беседа перешла на сны. Лариса рассказала о своих, я – о некоторых сбывшихся своих. Спрашиваю поэта, написались ли ещё новеллы из «Снов...»?

– Только две.

...По просьбе собравшихся поэт прочёл «Прилетел я доподлинно...», а к концу вечера и посвящённое кардиологу Кемеровской областной клинической больницы №1 Галине Владимировне Вертковой:

«К чему скрывать, что я влюблён, когда раскрыта сердца карта. Все тайны вылетели вон сквозь дырку моего инфаркта» .

«Целительную» тему Лариса поддержала рассказом о том, что перед приходом к нам они «читали четвёртый том Авиценны» и что «сочинились строки «Начитавшись Авиценны...», и попросила Василия Дмитриевича их прочесть. Поэт стал читать:

– Начитавшись Авиценну...

И хотя Лариса поправила – «Авиценны», всё равно читал «Авиценну...». Сейчас уже и не помню, чем это аргументировал поэт.

Расходились за полночь. Провожали Фёдоровых до гостиницы. Шли по Советскому проспекту... Тепло... тихо... безлюдно... Вне времени...

У гостиницы, прощаясь, никому не хотелось расставаться, кто-то предложил ещё прогуляться. Василий Дмитриевич: «Тогда придётся ещё куда-нибудь зайти...» – отказался.

243

«Всё ведь пишется в душе...»

На следующий день Лариса выступала в библиотечном коллекторе, сговорила меня пойти с нею. После чтения стихов отвечала на вопросы, с её ответами хочу познакомить и вас, мой уважаемый читатель:

– Как Вы относитесь к поэзии Василия Фёдорова?

Л.Фёдорова и Т.Махалова в квартире Фёдоровых

- Я счастлива, что живу рядом с таким большим поэтом.
- Кому читаете свои новые стихи? Василию Дмитриевичу?
- Нет, он человек очень требовательный. Своими замечаниями может меня сразу убить, и я не буду писать стихи. В Москве читаю по телефону знакомым поэтессам, здесь – Тамаре Махаловой, иногда ей же по телефону из Москвы.
- В Литературном институте Вы у кого учились?
- Прошла семинар прозы у Константина Паустовского, а потом вот всю жизнь «семинар» у поэта Василия Фёдорова: он мне читает свои стихи.
- Где писалась поэма «Женитьба Дон-Жуана»? И почему обратился к такому литературному персонажу?
- Писал в Москве, в Домах творчества; конечно, в Марьевке – каждое лето. Особенно тронула его трагедия Тани Липецкой – ужаснула. Вся деревня скорбела... Можно сказать, что поэма писалась везде, где был поэт. Всё ведь пишется в душе...

Наступил день отъезда в Марьевку

На пятницу Фёдоровы планировали отъезд в Марьевку.

Забегала в гостиницу. Подошёл в номер Николай Карлович Поддубный, сказал:

– Руководство совхоза Марьевский думает приобрести два портрета Фёдоровых.

Пошли в библиотеку на Весенней смотреть ещё раз портреты. Мне был интересен последний портрет Ларисы в её нынешнем возрасте (ранее я передала Герману Порфирьевичу для работы над ним в числе прочих и фото 1978 года – на шестидесятилетие поэта).

...В гостиницу приходили знакомые, старались соблазнить Василия Дмитриевича коньяком, но Лариса Фёдоровна была на страже. Говорили о предстоящем пути, некоторые, прощаясь, намекали на своё желание навестить Фёдоровых и там. Василий Дмитриевич заметил:

– Какая-то женщина рвалась в Марьевку, я ответил: «Ещё хозяйева в неё не приехали».

Расспрашивал у Н.Поддубного об усадьбе, о посадках на Назаркиной горе. Николай Карлович:

– Василий Дмитриевич, дубки растут. На них уже по шесть-семь листиков. Сирень прижилась. Провели к вам в дом местный телефон...

Этому Лариса очень обрадовалась. А я, зная кухонную нагрузку Ларисы, спрашиваю Николая Карловича:

– А можете провести в дом воду и сток сделать? Неужели это так сложно?! А на зиму эту водосистему отключать.

Вопрос мой, помнится, остался без ответа... Стали собираться к выходу. Николай Карлович удивился, что поэт везёт в село лейку (накануне ходили в хозяйственный магазин на Красноармейской улице за нею и противомоскитной сеткой).

– Василий Дмитриевич, – спрашиваю я, – нужна ли бумага для пишущей машинки?

– Думаю, что запас там есть. Ведь я в прошлом году не писал, – ответил он, улыбнувшись как-то чуть насмешливо над собой, но в то же время и грустновато.

Подошёл шофёр Юра помочь унести вещи в машину. Василий Дмитриевич Юре:

– Говорите, были дожди в Марьевке? Значит, в рощице грибки?

– Обабки есть.

– Должны быть и другие...

Проводили. Как-то сложится для них это марьевское лето...

Это марьевское лето. Оберег

Сложилось оно спокойно, без потрясений. Кемеровские их знакомые старались не докучать им своими наездами.

Лариса, как всегда, была максимально заботлива, всё предусматривала и советовала. Надо сказать, что к её советам поэт отно-

сился внимательно, хотя вначале мог в них усомниться, но потом соглашался (смотрите, например, «Чёрную прядку букета»). Я не раз была свидетелем, когда фразой «Помни чёрную прядку букета» Лариса предостерегала Василия Дмитриевича о возможной опасности. Эта фраза – из реальности перешедшая в новеллу – вскоре снова вернулась в реальность, но уже – о б е р е г о м.

По-моему, самое важное – это то, что Лариса Фёдоровна не только позволяла Василию Дмитриевичу быть П о э т о м, но и всячески способствовала этому. Она хорошо п о н и м а л а его, так как не только сама не могла жить без творчества, но – главное! – была человеком тонкой и богатой душевной организации, не было в ней эгоизма, одно лишь искреннее служение. И любовь. И это было главным. Хотя бывало подчас и непросто, иногда приходилось ей и поплакать (как, например, в рассказанном ею мне случае со шляпкой).

Лето 1983 года, особенно первая его половина, было для Фёдоровых в Марьевке творчески успешным. Хорошо обоим работалось. Звонили нам, звали приехать. Однажды, подтянув свои дела в издательстве, собралась к Фёдоровым. Мне нужно было подготовить две телепередачи: одну с Василием Дмитриевичем, другую с Ларисой по её произведениям, написанным в Марьевке. Валентина же привлекала рыбалка на Яе и желание угостить хозяев Назаркиной горы «настоящей царской ухой». По приезде в Марьевку Валентин сразу же умчался на речку.

Вспоминаю тот давний марьевский день. Сидим на скамеечке меж молодыми карагачами. Я на дальнем от дома краю, рядом, слева Лариса Фёдоровна, в светлом платье, устало опустив руки, но привычно, как всегда, держа спинку прямо, а Василий Дмитриевич, слева от неё, – наклонившись вперёд, опершись локтями на колени, крутит в руках сухую былинку. И оба они для меня – на фоне дома, крылечка. А кругом – лето...Беседа неторопкая, раздумчивая. Спрашиваю:

– Василий Дмитриевич, какая проблема более всего занимает вас сейчас?

Думаю, может, скажет о здоровье (правда, он о нём при мне очень редко говорил) или о перестройке бани, веранды (как часто бывало).

– Да вот, всё думается о созидателе-мастере и разрушителе-завоевателе... – неожиданно для меня ответил он.

Так, в Марьевке создавалось (или задумывалось? дорабатывалось?) одно из последних, опубликованных уже в 1984 году, произведений Василия Фёдорова – «Завоеватель и мастер». Проблема мирового значения. Актуальность её – наиважнейшая. Произведение – классическое. Написано в редкой для советской поэзии древней стихотворной форме – терцинами.

День пролетел быстро. Уха удалась. Фёдоровы уговорили нас остаться и на завтрашний день.

Флейта нереальности

Наступил тихий вечер...

Туман от озера подбирается к плетню на горе, очертания деревянных домов становятся расплывчатыми, а деревья и кустарники превращаются в загадочные существа... во всей атмосфере тихонько начинает звучать флейта нереальности... Мы с Ларисой поддались этой ночной симфонии и невольно приглушённо заговорили о мистической реальности, о тонких энергиях...

Тихо от плетня подошли к нам Василий Дмитриевич и Валентин. Говорили шёпотом. О невидимой очам взаимосвязи людей, особенно родственных по крови или духу; о некой мыслящей оболочке нашей планеты; о ещё не познанной нами (или уже потерянной?) врожденности человека в растительный и животный мир; о таинственной сути деревьев, как свечи, связующих Небо и Землю...

Мы услышали от Фёдоровых случаи из их жизни; я поделилась подобным из своей и родителей. Вспомнили и галку на Кутузов-

ском в Москве, и кога Тартюфа, и собаку при съёмках «На скамеечке», и стаю птиц благодарных за спасение птенца, и, конечно, ворону – постоянную посетительницу стожка у дома на горе. Убеждались вновь и вновь в том, что надо учиться распознавать невидимые связи, распознавать знаки...

... Ночная темнота на горе совсем сгустилась... кругом всё заглохло... Туман от Кайдора подступил к самому плетню... и было полное ощущение полёта Земли во Вселенной.

В.Фёдоров:

«Обязательно пришлите сборник Баянова»

Вернувшись в Кемерово, я перечитала подборку стихов В.Фёдорова в «Нашем современнике». В нём, кстати, опубликовано и стихотворение 1982-го года «Я снова жив...», посвящённое Т.И.Шраеру. Написала оба сценария телепередач – одну с Василием Дмитриевичем, другую с Ларисой Фёдоровной.

Видеозаписи телепередач с Фёдоровыми прошли нормально, больше я им не докучала. Вообще, надо отдать должное кемеровчанам: они в это лето фактически оберегали Фёдоровых от лишних посещений, оставляя им время на физическое и духовное отдохновение.

Однажды прилетела открыточка с Назаркиной горы с приятной новостью: «Мы отелефонились. Его номер 24-4-90». Пришло от Фёдоровых и поздравление с юбилеем В.Махалова и посвящённое ему стихотворение Ларисы «Громовержец дядя Валя...». Стали чаще перезваниваться, так как Фёдоровым теперь не надо было бегать для этого на почту.

Звонок сильно обеспокоенной Ларисы, она шёпотом, чтобы не услышал Василий Дмитриевич:

– Томочка, говорю Васе, а он не слушает меня. Может, тебя послушает. Скажи ему, чтобы он не изнурял себя «писательством», а дал в этот период возможность своему телу восстановиться.

Зовёт к телефону Василия Дмитриевича, я стараюсь его убедить, на что он отвечает:

– Наверяд ли это я смогу, если бы даже и захотел.

Лариса звонила мне часто и домой и на работу. Но вот 16 августа днём звонок из Марьевки и неожиданный голос Василия Дмитриевича, а не Ларисы, как обычно. Я заволновалась её здоровьем, но Василий Дмитриевич успокоил:

– Чувствует себя Лара ничего, вот уехала в Яю на выступление... А у меня в эти дни ничего не пишется... обычно ловлю настроение...сейчас не получается...

– Наверное, Василий Дмитриевич, заботы о бане вас очень отвлекают?

– Да, были хлопоты... Гостила Ларина племянница с мужем. Он человек хозяйственный, скосил траву, поставил стожок, дров наколол... Утепили с ним баню: подсыпали завалинку и земли на потолок подбросили. Теперь баня тепло держит... На днях ездил в Яю / я подумала: наверно, в яйскую больницу, но не уточнила – Т.М./, чувствую себя неплохо, только вот сильно кашель меня донимает, такой глубокий кашель, замучил меня совсем. Что посоветуете, Тамара Ивановна?

– Василий Дмитриевич, хорошо бы, во-первых, врача... Да ведь Лариса Фёдоровна знает, как бороться с кашлем.

– Я пью мумиё и пустырник...

– Василий Дмитриевич, да разве это от кашля?! Врач бы прослушал ваши лёгкие, определил причину. Кашель бывает не только от простуды ... Врач прописал бы лекарство, может, назначил вдобавок и какой-нибудь грудной сбор, они бывают разные, в зависимости от причины и типа кашля, в некоторые входят травы, например, мать-мачеха, зверобой, душица... Самолечением можно и погубить себя. Вам надо было поехать с Ларисой Фёдоровной в Яю; пока она выступала, вы бы побывали у терапевта... Василий Дмитриевич, может, кашель от курева – лёгкие уже не выдерживают, сигнал вам подают... А может быть, сердце...

– Не знаю... не знаю...

Поговорили о подборе книг для марьевской школы, сказал, что можно заказывать по несколько экземпляров одной книги, мол, если хорошая, то для школьной библиотеки это немного. На его вопрос о моей загрузке в издательстве ответила, что очень большая, но, вот когда сдаёшь в набор рукопись будущей книги, чувство удовлетворения возмещает трудности её подготовки.

– А что вы сдали в набор недавно?

– Книгу повестей «Я здесь живу» Геннадия Естамонова. Василий Дмитриевич, вы же знакомы с Зоей Естамоновой, так это её супруг.

Разговор о книгах перешёл на толстые журналы. Спросил, что я читала из них. Я сказала, что полистала «Вековую дорогу» Преловского в журнале «Знамя» за прошлый год, мне не нравятся его поэмы. Неинтересно. Почему его так много издают? и большими тиражами – не понимаю.

– Да, я тоже читал фрагменты, впечатление очень обычное, среднее...

Долго говорили о деятельных людях. Василий Дмитриевич:

– Когда около меня энергичные люди, мне ничего не хочется делать, – и с коротким смехом, с самоиронией добавил: – всё уже сделано... На днях был у егеря в избушке... места там очень красивые... Видел бобровые заготовки, ивовый корм к своему домику бобры подтаскивают... Довольно толстые прутья... и много. На зиму готовят. Трудятся... работают... А вот мне не работается, не пишется. Не могу войти в рабочий ритм... Выходишь из него быстро, а вот войти в деловое рабочее состояние становится всё труднее.

– Ещё бы!.. Да мы ещё в начале лета донимали вас два дня!

– Да вы-то, Тамара Ивановна, по делу, по телевизионному... Да и уха Валентина была отменная, с ним хорошо побеседовали... он многих отличных мастеровых в Кузбассе знает...

– ...но вам ведь пришлось ещё и баню утеплять...и гостей встречать, в Яю ездить...

– Вот я и мечтаю поработать, но у меня, Тамара Ивановна, осложнение с Гаграми / при слове «осложнение» мне подумалось: вот оно, больничное словцо, от постоянного и длительного пребывания в больницах – Т.М./ Понимаете: одна, хоть и большая, комната на двоих – неудобно, не будет работаться, а мне в Гаграх обычно хорошо работалось. А в этот раз – в одной комнате. Будем толочься. Весной-то я езжу в Эссентуки. Может, в этом году поеду зимой... хотя зимой там неинтересно...

Чувствую себя ничего. Надо входить в рабочий ритм. Хорошо, если бы удалось. Надо...надо закрепиться в этом состоянии...Лето как-то быстро пролетело...Поеду в Новосибирск на несколько деньков к родным...

Спросил о Викторе Баянове. Он всегда очень заинтересованно отзывался о нём и первым называл его, когда по приезде в Кемерово Фёдоровых я уточняла с Василием Дмитриевичем, кого пригласить на встречу с ними. Поговорили о Викторе, сообщила, что предложила Баянову издать к его пятидесятилетию (к лету будущего, 1984-го, года) поэтический сборник. И хоть Виктор сначала отказался, сославшись на то, что новых стихов у него нет, всё-таки уговорила собрать всё написанное ранее и постараться восстановить даты написания. «Ну, даты, Тамара, не смогу вспомнить».- «Витя, вспомни хотя бы, в какое пятилетие написаны...». – «Ну, это я могу». Василий Дмитриевич, я надеялась, что сбор стихов и набросков к ним поспособствует написанию новых (так, кстати, впоследствии и получилось)... и времени с полгода предостаточно...

Василий Дмитриевич попросил меня «о б я з а т е л ь н о при-слать» им в Москву этот, будущий, сборник В. Баянова*.

– Да, Василий Дмитриевич, пришлю, должен выйти весной, а юбилей у него десятого июля, вы с Ларисой Фёдоровной снова будете в Марьевке и встретитесь с Витей.

* Виктор Баянов. «Зазимок/ Стихотворения, поэмы. Послесловие Т.И.Махаловой, редактор Т.Махалова, художник В.Кравчук.- Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1984г.- 176с., ил., 10 000экз.

Во время этого телефонного разговора в голосе Василия Дмитриевича чувствовалось его настроение: спокойное, раздумчивое, даже – размышляющего о чём-то своём человека, которому нужно что-то то ли решить, то ли обдумать, то ли войти в рабочий ритм...

...Что ж, сборник Баянова «Зазимок» (с моим послесловием) вышел в мае 1984-го, но увидела его уже только Лариса.

Хотя это, 1983 года, лето для обоих Фёдоровых обошлось без катаклизмов для здоровья, звонки Ларисы оставались тревожными. Всем было ясно, что нездоровье поэта началось не с мая 1982 года. «Гораздо раньше, – говорила мне и писала Лариса, – у него и лёгкие слабые и вечно больной желудок от того, что отравлен был на авиазаводе свинцом». Об этом же она мне напишет и позже – 4 августа 1984 года.

3-го сентября я улетила в Ленинград в отпуск. Надо было решить жилищную проблему живущего там сына Андрея и обязательно встретиться с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым. Помните, уважаемый мною читатель, несколько ранее я упомянула о своём желании издать «Слово о полку Игореве» с иллюстрациями Германа Захарова. Дело в том, что в библиотеке на Весенней мы с Ларисой и Василием Дмитриевичем видели «Ярославну» Г.Захарова: меня восхитили экспрессия, колорит, напряжение, трагичность красок, штрихов, композиции... Как раз именно в такой тональности воспринималось «Слово...» моей душой. А сама идея издания возникла во мне, наверное, потому, что стали публиковаться (и в «Сибирских огнях» тоже) новые переводы «Слова о полку Игореве» – весьма вольные. Но для читателя ведь важно иметь (и знать!) при этом и канонический текст. Поэтому задумала переиздание «Слова...» так: древнерусский текст, затем – этот текст в переводе с древнерусского Д.С.Лихачёвым; его же предисловие и комментарий. А Герман Захаров сделает оформление с двенадцатью полосными иллюстрациями.

Встретилась в Ленинграде с Дмитрием Сергеевичем, подписа-

ла с ним Договор, обговорила все вопросы по изданию, показала часть иллюстраций.

Фёдоровы одобряли мою идею переиздания «Слова...» с такими переводами и комментарием. С привлечением к изданию лучшего исследователя древнерусской культуры. Я надеялась, что «Слово...» выйдет весной, порадую им Фёдоровых ещё в Москве.*

НО...ПРИБЛИЖАЛИСЬ ГРОЗНЫЕ СОБЫТИЯ

Сентябрьская, 1983 года весточка Ларисы сообщает, что «...Вася остался в Переделкино. Не знаю, что покажет его кардиограмма, но в ту среду, назначенную для проверки, не пошёл, сказав, что видел плохой сон про меня. Боюсь, что «Гагры» ему не дадут (справки). Посидит в Переделкино (второй срок)».

(Замечу: слово «Переделкино» в письмах и беседах то склонялось по падежам, то нет; то же самое происходит и сейчас даже в литературной среде.)

7 сентября позвонила Лариса о том, что она едет в Гагры с сестрой; Василия Дмитриевича «не пустили из-за плохой кардиограммы, он остаётся в Переделкино под наблюдением врача».

К концу 1983-го у Василия Дмитриевича стало всё чаще сдавать сердце. Лариса в московском своём письме от 22 декабря 1983 года пишет мне: «...Вася чуточку попритих... Начались перебои (сердца)... В Переделкино ездим чаще всего в пятницу или в субботу утром...».

В этом же письме она сообщает о публикации Владимира Чивилихина в ж. «Наш современник» (№11, 1983г.) и о домашних заботах, и о болезни сына, и о своей безмерной усталости... И закан-

* Слово о полку Игореве. /Вступление, дословный перевод с древнерусского, комментарий Д.С.Лихачёва; иллюстрации Г.П.Захарова, оформление В.П.Кравчука, редактор Т.Махалова – Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1984.- 96 с., илл., 10 000 экз.

чивает весточку, итожа последние годы пребывания Фёдоровых в Кузбассе: «Обнимаю вас и весь город, начиная с улицы Весенней, с моего дорогого «Кузбасса» /гостиница – Т.М./, где мне так хорошо работалось (и страдалось). Это было удивительное состояние борьбы, тревоги и душевного взлёта».

1983 год завершается письмом Ларисы Фёдоровны, помечено оно «31 дек.83. Москва. Четыре утра». Всё оно – воспоминание о Кузбассе, Кемерове, о многих, в том числе о моих соседях супругах Веселовых – Германе и Зине, о Г. Захарове: представляет, как он на спине несёт портрет через весь город тогда, в мороз, на вокзал; раздумывает насчёт П.М. Дорофеева, решая загадку, «п о ч е м у он такой, не похожий на стандартных партийных работников: я знала п о ч е м у...». Тут же мысль её переносится в Марьевку, вспоминает Н. Поддубного: «Коля – будущий П.М, увы, не по таланту оратора. Только по энергии и самоотдаче...».

Более-менее благополучно прошедший год вселял надежду, что то, давнее, гадание ограничится лишь бедами 82-го года, что всё, слава Богу, обошлось, вообще не сбудется.

Но...Поэту уже не суждено было вернуться в любимую Марьевку.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

...Но срок – и надо уходить...

В. Фёдоров

В январе 1984 года еду в Тулу на семинар Госкомиздата. Лариса уговорила задержаться у них хотя бы на денёк. Мне приятно было оказаться вновь в их гостеприимном доме, пообщаться, послушать новые стихи и с Ларисой поздней ночью даже погадать на её янтарных серёжках или на моём биолокационном отвесе. С некоторых пор это стало нашей с нею любимой забавой. Забава забавой, но ведь, как и при гадании на стихах, большинство ответов сбывалось. Это нас с нею уже не удивляло, а Василий Дмитриевич только снисходительно улыбался. А может, понимающе?..

Но не думала я, что дни эти наполнятся грустью и встреча с по-
этом будет последней...

Лариса Фёдоровна сказала, что Василий Дмитриевич должен
приехать с дачи.... Слышим: гроыхнул на площадке лифт. Лариса:

– Вот и Вася приехал.

Встречаем его в прихожей. Одышка у него ужасная. Говорю
шутя:

– Василий Дмитриевич, вы что, пешком на седьмой этаж вбе-
жали?

От одышки не в силах вымолвить ни слова, он лишь понимаю-
ще улыбнулся: дескать, я ценю вашу шутку.

...Пригласил в свою комнату, пригласил присесть, он – на стул
у письменного стола, мы с Ларисой – ближе к двери. Посидели.
Давая ему возможность отдышаться и одновременно услышать си-
бирские новости, Лариса расспрашивает меня о Кемерове, их зна-
комых... Спросила я Василия Дмитриевича, как работается.

– Да вот, письменным столом занимаюсь, хожу вокруг да око-
ло... – ответил, задумчиво поглаживая столешницу правой рукой.

Одышка уменьшилась, но вовсе не прошла. Мелькнула жуткая
мысль... В ужасе её отгоняю. Вскоре собралась уходить. Лариса
придержала меня рукой, попросила остаться на её день рождения.
Состояние Василия Дмитриевича наложило грустный оттенок и на
день рождения Ларисы, который отметили в Дубовом зале Цен-
трального дома литераторов. В том зале, в котором танцует на балу
Наташа Ростова в «Войне и мире» Льва Толстого.

О многом не успели с Ларисой переговорить, но от её предло-
жения заехать из Тулы к ним я сразу же отказалась, так как плани-
ровала «заскочить» ещё и в Ленинград, повидаться с родителями и
сыном. Уезжала от Фёдоровых с печалью в душе и тревогой за них.
Василий Дмитриевич внешне рассеянно-беспокойный, а внутрен-
не, показалось мне, сосредоточенный на какой-то одной мысли-
заботе. Лариса Фёдоровна, несмотря на своё недомогание, – как

ангел-хранитель вокруг него, совсем о себе не думает. Она-то меня более всего и тревожила. Семинар в Туле профессионально мне ничего нового не дал, но зато я там впервые увидела Александра Андреевича Проханова. Тогда ещё с его творчеством была я не знакома. Не то, что теперь, во втором десятилетии XXI-го века.

Только приехала в Ленинград – от Ларисы звонок:

– Как съездила, Томочка? Расскажи, расскажи, о чём хочется, да подробнее.

Вот что я рассказала:

«Тула...Ясная Поляна...Лев Николаевич Толстой...Его личность...Творчество...»

Для меня всё это – очень, очень значимо. И потому, что папа мой, живя в Петербурге, ещё отроком не только видел живого писателя, а потом хорошо знал его произведения, но и во многом прилагал к своей жизни его Учение. И я ещё с отрочества старалась воплощать в свою жизнь теорию Толстого о нравственном самосовершенствовании. Потому и подходила к усадьбе рода Толстых с душевным трепетом.

Входная аллея...яблони...иду по ней в состоянии Марии Волконской...

Дом...комнаты второго этажа...чувствую себя Андреем Болконским...Деревянной резьбой на чернильнице надпись «Что написано перомъ, не руби топоромъ» – восхитилась иным, а не привычным для меня смыслом знакомой всем, но изменённой в быту поговорки... (Что написано пером, не вырубить топором – так обычно говорится.)

Иду по тенистой аллее...Могила великого человека, всегда подчинявшего свою жизнь своим убеждениям. Могила – просто холмик земли, без всего, так завещал. Стою одна...тихо вокруг... ощущение тяжести, святости и личного, но далёкого по времени горя... Хочу вернуться сюда во время цветения яблонь....

Вот это, в частности, услышали от меня Фёдоровы весной 1984 года.

...И в последующие дни созванивались с Ларисой: Василий Дмитриевич обследуется, она мечется между дачей и квартирой, у обоих бессонные от неважного состояния ночи; у неё сильная боль в затылке, аритмия. А Василий Дмитриевич очень кашляет уже давно, долго, оба обеспокоены этим. Физическое состояние у обоих таково, что планы на Марьевку, как бывало раньше, уже не строят. И потому, возвратившись в Кемерово, на вопрос Петра Михайловича Дорофеева «Как они насчёт Марьевки?» я отвечала «Пока никак».

И летят в Сибирь от Ларисы весточки... Главная из них – от 1 марта 1984 года: «Вас. Дм. обрадован, рака у него не нашли... мы все обрадованы... Сегодня он мне сказал: «Лара, если его всё-таки найдут, ты мне обязана сказать об этом». Он страдает и говорит такие слова: «Сейчас живу и умираю. Это очень интересное состояние»... Какое уж тут «интересное», плакать охота».

В те дни я перечитывала стихи Ларисы, данные мне ею в дороге, и стихи Василия Дмитриевича в ж. «Знамя (№1, 1984г.). Разбиралась с накопившимися в моё отсутствие делами в издательстве, провела несколько телепередач с писателями; подписала к печати юбилейный, к 50-летию, сборник В. Баянова «Зазимок», намеревалась выполнить обещанное Василию Дмитриевичу – переслать его им в Москву. Но вышел он в свет после 19 апреля 1984 года...

Часы судьбы начали отсчёт последних дней Земной жизни поэта

Последние дни...

Поэтому я хочу сохранить здесь некоторые документальные штрихи того времени.

Передо мною письмо Ларисы Фёдоровны, написанное мне в ночь с 19-го на 20-ое марта 1984 года: «В доме одна. Васю оставила в Мичуринце... Он вчера ночью тоже написал стихи. Должен был написать слово о поэзии Вас. Вас. Казина, но, прочтя его послед-

Слева Зоя Естамонова с дочкой Таней

Любовь Никонова

нюю «юношескую» книгу о любви, при жизни им не изданную, вдруг огорчился... и стал писать свои стихи...! У него (В.В.Казина) был ярлычок так называемого «рабочего поэта». Тут я вспомнила великолепного Виктора Баянова – конечно, он тоньше, лиричнее, и ничего от ярлыков... Просто ПОЭТ! Для всех, кому дорога поэзия...

Тома, я забыла поблагодарить тебя за прелестную, очень тонкую душевно книгу Любви Никоновой /«Праземля» – Т.М./ . Стихотворение о музыке Берлиоза «Охота» читала вслух Вас. Дм., и он сказал: «Как зримо и тонко! Стихи о маме очень хороши. И всё, что о природе. Хорошая книжка».*

Уже через шесть дней в письме Лариса рассказывает о видеозаписи Центральным телевидением Советского Союза интервью с Василием Дмитриевичем: «Сегодня поздно вечером возвращалась с сёстрами из Мичуринца, где нас с утра до вечера «терзали» теле-

* Любовь Никонова. «Праземля»./ Стихотворения. Рецензент Р.И.Винонен. Редактор Т. И. Махалова. Кемеровское книжное изд-во. 1984г., с. 73, тираж 7000 экз.

визионщики... Вернувшись, нашла в ящике твоё письмо... Вас. Дм. остался побыть один на даче... Их было около двадцати человек. Три огромных фургона с аппаратурой загромоздили всю нашу милую улицу... Прибежала узнать, – «в чём дело? и кого тут снимают?», – милая Белочка (Ахмадулина)... Белла – вся отдача! Всего, что у неё есть!.. (Н.М.) печатают 75-тысячными тиражами, а Беллу всего 25! И попробуй после этого жить и писать. Ведь её книги так редки! ... За столом она говорила: «Жить надо проще! Проще!». Увы, «жить проще» умеют не все. Это великое искусство – жить проще... мой гениальный супруг, ох, как далёк от простоты...

Запись передачи* получилась интересной. Прокушев умело задавал вопросы, и В.Д. отвечал на них философски. В.Д. сидели с Прокушевым в красных креслах и на фоне камина, где так весело бушевало пламя. А в доме-то жарко, а лампы тоже жгут... И – такое дикое напряжение длилось часа два с половиной...» / письмо Л.Фёдоровой от 26 марта 1984г., от дня записи, а в эфир пошло интервью 31 марта 1984г. – Т.М./.

Что мне запомнилось из этой, последней в жизни поэта телепередачи? Начав с чтения стихотворений о селе («Гамлет в совхозе», «Прощай, село...»), Василий Дмитриевич стал говорить о человеке в современном мире:

«...исхожу из законов жизни биологической клетки, у неё свои скорости. Насколько клетка живая может выдержать технический прогресс? Человек девятнадцатого века умел заглядывать в себя и вперёд. Сейчас у нас много технических открытий, но это только часть, полукоткрытие (как в алгебре: сложная формула приводится к «а + б»)...».

В беседе о поэзии Василий Дмитриевич подчеркнул: «...для поэта нужен нравственный идеал, важно создать идеал мира. Если мир раздираем ...противоречиями, то тут думаешь, что опасность

* 1984г. Центральное телевидение СССР. «Встреча с поэзией. Василий Фёдоров». Автор и ведущий Юрий Львович Прокушев, режиссёр Андрей Сергеевич Васильев. Съёмки: Москва (Перedelкино) 26 марта, в эфир 31 марта 1984г., цвет, 45 мин. Личное участие В.Д.Фёдорова.

С Юрием Львовичем Прокушевым

очень близка... Кто виноват, что история так развивается: сложно и не в пользу человека... В природе, может быть, первая борьба была борьбой за любовь, потом борьба исказилась...».

Это высказывание поэт сделал после чтения «По главной сути...», которое он предварил рассказом: «...однажды я на аудитории большой прочёл «По главной сути...». Не поняли. Будто я собираюсь уходить от главной дороги поэзии».

Не могла не коснуться беседа темы красоты: «...красота – категория тоже социальная, мы прошли через многие ступени постижения красоты... Сейчас затрепали слово «красота», слово «творчество». Нельзя бросаться этими словами».

Когда Юрий Львович задал вопрос «Вот вы в поэзии четыре десятилетия, счастливы ли вы?», Василий Дмитриевич ответил: «Поэт счастливым быть не может. Ведь всё несовершенно мира лежит на совести его. Но... я никогда не считал себя профессионалом... у меня не было ощущения, что я должен писать стихи... А счастье? Это – сам процесс работы, возможность этого... Поэзия – это высшая организация слов».

Да, последнее интервью Поэта... После него прошло более трёх десятилетий. Как быстротечно время...

Однако вернусь в тот давний год.

Кроме переписки, мы с Ларисой часто перезванивались. Её тревога за Василия Дмитриевича была более сильной, чем в письмах, часто она плакала; о себе почти ничего не говорила, приходилось выпрашивать. Несмотря на её тревогу, поддерживала она в себе и Василии Дмитриевиче всё более слабеющую надежду на поездку в Марьевку: «Вот съездим: я – в Ялту, а Вася – в Эссенуки... подлечимся и, даст Бог, выберемся в Марьевку...».

Сообщая адрес Дома творчества в Ялте, куда она с сестрой поедет первого апреля, она планирует поработать там: «Беру с собой кемеровскую повесть. Ох, как хочу её закончить!». Завершает письмо приветом от Василия Дмитриевича, который «уже звонил с дачи и узнал, что Лара пишет письмо Махаловым».

Я с ответом не замедлила, и уже новая весточка от Ларисы от 16-17 апреля: «Томочка! Получила твоё милое письмо – как всегда, подробное и потому для меня особенно ценное. Спасибо тебе за него».

Просит сказать Герману Захарову, что на пластинке Василия Фёдорова (фирмы «Мелодия») будет его фамилия как художника; рассказывает о посещениях их в Москве Н.К.Поддубным, о выполнении моей просьбы о слайдах с картин...

Эта часть весточки писалась, видимо, 16 апреля, она довольно спокойная. А вот вторая часть письма – совсем иная, тревожная, – на следующий день. Насчёт приезда в Марьевку сомневается:

«...Васино здоровье... у него по-прежнему «нет дыхания». Этот раз, когда возвращались с дачи – чтобы завтра лететь в Эссенуки, он с трудом дошёл с Киевского вокзала до нашего дома, оставившись... Не знаю, как он там выдержит... курс лечения...».

Позже Лариса рассказала мне: «провождать Василия Дмитриевича в санаторий пришли родные... сели за стол в гостиной. Зову Васю. Он подошёл, встал в дверях, опершись о косяк... говорит:

*– Я уже не с вами,
Я уже не тут.
Я там,
Где птицы райские поют...*

Кто знал, что эти слова его – пророческие... Уехал. В санатории в привычной для него комнате не поселили – занята. Очень расстроился... Ушёл. Кажется, даже взяв с собой свою пишущую машинку... Покушал в какой-то городской столовой... Это при его-то желудке... Звонил: в Эссендуках холодно... А он из-за своего фёдоровского упрямства – весь летний. Ни одну тёплую вещь в чемодан не допустил. Это повторяется из года в год... холодная эссендуковская погода. Вернулся в санаторий, поселили его в комнате, стена её соседствовала с рекреацией, в которой в ту ночь футбольные болельщики смотрели по телевизору чемпионат. Можно представить: шум телевизора, крики фанатов и т.п. Вася всю ночь не мог уснуть, мучился...

А девятнадцатого, представляешь, утром у нас в квартире на Кутузовском вдруг резко, сильно распаивается окно в гостиной. Ты, Тома, знаешь, оно же всё заставлено цветами, мы его и не открывали, а тут – раз! Окно распаивается, горшки летят на пол. Мне стало страшно... Вася в это время погибал...».

ЧЕТВЕРГ... 19 АПРЕЛЯ...1984 ГОД... УТРО... ТРАГИЧЕСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ПОЭТЕ ВАСИЛИИ ФЁДОРОВЕ

Умер Василий Дмитриевич Фёдоров...

Талантливый и преданный сын России.

Чувство утраты...

Горечь невозвратности.

Благодарность за прекрасные творения.

В эти дни о своих чувствах говорили или неслышно – только в душе... или на памятных встречах в библиотеках, школах, вузах,

по телевидению, на страницах газет и журналов... Делились друг с другом чувствами и мыслями.

На мою долю пришлось срочные просьбы-предложения.

От Кемеровской телестудии – сделать вступление к показу телефильма «Здесь отчий дом». От еженедельника «Литературная Россия» – дать информацию в номер. Сделать подборку стихов и написать «Слово прощания» в подписанный уже к печати номер журнала Кемеровской организации Союза писателей РСФСР «Огни Кузбасса»... Вот фрагменты из него.

*Слово прощания**

«19 апреля в Ессентуках умер большой русский поэт Василий Дмитриевич Фёдоров. Эта горестная весть сразу облетела всю страну, её услышали в самых отдалённых уголках нашей великой Родины, болью отозвалась она в сердцах людей, которым была знакома и близка его поэзия.

Первыми о смерти Василия Дмитриевича узнали семья поэта, литературная Москва, но уже через считанные минуты об этом знала Сибирь, знал Кузбасс – родина поэта, которую он любил от начала и до конца своей многотрудной подвижнической жизни.

Чтобы понять талантливость и самобытность поэта, не надо особенно много времени, а для того, чтобы оценить его значимость, определить его место в национальной культуре, требуются десятилетия.

Жизнь Василия Дмитриевича Фёдорова оборвалась на творческом взлёте, в то время, когда его редкий талант разворачивался на полный свой взмах, когда его поэзия обрела классическую отточенность формы, эпическую широту... мудрый философский свет, обжигающую обнажённость чувства, чистоту и тревожную напряжённость дыхания...

Свидетельство этого – заслуженное присуждение ему Государственных премий Советского Союза и России.

* Публикуется в сокращении. «Огни Кузбасса», 1984г., № 3 вышел в свет к сороковому дню памяти Поэта.

Жизненная и творческая биография Василия Фёдорова тесно связана с Сибирью, с Кузнецким краем, родился в Кемерове... рос и воспитывался в многолетней крестьянской семье... Годы, прожитые В.Фёдоровым в Марьевке... в ежедневной работе на селе, среди щедрой на красоту, но и суровой сибирской природы, а затем работа на авиазаводах Иркутска и Новосибирска формировали Личность, формировали будущего Поэта...».

Через тридцать лет листаю те, давние, страницы. Цветная репродукция с портрета Василия Фёдорова работы Германа Захарова (не предполагала я, что переданные мне Ларисой слайды с портретов поэта и предназначенные для п р и ж и з н е н н о г о издания его произведений вскоре войдут в печальный, прощальный с ним, номер журнала).

Открывает номер статья «Виктору Баянову – 50 лет», поэту, встречаю с которым Василий Дмитриевич был всегда рад и в Кемерове и в Москве.

Листаю далее... Стихи В.Фёдорова и фото поэта, облокотившегося на прясло: 1978 год, фоторабота Виктора Грызыхина...

Василий Фёдоров... Виктор Баянов... Герман Захаров... Виктор Грызыхин... Не мистическое ли это совмещение... о тайне которого и разгадке мы беседовали когда-то, чуть ли не полвека назад в Домике рыбака у слияния двух таёжных рек... в конце семидесятых двадцатого столетия.

Перед мысленным взором быстро мелькают года... Стоп! Апрель 1984 года. А сейчас? Когда пишу эти строки – апрель 2014-го?! Боже мой, неужели с того печального дня минуло тридцатилетие? Не может быть! Ведь в душе – все встречи, беседы так ярки и отчётливы, будто было это вчера... всё запечатлелось в тех же красках, звуках, движении... Ещё и ещё убеждаешься в том, что у Вечности всё одновременно: и прошлое и будущее...

«...ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ УШЛИ ОТ НАС, Я ПРОДОЛЖАЮ ВИДЕТЬ КАК ЖИВЫХ»

Общение с высокодуховными, сердечно щедрыми людьми всегда приносит жизненную радость, эмоционально и профессионально обогащает.

Для меня супруги Фёдоровы – истинные аристократы духа.

В моей душе, в моей памяти они всегда вместе, они – родственны по духу. И при жизни поэта довольно частое деловое и дружеское общение с ними, а после кончины Василия Дмитриевича продолжившееся ещё на десятилетие общение с Ларисой Фёдоровной... и после их ухода с Земного плана общение с их духовным наследием – тому мне самой подтверждение.

И хотя Василий Дмитриевич умер в далёком 1984 году, а Лариса Фёдоровна в 1994-ом, я не воспринимаю их умершими. И, приезжая в Москву, предполагаю, что они сейчас в Марьевке, а возвращаясь в Кемерово, надеюсь, что они в Москве или на пути в Марьевку. Наверное, так бывает у большинства людей, ощущающих духовную родственность. Так было, оказывается, и у Василия Дмитриевича. Перелистывая недавно его записную книжку 1952 года, я отметила такую его запись:

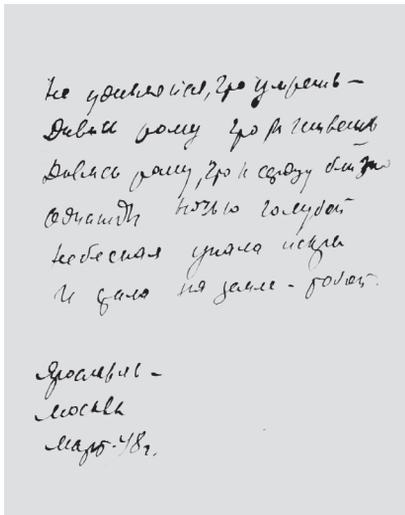
«Я не понимаю смерти. Я знаю, что это такое, но...людей, которые ушли от нас, я продолжаю видеть как живых».

А на переданном мне Ларисой Фёдоровной ксероксе рукописных страниц читаю строки черновика: «Смерть победив, я должен убедиться, что и другие тоже не умрут»; «Смерть. Боязнь не её, а боязнь не успеть передать накопленное тобою молодому поколению». Как в жизни и в творчестве, так и здесь, в личной записи поэта: сильное чувство общественного долга.

... Перечитываю письма Ларисы Фёдоровны и первых дней-месяцев после 19 апреля и через годы. В них – боль утраты, воспоминания, грусть... То же, что чувствовала я и в наших с нею тогда телефонных беседах – в её интонациях, словах, молчании...

Вот такой стала Лариса Фёдоровна в эти дни. В надписи на фото она подчёркивает эту «смертную грань»

Автограф В. Фёдорова из записной книжки 1940-х годов

«Грущу, грущу и грущу. И всё время тянет в ту комнату, где стоит его ...портрет – с рыжим конём на холме марьевском... Видела Васю во сне. Он как-то торопливо вбежал – в белой рубашке, заправленной в брюки, с непокрытой головою...Этот сон я видела в Талдоме...талдомцы просили к ним приехать...рассказать о Василии Дмитриевиче.

Смотрела в окно вагона на весну, которую он так любил, и плакала. Мне стало стыдно, что я жадно смотрю на всё это ликование природы без него... Мне жаль, что я никогда не спросила его, какое у него бывает ощущение, когда пишутся стихи» /письмо мне от 14 мая 1984г.- Т.М./.

Через два дня в новом письме: «...как славно мы жили в Марьевке, как много вместе читали, обсуждали марьевские новости; как вечерами, сидя на крыльчке, ожидали почтальона...Я знала, что он /Василий Дмитриевич – Т.М./ болен; по всей вероятности,

уйдёт из жизни первым. Но я не могла себе представить той боли утраты, при которой я сейчас живу. Стихи о нём возникают стихийно... Брат Саша /Александр Быков – Т.М./ говорит: «Они у тебя как молитвы о нём». Да, наверное. Он / Василий Дмитриевич – Т.М./ всё время рядом со мною».

«Сегодня вернулись с Валеи /сестра Ларисы Фёдоровны – Т.М./ из Мичуринца...Мы с Васей зимою, да уже и по весне, гуляя по асфальтовой дороге к гаражу, всё гадали: что это за аллея высоченных деревьев с колючками на ветвях. Вася сказал: «Лара, это, наверное, белая акация, помнишь, было у нас такое дерево на хуторе». И вдруг я вижу на этом деревце – вернее, на 99-ти деревьях! – ягодки...Бог ты мой, да это боярышник. И первая мысль: «Сейчас напишу об этом Васе. Ну как же он не узнал свою любимую? Ведь оно у нас – только кургузенькое, – это деревце, и на горе /в Марьевке – Т.М./ растёт. А сколько он лазил по лугам, собирая эту ягоду... Как бы он был счастлив, узнав, что такая благодать растёт у нас в Мичуринце, на нашей прогулочной дорожке».

Да простит меня читатель за частые ссылки на письма Ларисы Фёдоровны. Но ведь хочется сохранить для соотечественников даже небольшие штрихи, касающиеся Поэта. Чтобы они не канули в Лету.

Жизнь – в Поэзии; Поэзия – в Жизни...Такой я видела Судьбу этой поэтической четы все эти годы.

Без Василия Дмитриевича мир для Ларисы Фёдоровны резко изменился. Многие окрасилось печалью. От печали и грусти её ненадолго уведят дела: хочет закончить и сдать в издательство до отъезда в Сибирь «...кемеровскую повесть...Наплывают и Васины дела. Отдала в перепечатку два его «Сна...» – новеллы. Очень интересные...философские. А стихи «Мать и сын» о нём и его матери – их полуночный разговор – я читала рыдая... Отдам в «Наш современник».

Вспоминая утро 19 апреля 1984 года, когда в их квартире на Кузюзовском распахнулось окно, Лариса Фёдоровна 30 мая 1984 года

пишет мне: «...26-го /мая – Т.М./ я в ЦДЛ на два дня пораньше собрала «сороковой»...Беседа была такой тёплой, такой живой, и так все порывались сказать своё – заветное – о поэте...А когда о Васе рассказывала я, вдруг – при полном штиле (как и в час его кончины) – распахнулось огромное окно!

Солоухин сказал: «Это дух Васин к нам ворвался!». Верю. Ведь в час кончины было точно так же!

Так Вася попрощался... сначала со мной... а потом и с друзьями «по цеху», как он часто говорил».

Так писала мне Лариса Фёдоровна. Мне же с тех печальных дней из рассказа вернувшегося с похорон Валентина запомнилось, что распахнулось окно в Дубовом зале ЦДЛ не на сороковой день поминания, а на поминках сразу после похорон, когда Владимир Солоухин произносил прощальную речь.

Привела письмо Ларисы Фёдоровны точно, хотя понимаю, что в стрессовом её состоянии могло произойти «переключение» факта с одних поминок на другие. Кто-то из нас ошибается. Разве может быть точное повторение факта через 38 дней?.. Хотя... так ли уж полно мы знаем о нашем мире?..

В телефонных разговорах, письмах прошу Ларису Фёдоровну писать воспоминания. «Я всё ещё не могу, – отвечает она. – Ну не могу, и всё! Пусть выйдет... боль утраты. Он во мне ещё очень и очень болит. Сегодня вот видела его во сне: какая-то незнакомая мне местность, народ и он...Спрашиваю его: «Ну, как тебе т а м?». А он так грустно махнул рукой: «Ох, Лара, з а м а н и л и м е н я т у д а». А я всё смотрела в его лицо – с жадностью запоминая...и весь день в моих ушах звучало: «з а м а н и л и!»»

Лариса Фёдоровна говорила мне, что задумала написать книгу о Василии Дмитриевиче – книгу о Поэте. Я спрашивала о возможном названии. «Зарево от жизни...», – отвечала она. Да, я знала эту строчку из её посвящённого Поэту стихотворения: «...Только зарево от жизни на полнеба занялось... «- На какой планете ближней поселиться удалось?»».

И тогда...и после...и сейчас мне всё видится-вспоминается тот, тяжёлый предсказанный 1982-ой год.

Июль. 9-ое число. Пятница. Назаркина гора. Жара 35 градусов. Привезли Василия Дмитриевича после операции. Уезжаем.

Вдвоём с Ларисой Фёдоровной они вышли за калитку. Стоят рядышком, как искони повелось на Руси провожать. Лариса Фёдоровна прощально нам машет рукою, а Василий Дмитриевич...в голубой рубашке...светлый...седой... провожает нас грустным, прощальным взглядом...

И снова проводы.

Декабрь. 2-ое. Четверг. Кемерово, вокзал. Мороз 35.

Поэт после второй операции, после инфаркта. Провожаем Фёдоровых в Москву. Заснеженный вагон, сосульки по карнизу, сугробы снега на перроне, белые хризантемы в окне и Василий Дмитриевич с Ларисой Фёдоровной. Встали, как тогда,..на горе... за калиткой...Вот-вот тронется поезд. В купе темновато. Слабый верхний свет падает на седые волосы поэта, его лоб, цветы...

Последние минуты...медленно трогается поезд...

Грустно, всегда грустно провожать. И хотя потом ещё были встречи, почему-то видится эта ...последней.

...Не плачьте, люди. Я печаль сниму.
Со всех, кто проводить придёт в печали
В Дом, где меня встречали по уму.

В. Фёдоров

ПОД ЗАЩИТУ НАРОДА

СЕРДЦА

*Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

В.Фёдоров

Марьевка. Народ идёт на первые Фёдоровские чтения

МУЗЕЙ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА В МАРЬЕВКЕ.
7 ДЕКАБРЯ 1984 Г.

Он создавал в пылу горенья,
Себя от мира отрешив,
Неповторимые творенья –
Бессмертие своей души.

В. Фёдоров

Поэт сгорал на костре Любви и Ответственности за народ.
Как Пушкин...Как Толстой...Как Есенин...Как Твардовский...
Как Шукшин...

7 декабря 1984г. Открытие Марьевского музея Василия Фёдорова. Первую экскурсию ведёт В.П. Шаповалова. 4-й слева Н.М. Герасименко, Н.К. Поддубный

Потому-то народ наш, несмотря ни на что, жаром сердец сохраняет на своей земле духовные центры – Михайловское... Ясная Поляна... Константиново... Сrostки... Марьевка...

К ним, как к духовным, нравственно чистым родникам, тянутся люди в будни и в праздники.

В душах, знавших поэта Василия Фёдорова, понимающих значимость для народа его произведений, рождалось желание сохранить не только его творческое наследие, но и вещные доказательства его пребывания в мире, обозначить для потомков то место, где проходило его становление, где рождались его произведения. Сакральная значимость таких мест для людей несомненна.

Совершенно естественно работа по увековечению памяти Василия Фёдорова началась в Марьевке. Директор марьевской школы Николай Михайлович Герасименко без лишних речей и обещаний, по велению сердца своего и разума учителя положил начало музею. Отвёл помещение в школе, начал сбор экспонатов, присоединил к делу людей неравнодушных...

И уже через семь месяцев после кончины Василия Дмитриевича, – наверное, впервые в истории страны, а может, и мира, через такой короткий срок, – открылся государственный литературно-мемориальный музей-усадьба поэта Василия Фёдорова – в Марьевке 7 декабря 1984 год. Первой заведующей (и экскурсоводом) стала Валентина Петровна Шаповалова (1984 – 1991гг., 1993 – 1997гг.), затем: Валентина Михайловна Арышева (1991 – 1993гг.), Нина Ивановна Витошкина (1997 – 2005гг.), Марина Владимировна Савина (с ноября 2005г.).

На открытие музея пришли жители Марьевки, приехали работники Яйского райкома партии и райисполкома, сотрудники областного управления культуры и областного краеведческого музея, съёмочная группа программы «День за днём» Кемеровской студии телевидения...

В зале второго этажа школы встречают собравшихся... последний прижизненный портрет поэта и портрет его жены, исполнен-

*3 августа 2013г., Назаркина гора.
Николай Михайлович Герасименко*

Виктор Никифорович Грызыхин

ные художником Германом Захаровым. На стендах – стихи, фотографии...

Звучат слова «Мы счастливы и горды тем, что имели возможность общаться с поэтом, счастливы и горды тем, что нам как бесценный подарок осталось навсегда его живое слово. Наш долг – сохранить всё, что связано с именем поэта...».

Торжественно перерезана ленточка, в душевном волнении все входят в комнату, где разместилась основная часть экспозиции. Пишущая машинка поэта... странички его рукописей... фотографии его мамы Ульяны Наумовны и деда Наума Осиповича, родных, близких... Рядом на фото поэт среди писателей-кузбассовцев... Особое место отведено его книгам. В исполнении школьников Марьевки хорошо прозвучали стихи их талантливого земляка. В фор-

2013г. Заведующая марьевским музеем-усадьбой Марина Владимировна Савина

ме устного журнала. Они листали «страницы» его, наполненные сердечным чувством и доброй памятью...

«Страница» первая – воспоминания марьевцев о встречах с поэтом.

«Страница» вторая – об истории Марьевки, о родительской семье поэта, воспоминания Василия Дмитриевича о своём детстве и юности.

«Страница» третья – о том, как в год своего 50-летия Василий Дмитриевич провёл поэтический вечер в марьевской школе, супруги Фёдоровы подарили тогда школе книги свои и других авторов.

«Страница» четвёртая – начиналась стихами «Не знаю, сколько, сколько буду жить...» и рассказывала о понимании поэтом своего долга перед родиной, своей ответственности за её судьбу.

«Страница» пятая – о радости жизни, о красоте природы, мира, о том чувстве человека, когда он восклицает: «Всё – чудо!..».

Шестая «страница» этого великолепного сценария была посвящена поэме «Седьмое небо» («...да, трудно нынче на Земле...»).

Выступили с рассказом о поэте Николай Андреевич Отроков, Николай Карлович Поддубный, Геннадий Александрович Лукьянов, Екатерина Никитична Авсиевич, Светлана Александровна Сурнакова, Николай Михайлович Герасименко, Тамара Ивановна Махалова.

Меня попросили выступить и второй раз – перед показом телефильма «Здесь отчий дом», снятого в 1980 году в Марьевке при участии Василия Дмитриевича и Ларисы Фёдоровны, а также марьевцев. Пришлось мне, в частности, также объяснить присутствующим, почему в фильме нет кадров с некоторыми марьевцами и с Ларисой Фёдоровной. Сельчане ведь знали, что с ними съёмки тоже велись, что мы тогда уезжали с Назаркиной горы очень довольные и многообразием и разносторонностью кадров с Фёдоровыми.

Однако вернись в тот морозный декабрьский день, на открытие музея... В книгу отзывов легли первые записи. Музей начал свою работу, основная часть которой легла на плечи человека высокодуховного, ответственного, глубоко понимающего искусство – Валентины Петровны Шаповаловой, дополнительно к её обязанностям словесника марьевской школы.

...По заботливо расчищенной среди огромных сугробов дорожке прошли к дому писателя. Скрипнули ответно ступеньки морозного крылечка... прохладные сени... и большая русская печь встречает нас домашним теплом... Казалось: выйдут сейчас навстречу гостеприимные хозяева... но пусты комнаты... одинокий письменный стол... закрыты ставни...

На письменном столе – пожелтевший экземпляр газеты «Советская Россия» от 28 июля 1982 года. Рукою поэта, чёрной пастой, на полях газетной полосы (как отзвук бесед в Горной Шории? и

драматических событий со здоровьем поэта в этот год?) слова:

«В природе нет целесообразности – по Н.Фёдорову, но в ней есть закономерности, (доведенные) дошедшие** до целеустремлённости.*

Природа – слепая сила.

Николай Фёдоров не прав, утверждая, что природа враждебна человеку. Это отрицается уже тем, что она его создала.

«Смерть, – говорит он, – потому-то воскрешение и возможно».

Наверное, в архиве марьевского музея можно найти эту газету. Возможно, эти строки – последние, написанные в Марьевке уже в 1983 году, но на старом номере газеты. Как знать?..

Видела я в комнате ещё одну газету («Правду» или «Известия» – не помню), но уже с четырьмя поэтическими строками, тоже написанными рукою поэта на полях, поперёк газетной полосы. Жаль, не записала их. Думала, что запомню.

Выхожу на крылечко...Наступающая ночь окутала тёмным покрывалом всё окружающее. Видится только заснеженная Назаркина гора...сугробы странного фиолетово-розового оттенка... Кажется, серебристый поток Лунного света высветил это единственное место на Земле и своим мощным лучом именно здесь, в этом – поэтическом – месте соединил Планету со Вселенной.

Здесь, на марьевской усадьбе, было в тот миг ощущение полёта Земли в Космическом пространстве, чувство отрешённости от всего земного...Тишина...Только тоненько-тоненько, почти неуловимо звучала музыка небесных сфер...Или пели снега?..

Всё это для меня сменяется иной картиной...Назаркина гора в летнем цветении. Музей поэта не просто музей, а музей-усадьба.

* «Николай Фёдорович Фёдоров. Сочинения». Академия наук СССР, институт философии. Издательство «Мысль». Москва, 1982г., 710с. В серии «Философское наследие». Том 85-ый весной 1982 г. показывала (или давала читать?) Фёдоровым по приезду их в Кемерово. Вполне возможно, в их домашней библиотеке в Москве есть это издание, поскольку в нескольких беседах о философии Н. Фёдорова касались его не раз.

** Так в рукописи, с правкой одного этого слова «доведенные» на «дошедшие».

Здесь, на горе, сохраняется в неприкосновенности дом поэта, а не-вдалеке, между калиткой и баней, построено музейное помещение, где могли бы встречать гостей, читать лекции, показывать фильмы, пополнять архив, открывать его для посетителей, для литературоведов...

И когда все вышли из дома, я поделилась этой идеей-мечтой с присутствующими. Поддержали, а ещё помечтали о том, чтобы летом провести праздник поэзии Василия Фёдорова и сделать его всесоюзным и традиционным. Я верила: если люди искренне жа-уют этого – всё сбудется.

Лариса Фёдоровна из-за болезни не могла приехать на откры-тие музея. Газету со своей статьёй я ей послала, чтобы она смогла представить, как всё происходило...И вот 23 декабря 1984 г. она мне пишет: «Вчера, Томочка, получила газету «Кузбасс» с твоей прекрасной статьёю... Читала статью и плакала. Смотрела на фото-графию /в статье – Т.М./ и так сожалела. Надела бы валенки, как Катя Авсиевич, шубку, купленную в марьевском сельпо, выступи-ла бы на круг и рассказала что-нибудь о Васе, тёплое-тёплое, что-бы морозный узор сошёл со стёкол школы...».

Для меня всегда первым праздником поэзии В.Фёдорова будет великолепное, душевное, очень тёплое, всесторонне организо-ванное открытие музея его имени в Марьевке – 7 декабря 1984 года.

...Марьевка зимняя, без Фёдоровых всегда навевает грусть какой-то одинокостью, затерянностью в сибирских снегах.

Другое дело – Марьевка летняя, солнечная, цветущая, радую-щая своим разнотравьем. Фёдоровы всегда приезжали к лету. Ка-залось, всё с их приездом приходило в движение, окрашивалось в дивные золотисто-голубые тона. Встречи, телепередачи, выступле-ния, поездки в Марьевку... День наполнялся столькими события-ми, столькими беседами, освещался таким возвышенно чистым, высокодуховным общением, что воспринимался удлинённым, по крайней мере, вдвое. Марьевка летняя всегда, и тогда и теперь, вспоминается – с Фёдоровыми.

Музей в Улановке. Воропаева Раиса Семёновна

Поэтический праздник, о котором мечтали в декабре 1984 года, состоялся на родине поэта через восемь месяцев, в следующем, 1985-ом, году: в Кемерове, где родился Василий Фёдоров, – 10-го августа, в Марьевке – 11 августа.

Он собрал в Марьевке двадцать тысяч участников. Прошёл на высоком духовном подъёме собравшихся. И как резонанс – во многих библиотеках, школах области стали появляться стенды, музейные уголки, посвящённые жизни и творчеству Василия Фёдорова. Приведу один пример. На фото вы видите один из таких «стихийных» музеев Василия Фёдорова, открытый 8 мая 1985 года в селе Улановка, что в тридцати верстах от Марьевки. Вот уже более тридцати лет энтузиаст краеведения, светлая окрылённая душа – Раиса Семёновна Воропаева – с любовью пополняет музей экспонатами, проводит беседы о Поэте.

Фёдоровские чтения. Кемерово, 10 авг. 1985г. 2-й справа Ганичев Валерий Николаевич – Председатель Союза писателей России

Огромную работу взяла по своей инициативе и по душе Раиса Семёновна ещё и по воссозданию родословных основателей сибирских сёл. Не только восстанавливает, но и разыскивает по всей России и бывшим республикам Советского Союза современных потомков переселенцев в Сибирь в 18 – 19 вв. из центральной России, переписывается с ними, публикует статьи в газетах – воссоздаёт, сохраняет историческую память поколений. Её исторические находки сделали 125-летний юбилей Улановки 5 июля 2014 года особенно редким в наше время – именно в этом отношении. Дело это важное, государственное. И помощь (даже простое внимание власти таким самородкам-энтузиастам) видится крайне необходимой.

Из писем мне Раисы Семёновны я узнала и о такой же, как школьный музей В.Фёдорова в Улановке Яйского района, – «стихийной» литературной студии имени В.Д Фёдорова при Центральной городской библиотеке Анжеро-Судженска. Неудивительно и не случайно, что по субботам в 10 утра в библиотеке собираются люди творческие, люди неравнодушные, не только понимающие

значимость духовного общения, но и просто не могущие жить иначе. Как и супруги Фёдоровы.

Читают стихи В.Фёдорова, других поэтов, свои ... обмениваются новостями культуры, своими публикациями в периодике, новыми своими поэтическими сборниками.

Вот и Раиса Семёновна в одном из писем поведала, что стихотворения «Кедр» и «Храм» незнакомого ей тогда лично Геннадия Горюнова она, «при возможности, читает как молитву». И вдруг, побывав в апреле 2014 года на заседании студии, получила в подарок лично от автора его седьмой сборник – «Течение горькой реки». Одновременно и Алла Стародубцева тоже презентовала ей свой поэтический сборник «Любить душою». Конечно, Раиса Семёновна получила эти сборники с автографами в подарок своему детищу – музею В.Фёдорова. «Простите, не хвастаюсь, а горжусь, что музей пополняется», – коротко замечает она в письме мне. И я верю.

Музей В.Фёдорова в Марьевке, первые Фёдоровские чтения 1985 года, вызвавшие в стране большой резонанс, зажгли сердца многих желанием сохранять творческое наследие земляков, их высокий духовный огонь служения Отечеству. Побывавшие на празднике в Марьевке мариинцы подвигли руководителей города Мариинска и Кемеровской области к созданию музея с в о е г о талантливого земляка – Владимира Алексеевича Чивилихина. Через год после первых Фёдоровских чтений, летом 1986г. открывается музей В.А. Чивилихина, родившегося 7 марта 1928 г. в сибирском домике древнего града Мариинска. Музей Ф.М. Достоевского в Новокузнецке, В.Д. Фёдорова – в Марьевке, В.А. Чивилихина – в Мариинске. Создано в области своеобразное кольцо литературных музеев, литературных праздников.

...Отрешившись от суеты и обыденности, идут взрослые и дети в музеи, на праздники, чтобы прикоснуться к живительному роднику творчества, чтобы соразмерить свою жизнь с идеалом жизни по совести.

**ВЕСЬ КУЗБАСС ВОВЛЁКСЯ В ПОЭЗИЮ.
ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК
«ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ».
1985 ГОД**

282

На литературной карте страны нашему народу хорошо известны места, связанные с именами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Достоевского, Есенина, Твардовского, Шукшина...

С 1984 года к ним с полным правом можно отнести и Марьевку – в этом году там был открыт музей В.Фёдорова. Одновременно Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия» в серии «Читает автор» выпустила пластинку «Василий Фёдоров. Стихи и поэмы» с записями 1976-1984 гг. Фёдоров читает более 40 своих произведений. Пластинка оформлена репродукцией с портрета В.Фёдорова (работа Г.Захарова) и статьёй Ю.Л.Прокушева. Чтение поэтом своих произведений всегда неповторимо и потому предпочитается слушателями.

1985 год. По сердечному влечению людей и воле властей в Кузбассе впервые прошёл Всероссийский праздник, посвящённый поэту и наречённый «Фёдоровские чтения». Состоялось грандиозное событие не только для двадцати тысяч собравшихся в Марьевке и многих в Кемерове в Зелёном театре, но и для кузбассовцев других городов и весей. Литературные вечера, встречи с поэтами, публикации газетные, журнальные, книжные, телевизионные программы...

Народ и власти были едины в каком-то невероятно возвышающем духовном порыве.

Впечатление от праздника у всех – «ошеломляюще прекрасное».

Начавшись в субботу 10 августа в Кемерове, он продолжился на следующий день в Марьевке. Рано утром в родную деревню поэта устремился многотысячный поток людей. На протяжении четырнадцати километров от Яи до Марьевки на обочине дороги стояли автомашины приехавших на праздник.

Фёдоровские чтения 1985г. Марьевка. Слева Аман Гумирович Тулеев; дивный голос России – Татьяна Петрова; 4-я – Ирина Фёдоровна Фёдорова

Из разных уголков Советского Союза пришли-приехали люди, чтобы поклониться Дому поэта, чтобы припасть к живительному роднику духовного единения. Среди гостей были писатели из Москвы, Тюмени, Барнаула, Томска, Новосибирска, Иркутска... Группу писателей Кузбасса возглавлял поэт Геннадий Юров, руководивший тогда Кемеровской писательской организацией. Пospела десятитысячным тиражом и книжечка В. Махалова «Поэт Василий Фёдоров».

К этому празднику на Назаркиной горе был установлен памятник поэту (работа кемеровского скульптора Григория Сергеевича Трофимова), прошли ТВ-передачи, публикации, конкурсы чтецов

и уроки в школах, посвящённые творчеству земляка. Марьевский музей за полгода своей работы собрал сотни экспонатов, провёл десятки экскурсий.

От дома поэта на горе по дорогам и тропинкам люди шли на огромный луг, амфитеатром раскинувшийся по древнему руслу Яи. Здесь с портрета, созданного к празднику Германом Захаровым, встречал всех Василий Фёдоров – мудрым взглядом голубых глаз и каким-то тревожным и в то же время внутренне уверенным всем своим обликом... И...голос поэта, читающего «Пророчество», «О Русь моя!», «Совесь».

Выступления, стихи, воспоминания. Высокий душевный подъём, отрешение от суеты и обыденности, ощущение ответственности за судьбу Родины владели собравшимися.

Мне в эти праздничные дни выпала честь не только провести ТВ-передачи с гостями (в эфир – 19 августа 1985г.), отдельно – с Ларисой Фёдоровной, но и участвовать в съёмках телефильма о поэте по моему сценарию.

Наверное, не случайно одновременно, ещё и кроме текущих издательских дел, на этот август выпала моя переписка с известным русским писателем по некоторым его произведениям. На сон не хватало времени, приходилось духом поднимать работоспособность. И общение с Ларисой Фёдоровной, хотя и выпадало из дневного времени, но всё равно помогало, заряжая оптимизмом её и мудростью.

Ещё 10 августа Лариса Фёдоровна прочла мне неопубликованные строки Василия Дмитриевича: «Не потому ли сердцем я притих, что был повенчан общею судьбою. Что этот срок, что прожил я при них, они бесславно унесли с собою».

И во время праздника несколько раз мы вспоминали их, словно бы чувствуя их присутствие.

ТЕЛЕФИЛЬМ
«ЕГО СТИХОВ ВЫСОКИЙ СВЕТ».
К ПЕРВОМУ ПРАЗДНИКУ ПОЭЗИИ
В.ФЁДОРОВА»*

285

Человек, понявший красоту,
озаряется её светом.
Такой человек во много раз
требовательнее к себе.

В. Фёдоров

Более трёх десятилетий назад ушёл с Земного плана поэт. Ушёл под защиту народа – в память и сердца читателей. Двадцатый век дал возможность современникам запечатлевать события в движении и в звуке одновременно.

В Кузбассе при жизни В.Д. Фёдорова Кемеровской телестудии удалось запечатлеть поэта-земляка в родном краю. Сохранить бесценные кадры оказалось сложнее, но немного их всё-таки «выжило».

Такое же предложение о сценарии, как и в 1980-ом для фильма с участием В. и Л.Фёдоровых, телестудия сделала мне и в 1985-ом к первым Фёдоровским чтениям. Назвала я сценарий «Его стихов высокий свет. К первому празднику поэзии В. Фёдорова»... И не ошиблась: душевный подъём участников был настолько высок, что я посчитала первоначально данное, рабочее это название верным и точным; оставила. Почему? – спросите вы. А посмотрите, как В.Фёдоров сопрягал красоту, её свет с качествами человека.

В его повести «Светлый залив», написанной к маю 1952 года и опубликованной Л.Фёдоровой в ж «Молодая гвардия» в 1986 году, №6, есть такое высказывание:

* «Его стихов высокий свет. К первому празднику поэзии В. Фёдорова». Автор сценария и ведущая Тамара Махалова, режиссёр Тамара Гаверова, оператор Сергей Мякишев, звуко-режиссёр Валерий Смирнов, монтаж Галины Мещаниновой. Съёмки: Кемерово, Марьевка. 10 – 12 августа 1985г., цвет, 30 мин. В эфир 16 октября 1985г.; 22 октября 1985г. (повтор).

Фёдоровские чтения 1985г. Дом культуры в Марьевке.

Слева Геннадий Евлампиевич Юров, Виктор Михайлович Баянов, Т. Махалова

«Человек, понявший красоту, озаряется её светом. Такой человек во много раз требовательнее к себе».

Не это ли главное – возвышение человека до требовательности к себе. Требовательности строгой, постоянной, на уровне рефлекса – при л ю б ы х жизненных обстоятельствах. Чтобы не скатиться в обывательщину, эгоизм и прагматизм. Только так, думается, человек может гранить себя в повседневности. Только тогда в человеке зажигается высокий духовный свет.

Название к телефильму соединяет в себе два слова: «стихи» и «свет»... Приобщение человека к Поэзии. К Поэзии жизни. К Поэзии творчества. Через Поэзию духа. Поэзию сердца. Поэзию души. К восприятию мира – через Поэзию.

Написала эти строки и вспомнила строфу В.Фёдорова, в которой соединены понятия «свет» и «слово»:

Только солнце,
Только свет,
Только свет и слово!

Под словом «свет» поэт подразумевал, конечно, всё высокодуховное в мире и в человеке. Хотя, естественно, приветствовал и радости земного бытия, эту вторую составляющую человека: «Здесь всё зримо, здесь жизни основа основ мне становится как-то намного яснее. Как ни властна капризная магия слов, запах хлеба бывает сильнее», – с улыбкой говорит поэт.

Мне нравится здесь точное слово «бывает», воспринимаемое как состояние не постоянное, а временное, может быть, даже редкое. И то правда: духовное начало в человеке должно быть величайшей постоянной преваляющей.

Перебирая многие названия для этой рукописи, решила: «Только свет и слово». Возможно, ещё и потому, что в это же время искала надпись на памятник поэту Валентину Махалову, остановилась на таких его строках, опубликованных в книге «Вечерний разговор»:

«Звезда сгорела./ Небосвод её означил след./ А в жизни всё наоборот: /Сначала след, а после – свет».

Применительно к таланту Василия Фёдорова эти два понятия для меня – одновременны, без «сначала» и без «потом»: и при жизни Земной и при жизни Иной Поэт несёт в своём слове Добрый Одухотворяющий Свет.

Так что эти слова – «Его стихов высокий свет», – явившись впервые в сценарии фильма 1985 года, возникли во мне и значительно позже, при размышлении о наименовании этой рукописи.

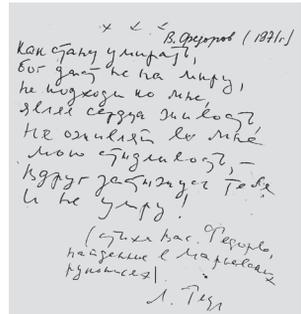
Это единое, нераздельное понятие: свет и слово – главное не только в моём восприятии творчества В.Д.Фёдорова, но и в общении моём с супругами Фёдоровыми.

Об этих, августовских, днях первого всероссийского праздника

поэзии В.Фёдорова хочу привести здесь фрагмент моей дневниковой записи: «20.08.85. Утро. Лариса Фёдоровна у меня на работе. После вчерашнего возвращения из Марьевки и вечера в Доме актёра с шахтёрами. Рассказывает: «Знаешь, в Марьевке на столике под телевизором наткнулась на папочку с Васиными листками. Вдруг вылетел вот этот листок...». Читает стих. Я прошу его записать. Дата под стихом: 1971г. октябрь)... «Это в Гагре...», – говорит Лариса Фёдоровна».

*Как стану умирать,
Бог даст не на миру,
Не подходи ко мне,
Явля сердца живость,
Не оживляй во мне
Мою стыдливость, -
Вдруг застыжусь тебя
И не умру.*

«К чистому глубокому роднику Вас. Фёдорова долго будут идти люди! И тем пребудет знаменитой Марьевка!

Ал. Марков. 11/У111 - 85г.»

ЛАРИСА: «ТОМА, БЕГУ Я ПО АРБАТУ...»

Пусть никогда не иссякнут
наша верность, общность духа...

Л. Фёдорова, из письма мне

Не удивляйся, мой дорогой читатель, что я часто говорю о Ларисе Фёдоровне. Не только потому, что она для меня всегда – и сейчас! – близкий по душе мне человек, но и потому, что я не представляю поэта без неё.

Юной душою она оставалась всегда, даже в солидном возрасте, по-прежнему питалась «сухариками с чаем» – для тела, общением с людьми – для души, поэзией – для духа. Например. У меня командировка (сопровожаю сорок трёх кузбассовцев – тур по Егип-

Л. Фёдорова в студенчестве. Вот в таком вдохновенно-радостном душевном состоянии я видела Ларису Фёдоровну всегда, как только она брала в руки книгу, особенно поэтическую

ту). Для оформления в посольстве виз, заказа автобусов и гостиниц в Москве и Египте выехала в Москву без группы. Лариса предложила до приезда группы перебраться из гостиницы к ней. Я и сама скучала по ней и с удовольствием согласилась... Вот и Кутузовский проспект... вот и дом... седьмой этаж... Лариса! Обнимаемся. Лёгкая телом и движениями, Лариса в последние годы стала просто пушинкой. Наверное, как всегда, забывает о еде.

– Томочка,- говорит она сразу, у порога, – бежим!.. на площадь! там митинг!

– Нет, Лариса Фёдоровна, сварим сейчас борщ...а потом уже побежим...

– Ой, а как же митинг? Не успеем...

Вот в этом вся Лариса: поэзия и общение могли её отвлечь на сутки от еды, а она этого и не заметит.

Борщ варится, а мы говорим, говорим, говорим...Иногда гадаем на её янтарных серёжках, иногда на нефритовом колечке из Иркутска, подаренном ей мною... вспоминаем Кемерово, Марьевку, Шорию.

«Хочу в Кемерово! Люблю ваш дымный город. Реку люблю... Тебя и Зиночку /Веселову – Т.М./, твою Зою /Естамонову – Т.М./ люблю, полностью всю библиотеку на Весенней улице, обожаю Петра Михайловича /Дорофеева – Т.М./ со всей его свитой...неизменно обожаю Германа Захарова. Так много любви для одного моего стареющего сердца! Но видит Бог – как она чиста!.. Люблю весь Яйский район, всю Марьевку и прелестного Колю Поддубного. Последнего я возвела в титул своего сына номер два...» /из письма мне Л.Фёдоровой от 25.X.1985г. – Т.М./.

А как – по-юному! – она воспринимала людей! Вспоминаю: возвращаясь из Ленинграда после отпуска, решила заехать в Москву на юбилей Сергея Есенина. Звоню из гостиницы Ларисе, что приехала, заскочу к ней на полчаса. Приезжаю на Кутузовский. Лариса:

– Тома, бегу по Арбату, вижу молодого человека с гитарой. Сам сочиняет. Пригласила к себе послушать его дивное исполнение. Вот и ты сейчас слушаешь. Он в гостинной, – говорит она сразу, в прихожей.

– Лариса, миленькая, я не могу пропустить Есенинский вечер. Да и не настроена сейчас слушать никакие другие, кроме Есенина, стихи, – тихонько отвечаю ей и мчусь в Колонный зал Дома союзов.

Вернулась к полночи. «А гость с гитарой, – я ему рассказала о тебе, – ждёт», – предупредила она меня. Мы с Ларисой слушали

весь его репертуар, высказывали своё мнение, конкретно. Стихи и исполнение были действительно хороши. Забегая вперёд, скажу, что в следующий раз пришёл с дочкой лет пяти; видимо, хотел «окунуть» её в атмосферу поэзии и духовного общения с Ларисой Фёдоровной. В одном из писем мне она упомянула его имя: Андрей Чирков (правда, в это время она уже путала в письмах имена; в другой весточке упомянула его под другим именем). Сначала она мне сказала, что «он врач», потом «преподаватель», возможно, совмещал. В общем, позже она «помогла ему издать в ближайшие годы три сборника» – сообщила она мне потом. Вот такой была Лариса Фёдоровна! Даже в своём весьма солидном возрасте! Не удивляюсь, ведь дух – господин человека – имеет качества, но не земной возраст.

2014 год, февраль. С того дня 1985 года прошло, ой, как много лет. Разбирая архив свой, вижу в одном из писем мне строчки «...на вечере у Фёдоровой Ларисы Фёдоровны». Подпись: Игорь Гревцев, 20 октября 1987г, Москва, ул. Ясенева, 34 и рассказ на четырёх страницах о том поэтическом вечере, и хотя он пишет: «вы первая, кто сказал мне, что стихи мои слишком приземлены, мелки и узки по содержанию, что нет в них пространства и ... мистики». Где-то в глубине души я доходил до этого и сам. Чувствовал, но – сформулировать не мог...Вы дали толчок моему подсознанию... оказались у истоков моего нового мироощущения», – по-моему, не я, а именно Лариса Фёдоровна и вся атмосфера поэтической квартиры на Кутузовском так повлияли на юношу. А фамилия его и имя, кстати, оказались совсем другими, чем в письмах Ларисы...

Но знаете, дорогой мой терпеливый читатель, поэтический вечер тогда просто так не окончился. Гость ушёл. А его стихи, их исполнение под гитару напрочь прогнали у нас с Ларисой сон (правда, такая «поэтическая бессонница» бывала у нас с нею часто). И полночный поэтический вечер перешёл в поэтическую ночь и рассвет:

– Надо, Томочка, нам поспать, а то завтра будем с тобою сонными, как осенние мухи, а у тебя предстоит уйма дел.

Улеглись. Только начинаю задрёмывать, входит в комнату Лариса – в ночной, длинной до пола сорочке, – с книжкой в руках.

– Томочка, ты читала стихи...? – называет китайское имя.

– Нет, не читала. Даже имени этого никогда не слышала.

– Это дивная китайская поэтесса. Послушай, как прекрасно она пишет. Уже поздно – прочту одно.

Лариса читает с большим удовольствием, восхищённо. Действительно великолепное стихотворение. И перевод отличный. Сон как рукой сняло. Прошу прочесть ещё одно...

Уже не одно стихотворение, а вся довольно объёмная книга прочитана... За окном светло... Но нам и спать не хочется.

Вот такой спутницей Поэта была Лариса Фёдоровна. И по жизни. И по творчеству.

«А Я СВОИХ ЧУВСТВУЮ — В СИБИРИ. КАК И ВАСЯ...»

Несмотря на все заботы и хлопоты, особенно по изданию произведений Василия Дмитриевича, она всё чаще печалилась, но вида старалась не показывать, говорила: «Печалюсь, но не на людях». (Как это мне самой знакомо. Зачем своей печалью печалить и других – это и мой принцип.) Но при этом она всё чаще словно полностью отрешалась от действительности и уходила в воспоминания. Как-то снова зашла речь о теории Льва Толстого – о самосовершенствовании, Лариса Фёдоровна вспомнила: «...об одном из главных устремлений Василия Дмитриевича: жажде совершенства в творчестве и в жизненных поступках».

А при слове «хутор» запечалилась, говоря:

«Я писала тебе, Тома, в каком цвете увидела...сейчас наш хутор... на всём печать е г о у х о д а. И в самом доме и на участке

сада. Всё какое-то поникшее, как бы угнетённое зноем или холодом» / из письма от 05.06.1984г./. А ведь это – начало июня.

Съездили с нею на Кунцевское кладбище, возложили цветы, грустно постояли...помолчали.

И поехали на хутор Гаврилов, что в километрах пятидесяти по Киевскому шоссе. Пошли погулять по лесу.

Бор...вековые сосны... От верхового ветра раскачиваются сосновые верхушки, рождая живой гул...Солнце закатными лучами пробивается к земле, пятнами высвечивая то островок изумрудного мха, то укутанный лишайником прутик, то веточку красной брусники на жёлтом песке...

...Время остановилось. Всё современное пропало...

Шли медленно...тихо...вне времени...старались не ступить на живую зелень...Молчали...Я всем существом своим чувствовала, что деревья... земля... и даже воздух... сохраняют присутствие здесь моих далёких предков...

Сказала об этом Ларисе, она, словно проснувшись от с в о и х размышлений, молвила тихо:

– А я своих чувствую – в Сибири... К а к и В а с я.

КНИГИ... ВЫШЛИ В СВЕТ

Общение с книгой –
высшая и незаменимая форма
интеллектуального развития
человка.

А.Твардовский

Память...

Лучшая память для писателя – конечно же, постоянное издание его произведений, книг о его творчестве, воспоминаний о нём... «Книга вышла в свет» – этот издательский термин всегда мне по душе, он ассоциируется с важным понятием: вышла книга в с в е т читательских глаз, читательских сердец.

*3 октября 1975г., с.Константиново,
Ю.Л. Прокушев, В.Д. Фёдоров*

*Евгений Сергеевич Буравлев,
первый руководитель кемеровской
писательской организации*

*«Дыхание земли родимой»**

Если деловое сотрудничество с Василием Дмитриевичем началось с 1972 года, с первой ТВ-передачи с ним в прямом эфире, то по одному из изданий – позже. В 1978 году, в связи с подготовкой коллективного сборника «Дыхание земли родимой», попросила его написать к нему предисловие. Василий Дмитриевич сразу же согласился. Были потом весьма краткие разговоры по содержанию и частностям. Но переписка, хранившаяся у меня в кабинете вме-

* «Дыхание земли родимой». Стихи/ Предисловие В.Д. Фёдорова, составители В.М.Баянов, Т.И.Махалова, художник В.П.Кравчук, редактор Т.И.Махалова, – Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1979г., 286 с., илл., 10 000 экз.

сте с автографами известных писателей, в том числе и Василия Фёдорова, была уничтожена. Жаль...очень! К слову, если не ошибаюсь, этот сборник был первым, оформленным В.П.Кравчуком в Кемеровском книжном издательстве, во всяком случае, из произведений художественной литературы. Этим фактом могло бы и сейчас гордиться издательство. Высшее профессиональное образование, величайшее трудолюбие и требовательность к себе помогли раскрытию его таланта. Всё это вкупе стало формировать из молодого преподавателя художественного училища высококлассного художника книги, настоящего Мастера, создавшего (и создающего до сих пор) много прекрасных книг. Честь и хвала Василию Петровичу, честь и хвала таким книжным художникам. Не только от авторов и издателей. Главное – от народа. Ведь Красота – Гармония! – творит Добро и живёт вечно. Как и сама Книга.

*Любовь Пудалова. «Чувство своего мира.
О лирике Василия Фёдорова»**

Одновременно в этот же, 1978-ой, год создавалась (а вышла в свет в следующем) книга кандидата филологических наук, преподавателя института культуры (ныне, в 1913г., это Кемеровский государственный университет культуры и искусств) Любови Антоновны Пудаловой, встречавшейся с поэтом в Марьевке. Написала «в Марьевке» и вспомнила об одной своей записи в старом дорожном блокнотике. Наверное, тогда уже Любовь Антоновна Пудалова думала о книге, посвящённой поэзии В. Фёдорова.

24 июля 1972 года.

С читателями Яи в этот день встречались Василий Фёдоров, Виктор Баянов, Лариса Фёдорова, Валентин Махалов, Олег Павловский. Любовь Антоновна и я наслаждались (в качестве слуша-

* Пудалова Л.А. «Чувство своего мира. О лирике Василия Фёдорова». Предисловие Н.С. Тихонова, редактор Т.Махалова, художник В. Кравчук.- Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1979 г., 120 с., 4000 экз.

Лариса Фёдоровна Фёдорова и Любовь Антоновна Пудалова на Кайдоре

телей) вместе с жителями Яи замечательным авторским чтением и, главное, хорошей атмосферой высокого духовного единения.

А ужин на плотине прекрасно, очень поэтично завершил эту встречу. Может, она и явилась началом замысла книги о лирике В.Фёдорова?.. Рукопись Любовь Антоновна передала в издательство через несколько лет, наверное, в 1977 году, так как вижу в своей деловой тетради строки о том, что 7 апреля 1978г. я получила от Николая Семёновича Тихонова (автора рецензии на рукопись) согласие мне самой переделать его рецензию в предисловие к будущей книге. Книга Л.Пудаловой написана хорошим русским слогом, точно передающим авторские мысли и чувства. И хотя по количеству текста она небольшая, но по объёму исследования, безусловно, ёмкая. Вот почему в предисловии к ней известный русский поэт и видный общественный деятель Николай Семёнович

Тихонов с полным правом мог написать: «В истории изучения современной литературы книга «Чувство своего мира», написанная об одном из талантливейших поэтов нашего времени, является свидетельством вдумчивого исследования современной поэзии. Нужная, полезная и добрая книга...».

Во время подготовки издания я как его редактор привозила летом 1978 года Василию Дмитриевичу в Марьевку для утверждения макет оформления. К нему фото на форзац и фронтиспис я взяла, конечно, выполненные в том же году замечательным фотохудожником Виктором Никифоровичем Грызыхиным (многие его работы творчески откликнулись потом в портретах поэта, выполненных кемеровскими художниками Г.Захаровым, И.Филичевым, Г.Трофимовым...). Фото эти Василию Дмитриевичу нравились больше всех других. Конечно, жаль, что добротный текст книги был издан весьма скромно (если не сказать большего), небольшим тиражом и, кажется, только в областном нашем издательстве. Эта работа Л.А.Пудаловой достойна переиздания. Важно, что она издавалась при жизни поэта.

*Книги...вышли в свет
после апреля 1984 года*

Дом, в котором нет книг,
подобен телу, лишённому души.
Цицерон

Возвращаюсь памятью к тем печальным дням...

Когда Лариса Фёдоровна приехала в Кемерово в июне 1984-го, я постаралась обговорить с нею необходимость издания в Кемерово воспоминаний о поэте, просила узнать, кто из москвичей хочет написать. Я полагала, что она сможет обратиться к этому, конечно, не сейчас (слишком близка и сильна боль утраты), а позже. Говорила: «Когда летняя суета и заботы отступят, хорошо бы, Лариса Фёдоровна, подумать об этом, ближайшем, деле...». Мне нужны

были имена возможных авторов, а уж адреса и телефоны их я узнаю по Справочнику союза писателей или через ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам).

А пока, по приезде её в Кемерово, провели с Ларисой телепередачу о Василии Дмитриевиче, сопровождала я её и на встречи с читателями. Очень интересным получился вечер воспоминаний 20 июня в кемеровском Доме актёра. На нём Лариса Фёдоровна читала также и свои «Стихи о тебе»: «Не из шёлковых трав прорастают они. Из стерни прорастают, как срезала колос, А ещё из убитой пустой колеи, там, где бродит душа, от Земного ещё не опомнясь...».

Обговорили, конечно, и возможность издания произведений В.Фёдорова в Кемерово. Кроме «Воспоминаний о поэте Василии Фёдорове», планировали «Сны поэта» и серию поэтических сборников. Попросила Ларису посмотреть для них неизданные произведения, возможно, не оконченные автором. Фактически наметили перспективу ежегодных изданий. Но, увы, не всё задуманное тогда удалось осуществить потом.

А в народе в то время чувствовался духовный подъём, был необычайно высокий спрос на книги, можно сказать, книжный бум. Книг Фёдорова в библиотеках недостаточно. В книжных магазинах его книги не залёживались, а желающих приобрести – много. И хотя книги В.Фёдорова издавались во всеююзных и республиканских издательствах, но даже многотысячные тиражи лишь малой частью доходили до Сибири. Вмиг раскупались ещё там – в Москве, Ленинграде, Киеве...

Мир – мера чести и добру.
 При неудаче и удаче
 Стоять перед народом –
 Значит, стоять всё то же –
 На миру.

В.Фёдоров

Валентин Махалов.
*«Поэт Василий Фёдоров»**

После ухода Василия Дмитриевича в мир Иной первой книжечкой о нём на родине стало это издание, вышедшее в свет в начале августа 1985 года к первым Фёдоровским чтениям.

С поэзией Василия Фёдорова Валентин был знаком со студенческих лет в Ленинграде. А может, и раньше. Даже, думаю, наверняка раньше. А лично...

Здесь, уважаемый мой читатель, я отвлекусь на некоторые обстоятельства, предшествующие личному знакомству и касающиеся также ещё одного поэта из Кемерова, Виктора Баянова. Итак...

Странная у нас с Валентином Махаловым была семья: он в Кузбассе живёт и работает (сначала в газете «Кузбасс», затем собственным корреспондентом всесоюзной «Строительной газеты» по Западной Сибири.), а я с детьми живу и работаю в Ленинграде. Он восхищался Кузнецким краем, впервые попав сюда на студенческую журналистскую практику, а я же с детьми не могла оторваться от своей родины, от моей родительской семьи.

Ещё в начале моего с Валентином знакомства он восхищённо рассказывал мне о друзьях свой юности. Я видела возможность хорошей повести и как-то в письме посоветовала ему присоединить к очередному отпуску месяца два – творческого, забраться к родителям в нижегородскую деревню на три месяца и воплотить своё воспоминание-восхищение в первую свою повесть. Так и сделал. Заехав на 4-5 деньков в Ленинград, отправился в Елдеж (ныне Нижегородской области, Семёновского района) к своим родителям... И дней-то немного прошло, наступил праздник 7 ноября, решила вызвать на почту, на телеграф, поздравить да и узнать, как доехал, начал ли писать. На почту пришёл Василий Алексее-

* В. Махалов. «Поэт Василий Фёдоров»- Редактор Т.Махалова, художественный редактор А.Ротовский Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, сдано в набор 28.07. 1985г., написано к печати 1.08. 1985г., 10 000 экз.

вич, его отец, отвечает, что Валентин, «погостив малость, поехал в Кемерово...».

Знала, что и по душевной дружбе и по службе Валентин не минует семью Анатолия Бельчика и Таи Шатской – они оба работники газеты «Кузбасс», а уж великолепными пирожками мама Таи – Вера Александровна – угощала Валентина чуть ли не ежедневно. Звоню Тае. Та в ответ: «Нет, не приезжал. Не видели...».

Выехал в Кемерово – и не приехал? Почему? Мы все затревожились. Так как мой папа обладал видением событий и часто отвечал людям, а те впоследствии подтверждали его ответы, задаю ему вопрос: «Где Валентин?» В понедельник задала, в среду ответ: «Он в казённом доме». – «В милиции?» – «Нет». – «В больнице?» – «Нет». – «В КГБ?» – «Нет». – «Папа, остаются только баня, детский сад...». – «Понимаешь, какое-то странное казённое место. Вижу казённый дом, людей без форменной одежды, без званий, все равны, нет подчинённости...». Стали прикидывать, где Валентин и что это за казённое место на пути из Горького (так тогда именовался Нижний Новгород) в Кемерово. В пятницу получаю еженедельник «Литературная Россия», на первых страницах вижу строфу из стихотворения Валентина «Глобус» в статье Сергея Наровчатова о поэзии молодых. Восприняла это как добрый знак, несколько спала и тревога. В ночь на воскресенье неожиданно появился Валентин. Не спрашивая, сразу говорю ему: «Знаем, что ты был в казённом доме, но в каком?» – «Понимаешь, у родителей был недолго, махнул в Кемерово, утром прилетел... сразу же пошел в Союз писателей. А там вызов в Москву мне и Вите Баянову – на двухнедельный семинар, этим же днём, ни с кем не повидавшись, вылетел в Москву... А теперь вот к вам из Москвы.*

* Кстати, идея повести, ради которой Валентин кружил по Советскому Союзу, забылась на несколько лет. Для воплощения этого замысла мне пришлось предложить Валентину оригинальную психологическую систему (но это уже через несколько лет, когда я переехала в Кемерово), свидетелями её были многие, в том числе семь писателей Е.Буравлёва, О.Павловского, композитора Г.Григоренко и несколько художников. Повесть «Высокая Грива» вышла в свет в 1972 году.

Через несколько лет рассказала Фёдоровым о «казенном доме без униформы, без подчинённости... равенстве...» Поразмывляли, а Василий Дмитриевич подытожил: «Что ж, для Союза писателей это – «без подчинённости», – пожалуй, точное определение... Да, мне интересна способность человека видеть на расстоянии – расстоянии времени и пространства».

Пришлось мне рассказать ещё о нескольких подобных случаях. Однако продолжу о книгах.

О том давнем, 1963-го года, совещании и первом личном знакомстве В. Баянова и В.Махалова с В.Д. Фёдоровым хочу передать словами Валентина. Для точности, но ещё и для того, чтобы сохранить высказанное о поэте, так как не уверена, печаталось ли оно или только прошло по радио. Тем более, что в девяностые годы многие архивы существенно пострадали. Итак...

«1963 год. В числе тридцати участников совещания...и мы – Виктор Баянов и я...Первый день совещания...В президиуме – видные советские поэты. Идёт шепоток среди участников: «Вон тот, видишь, Смеляков, а рядом Борис Ручьёв...Второй справа – Василий Фёдоров...». Знакомые, давно любимые имена. С любопытством разглядываю Василия Фёдорова. Лицо его мне показалось тогда усталым и немного печальным. Я хорошо видел его с третьего или четвёртого ряда. Широкие кустистые брови чуть насуплены, грива густых седеющих волос раскосмачена... С докладом выступает Сергей Наровчатов...идёт разговор о русской поэзии последних лет, её достижениях и промахах...Дошла очередь и до наших стихов...докладчик больше похваливал, чем ругал наши творческие сочинения. Дважды упомянул он и моё имя... даже процитировал несколько строф...при этом он назвал меня поэтом-кемеровцем...на это слово среагировал Василий Дмитриевич. Оно как будто пробудило его от внутренней задумчивости и отрешённости, он вскинул голову, взглянул на Наровчатова, затем окинул зал широким заинтересованным взглядом. В этот миг мне счастливо подумалось, что поэт искал «своих»...

Стали представлять участников совещания... представили нас... При этом Василий Дмитриевич глядел на нас с откровенным любопытством и ...испытующе.

Потом состоялся долгий и запоминающийся разговор с поэтом, мы читали ему свои стихи... С Василием Дмитриевичем мы встретились на другой день...случайно – в коридоре, в перерыве между семинарскими занятиями. С кем-то он сидел на диванчике, мы с Витей проходили мимо, и он, заметив нас, позвал к себе.

Я не запомнил толком этот короткий разговор, но в памяти осталось: говорил с нами Василий Дмитриевич просто, одобряюще. Расспрашивал о Кузбассе...родных местах, литературной жизни...о наших старших товарищах по перу, которых он знал. Особо спросил о Евгении Буравлёве, с ним его связывала давняя непрерывающаяся дружба. Под конец разговора поэт сказал: «Думаю будущим летом побывать на родине. Тянет меня туда, – потом, как-то заметно погрузнев, добавил: – От этой сутолоки тянет...».

Валентин рассказывал, что через три года, в 1966 году, в Кемерове проходил зональный семинар молодых литераторов Урала и Западной Сибири; секциями прозы, поэзии, драматургии руководили известные писатели... Я в это время в Кемерове ещё не жила и, так как о семинаре точно и подробно рассказать не могу, как и о тогдашнем общении некоторых его участников, то для точности сошлюсь на мнение Валентина: «...руководили семинарами ... Антонина Коптяева, Сергей Антонов, Ярослав Смеляков, Дмитрий Ковалёв, Леонид Решетников и другие. Одним из поэтических семинаров руководил В.Д.Фёдоров. В перерывах между занятиями участники, переговариваясь между собой, отмечали: «Очень интересно у Фёдорова и Смелякова. Там спорят по сути. Если хвалят – за дело, а снимают стружку – так по большому счёту».

С Василием Дмитриевичем...мы встретились как хорошие знакомые. Особенно это я почувствовал во время прощальной встречи, когда вместе с моим старым другом Евгением Буравлёвым беседовал с Василием Дмитриевичем сначала за дружеским столом,

а потом долго бродили по Притомской набережной и притихшим улицам вечернего города.

Мне не однажды приходилось слышать о том, что Фёдоров с большой осторожностью относится к молодым литераторам, что он никому не помог «выйти в люди». Подобное мнение мне кажется глубоко ошибочным. Только в моей памяти удержалось более десятка примеров, свидетельствующих о неподдельном внимании поэта к творческой молодёжи. Говорили мне об этом молодые поэты Киева, Новгорода, Горького, которым он помог добрым делом и участием в их творческом становлении.

А уж о поэтах-сибиряках и говорить нечего, многие из моих сверстников, да и поэты более младшего поколения не обделены были его вниманием. Алтайские поэты Николай Черкасов и Александр Родионов, кемеровчане – Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Владимир Иванов, Николай Колмогоров – всех их, пусть не в одинаковой мере, – коснулось доброе расположение Василия Дмитриевича. А Виктора Баянова он попросту любил и всегда ценил его поэзию... В это время мои встречи с поэтом были редки и кратковременны. То мы встречались в Москве в Центральном доме литераторов, то в Марьевке у его родни».

Надеюсь, что этими, вышеприведёнными, строками В.Махалова я, хотя бы немного, восполнила юному читателю некоторые детали восприятия Василия Дмитриевича молодыми поэтами.

... Когда Фёдоровы обзавелись своим домом в Марьевке и стали приезжать ежегодно, встречи участились. Да и я уже переселилась в Кемерово. Через короткое время их путь из Москвы стал пролегать уже не через станцию Тайга, а кемеровским самолётом, потом авто до родного села.

Я в Марьевку ездила очень редко, только если была необходимость по делу. Зато «вольный художник» (как иногда называла его Лариса Фёдоровна) Валентин мог нагрянуть в гостеприимный марьевский дом неожиданно и обязательно с доброй «кучей» народа, иногда и ему самому незнакомого. Однажды, спонтанно познако-

мившись с чьей-то «свадьбой», привёз её – полный автобус – к Фёдоровым на гору. Лариса Фёдоровна ахнула: – Такого у нас ещё не бывало! – рассказывая, повторяла она потом.

Множественно вместе с хозяином дома на горе Валентин рыбачил на Кайдоре и на Яе. Участвовал он вместе с Фёдоровыми в поэтических встречах с читателями; вспоминал, например, как однажды в середине 1970-ых проходил такой вечер в стареньком марьевском клубе (да, мой читатель, вы правы: в том самом, о котором поэт писал «...коровники кирпичные, а клубик деревянный»), вдруг погас свет, «ахнул гром и тяжёлый ливень ударил по крыше клуба, Василий Дмитриевич пошутил: «Видно, природа решила проверить, хорошо ли поэты помнят свои стихи».

С Ларисой Фёдоровной у Валентина были хорошие дружеские отношения, она любила читать ему свои новые стихи, и Василий Дмитриевич часто встречал Валентина привычным шутивным возгласом: – Лара! Твоя жертва приехала. Бери, терзай его своими стихами.

Знаю, что была переписка Валентина и Василия Дмитриевича «по поэтическим делам», чаще – по делам его друзей-поэтов, реже – по своим. Открываю свой дневник: 17 марта 1973 год. Василий Дмитриевич прислал Евгению Буравлёву письмо о книге В.Махалова «Дикая яблоня» и необходимости публикации его стихов в журнале.

Передо мной фото тех лет. Лето 1970 года, Марьевка, на фоне дома Фёдоровых стоят семеро молодцев. Справа – три представителя руководства Яи и Марьевки, слева: Олег Павловский, Виктор Баянов и Валентин Махалов. А в центре Василий Фёдоров. Все – молодые, стройные. Ростом выше всех – Василий Дмитриевич. Ему ещё только 52 года.

Из писем и телефонных разговоров я знала, что Лариса Фёдоровна иногда обсуждала с Валентином свои рукописи, часто общалась о новых публикациях Василия Дмитриевича, всегда – о его здоровье, летних планах. Бывало, и гостевал Валентин у Фёдоров-

вых на Кутузовском. Занятая множеством своих дел, я не вдавалась в его, как и он – в мои, а на лето 1985-го, кроме всего прочего, мне выпали дополнительно сценарий и съёмки телефильма по нему. О том, что Валентину предложили срочно написать о поэте, я узнала в конце июля, когда мне передали из Союза писателей его текст для «быстрейшего издания к первым Фёдоровским чтениям десяти тысячным тиражом». Сразу же пришлось, фактически формально подписав, провести рукопись до выхода в свет.

Валентину я высказала своё мнение: почему так мало рассказал, ведь лично общался много, почти все стихи Василия Дмитриевича знал наизусть. Не то, что я. Понимала, что времени у него было в обрез и что в будущем надо бы развернуть этот текст в хорошую книгу. Высказала опасение, чтобы не откладывал, «а то получится так, как с давним-давним твоим замыслом книги о сибирских художниках». На что Валентин меня заверил, что он обязательно-обязательно напишет о Василии Дмитриевиче. «...не забудь о Ларисе и её творчестве сказать», – добавила я. К сожалению, за последующие четверть века он так и не успел – ни того, ни другого. Может, помешали ему свои собственные замыслы, в задумке (и частично – в набросках) были «Лён», «Чужая кровь», «Наедине с миром»... А может, тормозило и что-то суетное, внешнее. И хотя книжечка Валентина о Поэте поспела к Фёдоровским чтениям-85, я до сих очень сожалею о том, что он не написал о многих интересных встречах с Василием Дмитриевичем, хотя и рассказывал.

Живу на свете в удивленье,
Что где-то, верность мне храня,
Крылечко есть на три ступени
И дом из тёмного бревна.
Там день высок, и тих, и длинен
И ночь нисходит не спеша,
Там луг ромашковый повинен,
Что улыбается душа.

Из стихотворения Л. Фёдоровой

*Василий Фёдоров.
«Душа ещё полна заботы»**

Мысленно вернусь в июнь 1984-го, к нашим с Ларисой беседам о будущих книгах. «Воспоминания...», конечно, быстро не сделаешь, а вот поэтический сборник – можно. Предлагаю Ларисе быть его составителем, но, зная, как много у неё дел по литературному наследию и изданиям В. Фёдорова в центральных издательствах, пообещала, что я сама составлю и подготовлю для набора основную часть сборника, а за ней – подобрать неопубликованное.

Лариса согласилась: «Да, это, безусловно, ускорит выход книги. Спасибо тебе за это предложение, дел у меня невпроворот. Но ты, Томочка, второй экземпляр рукописи не присылай /первый шёл для типографии – Т.М./, а вышли только Содержание». Расставаясь, договорившись, в какой час суток будем созваниваться.

Строки поэта «Хочу оставить на Земле глаза, чтобы на мир глядели вечно...» само собой подсказали мне название будущего сборника – «Душа ещё полна заботы...». Лариса одобрила, директор издательства Виталий Васильевич Банников сразу же поставил в ближайший план. Я позвонила в Москву Юрию Львовичу Прокушеву с просьбой написать предисловие. Вскоре Лариса сообщила, что она успеет собрать не вообще не опубликованные, а опубликованные лишь в периодике. В начале года сдаю рукопись в производство. К декабрю книга выходит в свет.**

«Что-то долго», – подумает нынешний молодой читатель. Да, долго, так как план изданий утверждался в Москве Госкомиздатом, к тому же в типографии книга тогда делалась так называемой вы-

* Опубликованные на тот момент только в периодике я пометила в Содержании звёздочкой, это: «Время село на плечи мои...», «Мир», «Рождение стрекозы», «Кедровая доска», «Люблю я день после дождя...», «Сталь», «Видение, бывшее мне в метро...», «Боткинский лист», терцины, поэмы «Завоеватель и мастер», «Мать и сын».

** Василий Фёдоров, «Душа ещё полна заботы...»: стихотворения, поэмы. / Составление Л.Ф.Фёдоровой, предисловие Ю.Л.Прокушева, редактор Т.И. Махалова, художник В.П. Кравчук. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986г. – 276 с., 25 000 экз.

сокой печатью. И 137 стихотворений сборника и 6 поэм...каждая буква, каждый знак отливались на линолите в свинце, не то, что сейчас, в век высоких компьютерных технологий. Так что книга вышла в последние дни 1986 года, а так хотелось – годом раньше.

«*Воспоминания о поэте
Василии Фёдорове*»*

307

Велик твой путь,
И ноша нелегка...
В.Фёдоров

От Ларисы я знала, что готовится пятитомное Собрание сочинений Василия Фёдорова. Да, в 1987-ом вышли первые два тома, на следующий год ещё два запланировано, а пятый том – на 89-ый год. Тираж 50 000 экз. И это на весь Советский Союз?! А сколько дойдёт до Кузбасса? Нужен поэтический сборник! И «Воспоминания...». И хорошо бы – в этом, 87-ом, году!

Всё предыдущее время собирать воспоминания помогала Лариса. Мы с ней спешили, пока свежа память, пока не приутихла боль утраты в душах знавших Василия Дмитриевича.

Лариса Фёдоровна хотела, чтобы я тоже написала воспоминания. Но в издательстве у меня было много рукописей для первичного рассмотрения, шли вёрстки, на телестудии – постоянные передачи и «внезапные» (если приезжали известные деятели искусства). Я была в диком цейтноте и жёстко планировала каждый день, на общественные обязанности отводила минимум времени, как и для сна. Тут уж было не до такого тихого жанра – воспоминаний.

6 июля 1985 года Лариса, не дозвонившись до меня, пишет из Москвы: о предыдущих названиях сборника, о воспоминаниях Дениса Цветкова, Р.Глазковой (печётся о них, чтобы я не ис-

* «Воспоминания о поэте Василии Фёдорове» /Составитель-редактор Т.И.Махалова, художник В.П. Кравчук.- 1987 г., 286 с., илл., 15 000 экз..

ключила из книги)... Пишет о параллельно готовящейся рукописи «Душа ещё полна заботы», что читается с интересом, что по «подборке стихов, сделанных тобою, возражений нет... Воспоминания Валентина Махалова мне очень, очень понравились. Серьёзно, с любовью, с грустью... Немножко подправила воспоминания брата /Александра Быкова – Т.М./ в изложении – как бы со слов сестры...».

В своей издательской работе сдавать рукописи в производство или подписывать «В печать» я всегда старалась в ближайший энергетически сильный день.

В мае, в День славянской письменности, сдаю «Воспоминания...» в набор, 15 октября – подписываю в печать, книга выходит в свет к концу года – в добрый путь!

***Василий Фёдоров. «И верую и правдою».*
Я верю в магию цифр и сроков. Бабочка***

Цепочку изданий В.Фёдорова в Кемерове прерывать не хотелось. Лариса была загружена изданиями в Москве, отказалась. Поэтому я готовила новое издание одновременно с «Воспоминаниями...». Как-то сразу определилась с названием, будто оно уже было в душе заранее – «И верую и правдою». Считала эти две нравственные категории сквозными, основными в личности и творчестве Василия Фёдорова. И опорными для каждого из нас.

Но в план выпуска сборник уже попадал на следующий, 1988-й, год. Подписание в печать пришлось на день рождения Ларисы Фёдоровны. Книжечка вышла в свет февральских Фёдоровских чтений-88 – юбилейных.

Я верю в магию слов и цифр и неслучайность сроков. С этой рукописью было связано ещё одно интересное событие... Вот послушайте, мой дорогой читатель, если вам интересно совмещение миров.

* Василий Фёдоров. «И верую и правдою». / Составитель-редактор Т.И. Махалова, художник Ю.И.Космынин.- Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988г., 222с., 10 000 экз. Непубликованные произведения помечены в Содержании звёздочкой.

18 августа 1987 года...

Солнце. Жара. Окна в квартире настезь. Четыре часа пополудни.

У окна за письменным столом сижу над составлением сборника «И верою и правдою», перечитываю неопубликованные стихи, письма Ларисы...И вдруг...вот сейчас...бабочка села на листы со стихами. Красивая...и печальная...

И я замерла, опасаясь её спугнуть даже своим дыханием...Казалось, что время замедлилось и всё вокруг опустело. Тихо.

...И сейчас, уже долго, сидит, ко мне усиками-антеннками повернувшись... Перестаю записывать. Смотрим друг на друга.

Приходит воспоминание: нечто подобное – с бабочкой и стихами поэта – было. Когда?.. Неужели когда готовила «Воспоминания...»? Нет...значительно раньше. Да, да, в 80-ом году... на даче за журнальным столиком в саду срочно писала сценарий телефильма с участием Василия Дмитриевича. Но что было особенного в той, давней, бабочке? Ощущение неслучайности происходящего? Возможно... Или она была предвестницей скорой, через месяц, гибели моего брата в Москве?.. Но ведь там, как и здесь, присела она тоже на листы с текстом о поэте.

...Вот бабочка, повернувшись в профиль, подрагивает крылышками, показывает мне их красоту, желая, видимо, чтоб я её запомнила?.. И не боится лапочка, что я пишу вот эти строки... Интересно, сколько ещё она просидит со мною?...или со стихами? Вот по стиху идёт, ко мне...ближе...ближе...Ещё несколько шажков...вспорхнула вдруг и улетела. Но крылышко её я уже зарисовала: на чёрной каёмке шесть белых точек, на оранжевом поле крыла – четыре чёрные горизонтальные полосы и две чёрные точки... Кто ты, небесное создание? И в чём тут знак? Иль весточка?

Во всяком случае – обрадовала. И, улетаая, не металась по комнате, а сразу, развернувшись на левое крыло, выпорхнула в окно. Было уже с этой бабочкой...было. И то же самое ощущение неслучайности, знаковости, как тогда...в летнем саду, за журнальным столиком.

...Прошло более четверти века. Занимаясь вот этой рукописью уже во втором десятилетии нового тысячелетия, разбирая архив, обнаружила листок с теми записями о бабочке и с рисунком её крылышка. Вспомнилось тогдашнее ощущение неслучайности поведения этого небесного создания, неслучайности знаков на её крылышках. Их рисунок явно напоминал мне что-то. Что?.. Очень похож на гексаграммы?.. Те, в которых китайский правитель третьего тысячелетия до н.э. Фу Си увидел систему символов?.. Систему, объясняющую мироздание и главное для нас в нём – Небо и Землю. Да, в мире всё не случайно. Но как мы далеки от понимания этого.

А гексаграммы на крылышках начинаются так: «Боги пробудили мать-Землю...» и «Господствует единство ясности и простоты...». И думается мне, что они глубинно связаны с личностью и творчеством Поэта.

Василий Фёдоров. **«Сны поэта»***

В действительности, то есть во сне...

В. Фёдоров

Неоднократные в моей жизни эпизоды с бабочкой, как и другие с мистическим оттенком, невольно уводили меня от действительности в иную реальность. Так что, сдав в производство «И верою и правдою», стала готовить к изданию «Сны поэта», но в план 1988 года они не попали. Зато в этом году они вышли в издательстве «Советский писатель»*, а наше, кемеровское, издание вышло в свет в следующем**.

«Сны поэта»... Я всегда ждала их журнальных публикаций, в те времена, когда они ещё только создавались.

* Василий Фёдоров. «Сны поэта» / «Советский писатель», редактор В.Н. Мальми, 1988 г., с. 270, 50 000 экз.

** Василий Фёдоров, «Сны поэта». / Кемерово: Кемеровск. книжн. изд-во, редактор Т.Махалова, художник Е.Ф. Зайцев, худред В.П. Кравчук, 1989 г., 167 с., 10 000 экз.

Я люблю их за их совершенство.

Они классически прекрасны.

Сюжетно разнообразны.

Каждая новелла композиционно, сюжетно и фабульно – великолепно – завершена.

Они богаты интонационно.

Трагически печально завершение «Снов с Тартюфом».

Тревожны нотки «Чёрной прядки букета».

Поэтическое решение тайны возникновения разума и фокуса будущего – в «Голове Земли».

Ироничность, самокритичность «Человека из портрета».

Таинственна разгадка поэтического дара в «Чёртовом молоке».

И хороша мысль о том, что «путь космонавта начинается с зыбки» («Катаклизм»)...

А как я люблю, наслаждаюсь, читая «Чёрную прядку букета»! За душевные картины из жизни Марьевки, за появление в ней Александра Пушкина, за удивительное, естественное соединение мира плотного и мира тонкого, прошлого и настоящего...Кстати, эта новелла приоткрыла для меня разгадку сложных (как рассказала мне в самом начале семидесятых Лариса Фёдоровна) отношений Василия Фёдорова и Михаила Луконина, известного в стране поэта... Лето 1975 года, я на работе в издательстве, звонок главного редактора художественного вещания телестудии Н.Н. Соколовой:

– Тамара, на один день прилетел в Кемерово Михаил Луконин, «лети» быстро на телестудию, сделаем с ним видеозапись.

– Бегу, Нелли Николаевна, только заскочу на минуту домой, возьму для видеоряда его книги.

Когда в студии Михаил Кузьмич увидел кипу своих книг, в том числе двухтомник избранных произведений, растрогался и очень откровенно, раскрепощённо беседовал в эфире на многие творческие и биографические темы. Очень удивился моему вопросу о его сестре в Волгограде (она многое сделала для него как поэт – в юности), может, думал: ну что Кемерово?.. Шахтёрский край... Си-

бирь... Вопрос о его отношении к творчеству Фёдорова, тогдашнему и нынешнему, я оставила на «после видеозаписи». На обкомовской машине довезла его до гостиницы «Кузбасс», отклонила предложение разделить с ним «трапезу в ресторане» и уже хотела задать вопрос, ему неприятный, но... стоит предо мной хороший поэт: в синем костюме, белоснежной сорочке, синем в белый крупный горох галстуке и белой модной кепочке – уверенный, успешный, красивый... довольный хорошо прошедшей видеозаписью на шестьдесят минут... Мне так не захотелось ввергать его в совсем иное настроение. Лишь поблагодарила, оставив свой вопрос на потом... на встречу в будущем. А «потом», увы ... К сожалению, человек смертен. По-моему, на следующий год я услышала печальную весть о нём. Наверное, правильно, что тогда пожалела. В 1985 году Лариса Фёдоровна передала мне копию отзыва М. Луконина о дипломной работе В. Фёдорова в Литературном институте.

Встречаясь с Михаилом Лукониным во «Сне...», В. Фёдоров сумел подняться над личным. Отношения двух поэтов в новелле предстают интересно, в классически прекрасной и сложной до гениальной простоты форме. Каков уровень таланта!

А трёхстраничная новелла «По следам Чингисхана»? О сне поэта и предсказании по нему его дяди Василия Наумовича: «... будет тебе в твоём писании четыре удачи...» – пробудила во мне желание разгадать эту «задачку»; одна удача, по-моему, правильный выбор жены, другая удача – выбор главного жизненного дела. А вот в чём ещё две? В новелле поэт не решил для себя: были уже или будут впереди эти четыре удачи? и в чём?

В моих размышлениях настойчиво высвечивалась цифра «1944».

Вспомнила: это год п е р в о й книжной публикации поэта (в коллективном сборнике «Родина», г. Новосибирск, 1944г.). Таким образом, творчество Василия Фёдорова до 19 апреля 1984 года занимает ч е т ы р е десятилетия. И второе: сколько ни считала, но количество прижизненно изданных им книг выходило у меня

на ч е т ы р е десятка. Права ли я, мой прозорливый уважаемый читатель?

И во всех новеллах – чуткость человека не только к другим, но и к себе, своей душе («Сон – жизнь души, она ещё реальней...»). Поэт говорит о важности внутреннего зрения человека. «Как же он, этот третий глаз, нужен теперь, когда потребность заглядывать в себя стала насущной», – сказал он, предвидя обострение этой потребности уже и в XXI веке.

И при всём том – это проза П о э т а! Читать и перечитывать – наслаждение, так как каждый раз, при новом чтении, открываешь для себя новые ассоциации, новые жизненные аспекты. Поэт часто говорит: «В действительности, то есть во сне...». А Лариса часто повторяла любимые строки (Марины Цветаевой): «– Когда увидимся? – Во сне».

Как это понятно каждому, кто чувствует и понимает, что человек живёт не только в плотном теле... не только плотным миром...

Иногда я задавала себе вопрос: где же начало прозы Василия Фёдорова? Когда он захотел поговорить с читателем не стихами? В телебеседах с ним и с Ларисой я почему-то не додумалась до этого вопроса; всё говорили о стихах, о поэзии...немного о жизни.

Но вот в своём мне письме от 20 апреля 1985 года она сообщает: «Томочка, в 6-м номере «Мол. гв.» /«Молодая гвардия» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ – основан в 1922 году, выходил тиражом 650 тысяч экземпляров – Т.М./ собираются напечатать Васину повесть – первенец его прозаических опытов – «Светлый залив» – о Керчи, о сарматах, о черепице для великой стройки, которая /черепица – Т.М./ дрянь дрянью перед черепицей сарматов... Там же и начало «Снов поэта»...Это сон о сарматах и о рабах...».

У меня в руках это издание за 1986 год. Открывается номер повестью Василия Фёдорова «Светлый залив» (создана в те годы, когда писатель ездил на строительство Северо-Крымского канала), «Публикация Л.Фёдоровой», поставлена дата написания: «Май,

1952 года». Второй раз, почти через тридцать лет, уже в 2013 году, вновь читаю пожелтевшие от времени страницы. Да, действительно это начало «Снов поэта», вся повесть построена на одновременном нахождении лирического героя в разных временных эпохах, фабула повествования закручена сложнее, чем в новеллах, а вот сюжетное содержание в «Снах поэта» – яснее и богаче, да и фабула естественней и изящней.

А сокровенное начало великолепной прозы В.Фёдорова лежит, конечно, в детстве. Сам Василий Дмитриевич говорил и писал о том, «как важно всё, что происходит с нами в детстве!»

Мама поэта, Ульяна Наумовна, знала не только много народных песен, но и умела интересно рассказывать и толковать сны. Причём, как вспоминал сам Василий Дмитриевич, «сны её были чаще всего сюжетны». Многие «сны» не только написаны в Марьевке, но и действия в них часто происходят там же. Думается, проживи поэт ещё хоть немного, сколько бы интересных новелл из «Снов...» дарили читателям наслаждение от их чтения.

Человечество уже давно вышло на понимание реальности невидимого, их сложного взаимопроникновения, сильного влияния на судьбу, на поступки, на разум человека. Тогда, с середины семидесятых, когда у поэта, вероятно, возник замысел соединения этих двух составляющих, когда затем появились первые новеллы «Снов...», я в литературе не встречала такого блестящего, полного в своей сложности и ассоциативности соединения этих двух реальностей. Соединения – высокохудожественного!

Это издание «Снов поэта», к сожалению, было в Кемеровском книжном издательстве последним: за последующие почти полтора десятилетия работы издательства им не было издано ни одной строчки из произведений В. Фёдорова (правда, уже не при Банникове, а при ином директоре).

Как важно, к т о стоит во главе дела. Не потому ли и само издательство было разрушено. А создано ведь оно в тяжёлом послевоенном 1946 году, 29 октября. Через полвека неплохой работы

его «реформировали» – и оно потеряло всё своё движимое и немалое недвижимое имущество, профессиональный коллектив, и даже архив весь, до листочка, не был передан в областной архив, а «тайнственно» исчез. Как будто и не было вовсе этого замечательного учреждения, превращавшего рукописи в книги. Жаль... очень жаль. Были годы, когда опыт его коллектива (при директоре В. В Банникове) рекомендовался Министерством печати другим, даже республиканским издательствам.*

1988 ГОД
ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК
«ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Две силы успешно содействуют
воспитанию культурного человека:
искусство и наука. Обе эти силы
соединены в книге.

М.Горький

Страна готовилась к 70-летию Поэта

Широко и всесторонне страна готовилась отметить юбилей поэта.

Конечно, начался он на родине Василия Фёдорова. Всероссийский статус праздника, очевидное влияние его на духовное состояние общества ко многому обязывали. Власти области с января активно принялись за его организацию. Первый секретарь обкома КПСС съездил 21 января в Марьевку, поручил облисполкому срочно решить все материальные заботы музея и вплотную заняться подготовкой праздника. 22 января руководитель Кемеровского облисполкома созывает совещание, приглашая от библиотеки имени В.Фёдорова Лощевскую Веру Михайловну, от Кемеровского

* О Кемеровском книжном издательстве см. статью Т.И. Махаловой к 50-летию издательства – в газете «Кузнецкий край» от 29 октября 1996 г.

областного краеведческого музея Кравцову Людмилу Петровну, а также Махаловых В.В. и Т.И.

Перед нами ставится задача: «срочно выехать в Яю и Марьевку, всё осмотреть, особенно будущее помещение марьевского музея В.Фёдорова в здании нового клуба, высказать свои предложения...».

В Яе подключились к нам ответственные за праздник в Марьевке редактор районной газеты Откроков Николай Андреевич, зам председателя райисполкома Осипюк Юрий Адольфович, первый секретарь Яйского райкома КПСС Иваньков Владимир Иванович, секретарь райкома по идеологии Лукьянов Геннадий Александрович, заведующая отделом культуры Яйского райисполкома Тельбух Валентина Борисовна, директор марьевской школы Герасименко Николай Михайлович, заведующая музеем В.Д.Фёдорова Шаповалова Валентина Петровна, Пицкин Анатолий Иванович. После поездки мы сразу же представили свои заключение и предложения.

Кемерово, в свою очередь, готовило городские и областные мероприятия. Мне, по телевизионному сопровождению «чтений», предложили наметить и согласовать с Митякиным Геннадием Михайловичем: телепередачи с гостями Фёдоровских чтений, интервью с Ю.Л. Прокушевым.

Обговорили всё с Н.Н. Соколовой и З.Н.Естамоновой, а также необходимость предпраздничного чтения по телевидению стихов Василия Фёдорова актёрами кемеровских театров – в течение пяти предпраздничных дней. Составляя, я решила: три стихотворения на день, каждому дню – своя тема; в первый день – о малой родине, второй – прикосновение к миру, третий – любовь, четвёртый – труд, пятый – проблемы века.

Чуть позже телестудия добавила мне предложение написать сценарий телефильма.

Фёдоровские чтения-88, начавшись 23-26 февраля в Кемерове, традиционно должны были продолжиться в Марьевке 31 августа.

Канун праздника. Съезжаются гости

Съезжаются гости. Приехала и Лариса Фёдоровна, согласилась остановиться у меня, но «только на ночку, не больше, ведь в гостинице я смогу пообщаться со многими поэтами со всей страны», – убеждала она меня. В тот же день получился тихий домашний вечер вчетвером, с Зоей и Зиной. А вначале я подаю Ларисе новый сборник – «И верою и правдою». И она тут же, по привычке, гадает на нём, себе: «любовь – и копьё и броня», мне: «беззаветно служить красоте». А потом был вечер воспоминаний, грустных и весёлых. Лариса рассказывала о Василии Дмитриевиче, о его бескорыстии – два эпизода в первые годы их пребывания на Назаркиной горе.

«Сидим с Васей на крылечке. Зашёл разговор о том, что в деревне почти нет малых ребятишек. Почему? Я говорю:

– Нет яслей, женщины потому и не хотят рожать.

– Пусть мой дом возьмут под ясли.

– Тысячи три дадут за него.

– Нет, отдам так, бесплатно.

– Повесят табличку: «...имени В. Фёдорова».

– Вот и хорошо. Память народная.

...А вот послушайте историю с пасечником. Вася вернулся из Яи, рассказывает: «Вот пасечник жаловался, что ему с пчёлами некуда деться. Говорю: «Поселяйся с ними у меня на горе»...

На следующее утро приезжает пасечник, осматривает погреб, куда на зиму пчёл надо устраивать, обходит усадьбу, постройки... А где будет сам пасечник жить? Василий Дмитриевич предлагает ему для жизни в доме любую половину, на выбор. Пасечник говорит, что за жизнь в доме подарит два улья. Василий Дмитриевич: «Возьму, если только заплачу за них». Вот такое, бескорыстное, у него отношение к людям было всегда...».

23 февраля.

Гостиница «Кузбасс». Вечер воспоминаний

Василий Фёдоров –
поэт искренней, гармоничной
организации слова и души.

В.В. Сорокин

Василий Дмитриевич всегда этот день отмечал как день рождения. Приехавшие на праздник и разместившиеся в гостинице гости решили тоже отметить этот день – вечером воспоминаний. Так как мне предстояло вести с гостями ТВ-передачи, я стремилась, по возможности, точно записать некоторые высказывания. К счастью, часть их могу привести здесь дословно, хотя и не полностью.

Первой дали слово Ларисе Фёдоровне, она поблагодарила Юрия Львовича Прокушева за то, что «... он в трудные времена вовремя встретился на пути Василия Дмитриевича, поддержал его».

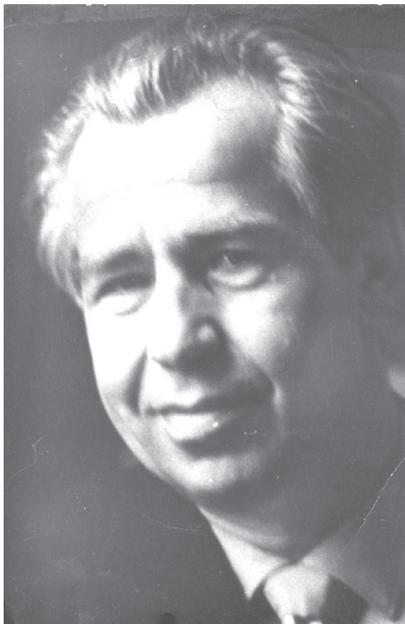
Валентин Васильевич Сорокин (Москва) говорил, в частности, о том, что «Александр Твардовский, Василий Фёдоров в творчестве своём жёстче Сергея Есенина. Потому что мир и природа погибают, люди много лгут – всё это поэты особенно остро чувствуют...».

Игорь Ляпин (Москва): «При всех жизненных накладках...у Василия Дмитриевича была счастливая судьба: его сразу поняли и друзья и враги... Поднимаю тост за глубину, достоинство, русский характер, величие его духа!».

Юрий Валентинович Дудин, обращаясь к Ларисе Фёдоровне, встаёт на колени: «Лариса Фёдоровна, Вы позволяли Василию Дмитриевичу быть поэтом...Вы как декабристка».

Все горячо присоединились к этому тосту, а Наталья Панова из г.Навои сказала: «Мы здесь – лишь одна миллионная тех, кто хотел бы быть сейчас рядом с Вами».

Александр Шевелёв из Ленинграда вернул всех в далёкие 50-е годы: «Я встретился с поэтом то ли в 1957-ом, то ли в 1958-ом году,

*Валентин Васильевич Сорокин, друг Василия Дмитриевича,
Председатель Комиссии по литературному наследию В.Фёдорова*

в ЦДЛе, на его авторском вечере. Он покори́л зал своим выступлением... Потом я попал к нему в семинар, а Валентин Сорокин был у него тогда в семинаре секретарём, старостой. Честность, искренность, порядочность в Василии Фёдорове и его поэзии – это для меня главное...».

Валентин Махалов читает несколько стихотворений Фёдорова и говорит, что он учился у Василия Дмитриевича уважать себя.

Виктор Крещик из Новосибирска отметил такую грань поэтического дара юбиляра: «Что или кто даёт больше: Земля – поэту или поэт – Земле?.. Встречался с Василием Дмитриевичем в Новосибирске... Что я замечал у него? Он всегда держал свой путь на марьевскую звезду»...

Этот февральский душевный вечер воспоминаний ненадолго переместился в банкетный зал гостиницы «Кузбасс» и продолжился (уже меньшим числом присутствующих) в номере Ларисы Фёдоровны. Расходиться никому не хотелось. Валентин Сорокин читал стихи Василия Дмитриевича и свои, перемежая их рассказом о себе, о поэзии, о русской национальности. Сложился хороший раздумчивый разговор, наполненный поэзией и размышлениями о судьбе родины и поэта.

*Открытие мемориальной доски.
Читательская конференция — под звуки арфы*

Поэты родины моей...
Какие судьбы роковые...
Какие души золотые...
Какая искренность очей...

Игорь Ляпин

24 февраля Фёдоровские чтения начались открытием мемориальной доски на здании (Кемерово, ул. Дзержинского, 19) областной научной библиотеки имени В.Д. Фёдорова. Наименование присвоено библиотеке Постановлением Совета министров от 10 июня 1987года. Она была основана в 1920 году, в 1943-ем преобразована в областную; одна из крупнейших библиотек России, в ней 13 отделов, 200 сотрудников. Занимает площадь в 10 000 кв. м., располагает универсальным фондом, сформированным на базе обязательного экземпляра. Данные эти – на момент присвоения библиотеке имени Василия Фёдорова. Сейчас и помещения и фонды её значительно увеличены, и потому сегодня, во втором десятилетии 21-го века, когда многие библиотеки не имеют возможности пополнять книжные фонды, вынуждены закрываться, сокращать свою деятельность; в это неблагоприятное для библиотек время по-настоящему творческий коллектив библиотеки В.Фёдорова (директор Вера Александровна Никулина) постоянно расширяет

сферу своей работы. Конкурсы, вернисажи, всевозможные курсы, экскурсии по «литературным местам» области (например, постоянными стали автобусные – в Марьевку, планируются и другие), мини-спектакли, презентации книг, авторские вечера, встречи... Для этого коллектив находит новые возможности, новое оформление, сопровождение изданиями малых форм, умело задействуются современные информационные технологии... Всего не могу даже просто перечислить... Мне всегда интересно общаться с работниками библиотеки Княжевой Галиной Алексеевной, Лаврушкиной Верой Ивановной, многими другими. Приятно знать, чувствовать, что библиотека имени Поэта – истинно просветительский центр.

Однако, мой уважаемый долготерпеливый читатель, не пора ли нам с вами вернуться в тот давний день – 24 февраля 1988 года.

...Солнце... Ветер... Крепкий сибирский морозец в минус 25 градусов бодрили гостей праздника.

После открытия мемориальной доски перешли от здания библиотеки в Дом актёра, где ровно в полдень началась читательская конференция. Вёл её В.Махалов, в интонациях своих невольно подчиняясь классической нежной мелодии, исполняемой ансамблем виолончелисток в розовых одеяниях. Казалось, что мы из морозной Сибири попали в райские кущи садов Семирамиды. И мелодии, по-моему, были древнеперсидские.

В этой же атмосфере оказался и Василий Дмитриевич, шагнул прямо в зал, к присутствующим, из телефильма «Здесь отчий дом»... Всё так же, под тихую мелодию слово предоставляется литературоведу Александру Петровичу Казаркину, он читает стихотворение «Я бросил ветку в речку-реченьку...», говорит о том, что «Красота, природа отданы в жертву техническому прогрессу... Тема провокации Земли, провокации природы – художественное открытие Василия Фёдорова... От малой родины мысль поэта идёт к Большой Родине. И возникает тема любви и космической вины перед Землёй. Фёдоров первым заговорил в поэзии об этом. Он поэт-природоцентрист».

Выступает студентка Кемеровского госуниверситета Ольга Горбачёва, остановилась подробно на поэме «Бетховен»: «...нотопись Василий Фёдоров превратил в поэтические строки, этим заставляет слушать слово как музыку. Вслушайтесь хотя бы в строфы о звуках ночи...».

Работник библиотеки Галина Михайловна Делянкина читает «Второе пришествие», говорит, что «нынешнее поколение, по мысли Василия Фёдорова, нуждается в чистой, трепетной любви...».

А какое поколение не нуждается? – грустно подумалось мне.

Виктор Крещик рассказал о своём знакомстве с Василием Дмитриевичем в Кемерове в 1966 году на семинаре, о том, как вместе с Фёдоровым возлагал цветы к памятнику поэту Борису Богаткову, о том, что «придаёт большое значение поступкам человека, а жил Василий Фёдоров в сложное время: мир накренился, и только такие люди, как Фёдоров, подставляли опорой ему своё плечо».

Игорь Ляпин великолепно прочёл стихотворение «Поэты родины моей...какие судьбы роковые...какие души золотые...какая искренность очей...».

От Кемеровского института культуры «Слово о поэте» сказала Наталья Леонидовна Прокопьева. Весомо о личности и творчестве поэта её поддержал Ю.Л. Прокушев: «Для меня сегодня праздник души. Любители поэзии Сергея Есенина на богатом поэтическими созвездиями небосклоне давно разглядели Василия Фёдорова... Сам он умел держаться с высшим достоинством, для настоящих людей был открыт душою и сердцем...В его творчестве всегда чувствовалось дыхание времён, дыхание правды...». О многом в поэме «Проданная Венера» Юрий Львович говорил в связи с темой экологии культуры.

Выступавшие сетовали на то, что некоторые литературоведы незаслуженно забывают поэму «Женитьба Дон-Жуана». Видимо, недооценивают. А между тем, она достойна восхищения не только оригинальностью темы, постановкой многих проблем, но, главное, насущностью обращения к теме семьи, предчувствием напа-

док на семейные ценности. Как здорово поэт типичного мирового ловеласа, «вечного любовника» привёл к убеждению, что счастье человека – в семье. Василий Фёдоров ещё в конце семидесятых блестяще доказал, что семья – фундамент благополучия и человека и государства.

Тогда, в 1988-ом году, уже многие чувствовали опасность её разрушения. А сейчас, во втором десятилетии нового тысячелетия, в 2013 году, и человеку и государству всеми силами необходимо вести ежедневную борьбу за семью – опору всего, над ней нависла смертельная опасность.

...24 февраля 1988 года... Дом актёра... Некоторые в зале всё поглядывали и поглядывали на Ларису Фёдоровну: когда же ей дадут слово? А м н о г и е ещё хотят выступить.

Наконец, ведущий объявляет: «Супруга и верный друг, автор нескольких книг поэзии и прозы Лариса Фёдорова». Если выше я приводила малую частичку из выступлений, то выступление Ларисы Фёдоровны приведу полностью:

«Василий Фёдоров был отважным человеком. Судите сами: на съезде писателей Василий Дмитриевич должен делать доклад. Принесли ему к докладу мешок поэтических сборников: мол, о б я з а н упомянуть их в своём докладе на съезде. Но против чести своей и совести он никогда не шёл. И заставить его никто не мог. Кажется, он тогда и написал стихотворение «Рабская кровь». По-моему, если я не ошибаюсь, эта история с мешком напечатана в сборнике «Коммунисты».

Вот мы сейчас, – продолжает она, – уже привыкли к слову «гласность», но Василий Дмитриевич в с е г д а был гласным, не боялся быть им и в докладе со сцены Дома союзов, и при разговоре с мужиками в деревне, и в своих публикациях. Он делал это и стихами.

Иногда меня спрашивают: как он писал?.. Часто мгновенные строки мог записать на листочке, на котором стояла чашечка кофе. Я даже думала, не собрать ли некоторые его стихи в книжечку под названием «Из-под кофейной чашки»... Вася говорил: «Есть сти-

хи, которые не я веду, а они меня ведут». Некоторые стихи писал не одно десятилетие, и некоторые из них вошли в сборник «Как цветы на заре». Между первым и последним вариантам «Музы» тридцать лет.

Последние годы увлечённо писал «Сны поэта», к новеллам этим относился как к продолжению своей поэзии. Он брал сон и сочетал его с реальной основой.... Очень чтит Твардовского, Заболоцкого...

Почему ему так хорошо писалось в Марьевке? Хотя Москва давала очень много впечатлений, это – накопленное, сдобренное марьевскими размышлениями, – выходило в поэзию. Впечатления?.. Поэзия?.. Будит меня среди ночи: «Лара, как ты можешь спать?! Посмотри, к а к и е облака!» – Открывает входную дверь... Облака чудные и всегда разные, плывут над горой нашей в сторону речки-реченьки с песчаными берегами, с ласточкиными гнёздами в её берегах...

И вечерами любил сидеть на крыльчке, смотреть на дали. Или на возвращение вечером стада. Вася серьёзно так говорит о коне: «Конь – хозяин. Идёт впереди стада, но знает, ч т о в конце стада делается... А смотри, как он сдаёт стадо мальчишке пастуху... – и шутливо добавляет: – Коня этого можно ставить председателем».

Спрашивают меня, что из поэзии его не опубликовано. Не опубликованы: «Во дни торжеств...», «С кем-то спорим...», «Мы с тобой закончим спор и забудем это, у тебя хозяйство – двор, у меня – планета»...».

После выступления Ларисы студенты, школьники читали стихи. Очень увлечённо. И под тихую мелодию арфы. В зале царила атмосфера общего настроения, взаимопонимания. Я верила, что не только во мне, но и во всех присутствующих в зале высокая поэзия сочеталась с добрыми, чистыми чувствами и мыслями.

Ведущий конференции напомнил о продолжении юбилейных торжеств в музыкальном театре (ныне Музыкальный театр Кузбасса имени Александра Боброва; Кемерово, пр. Советский, 52), кото-

рый в этот же день, но позже, в 17 часов, гостеприимно распахнёт двери для всех желающих участвовать, а торжественное заседание начнётся в 19 часов.

*Торжественный вечер 70-летия Василия
Фёдорова в музыкальном театре*

325

Выступления, статьи в периодике, радио- и телепрограммы... Активно участвовал в них Ю.Л. Прокушев – руководитель юбилейной комиссии по литературному наследию В.Фёдорова, видный учёный, лауреат Государственной премии РСФСР. Уже с первых публикаций В.Фёдорова он увидел в нём большого русского поэта и своими статьями постоянно пропагандировал его творчество, достойно оценивал вклад поэта в сокровищницу мирового искусства.

Моё интервью с Ю.Л. Прокушевым телевидение записало перед началом вечера, в боковом фойе театра. «Весьма символично, – сказала я Юрию Львовичу в начале интервью, – что вечер 70-летия Фёдорова будете вести Вы, как и 26 лет назад первый большой его авторский вечер в знаменитом Политехническом музее в Москве...».

Пока шла видеозапись, зал постепенно наполнялся публикой. В руках у многих были книги их талантливого земляка – Василия Фёдорова.

24 февраля 1988г., 19 часов.

Торжественный вечер открывает представитель Кемеровского отделения Союза писателей России Зубарев Валерий Фёдорович, а ведёт Ю.Л. Прокушев. Он, по праву назвав Василия Фёдорова «великим русским поэтом, великим вашим земляком», предоставляет слово «поэту с рабочей закваской, совестливому поэту, лауреату премии Ленинского комсомола» Игорю Ляпину:

– Василий Фёдоров необыкновенно мужественный и нежный душою человек... Каждый может сказать, что он жил судьбою своей родины, своего народа. (Читает стихи «Русские поэты», «Строй

молчалиных вчерашних перестроился уже...»).

Виктор Крещик вспомнил 1966 год, зал этого театра, заключительный вечер семинара, на котором «Василий Дмитриевич читал только что написанное стихотворение «Совесьть». Были тогда в этом же зале и Виктор Астафьев, Леонид Соболев, Ярослав Смеляков...».

326

Ведущий представляет залу «поэта – замечательного и мудрого человека, его стихи первичные, а не вторичные, не филологические» – Виктора Баянова. «Василий Дмитриевич вошёл, – говорит Виктор, – в мою душу раз и навсегда... У Есенина есть такие строки: «Как прекрасна Земля и на ней человек...» /«Анна Снегина» – Т.М./, я думаю, что поэзия Василия Фёдорова выросла из того же чувства – ощущения родной земли». Читает своё стихотворение «Русская изба», посвящённое юбиляру Ю.Л.Прокушев кратко, но ёмко представляет, а выступающие читают стихи В.Фёдорова и свои: Александр Шевелёв (г.Ленинград), Марина Улыбышева (г.Омск), Наталья Панова (г.Навои), Лидия Цуканова (актриса Кемеровского драматического театра)...

«Для меня, – говорит Владимир Фомичёв из Смоленска, – Василий Фёдоров – духовная опора; поэт должен писать правду. Как Василий Фёдоров...». Л.И.Казаков (г.Кемерово) говорил о ответственности любви В. Фёдорова к родине; Юрий Дудин (г.Москва) о таланте поэта, его ответственности перед народом.

Анатолий Парпара (член редколлегии ж.«Москва»): «Я познакомился с Василием Дмитриевичем как с человеком, связанным с авиазаводом. Читаю у него: «Во Дворец культуры Горбунова я был однажды приглашён...», там-то мы и познакомились. Для меня поэт Фёдоров оказался больше оценки его творчества лауреатством двух премий – Советского Союза и России. Он оказался Гражданином (читает «Отдам народу сердце, руки, но только пусть не говорят, что я слуга народа: слуги всегда с хозяином хитрят»). Почему журнал «Москва» напечатал его поэму «Женитьба Дон-Жуана»? После поэмы Пушкина «Евгений Онегин» эта поэма – вторая в истории литературы бытовая поэма поэтической силы».

Михаил Числов (критик, зам главного редактора издательства «Советский писатель»), в частности, сказал: «В европейской культуре всегда боролись два направления: светлое, лучезарное – аполлоновое и демоническое. Василий Фёдоров – поэт аполлонового духа Радости, Красоты, Созидания...». Валентин Васильевич Сорокин (поэт, проректор Высших литературных курсов, зампред Комиссии по литературному наследию В.Д.Фёдорова): «Юность Василия Дмитриевича пришлась на тяжёлые предвоенные годы. И в поэзии его – слёзы, но и крылатость... Он вырос в настоящего гражданина и нас, за ним идущих, вернул к Родине. И потому идти за Фёдоровым – значит идти за Родиной. Нет народа плохого на Земле, но нет народа, перенёсшего столько страданий, – русского народа /читает своё стихотворение «Отплакали солдатки, оттерпели...», «В защиту судьбы...» – Т.М./ Поколение Фёдорова... наше поколение... пришло наполнить Родину молодостью. И потому да здравствует бесстрашное национальное возрождение».

Зал слушает затаив дыхание, чутко реагирует аплодисментами на созвучное своим чувствам и мыслям.

Выходит сказать своё слово о поэте и Лариса Фёдоровна:

– Вот Анатолий Парпара прочитал из «Женитьбы Дон-Жуана». В этой поэме герой прежде, чем прийти к убеждению, что счастье – в семье, должен был, по замыслу автора, посидеть ещё и в тюрьме. В Москве провёл автора по тюрьмам Александр /Павлович? – Т.М./ Косицын. Василий Дмитриевич вернулся потрясённый. А так как его герой должен был пройти ещё и тюремную колонию, то в Кузбассе, в Яе, он тоже посетил и её. И у нас в доме появились «Правила...» тюремного режима. Когда были опубликованы «тюремные» страницы поэмы, автору стали писать заключённые, убеждённые, что Василий Дмитриевич сидел в тюрьме. Думаю, что это высшая награда автору за достоверность.

Хочу рассказать ещё о первой поездке за границу, по странам северных морей. Он удивился, что там в книжных магазинах не видел ни одного покупателя. Это – в сравнении с нашим книжным бумом! Обратил также внимание на заграничных пас-

сажиров: как о н и едут и как н а ш и – в транспорте. У них женщины вяжут, а мужчины дремлют, а у наших в руках – книжки. Со мной сюда поездом ехала в купе женщина, представилась Татьяной, работницей химического завода. Когда я рассказала о себе, о том, что еду на юбилей поэта Василия Фёдорова, она тут же воскликнула: «Ой, как здорово! Ведь я так люблю «Седьмое небо»!

Василий Фёдоров верил в свой народ, любил природу родины своей. Все пернатые, все четвероногие были для него друзьями. И он им помогал. Как мог... Наброшены сети на плетень у нас на горе. Вдруг Василий Дмитриевич видит: скворчонок запутался в них. Вскочил, босиком бросился спасать. Но вот что главное, дальше – все скворцы деревни стаей трижды пролетели, как эскадрилья, над нашим домом. Вася говорит мне:

– Смотри, это они нас благодарят.

А уж как любил он сажать деревья! С т а к и м старанием делал лунку, каждый корешок распрямляя, приговаривал: «Пусть не тратит времени на распрямление, пусть дерево скорее встанет на ствол». А в доме нашем в Марьевке? Как-то пасечник бросил горсть семян, под самым окном из них вырос донник. Открывая окно, Вася старался не повредить его... Чистотел подобрался и к крылечку, положил голову свою на ступеньку. Ступая на крыльцо, старались мы не наступить на него... Вася умел слушать природу, любил звуки уборки урожая. Хорошо жили мы на Назаркиной горе... Моё сердце с вами, здесь, в Кузбассе...» /читает стихотворение «Праздник в Марьевке» /.

Ю.Л.Прокушев завершает торжественный вечер: «...У нас прекрасная современная поэзия... Произведения Василия Фёдорова – наше духовное оружие, наша национальная гордость... Кузбассовцы, ваша земля дала миру поэтического гения...».

В с е о з н ы й торжественный вечер, посвящённый Василию Фёдорову, состоялся позже в Москве в Колонном зале Дома союзов. А в Кузбассе вторая праздничная часть Фёдоровских чтений состоится летом в Марьевке.

*Марьевка ждала гостей.
О чём предупреждал поэт...*

Только больно до жалости...

В.Фёдоров

Праздник, начавшийся и проходивший три дня в феврале в Кемерове, традиционно продолжился в Марьевке 31 июля 1988 года.

В мае телестудия предложила мне «срочно написать сценарий фильма – к летним Фёдоровским чтениям». 20 мая художественный совет телестудии одобрил сценарий, определил места съёмок – Кемерово, Марьевка, Москва; выделил съёмочную группу. Завтра, 30 июля, мы выезжаем в Марьевку: автор сценария и ведущая Т.Махалова, кинорежиссёр и оператор Ю.Светлаков, звукорежиссёр В. Смирнов.

Перед отъездом по нашей с Ларисой привычке погадала я на сборнике «Душа ещё полна заботы...», открылись 81-я страница и строки «Родник меня роднит с родимой природой....» Ну, думаю, всё будет хорошо. Ан, нет...

В полдень были на месте. Марьевка встретила неприятным известием. Из-за длительных проливных дождей праздник решили перенести с лугов к магазину, а здесь – маленькая площадь, усадьба Фёдоровых далеко... Треть программы хотят сократить. И вообще, здесь, у магазина, нет той, луговой, атмосферы, неоглядного простора. А там... с лугов виден дом поэта, а от дома – видна вся панорама праздника, его действие; для съёмок там всё великолепно. Да к тому же ведь всем нам хотелось испытать тот же самый высокий духовный подъём, что царил на первых Фёдоровских чтениях здесь, на лугах, в пойме реченьки Яи и сдержанного Кайдора, одушевлённых поэтом и в творчестве и в реальности.

...Непосредственные организаторы торжества в Марьевке –

Г.А. Лукьянов, В.И. Иванов, В.Б. Тельбух – нервничают. Я советую за счёт развлекательной части усилить литературную, для этого и особой подготовки не надо, ведь приедут на праздник поэты.. Сокращать никому не хотелось. Ведь коллективы готовились – как им отказать?.. Решили съездить на луга...

Только подъехали втроём с Лукьяновым и Ивановым к Назаркиной горе, начали спускаться к лугам – навстречу нам родственницы Василия Дмитриевича: Мария Арышева и Нина Гудкова. Отозвали меня в сторону, от волнения сбивчиво, чуть не плача:

– Тамара, вон там...под горой...ближе к роднику...в загоне...телята...погибают... телята по брюхо в грязи... питаются сухим сеном...и это среди разнотравья...и дожди, как назло, и весь месяц... Тамара, помогите! Ждём, что вы поможете...

Как? Чем? Смогу ли вообще помочь?

Крик души...отчаянье... пожилые женщины...навверняка обращались к начальству...и что в ответ? равнодушие?... бесчеловечность?... душевная чёрствость?... Так вот о чём предупреждал меня поэт своими строками о роднике! Спустились под гору, к роднику. Посмотрела я на бедных телят...ахнула... ужаснулась. А рядом начальники... всё это тоже видят. Может, не впервой?

И оправданием не могло быть **н и ч е г о** ... и то, что в совхозе «Марьевский» новый директор. Ну и что?! Ах, всего семь месяцев он работает? Ну и что?! Да хотя бы первый день работал! Телята-то живые!

Ж и в ы е! Вот бы Василий Дмитриевич мучился, глядя на это безобразие. Да и навверняка бы не отошёл от телят...разломал бы тотчас загон и выпустил бедных на волю...в луга.

...Посмотрели луга, то место, где в 1985 году так великолепно разместились двадцать тысяч гостей, где портрет поэта добрым, но и строгим взглядом своим приковывал внимание, где слову поэта внимали собравшиеся, внимала природа, внимала земля... Да, хорошо бы здесь вновь провести праздник...но возможно ли к завтрашнему утру оборудовать сцену? места для зрителей?. Марьев-

цы постарались бы и сделали хотя бы даже ночью. «А вдруг завтра дождь?» – задаются вопросом власти и решают не рисковать.

С грустным пониманием, что праздник на лугах не провести, и тяжёлым чувством о бедных телятах-мучениках (не они ли являются истинной причиной переноса? ведь гости мимо телят пойдут к роднику, увидят, заплачут, им уже будет не до праздника...и загон этот ни объехать, ни обойти), приехали мы...не в гостиницу, а по приглашению яйских властей в летний оздоровительный лагерь «Белая роща», был пересменок, и ребятишек в нём не было. Даже «день рождения директора лагеря Людмилы Фёдоровны Моисеенко» не развеял моё тяжелое чувство.

Мне думалось: только бы Лариса Фёдоровна не увидела этих телят, будет плакать ... даже при одном воспоминании о них. И когда Геннадий Александрович попросил меня «из-за неприезда Валентина Васильевича Сорокина вести завтрашний праздник», я наотрез отказалась (печаль и слёзы о телятах в душе не смогу преодолеть), но пообещала, что договорюсь с кем-нибудь из приезжающих завтра поэтов. А мне после увиденного не хотелось уже ни праздника, ни съёмок. Угнетала мысль: неужели есть такие бездушные люди? да как же они живут? да ещё работают на селе? а совесть? честь? у них что? нет ни сердца, ни души?

И всё время пребывания в Марьевке виделись мне младенческие глаза телят, печально и недоумённо вопрошающие нас – людей. Людей ли?..

31 июля 1988г.

Праздник поэзии Василия Фёдорова в Марьевке

С Назаркиной горы
Я вижу всю Россию...
В.Турапин

Начался со встречи гостей на пороге села, возложения венков к памятнику поэту на Назаркиной горе, с первого слова у микрофона Ларисы Фёдоровны:

— ...Когда в Москве узнала, что в Марьевке дожди, а в голосе Николая Отрокова почувствовала слёзы, я подумала тогда: всё равно земляки поэта, если даже будет дождь, придут на праздник. И не ошиблась... Рада, что в Марьевке новый клуб, там народ может развивать свои таланты... Я приехала сюда в окружении своих друзей, передаю им слово.

Виктор Иванович Кочетков, поэт, член Правления Союза писателей СССР:

— ...Не случайно говорят: большое видится на расстоянии. В отношении Василия Фёдорова сейчас особенно видно, что он не только нежный лирик, но и философ, эпический поэт. И помогло ему в этом то, что у него очень русский характер.

Михаил Матвеевич Числов говорил о судьбе России сейчас, в 1988 году, о стихах Василия Фёдорова, «как набат, зазвучавших давно».

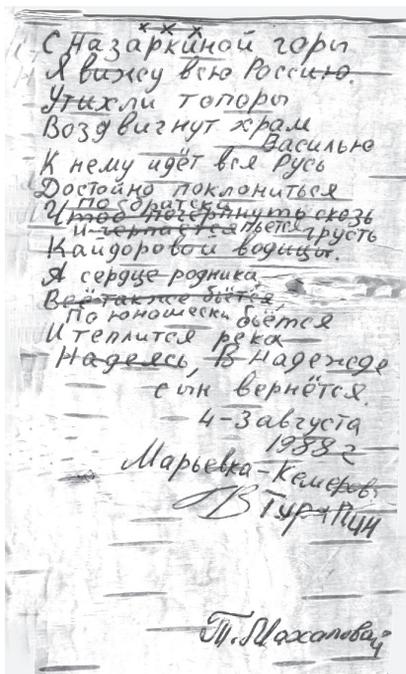
Его боль за Россию подхватил Алексей Марков, призывая обратиться к генофонду народа русского, вспомнить традиции. Выступили многие, в том числе Геннадий Михайлович Кальда (г.Иркутск), Искра Витальевна Денисова...

Лариса Фёдоровна представляет молодого поэта, который «пришёл в ЦДЛ, когда Василий Дмитриевич играл на бильярде, и хотел с ним познакомиться, прочесть свои стихи. Василий Дмитриевич посчитал это несерьёзным и пригласил домой. Владимир Турапин всё правильно понял, пришёл к нам домой. Бледный от волнения, с гитарой, сказал: «Я из деревни, собираюсь поступать в Литературный институт». Ему шёл тогда 22-ой год.

А сейчас он приехал сюда, в Кемерово, в Марьевку. И он уже студент литинститута».

Владимир Турапин поёт под гитару «До того, как среди множества прочих...», затем посвящённые Василию Фёдорову свои песни «В царство мартовского снега...», «Деревенским, деревенским я мальчишкой рос...», «Душа устала от вранья...».

Песни на стихи В.Фёдорова исполнил также Александр Фёдо-

Стихотворение на бересте

Владимир Турапин у дома поэта

рович Бесфамильный из Анжеро-Судженска, особенно понравилась Ларисе Фёдоровне исполнение им стихотворения «А я когда-то думал, что седые...».

Вообще эти марьевские дни Фёдоровских чтений прошли под знаком песни. Песни Василия Фёдорова, песни гостей. Пели на празднике, пели после.

И вечером 1-го августа: Лариса Фёдоровна спела свои песни (вот тут я пожалела, что съёмки вчера закончили и режиссёр с кинокамерой вчера же уехал), остальное время предоставили Владимиру Турапину, он исполнил полтора десятка песен на слова Василия Дмитриевича. И на свои: «Спал в обнимку с тихим стогом», «Эх-ма, тройка с бубенцами...», «Я сегодня проснусь...», «Плывёт

деревня над рекой...», «В сердце теплее от жёлтых лампад...», «На заре, на зорюшке...», «Зелёным коридором тишины...», «Скошены мои поляны...»...

Мне же все песни казались грустными: нет-нет да и виделась мне младенческие глаза голодных телят, печально и недоумённо вопрошающие нас...

334

Записала я тогда всё, что исполнил этот гость Фёдоровских чтений-1988. Почему? Хотелось взглядеться в этого человека, судьбою связанного с отчим домом Сергея Есенина. И взять в телефильм, потому что к нему, как к поэту, серьёзно отнёсся и пригласил к себе в дом Василий Дмитриевич. Да и Лариса Фёдоровна пригласила его с собой в Кемерово.

Назавтра, 2 августа, Назаркина гора привела оставшихся на ней в необычное, какое-то эйфорическое состояние. Сидели под берёзками, посаженными когда-то поэтом и его сестрой, читали стихи...пели...Коллективное сочинение песни (от каждого по две строки) начиналось предложенным Ларисой: «Под шелестом, под шелестом твоих-моих берёз о нашем прошлом шепчется до боли и до слёз...»...

На кусочке бересты начертал Владимир Турапин строки, протянул мне, я смотрю: то стихов его набросок: «С Назаркиной горы я вижу всю Россию. Утихли топоры. Воздвигнут храм Василью. К нему идёт вся Русь достойно поклониться, по-братски пьётся грусть Кайдоровой водицы. А сердце родника по-юношески бьётся, и теплится река в надежде – сын вернётся».*

Мне вспомнилось стихотворение Василия Дмитриевича «Берёзовый свиток», строки из него: «Мы, будущие стихотворцы, по бедности и простоте, как древние новгородцы, писали стих на бересте. Иных ещё возьмут завидки, когда, воскресив эпох слои, найдут берёзовые свитки и грамотки прочтут мои...».

* Стихотворения Владимира Турапина, которые слушал Василий Фёдоров, и это, на бересте, вошли в его сборник «Берегите себя для России»: Стихотворения.- М.: издательство «Голос». Редактор Н.Иванов. 1993.- 192с.. 50 000 экз.

Марьевка. 22 авг. 1998г. Слева направо: Б. Бурмистров, Л.Никонова, В. Иванов, И. Лятин, Т. Махалова

Так не хотелось всем покидать гору и дом поэта.

Но надо. У каждого своё дело. У меня на 4 августа две видеозаписи телепередач: одна с гостями из Москвы, другая – с Ларисой Фёдоровной. Да и режиссёр, наш дорогой Юрий Яковлевич, наверняка уже наметил киносъёмку...

И она состоялась – в Кемерове и пригороде. Так как Лариса Фёдоровна приехала на праздник не только с Владимиром Турапиным, но и с братом своим Александром Быковым, они втроём и участвовали тоже в съёмках.

В телефильме есть эпизод в окрестностях Кемерова, там, где росла «сосна-спасительница поэта», как назвал её сам Василий Дмитриевич, когда вместе с Ларисой проходил реабилитацию в санатории «Сосновый бор» после тяжелейших больничных испытаний. Об этом и мой рассказ в этих кинокадрах.

Осенью 2007 года мне довелось отдыхать в «Сосновом бору». Искала ту сосну. Увы, строятся роскошные коттеджи-крепости негармоничной архитектуры, вся местность перекорёжена... И спасительница поэта живёт сейчас лишь в наших воспоминаниях и телефильме «Я душу распахну – входи!». И потому далее, мой внимательный читатель, приглашаю Вас вернуться из августа в май этого же 1988 года.

Телефильм
«Я душу распахну — входи!»
Штрихи к портрету Василия Фёдорова»

Он душу ставил выше быта
всю жизнь... всегда... везде...

Из письма мне Л. Фёдоровой

Строками Василия Фёдорова я назвала сценарий. И хотя я знала также его строки «Закрывай, Василий, душу – не выстуживай себя», считала их возникшими не от природы его, а от недавнего предательства «друга». А вот это: «Я душу распахну – входи!» – от природы поэта, его личности, было для него органично, как и для всей его семьи. В позднем своём стихотворении, 1983 года, «Когда снега метут...» он сопрягает это состояние как необходимейшее условие для творчества – сопрягает с образом замысла-почки: «...Но пусть, шурша, снега метут, души не застегну, в ней почки замысла живут и ждут свою весну». Вот почему я так назвала и сценарий и телефильм*. Съёмки в Москве запланировали с 11 июня. Конечно, жаль, что с Фёдоровских чтений в феврале в Кемерове телестудия не сделала хотя бы несколько кадров при открытии мемориальной доски и с торжественного вечера в театре. Да, наверное, и видеозапись моего интервью с Прокушевым уже стёрта после эфира. Остаётся: к московским кадрам добавить августовские марьевские – и в августе телефильм может пойти в эфир.

Подгоняю текущие дела, предупреждаю, конечно, Ларису Фёдоровну, так как в сценарий заложила съёмку и в квартире на Кузюзовском (комната поэта, письменный стол, чтение Ларисой записных книжек поэта, портреты Фёдоровых, кадры из окна с: ...сквозь поток машин на московской улице...нет-нет да и проглянет

* «Я душу распахну – входи! Штрихи к портрету Василия Фёдорова». Автор сценария и ведущая Тамара Махалова, кинорежиссёр и оператор Юрий Светлаков, ассистент режиссёра Игорь Линник, звукорежиссёр Валерий Смирнов. Романс на стихотворение В. Фёдорова «До того, как среди множества прочих...» исполняет Владимир Турапин. Съёмки: Марьевка – июль, август 1988г., Кемерово – 6 августа 1988г., Москва – октябрь 1988г., цвет, 45 мин.

12 октября 1988г. Дача Фёдоровых в Переделкино. На съёмках фильма «Я душу распахну – входи!». Справа Л.Ф. Фёдорова, Ю.Я. Светлаков, Т.И. Махалова

реченька Яя в песчаных берегах – и это как печаль-тоска Василия Дмитриевича по родной сторонуще.). Но...

В начале июня снится мне Василий Дмитриевич... в плаще... кепочке... стоит то ли в помещении, то ли на улице у своего дома в Москве; в руках крутит сигарету... лицо и весь облик встревоженные... Проснулась сразу же с чётким ощущением: поэт о чём-то предупреждает... О чём? Ведь всё идет хорошо: худсовет сценарий похвалил, съёмочную группу выделили, дату назначили. Да и в Кемерове областное управление культуры развернуло широкую подготовку к празднику, начав его уже в феврале. Да, всё идёт хорошо. О чём же сон? О чём предупреждает поэт? Может, что-то с Ларисой? Звоню ей: всё ли благополучно у неё? Слава Богу, всё нормально.

Переделкино. 1988г. На усадьбе дачи Е.А. Евтушенко

Но тревога меня не покидает. Поедем ли вообще в Москву? и когда? Позже 11-го июня? Но это будет уже дачное время, никого из писателей в Москве не застанем. И фильм в августе не выйдет.

Опять «закрутилось беличье колесо» повседневности. Но тревога осталась... И всё-таки поэт предупреждал не случайно. Поездку с июня сняли по неизвестной мне причине. Когда же поедем? Съёмки в Москве попадают на осень? зиму? И фильм тогда к августу не успеваешь?.. Не потому ли таким озабоченным явился поэт мне во сне?! Не знала я, что дело будет не только в сроках, но и в нечто большем, катастрофическом...

...Вот уже и в Марьевке праздник прошёл... Вот уже и с гостями в Кемерове съёмки состоялись... Наступил октябрь.

Во вторник, 11 октября, ровно через четыре месяца после первоначально намеченного, наконец-то вылетаем в Москву. Остановились в гостинице Гостелерадио на улице Вавилова, но сразу же

Переделкино. 13 окт. 1988г. У дачи В.А. Солоухина

Лариса Фёдоровна взяла с меня обещание перебраться к ней. Едем на Кутузовский, по дороге заскочила на Черёмушкинский рынок, купила розы и яблоки. К полудню мы уже у Ларисы. Режиссёр с ходу – за дело! Кое-что передвинули, съёмка пошла. Но намеченное в сценарии и одобренное художественным советом в квартире не сняли. А то, что сняли, в фильме не оказалось, да и при монтаже я этих кадров не видела.

Может, режиссёр-оператор сэкономил плёнку для чего-то другого? или всю – для интервью?

За интервью мы и поехали на такси на следующий день. Поехали к известным всей стране писателям, потому, уважаемый мой читатель, с Вашего любезного разрешения я позволю себе подробнее описать даже несостоявшиеся встречи. А состоявшиеся есть в фильме.

Переделкино...

Мне нравится это данное самими писателями наименование, идущее от того, что писатели приезжали сюда, чтобы в тишине и в

одиночестве, среди прекрасной природы совершенствовать, переложить свои творения. Так вот, уважаемый мой читатель (возможно, учитель словесности?) подъезжаем мы к даче Владимира Алексеевича Солоухина.

Большая усадьба, много голых деревьев... много опавших листьев... всё растёт настолько естественно и вольно, что кажется дача прекрасно необитаемой. Обхожу дом... Детская коляска и около неё сторож – большая чёрная собака. Полна достоинства и уверенности. Позы не изменила. Но солидно гавкнула разок, вызывая хозяйку. Появилась в дверях супруга писателя, любезно сообщила, что «Владимир Алексеевич в Париже, вернётся в понедельник...». Отъезжаем от усадьбы с удивительным ощущением гармоничной жизни на ней человека и природы.

Едем к даче Евгения Александровича Евтушенко. Подхожу. К калитке подбегают две роскошные, грациозные, уверенные в своей красоте... нет, не собаки – персоны, настолько они полны породистого достоинства. За ними идёт Вера Викторовна (представившись, назвала себя подругой мамы Евгения Александровича), подробно расспросила, кто мы, откуда, как живёт Сибирь... Сдержанно сообщила, что хозяин «с утра уехал по делам». К вечеру снова заехали, но Евгений Александрович так и не появился, и я прогулялась с Верой Викторовной по переделкинским дорожкам, мило, светски беседуя ни о чём. Потом я всё-таки дозвонилась до поэта, представилась, состоялся сверхкороткий разговор:

– Евгений Александрович, приехали из Сибири... с родины Василия Фёдорова... Кемеровское телевидение делает фильм о нём... Хотела бы я побеседовать с вами в кадре о поэзии Василия Дмитриевича, когда и где – вы хотите.

– Что же вы, Тамара Ивановна, думаете, что я буду менять свои планы ради в а ш и х?!

Хотелось мне сказать, что надеялась я на беседу с п о э т о м... но раздумала: заботы о жене, сыне, сам прибалывает, ещё и с мерседесом нелады. Искренне жаль человека в таком положении.

У калитки дачи Беллы Ахмадулиной

Серенький, с редкими просветами день.

Едем на улицу имени Довженко. Грустно было вступать на мосток у дачи Фёдоровых – Василия Дмитриевича здесь нет... В такие минуты чувствуешь хрупкость человеческой жизни и вечность утраты ушедших в мир не Земной.

С той поры, как я в юности познакомилась с поэзией Беллы Ахмадулиной, и до сих пор меня завораживает музыка её стихов. Мне не хочется вникать в смысл, а хочется наслаждаться одной лишь мелодией, для меня она настолько волшебна, что подчиняюсь ей полностью, купаюсь в её гармонии. Чувство это усиливается при личном слушании авторского чтения, начиная с того поэтического вечера в начале 60-ых, когда Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский выступали в Ленинграде, – до последующих её выступлений в ЦДЛ.

Вот почему, дорогой читатель, я запланировала в сценарии встречу с нею, тем более, что её дача напротив дачи Фёдоровых,

лишь перейти дорожку в изумрудной мураве. Иду. Калитка не заперта. Дорожка огибает дом слева. На повороте сидит серая ласковая кошечка, будто встречает меня. Бежит вперёд – словно ведёт. Перед крыльцом – другая, дымчатая. Не так добра. Глаз узкий, взгляд – острый, настороженный...

Широкая, большая, открытая веранда-крыльцо. На неё выходят дверь в дом и два окна. Все форточки открыты. Стучу. В квартире – лай собачки, голосок тоненький. Никого. Жаль... Вернулась на дачу Фёдоровых, где Лариса уже смастерила вкуснейшие пельмени.

Пришла второй раз. Кошечки, видимо, желая помочь мне, сразу повели меня к окну, одна за другой – в форточку. Оборачиваясь и спрыгивая в кухню, словно показывали мне: «Прыгай же за нами! Входи!». Видя, что я им не следую, выпрыгивали обратно на крыльцо. Повторив своё приглашение дважды, сели на перила рядом со мной. Мне так не хотелось уходить... почему-то исчезла и надежда на встречу с Беллой Ахатовной и в Москве.

Вечером, перед отъездом, пошли с Ю.Я.Светлаковым. Кошечки так же: в первый раз не показали хода в окно, но когда мы с Юрием Яковлевичем пришли второй раз – показали: мол, «входите, как мы, в форточку». Понимают лапочки, что, если люди пришли второй раз, значит, им очень нужна встреча с хозяйкой. На этот раз я осмелилась заглянуть в окно: шоколадно-курчавая собачка была на кухне и не залаяла на наш стук в дверь – ведь мы же пришли не первый раз. В кухне на стуле висела сумочка, на сиденье брошен черный джемперок. К спинке стула прислонена гитара. До сих пор вижу этот «натюрморт» с гитарой... Совсем стемнело. Кошечки тревожились всё больше.

Вместе с надеждой на встречу затихала во мне красивая серебристая мелодия, возникшая при первом приближении к дому.

...В Москве дочка Беллы Ахатовны сказала мне, что «мама больна, находится в больнице». Грустно. Дай Бог ей здоровья.

Мне всегда многое нравилось в поэзии Риммы Казаковой, её характер, её принципиальная гражданственность, гармонично со-

*13 октября 1988г., Москва,
Интервью с Егором Александровичем Исаевым*

четающаяся с лиричностью, с юмором. Так же, как и в поэзии Василия Фёдорова. Потому и хотела я ввести её в телефильм о поэте.

Звоню, приглашаю.

– Нет, нет, не могу. У меня сейчас «нетоварный» вид... Болею.

– Римма Фёдоровна, съёмку проведём так, что вы будете выглядеть отлично.

– Нет, не могу. Спасибо за приглашение, но не могу...

Что ж, я как женщина могу её понять. Пишу сейчас эти строки, а перед глазами последняя с нею встреча, через четверть века – в июне 2007 года.

Как призёры Всероссийского литературно-публицистического конкурса мы были приглашены в Москву: я по номинации «публицистика», а Валерий Фёдорович Зубарев по номинации «поэзия». Презентация состоялась в театре Российской (первоначально – Красной, потом Советской) Армии.

Я рада была встретиться там с поэтом, стихи которой я знала

Интервью с В.В. Сорокиным, Москва

с давних лет. А Валерий Зубарев был хорошо знаком с Риммой Фёдоровной, ей нравилось его творчество, и деловое их знакомство основывалось на поэтическом взаимопонимании. Беседовали втроём – так сказать нельзя. Я фактически присутствовала, давая им возможность за малое время обговорить многое: Римма Фёдоровна была членом жюри этого конкурса и очень спешила. А поговорить мне с нею так хотелось! Больше возможности – увы! – не представилось.

Приглашение Ю.В. Бондарева тоже не оправдалось:

– Дел у меня много... очень занят... Фильм о поэте? Вот, наверное, о поэте и должны говорить поэты. Я действительно очень занят, извините, пожалуйста.

Мне-то хотелось побеседовать в кадре с Юрием Васильевичем не о поэзии, а о личности Василия Фёдорова. Оба они – люди высокой гражданской направленности.

Тем временем вернулся из Парижа Владимир Солоухин. Голос

*Интервью с Владимиром Крупным у Правления Союза писателей СССР,
13 октября 1988 г.*

доброжелательный, уже отдохнувший от перелёта. Представив съёмочную группу, обратилась с просьбой о съёмке.

– Ну что ж... Конечно, возможно... А что от меня надо?

– Ваше мнение о творчестве и личности Василия Фёдорова. Может быть, о каких-то случаях общения с ним. В общем, всё на ваше усмотрение.

– Ну... хорошо.

Слава Богу, Владимир Алексеевич согласился.

Я рассчитывала и на следующий день продолжить здесь съёмку с коллегами Василия Дмитриевича, да и выделось недостаточно кадров с Ларисой Фёдоровной.

Но Юрий Яковлевич, наш режиссёр и оператор, неожиданно для меня, вдруг безапелляционно заявил: «сегодня мы должны закончить все съёмки «по Фёдорову». Почему? Ведь командировочных дней в запасе ещё много? Или решил сэкономить «фёдоровскую плёнку» для какого-то другого «объекта»? Очень огорчилась, хотя

и теплилась во мне надежда на то, что придётся ему скорректировать свои побочные планы.

Переделкино лишь частично оправдало мои надежды. Правда, важно и то, что Юрий Яковлевич побывал на даче, где жил поэт, походил по тем же тропинкам...это поможет ему настроиться на лад поэтический ...

Что явит мне, думаю, Правление Союза писателей СССР на улице Воровского (ныне и до революции – улица Поварская). Договорилась с некоторыми писателями о встрече там. Едем с кинокамерой. Здание старинное, в помещениях темновато. Съёмку надо делать на улице.

– Вот у памятника Льву Толстому будет отлично, – говорит наш режиссёр и одновременно оператор Юрий Яковлевич. Но почему-то нет нашего осветителя, а ведь он прилетел вместе с нами...

В одном из кабинетов застала Егора Исаева в беседе с Татьяной Смертиной. Немного подождала... их беседа затягивается... пришлось, извинившись, «похитить» его у собеседницы. Пока мы шли с Егором Александровичем к памятнику, у которого томился Юрий Светлаков с кинокамерой, опасаясь захода солнца, поэт восхищался её, Татьяны Смертиной, «Языческим календарём» и книгой «Травень».

– Я т а к не напишу! – восклицал он, порывистый, эмоциональный, во вдохновении и деловой какой-то радости.*

По пути встретили Расула Гамзатова и Давида Кугультинова. Егор Александрович представил меня. Разговор неожиданно перешёл на Дом творчества писателей и кинематографистов в Пицунде, где месяц назад одновременно отдыхали Кугультинов и я с се-

* Июль 2013 года. Только что узнала о смерти Е.А.Исаева. Читаю некролог: «...всегда был вечно молодой, энергичный, всем помогающий, радующийся победам, борющийся с врагами России...Фронтовик, орденосец, предельно искренний в стихах, неотделимый от народа...прямой продолжатель поэзии Владимира Маяковского и Александра Гвардовского...».

Печалью, вспоминаю его стихи... поэму «Суд памяти» ... И эту встречу в Москве. Всё чаще уходят в мир иной наши поэты-фронтовики...

мьёй. Я перевела разговор на Кузбасс, а подошедший к нам Роберт Иванович Рождественский при слове «Кузбасс» вспомнил «великолепно проведённые «Дни советской литературы в Кузбассе» и то, как я с ним как руководителем делегации обговаривала тогда в день приезда две ТВ-передачи в тот же день в прямом эфире: одну с девятью поэтами, другую – с пятью прозаиками. Я хотела, чтобы он был моим соведущим «поэтической» передачи. Но его время было расписано до минуты, Илья Фoniaков тоже не смог, и Роберт Иванович предложил мне в соведущего передачу с поэтами Льва Ошанина...

К нам подходили писатели, узнавали, что из Кузбасса, вспоминали Василия Фёдорова – как настоящего сибиряка...

Камера Юрия Яковлевича уже «пристреляна» к месту на улице и к солнцу. Беру микрофон, моя задача, чтобы собеседник сказал главное.

Пригласила Владимира Крупина, обожаю его слог, коренное творческое направление. Спокойный, крупный, добрый, философски мыслящий. Чувствуется при этом его внутренняя улыбка. Все эти качества я всегда ощущала в его великолепных произведениях.

– Лучше бы я не слушал Егора Александровича. Теперь трудно говорить... – начал он так. Говорил неторопливо, весомо, вдумчиво.

...День клонился к вечеру. Для меня лично он восполнил предыдущие «неудачи» ещё и тем, что я взяла в Правлении приглашительные билеты на поэтический вечер в Колонном зале Дома союзов. И переговорила со Станиславом Семёновичем Гагариным относительно рукописей талантливого прозаика Сергея Ковякина, жившего тогда в посёлке Спасск Таштагольского района Кемеровской области. С его рукописями я была знакома по издательской своей работе и считала их достойными (с очень малой доработкой) всероссийского издания. Горько ныне вспоминать о трагической гибели Сергея Ковякина.

Возвращаюсь в квартиру Фёдоровых на Кутузовском, Лариса Фёдоровна даёт мне приглашение в ЦДЛ на открытие 55-го сезона.

Эх, если бы я знала раньше об этом открытии! С какими ещё интересными коллегами Василия Дмитриевича можно было бы сделать интервью! Но Светлаков распрощался со мной «до встречи на телестудии в Кемерове» и исчез, категорически сказав, что «съёмки по Фёдорову окончены». Мобильников тогда ещё не было. Может, они с осветителем ещё в Москве? Звонила администратору гостиницы... напрасно... Думаю: осталась ли у Светлакова плёнка для Фёдорова? Было предчувствие, что телестудия (или кто другой?) озадачила его ещё какой-то заботой, которая, по-моему, и сократила до минимума съёмки в Москве «по Фёдорову», обеспечила этим экономию отпущенной плёнки...

От всех этих размышлений я впала в уныние, Лариса пробовала меня утешить, хотя сама тоже «огорчилась свхкраткостью съёмок», как она сказала. Приезд Ларисиной сестры из Талдома несколько отвлек нас: говорили, вспоминали... радовались обще-

*На съёмках фильма «Я душу распахну – ходи!» вблизи Журавлей.
Слева В. Туратин, Ю. Светлаков*

нию. Я любовалась Ларисой Фёдоровной, её молодой энергией, приветливостью – и огорчалась отсутствием кинокамеры.

В сценарном замысле мне хотелось сделать на Арбате экспресс-интервью с гламурными девицами и парнями. Потом сопоставить их в кадре с марьевскими ребятишками, одухотворённо читающими наизусть стихи Василия Фёдорова, и, для ассоциации, увести камеру на мою любимую, такую русскую, с зелёными куполами церквушечку на проспекте Калинина, у Арбата, на фоне заносчивого огромного прямоугольного здания-новодела. Одно уж это сопоставление наводило на многие размышления и служило бы хорошим финалом фильма, вызывая в зрителях тревогу за духовное состояние общества как опоры устойчивости государства.

До сих пор воочию вижу эти три кадра: суетливая гламурненькая молодёжь на Арбате... воспитанные на поэзии В.Фёдорова марьевские ребятишки...и русская церквушечка...как напоминание о народных нравственных традициях. Но, увы, эти кадры только в моей душе.

На старый Арбат сразу же по приезде мы ходили всей группой, включая Ларису Фёдоровну и её сестру. Дорогой читатель, вспомните октябрь 1988 года, нашу страну, нашу столицу. На Арбате противно было слушать похабные песенки и видеть, как мужчины, стоя рядом с женщинами и детьми, смачно похохатывают в ситуациях, когда порядочный человек вызывает похабщиков на дуэль. Или кулачный бой.

Взяли тогда интервью у «пеструшек», как назвал одетых ярко и безвкусно девиц Юрий Яковлевич.

А вот русскую церквушечку тут же, у Арбата, – не засняли. Почему? Как ответил на мою просьбу режиссёр наш, оператор наш дорогой: «Из-за света».

«...Света, который исходит от неё, что ли?» – подумалось мне тогда.

...Телефильм «Я душу распахну – входи! Штрихи к портрету Василия Фёдорова» включает особо ценные кадры: с В.Д.Фёдоровым

в 1980 году в Марьевке (режиссёр Николай Ставцев, оператор Сергей Мякишев), с его коллегами, современниками в Кемерове, Москве. Со временем ценность этих кадров будет информационно возрастать. Фильм вышел в эфир в декабре, в День Николая Чудотворца и явился завершением юбилейного года Василия Фёдорова.

1988 год...Как сказала Лариса Фёдоровна: «...был он для тебя интенсивно Фёдоровским», а я бы добавила «Не только». Потому что была ещё и довольно большая загрузка передачами на телевидении, значительно больше – в издательстве... на это же время приходится у меня ещё и деловая переписка в Виктором Петровичем Астафьевым, Валентином Григорьевичем Распутиным, чтение их произведений...

НЕМНОГО О ПОЭТЕ В ЖИВОПИСИ, ГРАФИКЕ, СКУЛЬПТУРЕ

В «Снах поэта» Василий Дмитриевич рассказывает о том, как был написан его первый портрет – новосибирской художницей. Затем в Москве были ещё; например, созданный П.Судаковым в 1963 году (находился в Москве в семье Фёдоровых).

В Кузбассе впервые портрет поэта (графический) был написан кемеровским художником Иваном Ивановичем Филичевым по заказу обкома партии в 1980 году к авторскому вечеру В.Фёдорова в Кемеровской филармонии (холст, сухая кисть, в 1998 году находился в Кемеровском отделении Союза писателей России: Кемерово, пр. Советский, 40). Позже И.Филичев создал живописный портрет В.Фёдорова, сидящего босиком на марьевском крылечке (холст, масло, находится в Кемеровском музее изобразительных искусств). Художник творчески перенёс с фото, сделанного Виктором Грызыхиным, позу поэта, сидящего на лугу, – перенёс на крылечко.

Кемеровский художник Герман Порфирьевич Захаров (1933-1992гг.), уделявший значительное внимание портретной живописи

русских писателей (Пушкина, Достоевского, Гоголя, Шукшина...), создал несколько портретов Василия Дмитриевича и Ларисы Фёдоровны. Первый из этих портретов, «Полынь», заказанный художнику обкомом партии в подарок поэту в 1980 году, я привезла Фёдоровым в квартиру на Кутузовском. Затем были ещё... Все они им нравились, особенно первый, и не только им – многим. Вот что пишет мне Лариса 1 февраля 1985 года: «Сегодня носила в издательство «Сов. Россия» /«Советская Россия» – Т.М./ ...Васины и свои стихи в сборник для старшеклассников и подарила ...цветной снимок с портрета Васиного, где на холме конь. Все сидящие в комнате пришли в восторг от портрета и все спрашивали, кто этот талантливый художник...».

Германом Захаровым созданы и портрет В.Фёдорова с покорёженным деревом, и те портреты супругов, что встречали гостей при открытии музея. И портрет Ларисы Фёдоровны молодой – творчески осмысленной художником её фотографии на фронтисписе книги стихов «Ветка шиповника»...

И тот, первый посмертный, портрет поэта к первым Фёдоровским чтениям в 1985 году. Вот уже много лет он приветствует хозяев и гостей со сцены Дома культуры в Марьевке. Лариса называла его мне – «небесным». А вот с эпистолярно выраженным восприятием ею этого портрета я недавно познакомилась в письме её Герману Захарову от 27 августа 1985 года; его в 2011 году нашёл в семейном архиве Германа Порфирьевича Владимир Павлович Надь, фотохудожник. В частности, Лариса пишет: «...А портрет – имею в виду последний Фёдоровский – божественный. Он стерео. Настолько объёмный и полный воздуха. Дай Вам Бог и впредь! Ведь портрет Достоевского с тем взглядом – уникальный. А Пушкин?! Не видела ещё Шукшина ...в костюме Пугачёва...».

Важно ведь то, что все, кроме последнего, 1985 года, видел Василий Дмитриевич. Рассматривая портреты, он вглядывался – вдумчиво и строго, критически размышляя о себе. Мне казалось, что каждый его портрет давал ему ещё одну возможность предъ-

явить себе жесткие требования. Мой дорогой читатель, вы, конечно, знаете сложнейшее восприятие Василием Дмитриевичем своих портретов, а вот новому читателю, чтобы прикоснуться к этой теме, мы с Вами можем посоветовать прочесть в «Снах поэта» новеллу, посвящённую первому его портрету, созданному новосибирской художницей.

К тому же, насколько интересно было бы описание всех портретов В.Фёдорова не с точки зрения художественного искусства, а с точки зрения внутреннего состояния Поэта, да ещё бы соотнести это (обязательно!) с его творчеством, в котором Василий Дмитриевич воплощал себя наиболее полно. Вижу в этой идее массу возможностей сказать о человеке, таланте, эпохе...

В музее Фёдорова могли бы (по праву!) экспонироваться марьевские акварели Дениса Михайловича Цветкова. Наверняка эти акварели или наброски к ним видел Василий Дмитриевич, ведь они создавались в 1980 году, когда Цветков и Стародумов гостили у поэта две недели. Оба они причастны к первым публикациям стихов В.Фёдорова тогда, в Иркутске. Причастны этим. И тем, что акварели писались в присутствии поэта, в его доме, они ценны. Ни одного марьевского пейзажа работы Цветкова я не видела в музее на Фёдоровских чтениях 2013 года. Зато все стены второй комнаты музея увешены пейзажами Николая Ивановича Шемарова. Он хороший художник, но пейзажи его, что в марьевском музее, если я не ошибаюсь, написаны уже после смерти поэта. И ещё...

«Томочка,- пишет мне 24 апреля 1985 года из Москвы Лариса Фёдоровна, – на днях получила из Иркутска бандероль от Дениса Цветкова. А там – акварели с Назаркиной горы, а там речка Яя – вечеряющая, золотистая от песков... А там луга, а там крылечко, на котором мы так любовно, как птицы, сживали по вечерам...». Одна надежда у меня: может, Лариса передала что-то из той бандероли музею? Но для посетителей я не видела описи поступающих в музей экспонатов.

В 2016 году я обнаружила в витрине марьевского музея одну

выставленную акварель Д.Цветкова. Может, она из присланных Ларисе? Может, музей обратился в Иркутск?

В Кемерове к портрету В.Фёдорова обращался и художник Владимир Филиппович Черепанов. Более сорока таких работ в тонких акварельных тонах хранилось в его кемеровской мастерской, где и видела я их в январе 1998 года.

1985 год. Бюст В. Фёдорова установлен на высоком постаменте у дома на Назаркиной горе. Эта работа кемеровского скульптора Григория Сергеевича Трофимова, по-моему, всем нравится. Срочно сделанный тогда из широкой трубы постамент власти намеревались переделать, считая его временным. Но бюст и постамент к нему воспринимаются вполне органично. Памятник хорошо вписывается в усадьбу. И карагачи – естественный фон для памятника Поэту. Да и место не случайно: между карагачами на скамеечке часто сиживали и хозяева и гости. Сидя на ней, забыв о кинокамере, поэт в 1980 году вдохновенно и раздумчиво говорил о своих родовых корнях и своём жизненном деле. Главное – всё вместе создаёт уютную атмосферу и за несколько десятилетий стало само по себе историческим. Так что ни у кого ныне не возникает даже мысли о новом постаменте.

Но вот тема Поэта не отпускала скульптора, он продолжал над ней работать и 29 сентября 1988 года пригласил меня посмотреть несколько скульптур...

Удалось посетить его мастерскую в Доме художника на улице Дзержинского в Кемерове лишь 5 октября, может, потому, что накануне сбросила, наконец, партийную ношу, появилось чувство удивительной лёгкости и острое желание общаться с искусством. К тому же, в Доме художника накануне состоялся вернисаж Василия Кравчука и Александра Ротовского, посмотрела их работы: талантливо и светло, но ещё раз убедилась, что книжная графика на стене не смотрится, не то что в книгах.

А может, потому всё сошлось на этом дне, что в ночь на него мне приснилась Лариса: лето, простор, цветы, солнце...разговари-

вая со мной, она собирается в санаторий к Василию Дмитриевичу. А может, и наоборот: моё намерение в этот день воспользоваться приглашением скульптора и вызвало прекрасный сон?

Захожу в мастерскую Г.С.Трофимова, там же, в Доме художника. Фигура Поэта (гипс)... Увиделось в ней желание мастера соединить два стиля: высокой, парадной, скульптуры 18 века и откровенный реализм 20-го. Замысел понятен и по-своему хорош. Но, увы, гармоничного соединения не получилось. Так мне показалось.

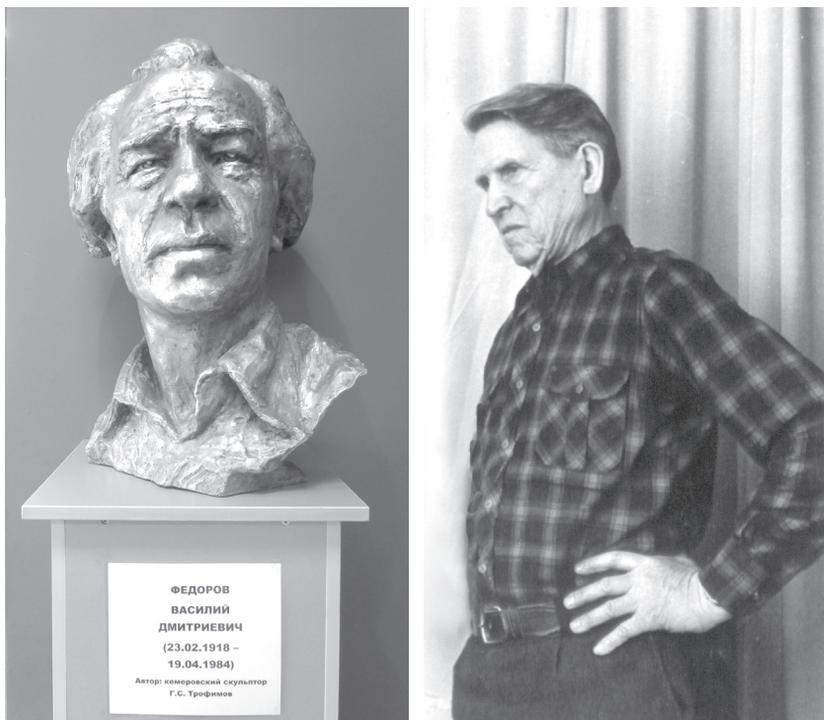
Возможно, надо было величественность фигуры Поэта соединить с тем же, того же парадного стиля постаментом? А не заменять его покорёженной корягой?.. Во всей композиции мне увиделось много плоти. А этого никогда не читалось в фигуре В.Фёдорова – даже при жизни. Я понимаю, что, вероятно, скульптор шёл от фото В.Фёдорова или, скорее, от замечательного портрета работы Г.Захарова. Но ведь в портрете всё гармонично, в едином стиле, в едином порыве, в едином движении. И почти ничего от плоти. Отрыва от плоти, отрыва Небесного от земного Захаров достигал не только композицией, а более всего – экспрессией красок.

У скульптора красок нет. В лучшем случае – свет и тень, в сложной взаимосвязи с формой...

Мастер предлагает мне перейти к скульптуре в металле. Вижу в ней – больше духа, но и стандартнее. Новая деталь – пиджак за спиной. Но он не решён художнически, потому пиджак этот видится то ли рюкзаком, то ли камнем за спиной... А ведь скульптура должна быть безупречной со всех сторон. В беседе с Григорием Сергеевичем я не была столь категорична, чтобы не лишить его желания работать над темой Поэта. Да наверняка это ещё не окончательный вариант.

Посмотрела в мастерской и на оригинал бюста Поэта, что стоит в Марьевке. Григорий Сергеевич говорит:

– Предлагаю его кемеровской библиотеке имени Гоголя – не берут. А он крупный, в маленькой мастерской могу разбить...

Скульптор Григорий Сергеевич Трофимов (1917-18.06.1993гг.)

Ещё одну (небольшую) скульптуру В.Фёдорова увидела я в мастерской на самой верхней, под потолком, полке. Очень печальный облик поэта. Поговорили об этом. Скульптор добавил:

– Да, могу подарить марьевскому музею....

Узнав, что Григорий Сергеевич в Марьевке не бывал (неужели власти забыли пригласить его на открытие памятника Поэту, его работы, в Марьевке?! на первые Фёдоровские чтения?! ну хотя бы – опомнившись! – на любые другие?). Посоветовала скульптору съездить, посмотреть, как удачно поставлен бюст Поэта на Назаркиной горе.

Поздним вечером позвонила Ларисе в Москву, рассказала о по-

сещении мастерской. Она сожалела, что не была вместе со мной. Не пришлось ей видеть и бюст Василия Дмитриевича в областной научной библиотеке его имени, тоже работа Григория Сергеевича. В ней автору удалось передать устремлённость и одухотворённость поэта.

Бюст В.Фёдорова в граните видела в кемеровской мастерской Владимира Нестерова. Очень большого размера, явно для большого пространства, а не для помещения, скорее всего – для площади. Или парка. Тогда интенсивно обсуждалась властями, архитекторами и общественностью идея создания Парка поэтов на месте сквера около библиотеки Фёдорова. Были интересные проекты, и Нестеров создавал бюст, видимо, для этого парка. Я присутствовала на собрании Союза архитекторов в Кемерове: обсуждались проекты реконструкции этого сквера, выбран был наиболее удачный, даже сейчас он перед моим внутренним взором.

В 1991 году 5 июля состоялось открытие беломраморного памятника-надгробия В.Д. Фёдорову на Кунцевском кладбище в Москве. Ещё несколько ранее я от Ларисы узнала, что автором памятника будет народный художник России, член-корреспондент Академии художеств, профессор Анатолий Бичуков. Обрадовалась: талантливый скульптор, каждое его произведение сработано душой. Особенно нравится мне созданный А.А. Бичуковым памятник-надгробие Сергею Есенину (на Ваганьковском кладбище).

И тут, уважаемый читатель, я должна перевести дух: одно лишь воспоминание ещё об одном его памятнике Сергею Есенину приводит меня в восторг даже через много лет. О встрече со скульптором я даже и не мечтала. Не то, чтобы планировать перед поездкой в Москву. Однако расскажу обо всём по порядку.

Весна 1998 года... В Кузбассе проходят юбилейные Фёдоровские чтения. 26 марта лечу по этим делам в Москву. Время моего пребывания там ограничено, а успеть надо многое. Решила совмещать по времени и пространству. Через свою подругу и одногруппницу по Ленгосуниверситету Ирину Власову намередовалась зака-

зять для Кузбасса копию видеозаписи Центрального телевидения СССР с В.Д.Фёдоровым 26 марта 1984г. (одно время Ира была заведующей сценарным отделом Творческого объединения «Экран» Центрального телевидения Советского Союза). Увидеться с нею не получилось по важной причине. Назначенная в музей Н.К.Рериха встреча со Светланой Трущёвой (когда-то я редактировала её первую книжечку и хлопотала о приёме её в Литинститут) тоже не состоялась в последний момент. Беседа с Ю.Л. Прокушевым тоже не получилась из-за его заболевания гриппом.

Так, думаю... провидение для чего-то экономит моё время. Ну, конечно, не для посещения с моей родственницей Леночкой Шпелер концерта в ЦДРИ – это личное и это вечером. А сейчас начало рабочего дня. Тогда для чего? Забежав ненадолго в театр Татьяны Дорониной на Тверском, собираюсь перейти бульвар поперёк и попасть как раз напротив театра в здание (Тверской, 25), где находятся Высшие литературные курсы. Там работает друг В.Д. Фёдорова, поэт Валентин Васильевич Сорокин.

О Боже! На этой короткой прямой вижу новый – чудесный! – работы Анатолия Бичукова памятник Есенину. Несколько раз обхожу его...долго сижу на скамеечке – передо мной Истинное Совершенство! По душе! Смотрю на памятник и вижу-чувствую в нём свою любовь к Есенину. Вот что значит истинное искусство, талант скульптора! Но и главное – сердечный огонь любви к России, её гениальному сыну, воплотившему в своей поэзии русскую душу. Т а к передать в металле главное в Поэте и одновременно нашу любовь к нему!..

Совершенно естественно, что беседа с Валентином Сорокиным в его кабинете началась с воспоминаний о другом русском классике XX века – Василии Фёдорове. Валентин Васильевич, в частности, рассказал, как Василий Дмитриевич посвящал его в поэты у памятника Горькому и как его удивило, что подошедший к ним милиционер сразу же узнал поэта Фёдорова.

Вспоминали мы Фёдоровские чтения в Сибири. Говорили о

*Скульптор
Анатолий Андреевич Бичуков*

*Памятник Сергею Есенину
на Тверском бульваре Москвы*

предстоящем в апреле в Москве празднике поэзии Фёдорова. Я посоветовала подключить московское землячество кузбассовцев (в нём тогда было, кажется, около тысячи членов)...

Радость общения с памятником Есенину не угасала во мне и, по-моему, освещала эту беседу. И одновременно всё сильнее разгоралось желание увидеть создателя этого шедевра. Но как? Оказалось, Валентин Васильевич с ним хорошо знаком, тут же позвонил ему в мастерскую.

И вот я вхожу в отдельно стоящее небольшое здание на улице Щепкина – в мастерскую А.А.Бичукова. В холле высотой в два этажа – скульптура «Россия» в образе высокой, величественной и доброй славянки. На стене слева – барельеф Есенина... фотоснимок памятника-надгробия В.Фёдорову...

Встречает Анатолий Андреевич – ладно «скроен», доброжелателен. Проходим направо в помещение с овальным старинным сто-

лом. Обращаю внимание на миниатюрные скульптуры, среди них и «Есенин на Тверском». Говорю о сегодняшней встрече с «Есениным», о своём восхищении.

«За чашечкой кофе» выяснилось, что Анатолий Андреевич несколько ранее выиграл конкурс на памятник погибшим шахтёрам, хочет предложить проект его Кузбассу, попросил меня передать губернатору А.Г.Тулееву рисунок памятника. Идея памятника мне понравилась, было ощущение, даже в рисунке, лёгкой светлой печали. И это как раз то чувство, какое, по-моему, и должно вызывать подобное произведение искусства. Сказала об этом Анатолию Андреевичу, он поведал, что его отец, шахтёр, погиб в шахте Донецка...

Прошу личное фото Анатолия Андреевича и снимок памятника Фёдорову. Скульптор приложил ещё и свою визитку с изображением «Есенина на Тверском», сообщил, что: «Союз художников проводит сейчас в галерее на Кузнецком выставку, посвящённую защитникам Отечества, там экспонируется и моя работа «Поэт Василий Фёдоров». Я не удивилась этому факту: поэт, настоящий Поэт, всегда защитник Отечества. (Тут же подумалось: « Попрошу внука Ларисы Фёдоровны Федю сделать два-три фотоснимка с этой выставки...».)

Неспешная беседа располагала ещё к одной интересной для меня теме: Анатолий Андреевич возглавлял кафедру, вёл мастерскую в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Уникальность этого учебного заведения в том, что создано оно на традициях Императорской Академии России, даёт широкое образование, интересно сочетает программу этого замечательного русского учебного заведения с современными требованиями...

Но тут вошли в холл два архитектора для делового разговора... и я не решилась больше задерживать внимание скульптора. На прощание я не могла не высказать ещё раз Анатолию Андреевичу своё восхищение его талантом и заверила, что рисунок памятника шах-

тёрам обязательно передам губернатору (что я и сделала сразу же по приезде в Кемерово).

Встреча и беседа – знакомство – ещё с одним талантливым человеком, причастным к Василию Фёдорову... Так вот почему, вот для чего провидение сэкономило моё утреннее время! Да, поистине нет в мире ничего случайного. Только нам самим надо быть чуткими к миру и к себе. И тогда мы увидим в случайном – закономерное.

Вернувшись в Кемерово, подготовила к Дню памяти В.Фёдорова в апреле для газеты «Кузбасс» небольшой текст (с фотоснимком фрагмента памятника-надгробия В.Федорову) и большую подборку стихотворений поэта.

ИДЁТ ВРЕМЯ... ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Считаю этот праздник
значительным событием
в культурной жизни.

А.Г.Тулеев

Идёт время...

Лариса Фёдоровна не теряет связи с Кузбассом. Прилетает на Фёдоровские чтения, активно выступает с воспоминаниями, читает свои стихи, публикует произведения Василия Фёдорова... И летят, летят её письма ко мне. Вот одно из них, от 1 февраля 1991 года: «Здравствуй, Тамара, душа голубая...будь, дорогая, всегда вот такая, духа настройщица ты для меня!.. Знаешь, в чём польза поэзии? Стоило мне написать этот экспромтик, как тут же возникли, выстроились все годы нашего ведения друг друга... И особенно вдруг вспомнилась наша поездка в Горную Шорию и как мы изобретали с тобою блюда, чтобы накормить наших мужчин... Как мы с тобою сопротивлялись, купаясь, бешеному течению реки... А сейчас пишу по прочтении трёх маленьких – и очень полезных с точки зрения познавательной – книжечек, выпущенных тобою в свет. Спасибо тебе за них».

Получив весточку, тут же звоню Ларисе. Вспоминаем то «гор-

Фёдоровские чтения - 2003г. Марьевка, слева направо Владимир Иванович Бедин, Аман Гумирович Тулеев, Геннадий Александрович Лукьянов

ношорское время», когда ещё ничего не предвещало грядущих катастрофических событий и казалось, как в счастливом детстве, безмятежным... По сравнению с бурлящим 1991 годом... Не знали мы тогда, представить себе не могли даже, как в дурном сне, что погибнет Советский Союз...

И через три года уйдёт в мир Иной и Лариса .

Невозможно да, наверно, и нет необходимости рассказывать здесь о всех Фёдоровских чтениях после переломного для народа 1991 года. Но о некоторых мне хотелось поведать, хотя бы вкратце,

молодым читателям, сохранив тем самым во времени некоторые факты.

1993 год. 75-летие поэта. По области Фёдоровские чтения прошли с 10 по 20 августа. Пресса опубликовала приветствие Председателя областного Совета народных депутатов (а ныне Губернатора Кемеровской области) А.Г. Тулеева:

*«Уважаемые гости, земляки,
участники Всероссийского праздника «Фёдоровские чтения»!
Сердечно приветствую вас на Земле Кузнецкой!*

Считаю этот праздник значительным событием в культурной жизни области. В наше непростое время зазвучавшие стихи большого русского поэта Василия Фёдорова – это своего рода гуманитарная помощь нашей нравственности, ведь в них – душа и совесть народа, судьбы людей, мудрость нашей жизни. Это как свежий ветер надежды.

Поэтому хотелось бы надеяться, что поэзия Фёдорова и те строки, которые вы привезли с собой и которые услышат любители поэзии Кузбасса, послужат самому важному – пробуждению объединительной силы добра, делу возрождения могучей и процветающей России.

Творческих вам успехов и большого личного счастья!

*Председатель Кемеровского областного Совета
Народных депутатов А.Г.Тулеев»*

В областном центре празднование началось утром 20 августа в научной библиотеке имени В.Д.Фёдорова. От администрации области А.И.Шундулиди передал в дар библиотеке бюст поэта, выполненный кемеровским скульптором...

В 15 часов в Доме актёра состоялась встреча-конференция писателей, издателей, читателей по теме «Духовное поле провинции».

21 августа уже и Марьевка переняла эстафету праздника. От марьевской школы имени В.Д.Фёдорова идём по улице его имени

к дому на Назаркиной горе. Грустно, что нет в нём хозяев, что не смогла по состоянию здоровья приехать Лариса Фёдоровна, ей уже идёт семьдесят девятый год. Приветственную телеграмму от неё зачитали в новом красивом клубе. Общее чувство собравшихся выразил А.Г.Тулеев, сказав, что «вечен будет Василий Фёдоров, вечно будет Марьевка, пока у людей горит в сердцах огонь духовности».

1997 год. Фёдоровские чтения локализовали только Марьевкой. Праздник открылся в воскресенье 24 августа – с посещения дома Фёдоровых, а затем переместился в клуб

На сцене стол из дома на Назаркиной горе, за которым когда-то собирались родные, друзья и гости супругов Фёдоровых. Так же гостеприимно, как когда-то хозяева, приглашаются за стол гости Фёдоровских чтений.

Я полагала: как только марьевцам самим доверили проведение праздника, они придумали отличную от предыдущих, новую его форму, замечательную во всех отношениях. Очень хорошая эта идея – провести праздник по-домашнему. Именно она задала тон всему действу, настроила собравшихся на доверительные отношения, а значит, и на полное восприятие мыслей и чувств выступающих.

Был за этим столом и А.Г.Тулеев, только что вернувшийся из Москвы (где он работал по делам государств СНГ). Вернулся возглавить Кузбасс. Он говорил о жизненно важной необходимости духовного оздоровления нашего общества, нравственного климата в стране, о том, что праздник этот надо сделать международным...

* * *

Сказал себе
И говорю другим,
Всем говорю с упорством постоянным:
Язык любви не может быть нагим,
Язык борьбы не должен быть туманным.

В.Фёдоров

**1998 ГОД. 80-ЛЕТИЕ ПОЭТА.
ДЕВЯТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК
«ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Мой вдумчивый читатель может подумать: почему девятый? Ведь праздник был задуман и заложен ежегодным и с первого прошло вон сколько? почти полтора десятилетия? Да, много лет, но каких! Безусловно, сказалось «лихое время перемен»... Но вот губернатором стал Аман Гумирович Тулеев. Потому по его инициативе уже с осени 1997 года готовились полно, широко и разнообразно провести Фёдоровские чтения-98.

*Торжественный вечер в филармонии.
Браво!*

По всей области – конференции, конкурсы чтецов, поэтические встречи. В Кемерове праздник проходил два дня, 24-го и 25-го февраля, в зале кемеровской филармонии. Руководитель департамента культуры Владимир Иванович Бедин открывает праздник вдохновенным чтением стихотворения «Прощай, село!».

Доктор филологических наук, профессор Томского университета Александр Петрович Казаркин в своём докладе собравшимся исследует творчество В.Фёдорова. Проникновенно читают стихи дети из Марьевки – Илья Иванов и Оксана Ломова. Предоставляют и мне слово для воспоминаний.

А сейчас, дорогой мой читатель, позвольте мне маленькое необходимое отступление...

Как-то в 1980 году на съёмках телефильма, желая включить в него песни на слова В.Фёдорова, я спросила Василия Дмитриевича, кто писал музыку на его стихи. Тогда и он и Лариса Фёдоровна вспомнили только одного мужчину, который пришел однажды к ним в московскую квартиру и спел под гитару романс на стихи Фёдорова.

Василий Петрович Кравчук

Виктор Никифорович Егоров

Потом уже, после смерти Василия Дмитриевича, Лариса Фёдоровна передала мне симфоническое произведение московского композитора Усачёва к поэме «Бетховен» (партитуру и клавишную часть «Бетховена» я передала дирижёру Кемеровского симфонического оркестра Барсову с пожеланием-просьбой подготовить для «чтений» хотя бы фрагмент, хотя бы на будущее).

Узнала я, что ленинградский композитор Евгений Васильевич Большев на стихи Фёдорова написал цикл романсов «Семь лучших лет».

А в 1982 году мурманская радиостанция в исполнении Вл. Стратьева (баритон) и Ал. Кондратьева (фортепьяно) записала три романса М. Таврикова на слова В. Фёдорова.

Многим, а Ларисе Фёдоровне особенно, нравилось исполнение романсов на слова В. Фёдорова поэтом Владимиром Турапиным,

да и его собственных стихов тоже. Слушал его стихи и Василий Дмитриевич, некоторые из них вошли в поэтический сборник В.Турапина «Берегите себя для России», изданный в 1993 году. Дорогой читатель, если почитаете его стихи, почувствуете, почему супругам Фёдоровым понравились они и содержанием и интонацией.

В конце 80-ых Лариса Фёдоровна передала мне ноты (ксерокс) романса на стихи В.Фёдорова «Ещё недавно нам вдвоём...» композитора Альберта Савушкина (с его автографом от 19.06.1983г.).

В это же время, осенью 1986 года, приехал в Кемерово солист Свердловского театра музыкальной комедии, заслуженный артист РСФСР Зангиев Алихан Ибрагимович с большой программой музыкального исполнения стихов В.Фёдорова.

Он рассказал о встрече с поэтом. Василий Дмитриевич сначала отвёл на беседу пятнадцать минут, а продолжалась она более трёх часов.. Поэт заинтересовался биографией Зангиева (война, детский дом, армия, работа сварщиком, но и осуществил своё острое желание получить музыкальное и лингвистическое образование). Василию Дмитриевичу он понравился упорным стремлением к своей мечте, а также профессиональным классическим исполнением им русских поэтических произведений.

Я помогла организовать, – как говорят сейчас, в рамках Фёдоровских чтений, – встречи артиста с сибиряками в Кемерово (в Доме актёра), Марьевке...; по приглашению телестудии провела с ним передачу «по Фёдорову». «Я начну свою программу песней на стихи Ларисы Фёдоровны, посвящённые Василию Дмитриевичу: «Милый друг, замело тебя снегом...»... Расскажу о встречах с Василием Дмитриевичем и о его реакции на некоторые песни, написанные мной на его стихи...» – так начал свои воспоминания наш гость из Свердловска. Исполнил песни на стихи поэта: «Любка-Любочка...», «Сопrotивляясь тёмной силе...», «Не удивляйся, что умрёшь...»...

Уверена: встречи А.Зангиева с сибиряками, любителями поэзии, преподавателями вузов и школ помогли слушателям шире представить всё богатство творческого наследия Поэта. А для меня начавшиеся печалью эти Фёдоровские чтения получили такое прекрасное завершение.

Об этом осеннем музыкальном продолжении летних Фёдоровских чтений-86 я написала Ларисе. Почти всё декабрьское письмо мне в ответ она посвящает А.Зангиеву, говорит о его прекрасном голосе, о том, что «он милый гордый человек... И ещё одна черта Алихана пленяет меня: он любит мать, заботлив к ней и возит с собой её фотографию. Да что говорить: он редкостен в наше время. Талант слился в нём со многими чертами благородства...».

Думается: Василий Дмитриевич присоединился бы к её мнению, особенно – к последней фразе.

Здесь можно сказать, кстати, ещё об одном композиторе, писавшем музыку на слова Василия Фёдорова. О нём мне поведала внучка Ларисы Фёдоровны – Марьяна в 2000 году. Упомянув в письме о ранних (1946 года) стихах Ларисы-студентки, тогда ещё Ларисы Левчик (по фамилии её первого мужа), она сообщает, что «вышла на след композитора, нашла программу Театра поэтов за 1965 год. В этом театре исполнялись песни на слова В.Фёдорова композитора В. Клабукова».

...Я давно мечтала: вот нашёлся бы человек из племени энтузиастов, собрал бы он все музыкальные произведения на стихи В.Фёдорова, осуществил прекрасное издание с нотами, комментариями по текстам... Въяве вижу это издание, наиболее полно представляющее жизнь поэта и жизнь его произведений – в музыке. Верю, что много ещё напишется не только композиторами, но и народом. Проводились бы в стране такие, музыкально-поэтические, вечера. И не только на Фёдоровских чтениях. И не только в Кузбассе... А в Марьевке, – летней, цветущей, солнечной, – прижился бы на века фестиваль авторской песни.

Безусловно, в стране было ещё много тех, кого поэзия Фёдо-

рова вдохновляла, одних – на создание песен и романсов, других – на их исполнение. Хотя в Кузбассе в 1970-х – начале 1980гг. мне почти не приходилось слышать подобное. Правда, в начале 90-ых композитор Владимир Михайлович Пипекин, который до этого писал музыку на стихи кузбасских поэтов, обратился и к поэзии В.Фёдорова. Не приходилось...до...

Тут, мой терпеливый читатель, я предлагаю вам отправиться в 1998 год, в Кемерово, в филармонию, на февральский, 25-го числа вечер. Там нас с вами ждёт приятная неожиданность: в течение двух часов будем слушать песни, романсы на слова поэта, И музыка, исполнение – его земляков.

Там энтузиаст песенного исполнения произведений поэта Виктор Никифорович Егоров увлечённо, очень душевно поёт: «Белый сад» («И мороз и снег...»), «Цыганка», «Зимний вечер», «Голова моя, головушка...», «В глуши, в тиши ночей...», «Недавно нам вдвоём...», «Я жил, не заметил...», «Во мне бог весть...».

Забегая вперёд от 1998 года, почти на полтора десятилетия, скажу: В.Н.Егоров, заслуженный работник культуры России, лауреат и дипломант региональных, всесоюзных, всероссийских и международных фестивалей народного творчества и авторской песни, много и в разных аудиториях радуется слушателей прекрасным исполнением песен на слова В.Фёдорова, других поэтов, на свои стихи, выпустил много дисков. Мне видится: на эту, песенную, стезю повернул его жизнь именно Василий Фёдоров – музыкой своей поэзии. А может, и сам поэт – из тонкого мира? (Подробнее читайте кн. В.Егорова «Дорогая родина моя», 2016 г., в ней же и ноты к песням на стихи Поэта.)

А вечер в филармонии продолжается, и нам с вами, дорогой читатель, пора вернуться в праздничный зал, там уже один из бывших чиновников исполняет в классически строгом стиле, под гитару романсы «Была любовь» и «Закрывай, Василий, душу...». А Игорь Морозов – «Ты вспомни обо мне...» и «Цыганку». Фольклорная группа «Веселуха» из Мариинска с истинно народным юмором и

задором спела «Мне о том слагать бы оды...» и «Сладкое вино».

Нежно и целомудренно, в тон стихам, прозвучали музыка и исполнение композитором Мариной Аристовой песни на слова «Красота твоя...». Отлично звучал и прекрасно воздействовал на слушателей дуэт Марины Аристовой и директора филармонии Юрия Ивановича Адаменко, когда они исполняли на два голоса не только «Ветер ходит метелицей», но и такие строгие стихи, как «По главной сути...». И премьерное исполнение ими романса «Время село на плечи мои...» было великолепным. Bravo!

Вот бы удивился Василий Дмитриевич тому, что эти его стихи могут так прекрасно звучать в виде романса. И порадовался бы. А Лариса Фёдоровна – восхитилась бы.

– Кузбасс запел Фёдорова! И так прекрасно... – говорили зрители, в отличном, приподнятом настроении расходясь с вечера.

Во Дворце культуры посёлка Кедровка

По всему Кузбассу проходили Фёдоровские вечера.

На 28 февраля 1998 года меня пригласили на праздник Фёдорова в Кедровку, шахтёрский посёлок невдалеке от Кемерова.

С глубоким вниманием к творчеству поэта всё было организовано коллективом Дворца культуры. Директор Мирослава Николаевна Измаилова, режиссёр Татьяна Витальевна Терещенко, библиотекарь Галина Ивановна Степченко, зам директора Татьяна Алексеевна Вдовина, заведующая читальным залом и автор сценария этого вечера Любовь Александровна Родькина сумели создать праздник духовной радости.

Перемежая рассказ о жизни поэта, шло чтение стихов победителями конкурса: Морозова Оксана читает «Прощай, село», Сувидова Ольга – «Морошка», Изосимов Константин – «Алтайский мотив», Якубова Алмазия – «Красивым...», Елена Паламарчук – «Краса земная», Светлана Надзикайте – «По главной сути...», Вероника Иванова – фрагмент «Женитьбы Дон-Жуана»...

Бывшая жительница Марьевки Ирина Викторовна Ерёмкина вспоминала, как Василий Дмитриевич рыбачил на Кайдоре, как приходил в школу, рассказала о знакомстве поэта с её отцом, как упрекал Василий Дмитриевич его, главного агронома: «Где же гречиха? Где просо?». Дочь Ирины Викторовны прочла стихотворение «Я гляжу на родные места...».

Я здесь перечислила лишь малую толику того, что происходило на большой сцене. Своим же выступлением я осталась недовольна; видимо, не собралась ни мыслями, ни чувствами, потому этим очень огорчилась.

Вечер поэзии в концертном зале не закончился, а малым составом хозяев и гостей переместился в библиотеку и завершился хорошей беседой.

Думается, в эти же дни проходили «малые Фёдоровские чтения» и в других городах и весях области так же душевно, так же интересно, как этот снежно-февральский вечер в шахтёрском посёлке Кедровка.

*«...будет жить душа
при том же добром деле»*

Все ждали главное праздничное действо – в Марьевке. Эту полугодовую линию связи, с февраля по август 1998 года, держала областная газета «Кузбасс», постоянно публикуя произведения В.Фёдорова, статьи, воспоминания о нём, интервью. Мне же «по Фёдорову» предстояло написать сценарии и провести февральско-августовские запланированные телестудией передачи, составить и подготовить для типографии сборник поэта и посидеть с Сергеем Юрзиным за его вёрсткой. Актуальной виделась и необходимость написать книжечку «На родине поэта Василия Фёдорова», да ещё просили составить к празднику буклет и написать в газету о празднике. Планировала съездить в Москву за «изюминками» для сборника и беседой с Ю. Л.Прокушевым... И всё это – кроме моей из-

*В.Д. Фёдоров и Ю.Л. Прокушев на III съезде Союза писателей СССР.
Кремлёвский дворец съездов*

дательской работы. Всё это – до августа. Успеть бы.

Василий Дмитриевич умер 19 апреля 1984 года... Поэт Василий Фёдоров живёт... Не только в книгах. Не только в памяти родных и воспоминаниях людей, знавших его лично. Но и в заботе соотечественников об увековечении имени Поэта. Открыт музей, названы его именем областная научная библиотека, школа и улица в родном селе, областная литературная премия. Созданы памятники в Москве и в Кузбассе. Традиционно с 1985 года проходят Фёдоровские чтения. Главное – его поэзия продолжает совершенствовать людей. Его желание – «Умру, но будет жить душа при том же добром деле» – сбывается. Любовь к России, величайшая ответственность перед народом, высокий талант, классического уровня творческое наследие Поэта...

Первым, кто верно и полно полвека назад провидчески оценил личность и талант нашего земляка, был Ю.Л.Прокушев. Ровесники, люди одного поколения, родственные по духу, они встретились

в Москве, когда Василий Дмитриевич перевёлся на дневное отделение Литературного института. Оба любили поэзию Сергея Есенина, оба боролись за возрождение его памяти. Не щедрый на автографы, поэт одну из своих книг, «Белую рощу», подарил: «Юрию Львовичу Прокушеву с благодарностью за С.Есенина. 19. 06.59г.».

Первый авторский вечер В.Фёдорова в Политехническом музее в мае 1962 года вёл Ю.Прокушев. Своими публикациями он откликался на новые стихи, терцины, поэмы, новеллы поэта, аргументированно подтверждая их высокий, классический уровень. И последнюю беседу с поэтом – для Центрального телевидения Советского Союза – на даче, у камина – провёл тоже Юрий Львович.

Вот почему, кроме телепередачи с Ю.Л. Прокушевым в Кемерове в 1988 году, я встретила с ним позже ещё и в Москве. Не могу не привести здесь хотя бы часть той беседы, которую справедливо озаглавить главным чувством Поэта: С тобой, Россия!

...26 марта 1998 год. Институт мировой литературы Российской академии наук. Я встретила с видным учёным, лауреатом Государственной премии РСФСР и Всероссийской Есенинской премии, Председателем Комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию В.Д.Фёдорова – Ю.Л. Прокушевым.

Старые стены института на Поварской улице Москвы помогают неспешной беседе о времени, о России, о поэзии, о русских поэтах.

Т.М.: Юрий Львович, по сути, Ваша полувековой давности оценка создаваемого Василием Фёдоровым подтверждена суровым и мудрым критиком – временем?

Ю.П.: Да, время бережно хранит всё истинное. Истинную поэзию – тоже. Чем полнее в творчестве того или иного поэта выражена суть эпохи, нравственные основы человечества, тем настойчивее время стремится сохранить такую поэзию, врачующую душу, рождающую духовный свет. Но...не только время – народ сохраняет то, что помогает ему, что утверждает Добро и Красоту.

Т.М.: А что Вы скажете тем, кто сомневается, нужна ли поэзия?

Ю.П.: Истинная поэзия нужна всегда. В ней – совесть народа, в

ней – провидение будущего, в ней – предостережения современникам. Возьмем, например, двадцатые годы и Сергея Есенина, сороковые и Александра Твардовского, создавшего поистине народный образ защитника Отечества – Тёркина.

Василий Фёдоров и середина столетия: «О Русь моя! Огонь и дым, законы вкривь и вкось... О, сколько именем твоим страдальческим клялось! Клялись цари и лжецари, вожди и лжевожди... Все-все – и левые клялись, и правые клялись. Быть справедливой власть клялась, не своевольничать в приказе. О, скольких возвышала власть, о, скольких разрушала власть – и опрокидывала наземь... Народ, извечный, как земля, кто б ни играл судьбой, все вековые векселя оплачены тобой...».

Т.М.. Кажется, что это написано сейчас, о нашем времени, а не почти сорок лет назад. Да и строки из «Високосного года»: «Душа, гневясь, вдвойне бунтует, когда и красота плутует из-за рублей, из-за квартир, из-за минутного блаженства...» – предельно современны. Удержаться на душевно-духовной высоте сейчас непросто, ведь ныне время перемен. И мы все чувствуем, как сложно жить в такую эпоху, ведь в духовной жизни мира происходят противоречивые процессы. Что, по-вашему, в их эпицентре?

Ю.П.: Растёт национальное самосознание народов, их стремление к независимости, государственности, а с другой стороны, происходит размывание национального, в первую очередь – в области культуры, языка, традиционно обрядовой и духовной жизни. Это происходит под мощным и, я бы сказал, целенаправленным натиском антинародной масскультуры на коренные национальные традиции.

А поэт чувствует острее и трагичнее опасность национально-нигилизма, ведь именно такой нигилизм ведёт к утрате чувства Родины и национального достоинства. Последнее ни в коей мере не противоречит общечеловеческому. История мировой культуры свидетельствует: чем сильнее в стихах чувство Родины, чем ярче в них национальное начало, тем они ближе другим народам.

Поэтому у наших поэтов, с особой остротой у Василия Фёдорова – судьбы России и мира неразделимы. «Одной цепи я вижу звенья, сработанные не вчера: и мировые потрясения и горе одного двора».

Т.М.: Когда думаешь о поэзии, невозможно чётко сформулировать, что это за явление природы – поэт? Божественная искра Небес? или чудесная сила матери-Земли? Обнажённый нерв... Открытое сердце... Совесть народная... Или...

Ю.П.:... Поэт – это чудо! Поэзия – таинство! Ни объяснить, ни понять до конца это невозможно. Поэтом надо родиться. Именно обострённым восприятием мира отмечен поэт.

Т.М.: Юрий Львович, так много книг опубликовано у Вас о поэзии. В чём Вы видите особенность русской поэзии, ту её основу, которая делает её сильно влияющей на общество?

Ю.П.: У некоторых народов поэт эгоцентричен, и влияние его творчества этим значительно сужено. Особенность же русской поэзии в том, что она неразрывна от души народной. Этому способствует соборность русского народа, который всегда, несмотря ни на что, душу ставил выше быта. Как видим, устремлённость поэзии и устремлённость народа в данном случае совпадают. Отсюда взаимовлияние, взаимообогащение.

Т.М.: Теперь уже, после публикации Федоровских «Снов поэта», мы можем говорить и о его прозе, по-моему, в полной мере ещё не понятой и до конца не осознанной нами, его современниками. Вот, например, сейчас вибрационно-волновая гипотеза строения мира и человека всё более утверждается как парадигма и всё больше людей склоняется к тому, что первична не материя, а идея, слово, мысль... А у Василия Фёдорова в поэзии и особенно в «Снах...» об этом давно тонко, красиво и талантливо сказано...

Ю.П.:... да, согласен с Вами. Этим-то и поэзия и проза Фёдорова прекрасны и чрезвычайно интересны.

Т.М.: В поэзии невозможно солгать, автор весь на виду. В стихах некоторых авторов видишь, как какое-нибудь недостойное

человека авторское качество не даёт ему возможности достичь настоящего поэтического уровня. Поэзия Василия Фёдорова на таком высоком уровне, что, кажется, никакие негативные качества не коснулись его личности. Ну, хотя бы тщеславие. Ведь многие, пройдя огонь, воду, застревают в «медных трубах» славы. Я познакомилась с Василием Дмитриевичем, когда ему было за пятьдесят, не увидела в нём тщеславия. Зная его беспощадную требовательность к себе, могла предположить, что, возможно, он изжил в себе это чувство. Вы же, Юрий Львович, знали его с молодости, бывали рядом с ним на поэтических вечерах, конференциях, заседаниях и т. п. Стали его другом... Видели ли Вы когда-либо в нём проявление тщеславия? Ведь он был лауреатом двух самых высоких государственных премий Советского Союза, секретарём правления Союза писателей РСФСР, членом редколлегий нескольких издательств, награждён высокими орденами...

Ю.П.: Нет, в нём тщеславия н и к о г д а не было, ни чуточки. Думаю, потому, что он был не только строг к себе, но и устремлён к главному в своей жизни. Даже на мой прямой вопрос, счастлив ли он, ответил, что «сам процесс поэтической работы – творческий, а значит – счастливый».

Т.М.: А были ли у Василия Дмитриевича такие жизненные моменты, которые, на Ваш взгляд, могли помешать подняться в творчестве до классических высот?

Ю.П.: Нет, не было. Да, он был гордый, но ранимый. Рано осознал своё предназначение, «связав свою судьбу с народной судьбою»... Верю, что с пути этого и сегодня не сошёл бы, не только потому, что военное время закалило это поколение, но и потому, что Василий Фёдоров – цельная натура, он смело бросал себя в водоворот жизни, был к себе чрезвычайно строг. «Так построй земную жизнь свою, так живи в ней помыслами всеми, чтобы в смерти встал ты вровень с теми, беззаветно павшими в бою» – для него это было не словами, а пережитым, пережитым сердцем. Он вглядывался в лицо эпохи, провидел будущее, выражал сокровенную

суть народа. И потому мы говорим о народности его творчества.

Т.М: У Василия Дмитриевича одно из стихотворений заканчивается такими строками: «Мне б взрастить, что посеяно, ну, хотя бы до восхода, и уйти, как Есенину, под защиту народа». Вы как считаете, это его желание осуществимо?

Ю.П: Думаю, это сейчас и происходит. Не только на Всероссийском празднике «Фёдоровские чтения», но, главное, – в обращении людей к его творческому наследию.

На этом наша беседа не закончилась, а перешла на разговор о деталях последней телезаписи, а также и единственной записи поэта студией «Мелодия» – за три недели до кончины Василия Дмитриевича. Расспросила Юрия Львовича о сложности подготовки первого посмертного Собрания сочинений поэта. Так как моей главной целью приезда в Москву была подготовка юбилейного однотомика (вышедшего затем под названием «Судьба мне подарила Русь»), я предложила моему собеседнику написать предисловие к нему.

По-доброму вспомнили мы верную спутницу поэта – Ларису Фёдоровну, автора многих книг. Попечалились, что оба они уже ушли в мир Иной.

День клонился к вечеру...

Сотрудники института покидали свои кабинеты. Вышли и мы на тихую московскую улицу. Ничто не напоминало наш бурный двадцатый век. Жизнь России и творчество Поэта в душе и мыслях наших естественно соединились с многовековой историей страны, и Василий Фёдоров по праву виделся достойным продолжателем великолепного искусства русского Серебряного века.

Тамара Махалова.
«На родине поэта Василия Фёдорова»

Непростое время девяностых годов прервало складывавшуюся традицию издания произведений Василия Фёдорова на родине поэта – в Кузбассе. «Приугасли» и Фёдоровские чтения. Начинаясь как фактически всесоюзные, они превратились в районные. Но всё изменилось с приходом к руководству областью Амана Гумировича Тулеева в 1997 году. Уже с осени этого года область начала активно готовиться к юбилею Поэта, власти наметили необходимые издания и мероприятия к его 80-летию.

С девяностых годов в выступлениях, беседах, публикациях о поэте стали появляться неточности фактического характера. И это естественно: гибель Советского Союза, катастрофическое положение России, катаклизмы экономической и общественно-политической жизни – это тяжелейшие годы и для страны в целом и для каждого в частности. Да и к активной деятельности, к участию в Фёдоровских чтениях пришло новое поколение. Поэтому в своей книжечке «На родине поэта Василия Фёдорова» я постаралась зафиксировать некоторые факты его биографии, родословную, даты, имена двух его спасителей в 1982 году, обозначить места в Кузбассе, где бывали супруги Фёдоровы. Книга поспела к лету 1998 года.

Фёдоровские чтения - 2001г., на сцене марьевского клуба

*Василий Фёдоров.
«Судьба мне подарила Русь»**

Дом Александра Пушкина – в Михайловском.

Дом Михаила Лермонтова – в Тарханах.

Дом Сергея Есенина – в с. Константиново.

Дом Василия Шукшина – в с. Сrostки.

Дом Василия Фёдорова – в сибирском селе Марьевка...

И как бы хотелось, чтобы Домом Поэтов стала вся наша страна, вся планета Земля. Чтобы в этом нашем Доме не было страданий, не было раздоров, не было несправедливости. Чтобы складывалась в нём Единая Земная Семья, духовно-нравственная цивилизация – во всём многообразии национальных культур.

Одним из лучших факторов воспитания высоты духа и чистоты души человека, несомненно, являются творения талантливых сынов Отечества. А лучший дом для произведений писателя? Конечно, Книга.

В декабре 1997 года администрация области предложила мне составить сборник В.Фёдорова. Я решила в юбилейном однотомнике представить его творчество в разных жанрах. Стихи 1936 – 1984гг., пять поэм, терцины, новеллы из «Снов поэта», семь статей... В своей издательской работе мне всегда хотелось внести в каждую будущую книгу – для вдумчивого читателя – какую-нибудь «изюминку», а уж в этот сборник – тем более.

«Изюминка» эта увиделась мне в записных книжках поэта, в редких, ещё не публиковавшихся его фото. Часть из них мне успела передать Лариса Фёдоровна, но в переданном не было главного фото – к титулу, на фронтиспис. Да и в моём замысле оформления в начало каждого раздела, на распашной шмуц виделось фото ав-

* Василий Фёдоров. «Судьба мне подарила Русь...». Стихотворения, поэмы, терцины, новеллы, статьи. Послесловие Ю.Л.Прокушева. Составитель-редактор Т.И.Махалова. Оформление В.П.Кравчука. Кемерово. «Сибирский писатель». 1998г., 592 с., илл., 2000 экз. В серии кемеровских изданий В.Фёдорова книга «Судьба мне подарила Русь» оказалась последней на долгие 14 лет – до декабря 2012 года.

тора именно тех лет, которые были хотя бы частично связаны по времени с содержанием раздела. К этим шмуцам хотела добавить соответствующие строки поэта – рукописные, ведь они энергетически самые сильные.

Поехала за этими «изюминками» в Москву, в квартиру супругов Фёдоровых, встретила с их родными: Игорем Владимировичем, Фёдором, Марьяной, маленькой правнучкой Ларисы Фёдоровны – Полиной...

Недостающие «изюминки» нашла. И более того, решила сделать ещё один раздел в однотомнике: «Из записных книжек» – «лакомый кусочек» для любителей поэзии и литературоведов. Он даёт возможность, расшифровывая рукописные строки, полнее прикоснуться к творческой энергии поэта. И фото на фронтиспис нашлось! Василий Фёдоров на нём похож на Сергея Есенина. Видимо, в одном духовно-душевном состоянии запечатлела их фотокамера.

Так решилось главное: каждый раздел открывается фотоснимком автора и его автографом. Одна из ранних записных книжек поэта помогла найти решение форзаца: строчка «Марьевка моя, моё убежище...» увиделась мне на фоне села. А на второй форзац я конечно же поставила фото кабинета в доме на Назаркиной горе, кабинета, в котором одно окно – на Кайдор, Яю...сибирские дали, другое – на Подгоринку, где когда-то стоял дом, в котором ранней весной 1919 года поселилась многодетная семья Дмитрия Фёдорова, дом, где будущий поэт сделал свои первые шаги по сибирской земле.

Этот стиль оформления мне увиделся, когда название книги определилось. Но долго оно не являлось. Искала, искала – не то, не то... Не главное! Дошла до того, что уже ни о чём другом не могла думать, только о том, как назвать сборник. И однажды глубокой ночью взмолилась: «Василий Дмитриевич, помогите...помогите!». Рядом с диваном на столике лежала книга «По главной сути» – с автографом поэта. Смежив веки, в какой-то отрешённости от яви

я наугад открыла страницу и строку. «О Боже! Благодарю! Благодарю! Василий Дмитриевич, это то, что надо. Спа-си-бо!». Строка эта и стала названием книги: «Судьба мне подарила Русь».

Она – прекрасное, точное, единственно возможное наименование книги, соответствующее не только основной творческой, жизненной линии поэта, но и моему глубинному чувству. К тому же, раза два-три с Ларисой Фёдоровной и Василием Дмитриевичем мы беседовали об этом в нас чувстве, даже говорили о том, что хорошо бы и в следующем воплощении родиться русскими, родиться в России.

...Почему люблю Русь? Почему я люблю Россию? Не только потому, что в младенчестве впервые коснулась ножкой её земли. Не только потому, что много известных мне колен моего рода были русичами. Не только потому, что я со своей Родиной переживаю эпоху тяжких испытаний...

Но ещё и потому, что с детских лет, благодаря моим родителям и брату, прикоснулась я к кладезу высокого славянского искусства.

Ещё и потому, что в духовное наследие мне даны произведения талантливых сынов Отчизны моей.

И потому я вместе с Поэтом, радуясь и восхищаясь, но и с чувством глубокой ответственности благодарю жизнь за то, что

Судьба мне подарила Русь!

Фёдоровские чтения. Справа 2-я – Мария Васильевна Арышева, 3-й – В.Махалов. Слева 1-й А.Махалов

1998 год.
Фёдоровские чтения
в Марьевке
Судьбу свою связал с народной судьбою

381

... что такое стихи?
Это один из способов передачи духовной
энергии от одного человека к другому...
Исходный материал – слово.

В.Фёдоров

Брошенная в водоворот стремительных событий, Россия перед выбором – свобода или рабство?

Быть или не быть? Исход зависит от народа в целом и в отдельности от каждого из нас. Кто ты? Верный сын Родины или её враг? С кем ты? С народом своим или против него? Защитишь ли ты предков и потомков своих или предашь их, продашь за сытый желудок? Торгуешь ли матерью-родиной или устремляешься к её благу?

Человек всегда перед выбором. И от решения и ответственности не уйти. Трудно тому, у кого дух – в услужении тела. Легче тем, у кого дух властвует над телом.

Лучшие сыны Отечества всегда остро чувствовали происходящее и брали на себя всю меру ответственности. Таков был и наш земляк, выдающийся русский поэт Василий Фёдоров. Камертон глубинных народных процессов, он рано осознал свою жизненную задачу, тяжёлый груз ответственности и предъявил к себе жёсткие требования: «Беря пророческую лиру, одно он помнит из всего, что всё несовершенство мира лежит на совести его».

Строгость, требовательность к себе чувствовались в Василии Дмитриевиче и в обычной, каждодневной жизни и в полной мере отразились в его главном жизненном деле. Жить по совести, отвечать перед народом – вот мера ответственности В.Фёдорова:

«Судьбу свою связав с народною судьбою, я не имею прав пренебрегать собою».

Чем трагичнее для народа развивались события – тем больше требовательности он предъявлял к себе. Задолго до сегодняшнего осознания народом разрушающего оплёвывания нашего прошлого, пагубного вырубания национальных корней, без которых и крона (потомки) погибнет, Василий Фёдоров написал стихотворение «Время...»: «Не ветвями, корнями расту...». Философски мудрое, оно ещё в 1983 году предостерегало нас от исторического беспамятства, о возможной гибели государства и народа. И подсказывало выход. Он знал. Он предвидел. Он предсказывал. Не вняли! Потому-то поэт и признаётся: «...и, самый добрый из пророков, я жить и мыслить устаю». Горестно восклицая: «О человечество, куда ты? куда ты, милое, идёшь?», он знал, что от судьбы России зависит многое и для других народов, «...ведь океан великий лишь качнётся, как всюду закачаются моря». Мы – все народы – в одной лодке под названием Планета Земля.

Взывал. Тихо и громко. Грустно и гневно. Но всегда – с великой болью сердечной. «О Русь моя! Огонь и дым, законы вкривь и вкось...», «Моя грусть, моя боль безутешней...». Он даже после смерти хотел «оставить на Земле глаза, чтобы на мир глядели веч-но». И верил: «Умру, но будет жить душа при том же умном деле».

Он сгорал на костре любви и ответственности за народ!

Как Пушкин...как Толстой...как Есенин...как Твардовский... как Шукшин... Потому-то народ наш жаром сердец, несмотря ни на что сохраняет на своей земле духовные центры – Михайловское...Ясная Поляна...Константиново... Сrostки...Марьевка...И к ним – как к духовным родникам – тянутся люди.

И вновь на Земле Кузнецкой Всероссийский праздник Василия Фёдорова. Весной – в Кемерове, летом – в Марьевке.

Я думаю, что пробуждающееся сейчас осознание людьми происходящего, желание народа устоять перед разрушением, воскресить свою историческую память как источник силы подсказали

Людмиле Алексеевне Шалимовой, главному режиссёру праздника, человеку горячей души и глубинного творческого огня, идею возрождения национальных обычаев.

Потому-то перед входом в храм – в Дом поэта – участникам праздника предлагается древнеславянский обряд очищения: через символические кедровые ворота; между двух костров; кумлание венками, одарение всех ленатами – прошедшие эти обрядовые ступени становятся родными всем живущим здесь. Поверьте: одна из таких берестяных ленат на моей голове весь день дарила мне ощущение духовной общности, духовной радости.

Полагаю, именно это настроение владело всеми, ступившими на Назаркину гору. Эмоционально и полно чувства и мысли гостей выразил, по-моему, первый секретарь правления Союза писателей России Игорь Иванович Ляпин:

– Спасибо этой земле, этой природе, этим людям. Это они своей душой, напряжением своих сердец вытолкнули над Россией гиганта – Василия Фёдорова. Он и как поэт и как человек всегда стоял наособицу, никогда не находился в толпе, всегда имел свои мысли, своё слово. Как скажет – так и сделает. Был суровым, но очень ранимым. Честнее его в нашей писательской среде никого не могу назвать. Во время обряда очищения мне стало ясно, откуда исток его и смелости, и нежности, и смекалки, и суровости – именно от народа. Слава родине Василия Фёдорова, слава его землякам за то, что они могут так хранить поэтов и память о них.

...Метроном, отсчитывающий минуты молчания, синхронизирует биение сердец и подчёркивает горечь утраты. И потому совершенно естественно все включаются этим чувством в обряд с плащаницей, когда четыре женщины в печальных одеждах, с обрядовыми песнопениями несут плащаницу на огонь костра – символ вечной об ушедших памяти и веры в грядущее.

Мудрым взглядом голубых глаз, чуть ироничной улыбкой встречает нас в марьевском клубе Василий Фёдоров с портрета, того самого, что открывал в Марьевке первый праздник. А на сце-

не – гуслар? Боян? певец во стане русских воинов? – в ключе добрых народных традиций Виктор Мирошниченко ведёт праздник дальше. Песни о России в дивном исполнении Камерного хора Кемеровской филармонии и в по-сибирски раздольном исполнении Казачьим хором из Анжеро-Судженска. Песни и романсы на стихи В.Фёдорова в исполнении Виктора Егорова и Юрия Адаменко. Лихая пляска «Сибирского калейдоскопа» сменяется тихой, под гитару, песней о поэте – марьевской девушки Наташи и балладой о поэте – Алины Добрыниной.

Убеждённое слово кемеровчанина, руководителя Союза писателей Кузбасса Бориса Бурмистрова о том, что «есть пророки в своём Отечестве», сменяется – душевным выступлением узбекской поэтессы из Ташкента Нодры Рашидовой: «... для меня, – говорит она, – этот праздник святой, ведь там, где живут память и любовь, живёт и святость. Василий Фёдоров такая величина, что принадлежит человечеству, но всей своей душой поэт представляет Россию. Прочитав его стихи, нельзя не влюбиться в Сибирь, невозможно не влюбиться в Россию»....

Приветственное слово губернатора А.Г.Тулеева (зачитано представителем администрации) естественно продолжается в речи москвича, сотрудника журнала «Наш современник» Александра Казинцева. Он говорит о том, что: «край ваш героический, край трагический – в нём тлеет уголёк борьбы и подвига», он говорит о том, что «могучий и вольный дух сибирского народа взрастил могучего поэта, голос которого, как набат, созывает народ в дни смертельной беды к единению и борьбе»....

...Вдали поблёскивает речка Яя.

Под горой тяжёлые воды Кайдора отражают тревожно несущиеся над землёй облака. С Назаркиной горы на нас и на древнее русское село задумчиво и ожидающе смотрит Дом Поэта...*

* Тамара Махалова, «Судьбу свою связал с народною судьбою...»: Кемерово, газета «Земляки», 27 авг. 1998г., № 35

ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ НОВОЙ ЭРЫ. ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2001

385

Последнее десятилетие XX столетия для нашего народа было тяжелейшим и очень неопределённым: государственный переворот 1991 года, кровавые события октября 1993-его, бесконечный экономический кризис... Устал народ, не может сосредоточиться, силы свои собрать, разобраться в событиях, утвердиться в созидании... Ситуация напоминает состояние народа почти сто лет назад.

Губернатор А.Г.Тулеев, областные власти, совестливые руководители на местах стремятся организовать эффективное производство, поднять народ в духе. Этому способствуют и такие духовно-нравственные мероприятия, как Фёдоровские чтения. В 2001 году они проводились так же душевно, как ранее, но не так широко. Я побывала на «чтениях» в Марьевке и захотела поделиться своими впечатлениями (в виде письма) не только с читателями газеты, но и с Поэтом.

*Письмо поэту Василию Фёдорову**

Уважаемый Василий Дмитриевич!

Хочу рассказать Вам о празднике, посвящённом Вам, русской поэзии, Родине.

С 1985 года ему предшествовали Фёдоровские чтения по всему Кузбассу: лекции, встречи, выступления, конференции. Собственно праздник начинался в Кемерове и широко продолжался в Марьевке: так – словно отмечали Ваше рождение в Кемерове и жизненное, поэтическое становление – в Марьевке. Уже тогда первый, многотысячный, праздник, на который съехались гости со всего Советского Союза, стал поистине народным.

Собравшиеся, слушая пророческие Ваши стихи, чувствовали себя единым народом, поднимались в духе своём, растили в себе

* Публикуется по изданию: газета «Земляки», 30 августа 2001г. Тамара Махалова, «Праздник, который всегда с нами».

жизненную радость и веру. Все эти годы, несмотря ни на что, традиция поддерживалась. Желанием людей и волей властей. Теперь вот продолжилась в новое, третье, тысячелетие.

Ранним августовским утром кемеровчане выехали в Марьевку. Моим соседом по автобусу был П.М.Дорофеев. Вы уже знаете, Василий Дмитриевич, он может прочесть все Ваши стихи наизусть, был также организатором многих мероприятий, связанных с Вашим именем. Но главное, конечно, – спас Вас тогда, когда серьёзная болезнь и неверный диагноз чуть не погубили Вас.

Автобус мягко бежит по сибирскому тракту – в Марьевку. Пётр Михайлович читает Ваши стихи, вспоминаем и Ларису Фёдоровну, почти сорок лет окружавшую Вас любовью своей и заботой. Едем привычной дорогой, те же поля, перелески...Мостик через реченьку, она неширокая и по-прежнему тихая, вся в кувшинках. Грустно: едем без Вас, без Ларисы Фёдоровны, вы оба уже ушли в мир Иной. Грустно...но и светло на душе – день будет наполнен поэзией, любовью к Отечеству, окрылённостью.

Вот уже одна, последняя, верста...Ваша любимая грибная берёзовая рощица на окраине Марьевки вся просвечена солнечными лучами. У калитки встречают гостей хозяева праздника – Ваша сестра Мария Васильевна, марьевцы, районные власти.

Дом гостеприимно распахнул двери. Но... «на горьком аромате трав настоян был горячий воздух». Не звучит уже в доме голос Ларисы Фёдоровны, успевавшей, как Вы знаете, и позаботиться о неожиданных гостях, и на ходу записать вашу мысль, строчку, молвив: «Вася, это интересно».

На письменном столе – полный порядок, музейный. Уже не прочтёшь набросок стиха на газете... но по-прежнему на стене висит плотницкий инструмент.

Хотя печечка не полыхает огнём, но слышится Ваш рассказ о печнике, родительской избе на Подгоринке, о крестьянском труде. Вижу, как Вы левой рукой гладите кедровую обивку стен, и слышу Ваш голос: «Как дощечки эти меняют цвет! Сначала были золо-

тисто-светлыми, а год от года становятся всё колоритнее, гуще краски». Да, Василий Дмитриевич, сейчас эти дощечки потемнели, постарели. И в них большие грусти, чем радости.

На кухне я подошла к окну, и вспомнились строчки Ларисы Фёдоровны «На некрашенный наш подоконник часто голову донник кладёт...А потом и к крыльцу подобрался и стоит, не решаясь войти...Ты признайся, мой донник, пожалуйста, ты цветок или странник в пути?».

Выходим на это крылечко, вечерами на закате Вы с Ларисой Фёдоровной любили сидеть на его ступеньках.

Деревья у дома, Василий Дмитриевич, разрослись. Особенно березы, посаженные Вами вместе с сестрой Зинаидой, привёзшей саженцы из Хабаровска. Подхожу и к дубкам – потомкам дуба, посаженного Петром Первым в Санкт-Петербурге. И видится, как стоим около них, тогда младенцев. И Вы говорите: «...Назаркина гора в нутре своём нетронутая глиняная глыба-монолит, деревьям на ней, особенно таким, как дуб...- корень его идёт глубоко в землю, – расти трудно». Мне подумалось сейчас: вот так же трудно сейчас вращать в традицию «саженцы» русской культуры.

А вот и карагачи, когда-то, в 80-ом году, при съёмках фильма «Здесь отчий дом» Вы сидели на лавочке между ними и, забыв о кинокамере, так интересно рассказывали о своих родовых корнях, работе авиаконструктором, сходстве стихосложения с самолётостроением, о многом-многом другом.

...1970-80-е годы. Какой могучий всплеск народного интереса к русской культуре!.. Сейчас другие времена. Народу живётся и сложно и трудно. Да и разделён он. И у властей, Василий Дмитриевич, много чисто экономических проблем. До культуры ли? Но без этого родника народной мудрости и нравственного здоровья не возродиться стране.

...А вот и народ потянулся к Вашему родничку у Кайдора – искупить прохладной водицы, отрешиться от суетного и наносного...

В зале марьевского клуба, как всегда, встречает входящих пор-

трет работы Германа Захарова. Посуровел на нём Ваш взгляд. Резче стали складки на лице...

Ожил экран, зазвучал Ваш голос с того, в Кемеровской филармонии, выступления, когда отмечали присуждение Вам Государственной премии Советского Союза. Как страстно, точно и убеждённо вы тогда говорили с народом.

На сцену поднимается настоятель православного храма о.Максим. Он говорит, что истинная поэзия – это трепет сердца, обращённый к человеческой душе, говорит, что человек прекрасен, несмотря на то, что не всегда мы видим его таковым...Говорит, что поэзия Фёдорова – от Бога, что «в его стихах – жертвенная любовь к Отчизне, что свою веру в человека и в красоту мира поэт обрёл даже в те, богоборческие, годы».

Прочтённое, Василий Дмитриевич, устами христианского священника Ваше стихотворение «Вспоминается детство...» и особенно строчки «если я убеждён, нерушимы мои убеждения, потому что я жизнь свою ставил на них» – проникали в души присутствующих.

Зачитывает о. Максим и Приветственное Послание епископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония, в котором, в частности, справедливо говорилось, что Ваше «поэтическое творчество украсило страницы классической русской поэзии», что «пусть его от Бога дар видеть красоту мира коснётся и нас»...

Затем выступавшие читали Ваши и свои стихи. Особенно интересны мне были выступления не профессиональных поэтов, а Ваших, Василий Дмитриевич, земляков. С волнением, но и с достоинством выходили они к микрофону, читали свои стихи. Нет, не оскудела талантами Земля Русская! Только вот той, общегосударственной, заботы о них, что была в Советское время, теперь, пожалуй, нет. С публикациями трудно. И похожи эти юные таланты на те ростки, которым придётся пробиваться сквозь «асфальт», а не расти на благодатной почве. Хотя на местах, по мере возможностей, и стараются помочь, как, например, наши

губернатор А.Г.Тулеев, департамент культуры областной администрации, местные власти...

Грустно мне было, Василий Дмитриевич, от этих размышлений. Но и немного радостно от того, что традиция поэтического праздника, подобного праздникам на родине Пушкина... Тютчева... Есенина ...Шукишина...хотя и не широкой рекой, а небольшим ручейком, продолжается. Теплится и надежда на лучшие времена и для народа, и для поэтов, и для русской культуры.

И ещё, Василий Дмитриевич, мне подумалось: зачем же это всё я Вам рассказываю? Ведь Вы и сами всё это знаете... видите... недаром писали: «Хочу... оставить на Земле глаза, чтобы на мир глядели вечно».

С почтением и поклоном к Вам от себя и наших с Вами соотечественников Тамара Махалова.

ВЕРНОСТЬ СЛОВУ И ОТЕЧЕСТВУ

Он всегда будет созвучен эпохе...

В. В. Сорокин

Чтения? Праздник?

Размышляя о праздниках поэзии Василия Фёдорова, о высокой духовной атмосфере большинства из них, ещё и ещё раз убеждаешься в силе космической закономерности: когда во главе общества (школы, села, города, вуза, области, страны) становится человек, сочетающий в себе мудрый ум, доброе сердце и властные возможности, вот тогда и случается душевно-нравственный подъём народа. Будь он, народ, жителями одного села, или области, или страны. Так началось и в Кузбассе с открытия музея 7 декабря 1984 года. Этот скромный тихий праздник, организованный по инициативе одного человека – директора школы – в морозном и заснеженном сибирском селе, был подхвачен властью.

И через полгода, летом 85-го, состоялось грандиозное всероссийское праздничное действо, посвящённое Поэзии, Духу, Слову – Родине. Оно предоставило каждому возможность почувствовать восторг души и радость гармоничного общения.

Теперь второе: о названии праздника, форме его и содержании. В молодости в Петербурге я неоднократно в знаменитом Пушкинском Доме слушала доклады пушкинистов – на Пушкинских чтениях. Такое название точно соответствовало классическому содержанию – чтению.

А Фёдоровские чтения? Так они были названы сразу, в 1985 году. Вначале они организовывались как праздники. И это совершенно закономерно и оправдано было необходимостью с самого начала заложить традицию, привлечь к ней как можно больше людей. Иногда более чуткие организаторы Фёдоровских чтений в небольших городках, посёлках, школах стали называть их «Праздниками поэзии В.Фёдорова». Тем самым точнее достигая единства праздника – т а к о й формы и содержания.

Самая эффективная и одновременно самая оптимальная для вузов (она возможна и для школ) форма – «чтения» – постепенно стала всё шире распространяться. Сотрудники вузов, «пригубив» из кладеза образов и мыслей поэта, стали вводить богатое творческое наследие в учебный процесс, организуя на его материале не только лекции, но и студенческие курсовые, дипломные работы, переводы на другие языки. Видится в будущем такой обоюдный процесс в студенческой, научной и даже школьной среде более интенсивным. И, главное, – по существу форма и содержание здесь не противоречат. Однако... проводились «чтения» – энтузиастами. Вначале не было с и с т е м ы.

Думается: хорошо бы этот наш традиционный праздник сделать «чтениями» в школах, вузах – системным. Весь учебный год – доклады, школьные сочинения, курсовые, дипломные работы, конкурсы чтецов, переводы на другие языки, спектакли... Победителям конкурсов, авторам лучших работ давать возможность

выступить на марьевском празднике, тогда праздник становится по-настоящему кульминацией «чтений», завершающей годовой «Фёдоровский круг». Наверняка эффективность и результат такой работы будут наиболее полными.

И ещё...

Если система чтений в школах, вузах по своему существу не должна менять свой формы, а углублять её, то праздник в Марьевке, оставаясь базисно праздничным действием, видится постоянно меняющим форму проведения (ведь были же уже разные его формы, понравившиеся участникам: и посиделки подомашнему на сцене за столом из дома на горе, и проведение по древним славянским обрядам режиссёром Л.А. Шалимовой и др.). Можно заложить и традицию проведения в Марьевке на берегах Яи фестиваля авторской песни имени В.Федорова – Фёдоровский сибирский фестиваль авторской песни (и расходы из бюджета малые, а если шире использовать информационный и административный организационный ресурсы, и того меньше).

О таком содержании и формах Фёдоровских чтений мечталось. Но сам праздник в Марьевке, на родине поэта становился всё кулуарнее, всё замкнутее на узком круге лиц. И ко второму десятилетию нового тысячелетия из официально и фактически всероссийского когда-то превратился в районный, а иногда виделся совсем уж местным. Так потихоньку стала теряться одна из хороших форм воспитания и образования молодёжи.

Даже книг Василия Фёдорова после 1998 года в Кузбассе не издавалось. Хотя были в области издания (например, хрестоматия кузбасской литературы для школьников), в которые сам Бог велел включить произведения земляка-классика. Но нет. И так почти полтора десятилетия. Позор для всех нас! Но и большая утрата: к молодому поколению сибиряков не дошли книги высоко нравственные, дающие возможность читающему совершенствоваться, воплощать любовь к Родине в добрые дела. И творчество Василия Фёдорова в этом хороший помощник. Ведь оно всегда будет

созвучно эпохе, всегда будет современно.

Василий Фёдоров, создавший произведения классические, то есть несущие человечеству Общее Благо, связан с Кузбассом рождением, жизнью, творчеством. Так кому же быть пионером в издании его произведений?!

Никогда не забуду, как уже после апреля 1984 года усилиями марьевцев и П.М. Дорофеева, дающего марьевским школьникам уроки поэзии их земляка, преобразились ребяташки. За короткое время они по одухотворённости стали разительно превосходить детей, не вовлечённых в эту орбиту. Мы хорошо знаем, как важно и воспитание и образование человеку в его будущей любой профессии.

Сохранённые духовные и нравственные ценности народа – это и есть культура. И роль книг в этом велика и неоспорима. Всем известно, что агрессор, готовясь к захвату, начинает с ...чего?.. правильно, мой юный читатель: с сжигания книг на кострах (как Гитлер), поджога библиотек или, как недавно в Ираке, сразу же – целенаправленной бомбёжкой национальной библиотеки государства-жертвы – уничтожения шумерских глиняных табличек (то есть древних книг), этих наидревнейших артефактов человеческой (Земной) цивилизации...Ещё изощрённее делают ныне новые варвары – создают книги (даже учебники), преднамеренно искажающие достоверную, фактическую историю. Искажают, чтобы в своих интересах сломать духовно-нравственный код народа, тем самым обессилить его и подчинить своей корысти.

Велика роль книги. Именно они дают человеку, особенно с детских, отроческих лет, возможность и самообразовывать и воспитывать себя. Но не каждая – важен выбор её. Только не ленись – читай! Полюби книгу.

Читающий человек попадает вместе с персонажем книги в разные обстоятельства. Невольно решая, как бы он поступил в тех же самых ситуациях, он вовлекается в творческий процесс, одновременно не просто образуя себя, а по-настоящему утончая чувства,

воспитываясь, расширяя своё сознание. И это притом, согласитесь, мой дорогой читатель: какое истинное наслаждение в промозглый осенний вечерок устроиться в уютном кресле под торшером и с превеликими удовольствиями погрузиться в «Сны поэта» Василия Фёдорова, или в мир пушкинских «Повестей Белкина», в «Письма к Луцилию» Сенеки, «Мифы народов мира», или в тревожные и сострадательные произведения Фёдора Достоевского, эпохальные страницы «Тихого Дона» Михаила Шолохова, или в «горячие» наисовременные произведения Александра Проханова...

Читая, человек совершенствует себя – в щедрости сердечной, в сострадании, в постижении мира и людей, в желании не разрушать, а созидать. А если иначе? Кто тогда наши недоработки в воспитании и образовании молодёжи будет оплачивать? Народ!

*Народ, извечный, как земля,
Кто б ни играл судьбой,
Все вековые векселя
Оплачены тобой.*

Так давным-давно точно подметил В.Д.Фёдоров.

Да, долгих полтора десятилетия Кузбасс не издавал В.Фёдорова. Но в других регионах и всяк его книги выходили в свет. Пусть и немного. Пусть очень малыми тиражами. Например, порадовалась я изданию в 2009 году Московской городской организацией Союза писателей России – «Василий Фёдоров. «По главной сути жизнь проста...».* Создатели книги представили творчество В.Д.Фёдорова во многих жанрах, добавив письма и воспоминания его коллег и родных.

Интересно в этой книге и вступительное слово Валентина Васильевича Сорокина. Он судьбой и творчеством тесно связан с Василием Дмитриевичем, и здесь он, как всегда, точно, весомо и образно пишет. Не могу побороть, мой дорогой читатель, желания

* Василий Фёдоров. «По главной сути жизнь проста...». /Стихотворения, проза, статьи, очерки, письма, воспоминания. Редактор-составитель В.М.Рахманов, вступ. слово – В.В.Сорокин. Московская городская организация Союза писателей России, 2009 г., 430 с., 5 000экз.

привести здесь для вас завершающие это вступление его строки:

«Сибирь – крепкий, суровый и красивый край. И присылает она в Москву поэтов равных себе. Василий Фёдоров был поэтом страстным. Он сумел охватить взором и сердцем нашу историю, разобраться в ней и сказать о своём честном поколении, о своём ветровом времени.

... Я не могу представить Василия Фёдорова просто: он – в огне, в движениях облаков, в свисте и грохоте серебряных машин. Он всегда будет созвучен эпохе, как музыкант, как скульптор, как мудрец. Я встретил его – молодого и храброго, а проводил в последний путь – старого и усталого от работы. А работа им сделана и оставлена потомкам большая... Сразу, сегодня, нам и не определить её удельного веса».

ТРОЕКНИЖИЕ

Всё беру
С их настроем!
Пусть, кого ни увижу я,
Обернётся героем
Моего троекнижия.

*В. Фёдоров,
«В небесах не витаю...»*

Декабрь 2012 года. Неожиданно получаю в подарок новое издание произведений В. Фёдорова – троекнижие, общим объёмом в 977 страниц! А знаете ли вы, мой уважаемый читатель: кто автор идеи? кто организовал издание? какими судьбами оно осуществилось?..

Кто же генератор этой идеи, кто напитал её энергией для издательского воплощения? кузбассовец? сибиряк? Нет, это житель Нижнего Новгорода. Почему не земляк поэта? – искала я для себя ответ. – Почему именно из приволжского города? – задаюсь вопросом, зная, что ничего нет случайного в мире нашем.

Разгадку подсказал сам поэт. Помните, дорогой мой читатель-

Слева направо: Галина Ивановна Карпова, Александр Анатольевич Кочетков и заведующая марьевским музеем в 1997-2005гг. Нина Ивановна Витошкина

книголюб, его стихотворение «Корни»? Да, да, вы правы, в нём прадед поэта Левонтий (Леонтий) «ходил по Волге с бечевою от верховья к Астрахани дальней...». Вот откуда, с Волги, прародины поэта и появился человек, который однажды, вроде бы случайно (конечно, не случайно!) прочёл стихи Василия Фёдорова и зажёгся от них Светом доброты и мудрости – Гармонии. Александр Анатольевич Кочетков. Он же – поэт Александр Северный, создатель страницы В.Д.Фёдорова на сайте «Стихи.ру».

Восхищаясь творчеством В.Фёдорова, составляя троекнижие, сумел разбудить нас, сибиряков, несколько задремавших в этом отношении. А возможно, сумел выявить то, что подспудно копилось в кузбассовцах – вызревшую в народе насущную потребность опереться на духовные достижения земляка-соотечественника.

И сибиряки подхватили его замысел, включились в энергию организованности. К нему, его Делу подключились люди нерав-

Марьевка. Фёдоровские чтения, слева директор Кемеровской областной научной библиотеки им. В.Д. Фёдорова – Вера Александровна Никулина

нодушные. И продолжилась работа, когда-то начатая в Кузбасе, но постепенно ослабевшая. Александр составил троекнижие В.Фёдорова: «Книга любви»; «Книга веры»; «Женидьба Дон-Жуана» и «Неоконченная книга души». Помогали подготовить текст к типографии А.С.Басалько и М.Б.Сорокина.

Понимая важность и необходимость духовного наследия поэта для молодёжи, для студенчества, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств Екатерина Леонидовна Кудрина, человек творческий и дальновидный, организовала издание.*

* Василий Фёдоров: «Книга любви», «Книга веры», «Женидьба Дон-Жуана», «Неоконченная книга души», сост. А.Северный, редактор А.С.Басалько, компьютер. вёрстка М.Б. Сорокиной, - Кемерово: Кемеровский госуниверситет культуры и искусств, 2012.- 977с., 500 экз. Чочетков Александр Анатольевич (А.Северный) – сопредседатель Комиссии по литературному наследию В.Д.Фёдорова.

Главный библиотекарь Кемеровской областной научной библиотеки им. В.Фёдорова, руководитель проектов «Литературная карта Кузбасса» и «Литературный туризм Кузбасса» Вера Ивановна Лаврушкина

В канун нового, 2013-го, года троекнижие вышло в свет. Мне нравится это давнее понятие «вышло в свет», не устану им восхищаться: оно многозначно, но главное – в свет человеческих душ. Произведения В. Фёдорова несут миру Свет. Несут через Слово.

Не потому ли одновременно с подготовкой этого издания стала активизироваться и д е я «чтений» в прямом значении этого слова. В её основе стала утверждаться и расширяться с и с т е м а.

Систему «чтений» активно, профессионально и с сердечной энергией проводят Кемеровский госуниверситет (Карпова Галина Ивановна – канд. филол. наук, доцент, факультет филологии и журналистики; Ходанен Людмила Алексеевна, профессор, академик международной славянской академии; Стеванович Светлана Васильевна – канд. филол. н., зам. декана; Лушникова Галина Игоревна – доктор филол. наук, зав кафедрой английской филологии; Никитина Галина Васильевна – зав гуманитарно-просветильным

отделом НБ КемГУ...); Кемеровский госуниверситет культуры и искусств – его ректор Екатерина Леонидовна Кудрина с коллегами; Кемеровская областная научная библиотека имени В.Д.Фёдорова,* Кемеровская областная библиотека для детей и юношества; словесники гимназий и школ области...

Власти, одобрив, дополняют своей заботой все мероприятия. А их немало.

Так же, совместно, был проведён в несколько этапов конкурс чтецов в рамках областного молодёжного конкурса научного и литературно-художественного творчества «Праздник Фёдоровской поэзии». (Кстати, похоже, что начитают срашиваться обе формы – праздник и чтения; праздник уже не один день, а целый учебный год; а «чтения», не теряя формы своей, становятся праздником. Отлично!) Была я на предпоследнем этапе конкурса 29 октября 2013 г. - выступили 68 конкурсантов гимназий, лицеев, школ, вузов – из кузбасских городов и посёлков. КемГУ культуры и искусств проводил уже заключительный этап. Слушала я выступления лучших чтецов и мысленно видела их выступающими на предстоящем празднике Фёдорова в Марьевке. Такой праздник состоялся в Марьевке весной 2015 года. Не рассказать о нём довольно подробно я не могу, так как видится в нём начало великолепной перспективной традиции, и потому в уже завершённую в 2014 году эту рукопись я, дорогой мой читатель, решаюсь сделать вставку об этом событии:

* * *

Мы спорили о смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
– Я за искусство левое. А ты?
– За левое... Но не левее сердца.

В.Фёдоров

* Здесь и далее данные званий и должностей, наименования вузов даны – на 2013 г.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ
С «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТОЙ» —
В МАРЬЕВКЕ

Тихое воскресное утро.

Лёгкий ветерок едва колышет молодую листву. Неяркое солнце, сквозь дымку, пробуждает кемеровчан... Наш автобус мягко, бесшумно трогается в путь. По нему когда-то, в предчувствии встречи с родной стороной, ежегодно ездил и поэт. По нему позже, чаще всего в августе, — гости Фёдоровских чтений.

Сегодня, 17 мая 2015 года, едем мы в Марьевку. Кто-то из нас бывал там неоднократно, кто-то — впервые. Инициатором и организатором проекта — открыть Год литературы концертом и награждением победителей конкурсов чтецов и авторов художественных переводов именно в Марьевке — является «Российская газета» в лице её прекрасных представителей: редактора «Российской газеты» в Новосибирске Нины Витальевны Рузановой, маркетолога Елены Вишняковой, корреспондента по Кемеровской области Юлии Потаповой и представителя газеты тоже по Кемеровской области Тамары Ступиной. Мне нравится новизна их творческого проекта: именно в Марьевке завершить конкурс чтецов и авторов художественных переводов произведений В. Фёдорова. Да, это ново, но и сами эти конкурсы имеют пока недолгую историю.

Экскурсия по дому-усадьбе и музею, сама марьевская природа, мелодии неба, земли и водной стихии Кайдора, родника, Яиреченьки настраивали собравшихся на поэтический лад, включали в душевно-духовный мир Поэта.

Душевным приветствием Юлия Геннадьевна Потапова открывает концертную программу и награждение двенадцати победителей конкурсов.

И совершенно естественно в эти майские дни 70-летия Великой Победы вначале прозвучала песня «Друг мой фронтовой» (сл. Ивана Балибалова) в исполнении Виктора Егорова, а затем и стихотво-

рение В.Фёдорова «Письмо солдата». На сцене, сменяя друг друга, выступают победители конкурса чтецов и переводов: студент Кирилл Заводовский – «Письмо солдата»; ученица школы №8 г.Топки Екатерина Оленникова – «Любовь и хлеб»; студентка Арина Галямова – фрагмент поэмы «Далёкая»; студентка Екатерина Червова – «Бессонница»; студентка Виктория Матяж – «Мир дремучий, мир такой горячий...». И победители конкурса художественного перевода. Стихотворение «Любовь мне – как блистание...» звучит не только на русском языке в музыкальном исполнении Виктора Егорова, но и на китайском в переводе студентом Китайского университета коммуникаций (г. Пекин) – Ли Ао. Свой перевод на чешский представили студентки Ульяна Бродецкая и Анастасия Кузнецова. «Жизнь поэта» перевёл на таджикский студент Шохрух Кенжаев, а Роберт Аракелов на казахский – стихотворение «Мой друг, вгоняй в строку...». На сербском языке представили студентки Ангелина Кожанова – «И мороз, и снег...» и Татьяна Анисимова – «По главной сути...».

Университетскую интернациональную часть программы сменяют ученики марьевской школы Егор Савин, Полина Бочкова, ученицы Яйской школы №1 Ксения Борзенкова и Виктория Павлова, молодые литераторы клуба «Ижморские искорки» (руководитель – поэт Михаил Шеховцов)...Завершает концерт вокальное трио марьевцев (Марина Савина, Людмила Куралова, Иван Волчков) песней Вячеслава Позднякова «Марьевские зорьки» на стихи Василия Фёдорова. Участники праздника благодарят представителей «Российской газеты» и надеются на совместное осуществление творческих проектов к 100-летию Василия Фёдорова.

Я не могу, к сожалению, упомянуть здесь всех причастных к системе Фёдоровских чтений, но отраднo, что система эта не только углубляется в тему, но и начинает шириться – географически.

Системная работа уже даёт и свои плоды. Появились хорошие студенческие курсы, профессионально подрастают на конкурсах разного уровня чтецы, нарастает количество переводов произ-

ведений В.Фёдорова на иностранные языки... Это – зримая часть системы «чтений». А разве можно учесть главное – невидимый результат приобщения юных к истинному искусству, его красоте, одухотворённости, мудрости!..

Отраднo, что наступил новый этап познания народом ценнейшего вклада Поэта в национальную сокровищницу культуры – этап научный. (И лучшие научные работы «по Фёдорову» надо бы опубликовать в отдельных сборниках или хотя бы в журнале «Огни Кузбасса» под постоянной рубрикой.)

Отраднo и недавнее учреждение, наконец, Всероссийской общенациональной премии имени первого редактора «Литературной газеты», друга Александра Пушкина – Антона Дельвига: «Золотой Дельвиг». Девиз премии – «За верность Слову и Отечеству». Этому девизу всегда следовал в жизни, в творчестве и выдающийся русский поэт Василий Фёдоров.

ЗАВЕТ

Однажды, в начале 90-ых, Лариса Фёдоровна спросила меня:

– Вот ты, Томочка, так много телепередач с Василием Дмитриевичем сделала, сценарии телефильмов с ним и о нём, публиковала о нём статьи, составляла его сборники...

Скажи, *из всего его духовного наследия что можешь обозначить в одном, на твой взгляд, единственно важном понятии?*

– Вот это-то и трудно – в одном, единственном... Творчество Василия Фёдорова охватывает так много важного... Нет, Лариса Фёдоровна, не смогу... Думаю, что главный его завет дан им самим – точно и лаконично:

«Чувства добрые свои возвышайте до Любви...».

– А если подробнее.

– В этих строках обозначена, по-моему, не только цель для человека – совершенствование себя до *Любви Благодатной*. Но и путь для её достижения указан: *Возвышайте...*

ПОЭМА «РОССИЯ»

Наши сроки межзвёздные кратки:
Там минута – здесь жизнь.

В. Фёдоров

402

Говорят, что по Космическому времени жизнь человека продолжается одну-две секунды, несколько мгновений (если, считается: одно мгновение равно одной двадцатой секунды). Так мало... А как много сделано Василием Фёдоровым во Благо человека!

И всегда он в творчестве шёл по главной сути, и основным его чувством было чувство Любви к человеку. Вот почему в замысле его была поэма «Человек». И поэма «Россия».

У В.Фёдорова нет поэмы под названием «Человек»*. Нет поэмы под названием «Россия». Но если мы мысленным и сердечным взором окинем его творчество, то увидим, что жизнь его была страстным и честным служением человеку, а все его произведения слагаются в прекрасную поэму – «Россия».

Русь...Россия...

Советский Союз...Сибирь... Кузбасс...Марьевка...

Когда-то прадеды поэта переселились с Поволжья на эти сибирские земли. Корчевали тайгу...Распахивали целину...Строили дома...Растили детишек...Трудами своими – духовными и физическими – закладывали в будущие поколения душевную силу и любовь к Отчизне.

Поэт Василий Фёдоров...Его родительская семья, его собственная семья принадлежат к удивительному поколению русских людей, поколению, на долю которого выпали немалые испытания.

Детством, юностью, молодостью прикоснулось оно к великой битве за Родину. Высокая устремлённость к Победе объединила всех в едином патриотическом чувстве. Оно и стало опорой для созидательного труда миллионов энтузиастов послевоенного возрождения страны.

* Есть стихотворение «Человек» («Природа не очень спешила...»).

Прошли годы... В памяти они остались светлыми, радостными, окрылёнными. Общий настрой народа был такой – устремлённый в будущее, уверенный в государственной защите, в постоянном улучшении жизни – для себя, для детей, для внуков.

И не только на материальном, бытовом уровне – в духе и жизни народ чувствовал себя молодым. И это – самое важное.

Потому-то и какие-либо недочёты, так называемые недостатки, воспринимались как временные упущения, ухабы на правильном, справедливом пути – естественные при любом развороте большого Общего Дела.

За краткий послевоенный срок народ поднял из руин страну, возродил, отстроил города и сёла, построил новые. Одновременно послал миллионы учиться – в вузы, техникумы, профессиональные технические училища, организовал сотни научно-исследовательских институтов, целые Академгородки, создал классические произведения в искусстве. Поднял знания, науку на достойную высоту и обозначил их как желанную государством цель для молодёжи.

А в 1961 году, всего через полтора десятилетия после столь разрушительной войны 1941–1945 годов, наш Советский Союз сумел первым в мире осуществить полёт человека в Космосе – открыл Космическую Эру Человечества!

Поэт принадлежит к поколению победителей, всё преодолевших. К поколению созидателей, вновь и вновь после оборонительных войн возрождающих Россию-матушку. Это поколение – поколение Великой Памяти в Истории. Оно обладало высоким чувством Любви к Отчизне и Ответственности за неё. Эти же чувства были главными в личности и творчестве Василия Фёдорова.

*До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звёзд, набежавших из ночи,
На стальном я летел корабле.*

*Наши сроки межзвёздные кратки:
Там минута – здесь жизнь.
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забежал я на землю твою.*

*Забежал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.*

*А меня уже –
Ты ведь не слышишь –
Мой корабль отдохнувший зовёт;
Тише ветра,
Дыхания тише
Он сигналы свои подаёт.*

*И хочу я,
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.*

В. Фёдоров

СЛОВО О ВИКТОРЕ БАЯНОВЕ

Виктор Баянов...
наш сибиряк, поэт.
В. Фёдоров

406

К поколению Василия Фёдорова принадлежит и его современник – Виктор Михайлович Баянов (1934 – 2011гг.), хороший русский человек, талантливый поэт.

Пока работала над рукописью этой книги, во мне настойчиво возникала мысль о необходимости включения в неё «Слова о Викторе Баянове». Почему? – задавалась я вопросом. Почему? – может спросить меня и мой принципиальный читатель. А вот не знаю – почему? Много раз отказывалась от этой мысли, но она вновь и вновь возникала во мне. Я, конечно, могла написать о В.Баянове и отдельно опубликовать, хотя и не планировала.

Но, странное дело, желание включить «Слово о Викторе Баянове» возникало лишь при воспоминании о Фёдоровых или прикосновении к страницам о них...

Решила: наверное, потому, что самое тёплое, самое душевное отношение супругов Фёдоровых было к нему. Они неизменно интересовались им и в Москве, и в Кемерове, и в Марьевке... Всегда были рады видеть его, беседовать с ним, говорить о нём. Всегда, по приезду в Кемерово, придя к нам в квартиру для встречи с кемеровчанами, Василий Дмитриевич спрашивал:

– А будет ли сегодня наш сибиряк...поэт...Виктор Баянов?

Когда летом 1983 года Василий Дмитриевич узнал от Ларисы Фёдоровны, что я «уговариваю Виктора Баянова сделать юбилейный сборник», попросил меня обязательно его потом, по выходе в свет, прислать ему.

«Ну и что? Это не аргумент для включения, – сказала я себе, отказываясь от своей настойчивой идеи. – Да и рукопись уже завершена». Но...

28 мая 2014 года. Библиотека имени В.М. Баянова на его родине, в г.Топки Кемеровской области. Коллектив библиотеки во главе с директором Елоновой Любовью Михайловной блестяще организовал научно-практическую конференцию «Виктор Баянов и поэты его круга» – для руководителей библиотек.

Содержание конференции полностью соответствовало её наименованию «научно-практическая»: доклады, выставки, подготовленный к конференции печатный материал – всё на добротном профессиональном уровне, всё погружало собравшихся в особую, поэтическую, сферу...

Может, поэтому в какие-то моменты я ловила себя на чувстве присутствия в библиотеке Василия Дмитриевича; да, я верю в неслучайность... возможность этого на ментальном плане. Как и в единство двух реальностей, о которых так великолепно рассказал В.Фёдоров в «Снах поэта»... И потому решаюсь включить в эту рукопись «Слово о Викторе Баянове», включить именно тот текст, который мог бы прочесть Василий Дмитриевич в мае 1984 года, когда вышел в свет «Зазимок» В.Баянова с моим послесловием.

Библиотека им. В.М. Баянова. Научно-практическая конференция к 80-летию Виктора Баянова. г. Топки Кемеровской области, 28 мая 2014г. 1-й ряд 2-я слева Елонова Любовь Михайловна

Июль 1983г. 50-летие В.М. Баянова

«Иду, спешу к заветным вехам...»

«Пшеничным полем бежали белоногие околки... Небо мягко голубело, умытое солнцем. Высокая прядка перистого облака висела недвижно. И не только виделась, но и чувствовалась сбивающая дыхание огромность неба».

Эти строки из повести Виктора Баянова «Не красным летом» как нельзя лучше характеризуют раннее июльское утро, когда мы вместе с ним ехали из Кемерово в сторону станции Топки, от которой, если по прямой, в трёх верстах – Дедюево, коренное сибирское село, его родина.

Здесь он родился, 10 июля 1934 года. Здесь он рос, набирался духовной и душевной энергии, здесь он учился красоте и доброте, здесь закладывалось его поэтическое мироощущение.

Дорога от разъезда круто забирает влево, мягко огибает лесистый холм, и вот уже восходящее солнце, растапливая утреннюю

*В центре Виктор Михайлович Баянов,
справа: С. Донбай, В. Мазаев;
слева: В. Кравчук, Т. Махалова. с. Сrostки, 1980 годы*

туманную дымку, освещает всю деревню...

Сам поэт в это утро виделся нам совсем юным. Видимо, воспоминания о детстве и юности придавали ещё больше, чем обычно, обаяния его улыбке, зажигая зеленоватый свет в его серо-голубых глазах, усиливали интонационную особинку речи. А мы...слушали...

«...Вон там, внизу, по левую руку голубеет непроходимое коноплянище вперемешку с полынью. Не паханое, не сеяное, само поднялось на брошенном поле. Надёргаем конопли, завернём сноп в дерюжку и ну плясать на ней, а то и палкой дубасить, потом отведем на ветру мякину и похрустываем конопляными семечками, забрасывая их в рот горстками – сытно, вкусно.

...А по правую руку – Цыганское болото, оно и не болото вовсе, а так, согорка небольшая, там, на виду у всей деревни, любили останавливаться цыгане...»

Вдали, на пригорке справа, небольшая купа деревьев – кладби-

*Фёдоровский чтения - 2001 г., 2-й справа Виктор Михайлович Баянов,
3-й – Владимир Фёдорович Матвеев*

ще, здесь покоятся его мама Мария Сергеевна, деды, бабушки.

Едем дальше. Справа река, слева на пригорке стояла когда-то родительская изба...Река Камышанка была тогда полноводной, пили из неё воду, зимой для этого делали прорубь. А омут какой был! Глубокий и чистый: посмотришь в него – виден до дна, так прозрачна была водица.

Прямо за омутом – лесистый яр. Казался тогда дремучей тайгой, через него всю войну бегал с дружкой к мамке на свиноферму. Отец же его, Михаил Давыдович, был тогда ветеринаром-практиком, лечил скотину ещё до войны, до призыва в армию, в трудное время становления колхоза...

Восточная сторона яра полого спускается к реке, зимой здесь с ребятами – на лыжах, чаще самодельных, летом здесь радовали ребятяшек своими подарками земляничные поляны.

Вдали, в стороне солнца, смутно видны очертания зерносушилки. Макушка лета...цветёт душица...ромашки...вверх по яру лег-

ко шумят берёзы...у реки в солнечно-туманном мареве пасутся кони...Тихо...

Мы молча всматриваемся в дали, и каждый думает, наверное, о своём, а во мне звучат строки поэта, которые запомнились с давних пор: «Я пил прохладный сок берёзы в старинных русских тусах. И оттого мой чуб белёсый и зелень лёгкая в глазах. И вот теперь, большой и рослый, я вижу, что неотделим от этой тёплой, этой рослой, от русской утренней земли».

* * *

Неотделимость от родной земли, родной страны и своего народа – вот та первооснова и то первородство, с которых начинается поэт, которые питают его творчество, помогают накапливать свет гуманного идеала.

Судьба Виктора Баянова во многом характерна для его поколения. Деревенское детство, пришедшееся на предвоенные годы, отрочество, опалённое Великой Отечественной, профтехучилище (железнодорожное, в Топках), служба в Советской Армии, работа машинистом – отличный труд, отмеченный орденами «Знак Почёта» и «Дружба народов», неоднократным избранием депутатом в районный и городской Советы.

И...поэзия!

Первые стихотворные пробы ещё в школе, первые публикации – в армейской газете, первый поэтический сборник – в двадцать девять лет в Кемеровском книжном издательстве. В тридцать один год он – член Союза писателей СССР.

Истоки его поэзии по-настоящему народны и глубоко национальны. И не потому ли основные темы его произведений – Россия, её природа и люди. Поэт смотрит на мир глазами русского человека, доброго и бескорыстного работника на своей земле.

Земля даёт человеку нравственную силу, доброту и душевную красоту – всё это сердцем ощущаешь, читая стихи Баянова, входя в целостный мир его восприятия жизни.

Радость видеть и понимать – это высокий дар человека. Спо-

способность изумляться, умение полно и точно передать свои мысли и чувства в слове – это уже подлинное поэтическое дарование.

С первых опубликованных стихотворений Баянова ясно проявились внутренняя мелодика и лирическая направленность таланта, во многом роднящие его поэзию с поэзией Алексея Кольцова, Сергея Есенина...

* * *

Природа в поэзии Баянова – гармоничное и прекрасное целое, очень сильно и всесторонне воздействующее на человека. Причём человек этот органично и совершенно естественно входит в природу, принимает её и учится у неё – живёт в ней.

Правда, в самых ранних стихах природа предстаёт часто лишь как экспозиция к последующему действию, мало связанная с ним. («Весеннее», «Я видел журавлей косяк...»), иногда как фон для авторской декларации, передающей лишь утилитарное, потребительское отношение к природе. Таково, к примеру, стихотворение «В стороне от проезжих дорог...» (1959г.).

Но вот уже через год в стихотворении «Весна на станции» чувствуется стремление, пусть даже немного по-ученически прямолинейное, выявить неразъединимость человека и природы в более сложных связях... И один лишь запах сосны или берёзы оживляет в коротком стихе светофоры, виадук... – всю железнодорожную ветку и лица рабочих, заставляет нас поверить: пришла весна.

В этом отношении стихотворение это можно считать поворотным. В последующих – ещё пристальней поэтический взгляд в природу и сложное сопоставление с человеком. Всё чаще появляется в его поэзии так называемый приём параллелизма, характерный для русского фольклора, но проявляется он пока в основном в двухстрочных концовках: две последние строчки сопоставляют развёрнутую выше картину природы с жизнью человека.

В дальнейшем взаимопроникновение и взаимосвязанность человека и природы становятся в стихах Баянова естественными и гармоничными, ощущение параллелизма как приёма исчезает. Стихотворения пишутся так, что жизненный вывод для себя чи-

татель может сделать из одного лишь пейзажа, как, например, в стихотворениях «Берега», «Там, где воды и ветра сшибка...».

Заметно присутствие в поэзии Баянова элемента сказочности, это идёт, безусловно, от умения удивляться миру. Одновременно происходит одушевление и даже олицетворение природы. И в прямом обращении, например, к реке: «Ты себя не берегла, ленью не позорилась», и в рассказе о водопаде, как о человеке, учившем людей правильным с о ц и а л ь н ы м отношениям: «...Я за то люблю его как друга, что, стараясь шёпот заглушить, он учил меня и всю округу только в полный голос говорить...».

Весна у Баянова предстаёт в облике женщины, которая шла рядом, отстала, смотрит из-под руки («Пусть вокруг листва, трава...»). Если появляется пейзаж как таковой, то уже в качестве активной составной части сюжета, влияющей на основное действие («Мы шли таёжною тропой...»).

Всё глубже и разностороннее становится поэтическое сравнение природного и человеческого – «...на тракт далёкий смотрят избы-вдовы в повязанных шалашиком платках».

Иногда критика упрекала Баянова в частом повторении синего цвета. Что ж, действительно: синий господствует в его поэзии. Синий воздух; синий омут; голубеющие излучки; голубое литое обводье; синее небо; синь-перо; синие глаза; синие ветры; синее озеро; «синей, ясней небесная полуда». И даже: «Я под пройденным и пережитым подведу голубую черту».

Но ведь пристрастие поэта к определённым цветам вовсе не случайно и, безусловно, заложено в нём с детства.

Синева озёр, глаз, неба для русского человека – триединство мира. Срединное, человеческое (глаза) фиксирует на себе природное: и материальное (озёра) и духовное (небо).

Не в этом ли во всём разгадка баяновского синего?! И мне тоже нравится, что небо... вода и глаза – синие, и в самом синем цветосвете для меня, например, тоже есть какая-то несказанная тайна...

Главенствующий синий цвет совершенно естественно сопрягается в поэзии Баянова с другими акварельными красками – рябиновым, багряным, зелёным, золотым. Но иногда акварель пре-

красно оттеняется чеканной графикой вечернего пейзажа: «Время зорьки вечерней, время длинных теней, что вчеканились чернью в позолоту полей».

Природа родины... Основа жизни... Всё сильное, всё светлое, всё чистое – от неё. Для поэта она – постоянный исток вдохновения. Отношение человека к природе определяет чуткость или глухоту его к добру и злу, альтруизм или эгоизм его личности, а в конечном счёте – гармонию или дисгармонию его с миром.

* * *

*Теперь не знаю – в шесть ли, в семь ли,
А может быть, чуть-чуть поздней,
Я полюбил вот эту землю
И всё цветущее на ней.
Иные равнодушны к рощам,
А мне бы снова в дебри те,
Где я учился, между прочим,
И красоте и доброте.
Я пил прохладный сок берёзы
В старинных русских тусах,
И оттого мой чуб – белёсый
И зелень лёгкая в глазах.
И вот теперь, большой и рослый,
Я вижу, что неотделим
От этой тёплой, этой росной
От русской утренней земли,
Где молодое сено косят,
Где ветка каждая цветёт...
Земля моя меня не бросит
И никогда не подведёт.*

В. Баянов

* * *

Пейзаж потерял бы половину своей красоты, если бы в нём не присутствовали люди во всей конкретности человеческого образа и действия. Старики, женщины, подростки, плотники, пахари, машинисты... О них поэт пишет с любовью и пониманием – сопричастностью сердца людскому горю и радости. Вот стихи о старею-

щей матери, о дедушке Игнате – бескорыстном мастере, о тружениках стеклодувах, о швеях- мастерицах, о любимой женщине...

Если задаться целью определить одним словом мироощущение поэта, то это – ч и с т о т а.

Нравственная чистота мыслей, чувств, деяний.

Это и светлая печаль при воспоминании о матери («Устав от ветровых погудок...»).

Это и ощущение защищённости, точно выраженное фразой, ставшей крылатой: «Земля моя меня не бросит и никогда не подведёт».

И обжигающее ощущение несправедливости и чувство ответственности («В двенадцать лет мальчишкам редко...»).

И сопряжённость своей жизни с историческими событиями прошлого.

Чистое и трепетное отношение к женщине вообще и к любимой в частности.

И «свет печали лёгкой» в предощущении одиночества, которое, видимо, посещает всех в определённом возрасте («В чистом поле...»).

Это и преемственность нравственного идеала и профессионального умения («Машинист Иван Петрович»).

Это – уважение и глубокая благодарность, низкий поклон родной избе.

И мучительные поиски смысла и счастья в жизни.

И многое-многое другое из биографии поэтической души нас лишь потому убеждает, что прикоснулся к этим темам истинный талант. Но и художественной правды, истины без мастерства тоже не бывает.

Осознание поэтом всей полноты своих связей – национальных, народных, социальных – определяет степень гражданственности его поэзии. Казалось бы, в поэзии Баянова все приметы тридцатых-пятидесятых годов, вроде бы он почти не задел современность. Но в чём же она у него?

Неважно, на каком временном материале решает поэт (сознательно или интуитивно) сверхзадачу искусства. *Баянов вернулся в «юность, чуточку скорбя, чтобы оттуда чисто и пристрастно взглянуть на жизнь и оглядеть себя».* Ведь социально-нравственная модель мира как чувство целого формировалось в нём именно в те годы, озарённые патриотическим чувством Великой Отечественной и энтузиазмом возрождения страны.

В последние времена мы стали свидетелями некоторого (мягко говоря) пренебрежения вечными истинами: честь, совесть, доброта уже будто бы не в моде, уже какая-то часть общества считает бескорыстие чудательством, почти что глупостью. Но...одновременно с этим «пенным», поверхностным течением к расчётливости, бездушному практицизму усиливается глубинное народное стремление к исконному, истинному – жить по совести.

Именно это стремление освещает лучшие стихи Баянова. Потому что вечные истины: совесть, честь, доброта, справедливость – никогда не стареют и в наше время обретают всё большую значимость. Разве не современны, к примеру, его лирические стихи о красоте взаимоотношений людей – при некотором, наблюдаемом сейчас понижении культуры чувств?!

* * *

День клонился к вечеру...

Мы ехали по старой деревенской улице. Уже стали смутными вдали берёзовый яр, земляничные холмы и пригорок, на котором когда-то стоял дом Баяновых...

Вот переехали речку, дорога пошла в гору... Поэт остался в родной деревне, которую он всегда считал хранильницей истин.

Весомых – как хлеба колос.

Ясных – как душа мастера.

Чистых – как совесть.

... Чем ближе мы подъезжали к городу, тем острее и современнее воспринималось сказанное поэтом – и этим стихотворением и всем творчеством.

* * *

*Ах, что со мною, что со мною?
Мой быт – не ягода с куста.
Нет-нет, да за моей спиной
Шепнут: «Святая простота».
Бывает, встретят и похвалят,
И за меня поднимут тост.
Но тут же тоненько ужасят:
Мол, не поймёт – уж больно прост.
Всему с улыбкою внимаю,
Молчанье трезвое храня,
Хоть их, быть может, понимаю
Поглубже, чем они меня.
Иду, спешу к заветным вехам.
Слова чужие бьют, как нож:
«Когда ты станешь человеком
И простоту в себе убьёшь?»
Я не шумлю, я не лютую.
А в думах трудное, своё -
Не как убить её, святую,
А как бы с о х р а н и т ь её.*

В.Баянов

БЛАГОДАРНОСТЬ

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫМ УЧАСТНИКАМ

«Народного проекта»

превращения рукописи в книгу

о выдающемся Поэте-кемеровчанине

ВАСИЛИИ ФЁДОРОВЕ

Издание к 100-летию Поэта осуществлено при благотворительной финансовой поддержке общественных организаций, учреждений, частных лиц:

Администрация г. Кемерово (глава города Илья Владимирович Середюк), Кемеровская епархия РПЦ (митрополит Аристарх), Союз писателей Кузбасса (Борис Васильевич Бурмистров), Александр Викторович Шунков (Кемеровский государственный институт культуры), Кемеровский государственный университет (Александр Юрьевич Просеков), ОАО «Кузбассгипрошахт» (Виктор Николаевич Каталицкий), Архивное управление Кемеровской области (Сергей Никандрович Добрыдин), ГКУ «Государственный архив Кемеровской области» (Людмила Ивановна Сапурина), НИИ КПССЗ (Ольга Леонидовна Барбараш), Общественная палата Кемеровской области (Ирина Николаевна Рондик), УК «Сибирская горно-металлургическая компания» (Александр Владимирович Рыбкин), «Гарант+» (Константин Львович Матюхин), Владимир Иосифович Юдельсон (Музыкальный театр Кузбасса), литературная студия «Родники Сибири» (Наталья Аркадьевна Гордок), ИФИЯМ КемГУ (Лидия Густовна Ким), кафедра менеджмента КемГУ (Елена Алексеевна Морозова), фотосалон «Глянец» (Наталья Александровна Макина). Благотворителями выступили также сотрудники библиотек: Вера Ивановна Лаврушкина, Вера Ниловна Козленко, Вера Александровна Никулина – (КемОНБ им. В.Д. Фёдорова), Ольга Николаевна Старинчикова, Ирина Александровна Новикова – (Кемеровская областная библиотека для детей и юноше-

ства), Екатерина Ивановна Тюшина (Центральная детская библиотека им. А.М. Береснева), Татьяна Сергеевна Арышева (Яйская СОШ №2), Нина Михайловна Инякина (г.Кемерово); преподаватели: Галина Ивановна Карпова, Виктор Афанасьевич Коноплёв, Людмила Алексеевна Ходанен – (КемГУ), Ирина Александровна Ганиева (КГСИ), Светлана Леонтьевна Старовойтова (гимназия № 25), Раиса Семёновна Воропаева (Улановская ООШ Яйского района), Татьяна Александровна Горохова (г. Топки); жители г. Кемерово: Леонид Васильевич Иванов, Наталья Сергеевна Лященко, Елена Львовна Малиничева, Светлана Анатольевна Мишина, Сергей Андреевич Паскидов, Ильгизар Хамитович Ягфаров (координатор «Народного проекта»); мастер металлопластики Владимир Емельянович Свистунов (с. Бекет Яйского района); руководитель студии «Ижморские искорки» Михаил Николаевич Шеховцов (пгт.Ижморский); модератор страницы В. Д. Фёдорова на сайте Стихи.ру Александр Анатольевич Кочетков (г. Нижний Новгород); поэт-песенник Михаил Васильевич Андреев (г. Томск); Евгений Федорович Вайман (Кемеровский областной клинический консультативно-диагностический центр).

*Здравия всем
духовного, душевного, телесного!
На Общее Благо!*

Об авторе

Т. Махалова – член (с 1974г.) Союза журналистов СССР, ныне – России, обществ «Боевое братство» (РСВА), «Житель блокадного Ленинграда», родилась в Ленинграде, с медалью окончила 434 школу, филол. ф-т Ленгосуниверситета (ныне С.-Петербургский); 10 лет работала в учреждениях Ленинграда, 30 лет – редактором Кемеровск. книжн. изд-ва. Одновременно с 1974 по 1991 г. была автором и ведущей постоянных передач по искусству на Кемеровск. студии телевидения (ВГТРК); она – лауреат профессиональных областн., междунар., всероссийск. конкурсов; всегда вела и обществ. работу: в школе комсоргом, в университете – член профкома фак-та, участвовала в студенческих стройотрядах университета, за руководство двумя из них награждалась Почётными грамотами ЦК ВЛКСМ, в сборной университета защищала спортивную честь вуза; была членом Президиума правления Кемеровск. областн. отделения Всесоюзного об-ва книголюбов, участником его съезда; в книжном изд-ве – руководителем парторганизации, первичной журналистской организации. Много лет – внештатным инспектором Кемеровского областного исполкома.

420

*Не удивляйся,
Что умрёшь.
Дивись тому,
Что ты живёшь.*

*Дивись тому,
Что к сердцу близко
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.*

*Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных вех,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.*

*Мы – люди.
Нас легко обидеть.
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?*

*Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы люди,*

ДРУГУ

*Нас легко утешить
Напоминаям больших зол.*

*В любви,
В крови,
В огне боренья,
Со славой тех, кто первым пал,
Сменялись,
Гибли поколенья
За это всё, что ты застал.*

*Всё чудо:
Солнце, вёсны, зимы.
И звёзды, и трава, и лес.
Всё чудо!
И глаза любимой –
Две тайны
Двух земных чудес.*

*Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде всё одолевая
Прошёл все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.*

*Не удивляйся,
Что умрёшь.
Дивись тому,
Что ты живёшь.*

Содержание

ПОЭЗИЕЙ ПРИПИСАННЫЙ К ВЕКАМ

В.Фёдоров. «Ни в благодущии...».....	4
ПОЭТА ДАЛА МИРУ – РОССИЯ	8
Земная колыбель.....	8
Штрихи родословной.....	16
В.Фёдоров. «На родине моей...»	24
«Марьевка моя, моё убежище...»	29
И всё – чудо!	30
«Удивляться – мало. Надо видеть. Надо сердцем чувствовать и знать...»	37
Встреча с земляками.....	43
Поэт – это нервный центр мира	44
Поэзия – в Жизни. Жизнь – в Поэзии.....	49
Была у поэта особая вера в эту землю.....	54
В.Фёдоров. «По главной сути...».....	57

ВСЁ В ДУШЕ СОЕДИНЮ

Магнитное поле духовности.....	60
Василий Фёдоров: «У поэзии где человек – там и философия...»	71
Поэт и Мастер.....	74
Загадочное число «3», или Путешествие в Сибирскую Швейцарию.....	78
Баба Яга? Откуда?.....	81
Решение было спонтанным. Началась многоступенчатая дорога	83
Поезд на Таштагол. «Стиральная доска».....	85
Дом рыбака. Авантюрные соблазны.....	86
Беседы на веранде. «Фреска Ангела».....	90
Сила мысли и сердечного желания.....	103
Встречь Солнцу.....	104
Восторг возвращения.....	109
Как летний солнечный ветерок.....	112
Запечатлённые мгновения.....	121
Телефильм с участием Василия Дмитриевича «Здесь отчий дом».	135
2 июля. Едем в Марьевку!	143
Поэт примирился с неизбежным.....	148
Ошеломлённые прекрасной невероятностью.....	150
«На скамеечке». Ночной синхрон.....	151
Ваня.....	157
Прodelки Бабы Яги.....	158
Авторский вечер в филармонии	161
На сцене – Поэт	163
В банкетном зале. Портрет.....	167

Интервью.....	169
На следующий день.....	171
Лариса уехала – Назаркина гора осиротела. Иркутский сюрприз.....	173
Баба Яга не дремала.....	178
Дни советской литературы в Кузбассе.....	181
«Расскажи, расскажи, как там, в Сибири?».....	186
Томская писаница. д. Журавли.....	190
На смертной грани. Предсказание цыганки.....	195
Возвращение из больницы.....	201
«...от операции в Москве отказывается».....	206
Сон – предвестие?.....	208
«Согласится ли Герман написать наши портреты?».....	214
«Сосновый бор».....	218
В гостинице «Кузбасс».....	221
Прощальный вечер.....	227
День отъезда.....	230
Л.Фёдорова: «Одолела нас с Василием Дмитриевичем поэзия».....	234
В.Фёдорово. Время.....	238
Последний приезд на родину.....	239
«Всё ведь пишется в душе...».....	243
Наступил день отъезда в Марьевку.....	244
Это марьевское лето. Оберг.....	245
Флейта нереальности.....	247
В.Фёдоров: «Обязательно пришлите сборник Баянова».....	248
Но... приближались грозные события.....	253
Последняя встреча.....	254
Часы судьбы начали отсчёт последних дней Земной жизни поэта.....	257
Четверг... 19 апреля... 1984 год... Утро... Трагическое известие о Поэте	
Василии Фёдорове.....	262
«...людей, которые ушли от нас, я продолжаю видеть как живых».....	265

ПОД ЗАЩИТУ НАРОДА

В.Фёдоров. Сердца.....	270
Музей Василия Фёдорова в Марьевке. 7 декабря 1984 г.....	272
Весь Кузбасс вовлёкся в поэзию. Всероссийский праздник «Фёдоровские чтения». 1985 год.....	282
Телефильм «Его стихов высокий свет».....	285
Лариса: «Тома, бегу я по Арбату...».....	288
«А я своих чувствую – в Сибири. Как и Вася...».....	292
Книги... вышли в свет.....	293
«Дыхание земли родимой».....	294

Любовь Пудалова. «Чувство своего мира. О лирике В.Фёдорова»	295
Книги... вышли в свет после апреля 1984 года	297
Валентин Махалов. «Поэт Василий Фёдоров»	299
Василий Фёдоров. «Душа ещё полна заботы»	306
«Воспоминания о поэте Василии Фёдорове»	307
Василий Фёдоров. «И верою и правдою». Я верю в магию цифр и сроков. Бабочка	308
Василий Фёдоров. «Сны поэта»	310
1988 год Всероссийский праздник «Фёдоровские чтения»	315
Страна готовилась к 70-летию Поэта	315
Канун праздника. Съезжаются гости	317
23 февраля. Гостиница «Кузбасс». Вечер воспоминаний	318
Открытие мемориальной доски. Читательская конференция	320
Торжественный вечер в музыкальном театре	325
Марьевка ждала гостей. О чём предупреждал поэт	329
31 июля 1988г. Праздник поэзии Василия Фёдорова в Марьевке	332
Телефильм «Я душу распахну – входи!»	336
Немного о Поэте в живописи, графике, скульптуре	350
Идёт время...Фёдоровские чтения	360
1998 год. 80-летие Поэта. Девятый всероссийский праздник	364
Торжественный вечер в филармонии. Bravo!	364
Во Дворце культуры посёлка Кедровка	369
«...будет жить душа при том же добром деле»	370
Т.Махалова. «На родине поэта Василия Фёдорова»	377
Василий Фёдоров. «Судьба мне подарила Русь»	378
Фёдоровские чтения-1998г. в Марьевке. Судьбу свою связал с народною судьбою К 80-летию Василия Фёдорова	381
Третье тысячелетие новой эры. Фёдоровские чтения-2001	385
Письмо поэту Василию Фёдорову	385
Верность Слову и Отечеству	389
Чтения? Праздник?	389
Троекнижие	394
В.Фёдоров. «Мы спорили...»	399
Год литературы с «Российской газетой» – в Марьевке	399
Завет	401
Поэма «Россия»	402
Слово о Викторе Баянове «Иду, спешу к заветным вехам...»	408
В. Фёдоров. Другу	420

УДК 821.161.1.О-94
ББК 83.3 (2Рус-Рус)6-Фёдоров В.Д.
М36

Литературно-публицистическое издание

Тамара Ивановна Махалова

Только свет и слово

О поэте Василии Фёдорове

Воспоминания. Статьи

В авторской редакции, компьютерном наборе, корректуре.

Дизайн: *Василий Петрович Кравчук*

Компьютерная вёрстка: *Константин Владимирович Горюнов*

На обложке репродукция портрета В.Д.Фёдорова
работы художника Германа Порфирьевича Захарова

Издание иллюстрировали своими фотоработами Виктор Никифорович Грызыхин, Николай Георгиевич Кочнев, Юрий Яковлевич Светлаков, Роберт Яковлевич Цеттель, Владимир Павлович Надь, В.А.Колмогоров, В. Доманов, Дмитрий Фёдорович Худяков, И. Чирков, Анатолий Михайлович Арышев, Евгений Храпунов, Владимир Иванович Клещёв, Аня Алексеева...

Авторство некоторых фото не установлено.

Махалова Т.И.

М36 **Только Свет и Слово. О поэте Василии Фёдорове.**

Воспоминания. Дизайн В.П. Кравчука. Кемеровское отделение Союза писателей России, 2018 г., 424 с., илл., 500 экз

Книга воспоминаний о выдающемся русском поэте (1918 – 1984 гг.), лауреате Гос. премий СССР и России В. Д. Фёдорове.

Автора связывало с супругами Фёдоровыми многолетнее деловое и дружеское общение: Т. Махалова – автор и ведущая ежегодных телепередач с ними, сценарист телефильмов с В. Фёдоровым и о нём, автор статей, составитель и издатель его книг...

ISBN 978-5-85905-500-5

12+

УДК 821.161.1.О-94

ББК 83.3 (2Рус-Рус)6-Фёдоров В.Д.

Подписано к печати 7.01.2018. Формат 84x60 1/16.

Бумага мелованная, гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 26.

Издатель: Кемеровское отделение Союза писателей России,

г. Кемерово, 650000, пр. Советский, 40.

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ООО «Технопринт», 650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35А

© Махалова Т. И., текст, 2018

© Кравчук В.П., дизайн, 2018